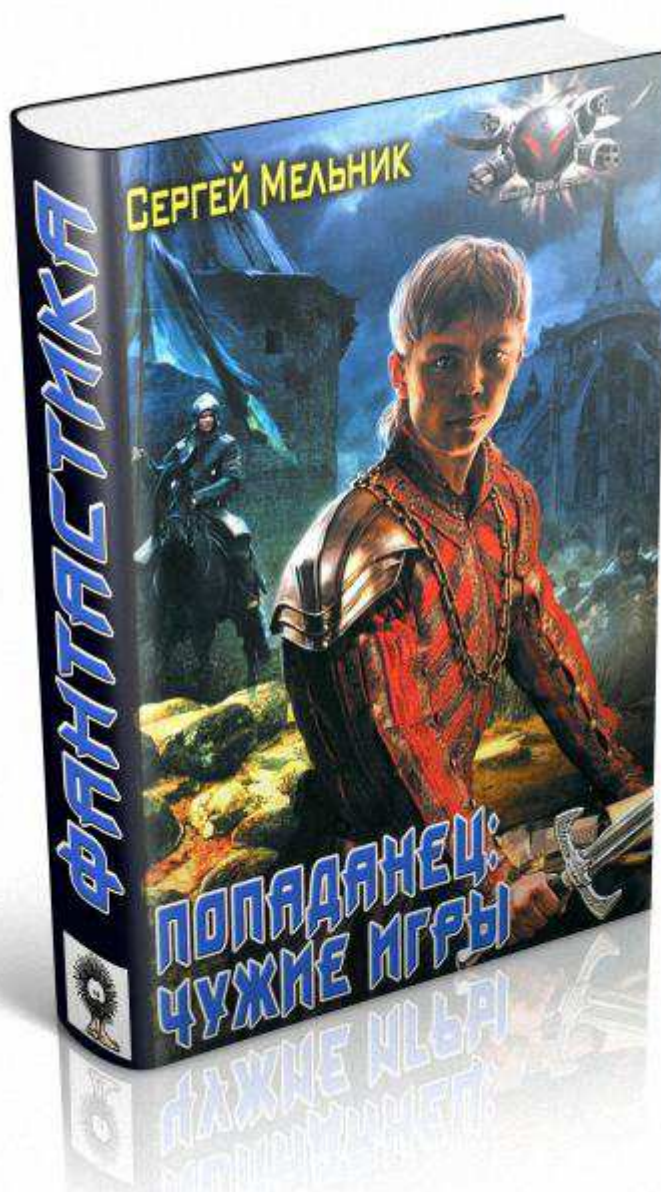

Сергей Мельник
Чужие игры

Попаданец – 3

«Попаданец: Чужие игры»: Ленинград; СПб.; 2014
ISBN 978-5-516-00238-0

Аннотация

Он остался один против целого мира, он потерял себя и близких, но когда над миром встает угроза глобальной войны, когда сильные мира сего в бессилии разводят руками, лишь один он, заклеянный клятвопреступник, способен остановить это безумие. Ничто не остановит барона Ульриха, когда вокруг идут чужие грязные игры, и пусть шпионы проникают во дворец короля, а злобные некроманты выпускают в мир могучего демона. Все это лишь очередной этап в жизни нашего героя, его путь и судьба, его нелегкая участь попаданца.

Сергей Мельник

ЧУЖИЕ ИГРЫ

Часть 1

ТАНЦУЮТ ВСЕ

Вот как-то удалось мне в жизни совместить две, казалось бы, несовместимые вещи. В частности, любовь и столь же яростную ненависть к дорогам. С одной стороны, есть, определенно есть что-то душещипательное в веренице пройденных километров и в чехарде уплывающих куда-то за спину деревьев. Что-то такое зыбко невесомое, что наводит на томительные думы и вроде как убаюкивающе раскрепощает тебя, заставляя успокоиться и смотреть трезво в будущее. Но как всегда в путешествиях, как это уже бывало, и не раз, в прошлом, все это возвышенное настроение разбивалось хрустальными осколками о суровую действительность банального комфорта.

— Ну что вы там, барон? Живы ли вы, мой юный друг? — Граф Десмос постучал своей тросточкой по разлапистой ели, под которой я в задумчивости и в тягостных трудах пытался справиться утренний туалет.

— Япона мать! Граф! — От его стука по стволу дерева миллиард капелек от ночного дождя, обильно засевших на ветвях, сорвались вниз леденящим душем на мое полуобнаженное, юное и еще не совсем оправившееся (от болезней) тело, заставляя подскочить на месте выше своего роста и преобильно коснуться темечком одной из ветвей. — ... вас... в... и!..

— Барон! Я вас умоляю, где ваши манеры? — Расплывшись в улыбке и вскинув бровь, остановил мои словоизлияния глава вампирского гнезда. — Сдержанней надо быть, сдержанней!

— Да идите вы знаете куда, граф? — Меня аж дрожь пробила, когда остатки капелек, упавших за шиворот, завершили свой путь по моему позвоночнику вниз.

— Куда, барон? — Паршивец даже не думал убрать свою мерзкую улыбочку.

— За сухой бумагой! — буркнул я, вновь присаживаясь под елочку. — Эту вы, сударь, привели в полную негодность, промочив окончательно!

Две с половиной недели... две с половиной недели мы шли, караваном растянувшись по дорогам, полям, лесам и весям Финора. И если первое время нам везло с солнечными деньками и ласковым солнышком, то вот уже четвертый день кряду осень заявляет свои права, укрывая все непроглядной марью тумана, мелкой взвесью всепроникающего моросящего дождя и тяжестью полновесных капель, барабанивших по настилам повозок с наступлением темноты.

Нет, не успели добраться до столицы до дождей. Поплыли дороги, разверзлись хляби небесные, и грязь и непролазная набросилась на нас, налипая не то что на колесный ход наших повозок, но даже лошадей заставляла с трудом выдерживать свои копыта из размякшей земли.

Теперь плетемся, не едем. Местами плывем, будем надеяться, что ползти на брюхе не придется.

По возвращению в лагерь я тут же плюхаюсь в инвалидное кресло, позволяя слугам укутать меня с головы до ног в теплые одеяла и подкатить к костру, где уже в спешном порядке накрывали утренний стол для завтрака моей персоны.

— Это ты там так орал? — вопросом встретила меня бабушка Априя, под хохот присоединившегося к нашему столу Десмоса. — Ты теперь каждое утро будешь оповещать лагерь о своем пробуждении и свершении естественных надобностей?

Что поделать, если мне все эти дождливые дни кто-то то и дело устраивал самое натуральное «западло» по утрам. Вспомнив вчерашний кошмар, я даже сейчас с ужасом

ощущаю, как мое сердцебиение подскакивает до немыслимых высот. Вы только представьте себе мое состояние, когда я вчера встал чуть свет и с горем пополам забрался в кусты, радостно так присел и только собрался расслабиться, как ощутил чье-то прикосновение к самому сокровенному, оттуда, снизу! Да-да! Только глаза ото сна продрал, стянул портки, присел, а тебя кто-то потрогал за... В общем, я своими криками разбудил всех, даже тех, кто еще спал на стоянке, лишь уже выскочив из «куширей» и набрав дополнительную порцию воздуха для крика, обнаружил своего обидчика.

Интеллигентнейшей души зверь, а именно один из лесных братьев на моем попечении. Енот Профессор изволили этим утром прогуливаться по лагерю, а, завидев мое странное поведение и непонятные «орешки», кои я до этого старательно скрывал от него, решил проверить ряд научных гипотез, зародившихся в его мозгу, путем банального тыканья лапкой в оные «орешки». Чем чуть не вызвал у меня инфаркт в мои неполные двенадцать лет.

Подонок.

Так ведь и зайкой можно стать.

Придерживаясь старинной мудрости, что утро добрым не бывает, не стал отвечать на подковырки и смешки Априи Хенгельман и Десмоса, а полностью погрузился в нирвану обжорства, подчищая все съестное со стола, что выставили для меня в походной скромности мои слуги. И если графа не очень прельщала еда простых смертных, то Хенгельман была вынуждена в скором времени попридержать язык, чтобы успеть с утра выхватить хоть что-то съестное из моих загребущих рук.

И снова дорога, снова ухабы и кочки, вновь серой стеной влажная пелена непрекращающегося мелкого дождя. Одно хорошо, это воздух осенью, в это время он особенный, уже холодненький и оттого еще более вкусный на мокрой земле и пряном аромате опадающей листвы.

Ходил я еще с трудом, верхом держаться в седле вообще бы не рискнул, так что в моем распоряжении на протяжении всего пути были тетрадки и записи, а также пусть пока частичное, но возвращение моих магических способностей вкупе с приобретенным опытом черной магии.

Творим?

Творим!

Помните, как там у Александра Сергеевича, у господина нашего Пушкина было?

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

Опыт, да, именно с опытом я стал видеть то, через что, казалось бы, еще вчера продирался, набивая шишки. В такие моменты, часто с грустью вспоминая сэра Дако, вот кого мне стоило бы в свое время внимательней слушать, а не тупо рассчитывать на вычислительные возможности моего Мака. Хотя чего уж там, Мака нужно возвращать, это незаменимый помощник, без которого я теперь словно без рук, без ног, а также лишен зрения и слуха. Свободного времени завались, так что извлекаю свои старинные записи с выкладками и начинаю вновь составлять узоры и плести узлы силовых основ для будущих заклинаний своего магического амулета — компьютера.

Сколько же я тогда допустил ошибок! Это невероятно, но теперь, когда я понимал, пусть и поверхностно, основы магии дьесальфов, я реально видел путь по минимизации и упрощению всей конструкции плюс силовой части. Ну и, как следствие общения с некромантами, имел ряд бредовых идей по обходному пути амулетных накопителей взамен сгоревших браслетов подвески.

Что там с некромантами? Кости. Да, я вот, ковыряясь как-то под вечер пером для письма в ухе, сообразил, что некроманты-то используют, даже не зачастую, а как правило, для создания амулетных структур и своих звезд призывов человеческое тело, элементную подноготную организма, беря за основы все эти унции невидимых материалов, в сумме дающих наше брэнное естество.

Конечно, мощность расчетная будет не та что раньше, но ведь есть возможность подключения силовых накопителей, коих я в избытке уже насмотрелся, что в звездах, кои чертила Мила Хенгельман, что в основе магического искусства, которое мне в свое время преподавал Дако. Мне ведь что от Мака нужно? Чтобы он щиты и заклинания, как прежде, сыпал за меня, лодыря? Нет. Мне нужны его мозги, его вычислительные способности! Ну а уже как бонус позже восстановлю и остальное, на что пока моего энергетического потенциала из-за случившегося отката и полученных травм еще явно маловато.

Тут ведь сами понимаете, риск в разы возрастает. Нет, ну в самом деле, не подумали же вы, что я собрался обвешать себя костями и черепушками, зачаровав все это барахло, и словно какой-то папуас-людоед галопировать в будущем по улицам во всей своей красе? Нет, все гораздо проще, сложнее ну и, как водится у меня, опасней. Я собирался оплетать вязью магических контуров свой личный запас потрохов и косточек, что по идее в энном количестве уже наличествовало в моем организме. Гениально, правда? Ага, в случае чего я не только откат заработаю, у меня еще скелет от перегрева рассыплется, изжарив меня изнутри. Это же оно, родимое, сопротивление материалов, у всего есть свой предел и пропускная способность. В том числе и у моего скелета. Вот только какая?

— Ульрих, скажи честно, ты зачем бабушку пытаешь и расспрашиваешь о том, чего тебе знать не следует?

Пользуясь случаем, я всячески расспрашивал Априю Хенгельман, пытаюсь вызнать от нее те или иные вопросы ее искусства, понимая, что по приезде в столицу с Милой Хенгельман такого диалога не получится. Та быстро раскусит меня, послав ко всем чертям мои эксперименты, чем, несомненно, заstopорит научный прогресс и общее благо мировой цивилизации.

— Мила говорила, что у тебя иногда бывают нездоровые мысли в плане того, куда приложить свой дар мага, это, надеюсь, не тот случай?

— Я вас умоляю! — Жаль, в свете последних событий мне не рекомендовалось мило улыбаться, из-за выбитых передних зубов это выглядело скорее пугающе, чем обезоруживающе. — Интересы ради исключительно!

Врал и врал, что называется, безбожно, пытаюсь выудить крупницы недостающей информации. Расту, действительно расту как маг, мне впервые стала понятна по-настоящему ущербность людей, которые пользуются стандартами, и оттого дико хотелось сделать нечто свое, нечто уникальное, присущее только мне на стыке тьмы и света, гремучий коктейль из нельзя и можно.

Это стало моей идеей фикс, слияние двух школ, где, что ни говори, классика льесальфов является наиболее энергетически продуктивной основой, ну а уж рациональности и бережливости, а также ювелирной тонкости искусства дьесальфов просто позавидовать можно. Ну, сами посудите, так навскидку для создания предыдущего амулета на узел-конденсатор у меня ушло приблизительно восемь граммов золота, в то время как в звезде некроманта для этого использовался грамм металла. Да, есть разница в самой энергии, используемой при проходе. Своего рода напряжение, но нельзя ли оптимизировать и подобрать величину, так чтобы и нашим, и вашим?

В общем, царапал монетки, снимая стружку, и опытным путем сжигал рабочий материал, подбирая для каждого свои величины, все больше и больше убеждаясь, что, по сути, энергия фактор неизменный, меняется лишь степень насыщения. Причем стало для меня открытием, что благодаря классике магического искусства можно было так же в свою очередь оптимизировать некоторые процессы в искусстве темных эльфов. Но металлы металлами, а меня все же интересовала пропускная способность и пригодность для

закрепления плетений на моем организме, здесь уже расчетные величины приходилось подбирать не то что осторожно, а просто с уходом в минус, дабы не сжечь себя любимого. Ибо аки феникс из пепла мне уже не восстать.

— Ба, а подскажи...

— Ба, а вот если так, что будет?

— Ба, а ба... — грузил я старушку, зачастую доводя ту до белого каления.

— Да отцепись же ты! — Она даже ногой топнула. — Поступишь в академию, там и ковыряй мозги преподавателям!

Короче, как бы мне ни хотелось выудить из бабули все ее знания, недвусмысленно показанный кулак Априи на вторую неделю пути дал мне понять, что надо немного сбавить обороты. К тому же у меня ведь еще есть жертва, а именно «улыбака» граф, чья улыбка в мгновение ока погасла при осознании, что старушка самоустранилась от образования любопытного ребенка. Таланты вампира я нисколько не умалял, так как доподлинно знал, что в нем пусть и в ходе физических мутаций скрываются обширные навыки магменталиста, а также неплохой багаж плетений. Его в свое время даже Дако уважительно охарактеризовал как мастера иллюзий.

— Умоляю. — Тут же картинно заломил он руки в тот момент, как я отвернулся от смеющейся Априи. — Лучше еще раз отрежь мне руки-ноги, чем вот так будешь издеваться над моим мозгом!

Пришлось надавить авторитетом, в конце концов, он все же мой подчиненный. Пусть и на добровольных началах. Так с горем пополам я стал постигать азы этих школ, по сути оказавшихся единым целым, так как господин Десмос не строил оптических иллюзий на основе преломления света. Наш папенька кровососущего общества занимался обманом. Вампир заставлял вас вашими глазами видеть то, чего нет, причем даже на своем уровне, не особо заботясь о картинке. Нужен страх? Пожалуйста, легкий прокол в сознание, пара плетений — и у человека активируется область мозга, ответственная за все его переживания, рисуя перед глазами все те сакраментальные ужасы, что мы таим в себе. Боишься пауков? Так вот же они родимые ползают по тебе! Боишься клоунов? Не приведи господь!

Все находится у нас в голове. Страх, любовь, ненависть, радость — именно там и именно оттуда поступают образы видений с посылов Десмоса.

— Вон, смотри. — Он взмахнул отобранной у меня тросточкой. — Впереди сидит возница, давай пробуй, как я показывал, входить в астрал. Молодец.

Ну, это у меня и вправду получалось на ура, благодаря практике с Милой Хенгельман и ее урокам врачевания.

— Теперь смотри на голову. — Он пощелкал пальцами. — Да не на мою, на возницу смотри! Что видишь?

— Шулюм какой-то, из мешанины цветов, — подал я голос.

— Замечательно, — продолжил он свой урок. — Обрати внимание на лоб и затылочную часть, видишь два участка светло-желтых тонов?

— Вижу. — Я с интересом разглядывал объект с условным названием «чья-то голова».

— Это области, ответственные за наш, вернее ваш, эмоциональный фон, — продолжил граф рассказ. — А теперь обрати внимание на нити-проводники, что бегут по всему телу, мерцая звездной крошкой. Знаешь, что это такое?

Нервные окончания, что же еще? Каналы, которые говорят нам, что это холодное, а это горячее, это шершавое, а это гладкое. Они же, эти ниточки, передают по всему нашему телу такую заразу, как любовь и прочий сумбур эмоций.

— Теперь прошу, будь внимателен и никакого нахрапа, юноша, — вернул меня из размышлений граф. — Делай слияние, контакт по принципу мягкого прикосновения, иначе человек может умом тронуться либо испытать сильнейший всплеск совершенно непредсказуемых эмоций.

Ну, тут меня учить не надо, благодаря эльфийскому плетению, я уже не раз практиковал контакт с чужим разумом, даже с двумя одновременно. Правда, это были еноты.

Не люди. Но очень умные еноты. Почти как люди, только еноты.

«Медленно, Ульрих, — Десмос делал слияние вместе со мной, давая наставления. — Не спеши, будь мягче, вот так, чтобы он даже не почувствовал тебя».

Темнота и яркая вязь энергетических нитей резким контрастом сменились, после того как я скользнул в сознание мужичка, что правил нашу телегу. Я вижу мир его глазами! Я вижу мир чужими глазами!

«Тише, успокойся! — стал увещевать меня граф. — Теперь расширай зону обхвата, соединяйся на нити-проводники, только будь внимателен! Все по заученным точкам! Иначе сломаешь человека или же сам полудурком вернешься в себя».

Нет, не подумайте, на самом деле мы не сильно-то и рисковали здоровьем нашего извозчика, это просто граф нагонял на меня страху, чтобы я чего лишнего руками, как говорится, не трогал. В этом деле он мастер и потому всегда страхует мои опыты. Я работал под его контролем, работал мягко и без глупостей, шаг за шагом вникая в азы ментальной магии.

Ну, тут, наверно, стоит немного сделать акцент на этом искусстве, так сказать, для общего кругозора. На данный момент я уже мог соединяться мыслесвязью с любым разумным существом на расстоянии примерно до десяти метров, не используя для общения свой речевой аппарат. Мог взглянуть на мир глазами любого человека, находящегося примерно в том же радиусе моего захвата, ну а самое пока главное и неоценимое это то, что я стал улавливать и вполне легко идентифицировать для себя эмоции окружающих. Эмпатия в действии, мини-детектор лжи, мне теперь нельзя было улыбаться, скрывая в своей душе злобу. Я теперь знаю, кто и как к кому относится по-настоящему! Ну, по крайней мере простых смертных я читал как открытую книгу, чего, увы, не мог сделать с магом, так как что для меня, что для Десмоса злополучный стандарт магической защиты леди Десты был непреодолимым барьером. Кстати, и слава богу, что у вампира в свое время не хватило знаний и умений сломать меня.

— Граф, а управлять человеком можно подобным образом? — Мы по-прежнему совместно тряслись на одной телеге по ухабам раскисшей дороги.

— Можно, барон. — Он вытянул ноги, прикрыв веки. Хотя солнышко и скрыто осенними тучками, но легкий дискомфорт он все же, похоже, испытывал, прогуливаясь среди дня. — Это поистине обширная область магического искусства, барон. Без наигранности хочу вам выразить свое почтение, вы перехватили от меня за какие-то дни такой объем знаний, который я смог постичь за долгие годы своей жизни.

— Не прибедняйтесь. — Махнул я на него рукой. — Во-первых, азы у меня были, и как вы, наверно, уже поняли, слияние я проводил и раньше.

— Заметно, — улыбнулся он.

— А во-вторых, вы постигли все это самостоятельно, в то время как у меня были вы, прекрасный и, главное, грамотный наставник. — Никогда не забывайте подмазаться, даже если этого вроде бы и не требуют обстоятельства.

— Ладно. — Он подобрался, вглядываясь куда-то вперед. — Давай продолжим занятие, твой радиус обхвата еще невелик, посему я тебе подскажу — приготовься. За той рощей я чувствую скопление людей, давай попробуй читать и переводить их желания и эмоции.

Впереди нас шли пять телег, так что наша очередь свернуть за поворот подошла с задержкой. В этом месте дорога изгибалась, уходя под наклоном вправо, огибая небольшую череду покатых холмов. Ряд деревьев еще скрывал от меня спуск, когда я стал на излете своих способностей выхватывать обрывки чужих чувств.

«Страх».

«Страх».

«Страх».

От удивления я покачнулся, выпадая из медитативного транса. Людей, похоже, было больше трех десятков, причем половина из них была по-настоящему охвачена чуть ли не паническим чувством страха.

— Барон! — Десмос спохватился, подскакивая на своем месте, видя мою реакцию.

— Граф! — Я похлопал по плечу сидящего на козлах мужичка, приказывая остановиться.

— Не нужно туда лезть, барон! — Он поджал губы. — Едем стороной, не нашего ума это дело!

— Почему встали? — тут же всполошилась Априя с едущей за нами телеги.

— Да вот опять, похоже, наш Ульрих себе историю нашел. — Печально покачал головой вампир.

* * *

Вампиры по команде соскочили с телег, растворяясь стремительными серыми тенями в густом придорожном подлеске, это будет наша негласная поддержка. Я и Десмос, который бережно придерживал меня за руку, неспешным ходом двинулись к повороту дороги, откуда я все четче и четче ощущал нарастающую волну человеческого страха.

Мы увидели их немного в стороне: чуть больше двух десятков крестьян с двумя телегами, запряженными пегими невзрачными лошадами. Здесь стояли, испуганно глядя на наше приближение, похоже, несколько семей, так как присутствовали дети и женщины.

— Дня вам доброго, люд честной! — Махнул я им тросточкой, все так же ковыляя в их импровизированный лагерь. — Кто такие, откуда и куда путь свой держите?

Люди явно боялись, но не нас с графом, при виде нас их сердца, наоборот, ритмичней стали выдавать дробь, в какой-то странной надежде.

— Из Пастро мы, господа. — Вперед навстречу вышел бородатый сухонький мужичок, отведывая поклон в пояс. — На ярмарку в Тут едем, вот в пути встали, лошади утомились.

Лошади, говоришь? При поддержке графа я наконец «дошкандыбал» до их возов, внимательно всматриваясь в простые и перепуганные лица, пытаюсь определить источник их негативных эмоций. Похоже, ситуация патовая, вроде бы и в ноги хотят бухнуться, прося о помощи, и в то же время рты не могут раскрыть. Впрочем, пожалуй, не буду пытаться их пустыми расспросами. Взглянув на детей, что не способны пока еще юлить и лгать, я и так все понял без слов. Там, за телегами у обреза полянки и густого, еще не облетевшего листвою кустарника, кто-то прятался, кто-то, кто и стал причиной их зашкаливающего эмоционального фона. Мужики старательно отводили взгляд, женщины жали к груди детишек, ну а те старательно пилились в кусты, не в состоянии бороться со своим любопытством.

— Может, не будем, барон? — Десмос по моим глазам отследил путь моей мысли.

— Я вас умоляю, граф, вы же чувствуете не хуже меня!

Крестьяне, внимательно вслушивавшиеся в наш диалог, дружной толпой склонились в поклонах, заслышав наши титулы.

— Я бы все же рекомендовал вам воздержаться от очередных авантур, сударь.

Ай да Десмос, ай да... короче, почти Пушкин. Пока мы с ним устраивали дискуссию на тему «надо не надо», он уже связался со своими, передавая им местоположение предполагаемого противника.

— Так, народ! — Я окинул взглядом перепуганных крестьян. — Быстро слезайте со своих телег и друженько, без суеты ко мне за спину!

Разбойники? Разбойники! Пока народец жеманно и стороной обходил меня, оные злыдни и супостаты не стали ждать продолжения разговора, а в каком-то молчаливом неистовстве, ломая кустарник, выпрыгивали к телегам, тут же бросаясь вслед резво припустившим крестьянам.

«Адель!» — Без тени смущения спустил я на атакующих призрака.

Первые двое из самых резвых, тут же осунувшись, рухнули на землю, серая тень за гранью жизни невидимой смертью тут же набросилась на следующую жертву, просто пронзая собой навывлет замершего в ужасе человека.

Быстрая и неуловимая, видимая лишь моему взору, она пугала своей беспощадностью и неотвратимостью смертельного исхода. На их счастье, дальнейшего присутствия Адель более не требовалось, на эту притаившуюся ватагу уже вышли вампиры, своей силой и быстротой раскидывая их ряды по сторонам.

Ну, да и нам пришлось поучаствовать в процессе, вернее графу. Два дюжих мужика слаженно вышли напрямик к нам, поводя из стороны в сторону короткими, но широкими лезвиями тесаков, чем-то отдаленно напоминающих мачете. Я еще не успел активировать плетение, как граф единым росчерком вырванного из трости лезвия прочертил алую черту на горле ближнего разбойника, останавливая бег своего жала в глазнице второго. Жуть. Одним движением, считай, управился, на выпаде делая взмах, окончившийся смертельным уколом. А наш граф, оказывается, и еще кое в чем мастер!

— Граф! — Я вернул лезвие назад в трость, вновь опираясь на нее. — Примите мое восхищение очередной гранью вашего мастерства!

— Пустое, — улыбнулся он. — Так, остатки былого величия, когда я был еще юн и мог полноправно причислить себя к роду человеческого, а не банально, как сейчас, перегрызал горло оппонентам своими зубами.

— Всем бы вашу выдержку, — произнес я, содрогаясь от наблюдаемой картины, как один, видимо, из молодых вампиров в полной трансформации рвал уже бездыханное тело разбойника окровавленной пастью.

— Молодежь. — Хмыкнул он. — Им еще учиться и учиться!

Да уж, мы, в качестве спасителей, вызывали ужас у спасенных куда больший, чем давешние господа разбойники. Дети в крик, бабы в обморок, мужики стоят белые словно снег, коленки трясутся. От дикой смеси эмоций, что буквально захлестывала тонкие структуры, пришлось даже заблокироваться, дабы самому не поддаться этой истерии.

— Из этих живые кто остался? — Я потыкал палочкой в одно из ближних тел рецидивистов.

— Более чем, барон! — Напряженный голос Десмоса заставил меня обернуться к позабытым кустам, в которых до этого скрывались преступники, чтобы с удивлением увидеть все еще не затухающий бой между группой моих трансморфов и пятью дюжими мужчинами, что с упрямством и завидным мастерством по-прежнему слаженно сдерживали яростные атаки вампиров. Высокие, все словно на подбор, они рубились спина к спине, раз за разом отбрасывая своими прямыми мечами наскоки шипящих, словно рассерженные змеи, вампиров.

— Имперские рейнджеры! — воскликнул граф, обращая мое внимание на одинаковую форму этих бойцов-профессионалов, к этому времени успевших уложить наземь с тяжелейшими ранами порядка пяти моих кровососов!

Да уж, эти парни знали, за какой конец правильно держать меч! Я о подобном раньше даже не слышал. Трансморф априори сильнее человека, да не просто сильнее, он быстр и практически неуязвим для оружия, но здесь же получалось все наоборот! Будь у меня гнездо поменьше, я бы уже оказался нос к носу с этими вояками.

«Отошли!» — дал я мыслесвязью команду скалящимся вампирам.

Незачем гробить впустую своих подчиненных. Хоть и видно, что солдаты устали и местами даже вполне серьезно ранены, но, боюсь, они так мне половину всех вампиров перекалечат.

— Сложить оружие. — Вновь под ручку с графом я тихим шагом стал приближаться к тяжело дышащим бойцам.

— А то что? — усмехнулся один из них, зло сплюнув мне под ноги. — Твоей погани не одолеть нас, мальчишка.

— Нет, вы слышите, граф? — Я театрально заломил бровь, обращаясь к Десмосу. — Он сказал погани?

— О, не обращайтесь внимания, барон, — улыбнулся тот. — Это же имперцы, варвары. Дикие люди, понимаете ли.

— А ты подойди поближе, хмырь, — подал голос все тот же говорливый солдат. — Я тебе покажу, кто из нас дикий.

Похоже, миром конфликт не решить. Я банально не находил решения. Из уроков с госпожой Шель я знал, что империя находится с противоположного края от моих земель за лесным массивом севера, где обитали свободолюбивые пикты, и проходит границей аккуратно по восточной части на юг, практически полностью соседствуя с Финором. Добрососедскими отношения между двумя государствами вряд ли назовешь, но и последний военный конфликт, если мне не изменяет память, был уже более шестидесяти лет назад. Именно в нем, насколько я помню, погиб муж де Кервье, чем открыл той дорогу в королевны. Что этим рубакам здесь нужно? Почему вместе с толпой разбойников нападают на крестьян? Сместив взгляд за спины рейнджеров, я разглядел их вещмешки, какую-то нехитрую амуницию и... небольшого роста девчушку, огромными зелеными глазами глядящую, казалось, словно прямо мне в сердце!

Совсем еще юная, примерно ровесница моего нынешнего тела, с миловидным личиком в форме сердечка и черной тугой косой через плечо, она сидела на земле, взирая на все творящееся вокруг не столько с испугом, сколько с каким-то интересом. Надо же, какое милое создание! Кто она для них? Это ее телохранители? Похоже, они из-за нее встали каменной стеной.

— Господа. — Я примирительно поднял руку. — Давайте прекратим склоку и поговорим спокойно.

— Да пошел ты! — Тут же прилетело мне обратно пожелание счастливого пути.

Ну да на диалог я далее с ними более не желал идти. Девчушка поймала мой взгляд и бочком повернулась, демонстрируя связанные за спиной руки, кивком указав на вояк, мол, их это злодеяния.

«Адель! — позвал я призрака, наблюдая, как одна из слабых теней откликается движением на мой зов. — Они твои, девочку не тронь».

— Сильно, — спокойно произнес Десмос, наблюдая за рухнувшими как подкошенные телами пятерых вояк. Придерживаемый рукой вампира, я засеменял в направлении пленительных изумрудных глаз и встречавшей меня лучезарной улыбке.

— Вы что тут уже без меня натворили? — Из наконец подъехавшего из-за поворота обоза к нам подошла Априя. — Боги, помилуйте! Это же надо же, сколько рабочего материала!

Ну, это бабушка шутить изволила, разглядывая покойников и раненых. Лишь уже на подходе к нам она немного оживилась, умудрившись ткнуть в бок и меня и графа одновременно.

— Ну и чего вы тут устались? — Она взмахнула руками. — Бедная девочка сидит, помощи ждет, а они вылупились на пару, хоть бы один догадался помочь!

К нашему стыду, мы и вправду стояли перед пленницей, с задумчиво возвышенным видом разглядывая это создание. Ну да, теперь она в надежных когтистых и любящих лапках некроманта. Бабулька подхватила хрупкую пленницу на руки, распахивая всякого, кто осмелился подойти к ней с помощью, чтобы спрятаться в своей крытой телеге и оттуда злобно наворчать на «глупых мужланов», у которых ничего в голове нет, кроме как «своими железяками размахивать» из стороны в сторону. Были, конечно, и другие эпитеты по поводу того, чем мы, мужики, еще можем размахивать, но их, пожалуй, стоит опустить.

— Что скажете, граф? — Мы с ним не рискнули преследовать Хенгельман до ее логова.

— Странно все это, барон. — В отличие от меня, Десмос развил бурную деятельность по потрошению вещей погибших солдат, кропотливо и досконально изучая всевозможные мелочи. — Имперцы, без сомнения, форма и амуниция рейнджеров, но вот уровень подготовки этих ребят просто феноменален!

— Что это значит? — Я с интересом следил за его действиями.

— Да вы, мой юный друг, по сторонам оглянитесь. — Он кивнул в сторону своих подопечных, имеющих довольно жалкий вид и серьезнейшие ранения. — Выучка не хуже,

чем у ордена бестиаров! Такому не за год и не за два учат, это нужно с рождения из ребенка солдата делать!

— Надо же. — Я и вправду был удивлен. — Что же они и вправду здесь забыли? Если я правильно понимаю, до границы с империей отсюда не ближний путь. Ну и если допустить, что это разведчики, то я даже не представляю, что можно на нашем севере узнавать, за какой елкой тут можно шпионить? Насколько мне известно, чуть дальше и выше, на том распутье у реки, что мы проехали пару дней назад, дислоцируется королевский пограничный пехотный полк. Думаете, их задачей была слежка за ним?

— Нет. — Он поднялся, отряхивая руки. — Было бы глупо привлекать подобных специалистов для выяснения информации, которую каждый ходящий по этим дорогам купец за медный грош поведаст любому желающему. Здесь, боюсь, нечто иное, возможно, девочка сможет чуть позже пролить свет на эту ситуацию.

«Чуть позже» у нас затянулось до самой ночной стоянки. Априя ни в какую не желала отпускать свою подопечную. Мы в скором времени покинули обоз крестьян и место побоища, уже без происшествий продолжая свой неспешный путь. Меняя метры и километры дорог на усталость и скрип колес. Одно радовало — дождь прекратился. Как говорится, мелочь, а приятно. К нашему барскому костру в затухающих красках заката присоединилась старая сова Хенгельман, устало протягивая свои руки к мерцающему пламени нашего очага.

— Ну что?!

Выпалили мы с графом на пару одновременно, чем тут же вызвали улыбку на устах старушки.

Хенгельман еще немного помучила нас своим кряхтеньем и попытками вроде как устроиться поудобней.

— Звать ее Ромада бат Номмед, — начала она рассказ.

— Значит, тоже из империи, — кивнул своим мыслям вампир.

Девочка была из богатой семьи торговцев, ее приставка «бат» была свидетельством хоть и не верхних слоев, но аристократии. Нечто вроде «лер» в нашем королевстве, за исключением того, что ее папенька был баснословно богат. Немного-немало, а некий Унем бат Номмед являлся личным поставщиком продуктов к имперскому двору. Правда, в прошлом. На данный момент их род был, так сказать, в опале, то ли персики были слишком мягкими, то ли рябчики слишком костлявыми, но вот уже как пять лет Номмед ведет свой бизнес в стороне от двора, продолжая торговое дело, с небольшим отличием от остальных своих братьев по ремеслу. И отличие это было в тех годах службы, за которые он успел собрать хорошие деньги, чем, естественно, заработал целое море доброжелателей, бедных родственничков, а также друзей, коих и врагам не пожелаешь, от своего цеха, что нас не касается, а интерес вызывает другое. У господина Унема было три ребенка, первый — красивый, второй — умный, ну а третий — дочь. Именно дочка сочетала, на взгляд отца, все качества, присущие ее братьям, и именно на ее будущее папенька решил выделить хорошую сумму из своих закровов. Не знаю уж по какой причине, но Унем оплатил одному из лучших магов империи, кои, надо сказать, считались на порядок выше прошедших обучение в каком-нибудь из королевств, инициализацию и посвящение в маги для своей малышки, которые она легко перенесла и даже впоследствии смогла обучиться некоторым вещам еще до наступления того возраста, когда бы уже стоило задуматься о магической академии.

Они и задумались. Крепко задумались, ведь в империи за обучение необходимо было платить, ну а наша королевская школа, по престижу лишь немного уступающая имперской, брала за обучение трудом на благо короны будущих магов. Как по мне, так лучше бы деньгами отдали, но это лишь мое мнение. У богатых свои причуды, к тому же в столице Финора у Номмеда проживал его брат и доверенный торговый партнер, на чью шею и было решено посадить маленькую Ромаду.

Долго ли коротко, но, как и я, за год до приема в академию Ромада в окружении нанятых телохранителей отправляется к нам в гости. И все бы ничего, но господа

телохранители при всем своем, казалось бы, профессионализме оказались самыми что ни на есть разбойниками. Примерно месяц назад девочку связали по рукам и ногам, а дядюшке в столице Финора было отправлено письмо, в котором весьма недвусмысленно излагалась просьба собрать на выкуп своей племянки энную сумму энишек.

— Надо же, как весело, — произнес Десмос, чем вызвал видимое неудовольствие бабушки, не склонной в данной ситуации к юмору. — Я только не пойму, почему бойцы подобного класса стали размениваться на такую мелочевку.

— Согласен с графом, — покивал я. — В конце концов, сколько бы они получили за эту девчонку? Не похоже, что это их уровень.

— Пять тысяч золотом, — поставила жирную точку в наших сомнениях Хенгельман. — Эта малышка стоит пять тысяч золотых.

— Боги, помилуйте! — Десмос удивленно вскинул брови. — Не хочу показаться хамом, но, барон, даже вы дешевка по сравнению с этой малявкой.

— Надо полагать. — Я тоже удивленно качал головой. — Это же пять моих годовых бюджетов со всего Рингмара!

— Вот вам, господа счетоводы, и уровень! — наставительно с улыбкой произнесла Априя. — Да тут не то что наемники, смотрю, и графья с баронами не прочь руки погреть!

Мы на пару с графом фыркнули, всячески демонстрируя, что подобные грязные инсинуации нас, белую кость, не касаются... Но блин, пять кусков! Это же огромные деньжищи!

— Так! — Бабулька сердито хлопнула в ладошки. — А ну-ка слюнки подобрали, и чтобы даже думать не могли всякие гадости!

— А мы что? — Все так же с улыбочкой пожал плечами вампир. — Мы же ни-ни, так ведь, господин барон?

— В этом мире те, у кого есть власть, верят только деньгам и оружию. Нам же, идущим путём меча, это сражение не выиграть. — Я отвесил поклон графу.

— Вот-вот! — Десмос откровенно потешался. — Нам, рыцарям без упрека, претят грязные домыслы некроманта!

— В общем, я вас, голубчики, предупредила. — Бабушка смирила нас тяжелым взглядом.

* * *

Утро следующего дня мы встретили с графом в медитативной тренировке, помогающей раскрывать горизонты ментальной магии. Хороший учитель, мягкий, учтивый, не без иронии и юмора, он вел меня извилистой тропой этой грани магического искусства, пусть и не отвечая зачастую на вопрос, почему действует именно так, но вкладывая в меня не столько теоретические познания, сколько практическую основу.

— Граф. — Я блуждал в потоке еще не явных эмоциональных линий дремлющего лагеря.

— Барон? — Незримой тенью он шел за моим взором, старательно придерживая в сложных местах, то и дело давая наставления.

— Позвольте полюбопытствовать об основах вашего фехтовального искусства. — Мы на пару пытались отделять муть снов от реальной картинки, уже получаемой мозгом проснувшихся людей. — Пусть я не нахватал знаний за те пару лет обучения, что у меня были в этой области, но не могу не восхититься вашим талантом.

— Да, мой юный друг. — Ему явно нравилось будоражить свое далекое прошлое. — В свое время моему отцу эти уроки обошлись в половину той девочки, что сейчас золотым цыпленком прячется под крылышком черной гусыни Хенгельман.

Тысяча чертей, он и в самом деле граф! Правда, никакой не Десмос. Звали этого «улыбаку» Жак Перье Франциск Батерфлер.

— Стоп. — Я от удивления выскочил в реальность, широко раскрыв глаза и рот. — Вот

это вы сейчас дали мне пищу для размышлений!

— Да, мой юный друг! — Он повел из стороны в сторону ручкой, склоняясь в поклоне. — Я иностранец, мое графство расположено в Лейсмарском королевстве. Ну а Десмос — это уже псевдоним, уж я-то думал, госпожа Шель подтянула вас немного в научной терминологии.

— И что же оно значит? — Я жестом пригласил его проследовать к столу, где нам уже наверняка приготовили завтрак.

— В наших краяхмышь летучая. — Пожал он плечами. — Природный вампир, видимо, прототип или основоположник той идеи, которую в моем лице воспроизвели дьесальфы в своем темном искусстве.

Он не уточнял, как давно это было, а я не спрашивал, с любопытством впитывая информацию, поступающую от него.

Жак Перье Франциск Батерфлер был старшим сыном и соответственно прямым наследником рода, что не могло не сказаться на поведении красивого и, чего уж греха таить, популярного среди дамского общества юного графа. Тонкий, стройный, улыбчивый юноша к моменту своего совершеннолетия был избалован, заносчив, с апломбом оттопыривал мизинчик и, по мнению его батюшки, уже практически был покойником, из-за нежелания понимать, что замужние женщины чреватые и весьма своими рогоносцами. На счастье, если это, конечно, можно назвать счастьем, три дуэли молодой граф провел с минимальными для себя потерями, лишь на четвертом вызове получив, что называется, по полной. Как это обычно и бывает, самый опасный был самым безобидным. Мелкий купчишка, державший кожевную лавку и не имевший за собой даже приставки «лер», формально он даже не имел права вызвать благородного на дуэль. Впрочем, лично он и не вызывал, для таких вещей существует служба экстренной помощи, звонишь 911, и к вам в город приезжает добрый доктор бретер, за энную сумму энюшек устраняющий проблему. Вообще нужно сказать, что бретер как явление в королевстве дело было нечастое. Заказной дуэлянт это все-таки сумма, но, увы, как вы сами знаете, когда затронуты дела сердечные, за ценой не стоят. Вот и купец не поскупился.

— Ну не убил же, — вклинился я в рассказ графа.

— Не убил. — Десмос замолчал, явно с трудом вновь переживая дела минувших дней. — Спасибо маман, издыхающего, исполосованного с ног до головы, она спрятала меня.

— Спрятала? — удивился я. — Зачем?

— Чтобы не добили. — На его лицо вновь вернулась улыбка. — Все считали меня покойником, от таких ран потом не встают.

Пока лечился, пока выясняли суть да дело, пока папенька граф разобрался с обидчиком, юный Батерфлер, как и свойственно молодости, вынес из этой истории урок — не работать впредь головой, а научиться на достойном уровне махать клинком. Ну, в самом деле, это же проще, чем потом как дурак до конца жизни не лазить к чужим женам под одеяло.

Мастера звали Сунг Юминь. Бывший чиновник из далекой горной империи Мао. Его нанял отец, за баснословные деньги, перевезя через три границы вместе с его семьей. Это может показаться смешным, но Сунг Юминь был счетоводом, так сказать, клерком среднего звена у себя на родине, с единственным, но значимым плюсом: один из предков Юминя был основоположником школы быстрого меча баодзеши. Искусства молниеносного удара, когда в одном движении заложен весь бой. Схематично, педантично и до безобразия грамотно просчитанное действие: буквально вынул клинок, убил и обратно в ножны. Никаких лишних движений, никаких стоек, перебежек, перекатов, холод математического расчета, свирепство физики и рациональности ума. Никто не бьется грудь на грудь, часами вздымая меч в натруженных руках, мастер баодзеши убивает сразу либо же умирает сам в тот же миг.

— Сильно, — уважительно произнес я, вспоминая, как граф одним ударом уложил недавно двоих.

— Потому и запретили, — рассмеялся граф. — На родине мастера баодзеши под запретом, их искусство настолько смертельно и неотвратимо, что император Мао особым

указом всех определил как убийц немощных, своей подлостью и внезапностью повергающих воинов мерзкими и невидимыми ударами.

— Тяжелое учение? — сочувственно спросил я, представляя нагрузки, которые пришлось перенести обучаемому.

— Да не то слово! — Граф в полный голос хохотал. — Ты не представляешь, этот Юминь издевался надо мной, заставляя бочками пить с ним чай!

— Чай? — Я тоже улыбнулся, заражаясь настроением вампира.

— Искусство запретное, а передавать его потомкам как-то нужно, — продолжил он. — Вот они и трансформировали базовые движения, постановку корпуса, наклон головы для обзора и некоторые элементы движения в проклятую чайную церемонию! Мне днями приходилось сидеть с пиалой, переставлять чайники и заварники на столе, правильно держать спину, верно и грамотно складывать руки и двигать черпачками и ложечками.

— Какой ужас! — посочувствовал я ему. — Разве же так можно издеваться над людьми?! Как ты выдержал?

— Честно говоря, хреново, — подвел он итог. — Кое-что почерпнул, схватил вершки и пару базовых приемов, но дальше второго сенькао не пошел, это, по словам мастера, ступени обучения. Всего их, насколько я понял, двенадцать. Ну да в те времена и с малыми знаниями я казался себе непобедимым, за что и поплатился. Не поверишь, но я обжегся дважды под одной и той же юбкой! И главное, бабенка-то и не сказать бы, что что-то там особенное, мышка такая серая, правда любила...

— Давай пропустим, — улыбнулся я. — Мне еще рано об этом.

— Думаешь? — Подмигнул он. — Смотри, чтобы не поздно было! Ну да демоны с ней, муженек опять того самого бретера выписал! А я, дурак, поначалу, как узнал весть, даже обрадовался...

— Что действительно силен был? — История и вправду вызывала интерес.

— М-да уж. — Он покачал головой.

Его опять покалечили, и на этот раз маман уже была бессильна, лекари констатировали обширное внутреннее кровотечение, и жить ее малышу Жако оставалось считанные часы. Я уже стал догадываться о последующем развитии событий и дальнейших долгих годах жизни графа. Мама была не промах, и если кто-то подумал, что все делалось из любви к сыну, то это ошибка. Госпожа Леманьер Немье ван Деспье была расчетливой, властолюбивой и весьма амбициозной барышней из обедневшего, хоть и когда-то давно знатного рода. Сын для нее был возможностью хоть как-то выходить в свет, пусть и не в полном объеме, но компенсировать ряд крупных долгов семьи за счет мужа. А по всему получалось, что с потерей первенца она, уже не молодая и не способная к зачатию, автоматически лишалась всего, так как у графа следующий на очереди сын был не от нее, и тут уже ничего не поделаешь. В гневе она металась над умирающим сыном, расшвыривая попадающиеся под руки предметы.

Женщиной она была непростой, с раннего детства ей пришлось пережить крутое пике в обратной прогрессии, то есть из князи в грязи. Подобное не могло не сказаться на человеке, когда радужный мир осыпается осколками к твоим ногам, она стала опасным хищником, привыкшим побеждать любой ценой. И даже сейчас, в такую минуту она не хотела сдаваться, пойдя на немыслимое кощунство и преступая все видимые и невидимые законы.

Кем был его инициатор, граф так и не узнал, как и полную мотивацию своей матери, как бы он и ни пытался впоследствии. Ван Деспье ошиблась, и эта ошибка стоила ей жизни. Молодой вампир, претерпевающий первые ступени трансформации и модификации своего тела, совершенно неуправляем и не в состоянии контролировать хотя бы несколько свой голод. Десмос разорвал ее на куски в один из вечеров. Да, он собственноручно убил ее, даже не понимая в полной мере, что происходит, движимый лишь одним инстинктом насыщения.

Мы замолчали, он больше не рассказывал, а я не мог и, наверно, не имел права спрашивать о его чувствах. По крайней мере не сегодня, может быть, когда-нибудь потом, но явно не сейчас.

Наш утренний тренинг закончился, граф, погруженный в свои мысли, покинул меня, оставляя один на один со своими мыслями и остывающим завтраком.

— Доброе утро, господин барон. — Легкий мелодичный голосок юной незнакомки поприветствовал меня в тот момент, когда я играл кашей, размазывая ее по краям тарелки. — Вы позволите бедной девушке присоединиться к вам и выразить свою благодарность за свое спасение?

— Благодарность принимаю. — Я молодежато вскинул бровь и расправил плечи. — Присаживайтесь, не стесняйтесь, ну а по поводу вашей бедности, пожалуй, даже говорить не стоит.

Выше. Определенно в этом мире что-то не так с женским полом. Они почему-то все выше меня ростом! Чем их тут кормят, интересно узнать? Девушка, хоть и погодка со мной по рождению, была на полголовы выше, тонка и угловата еще подростковой фигурой, хотя, судя по неким перекатам под одеждой, в скором времени будет способна будоражить воображение мужчин. Правда, по моему мнению, таким ни к чему излишняя телесность. Это когда мордашка не ахти и ума чуть больше, чем у курицы, то да, привлекай натурой, ну а если есть что в голове и в сердце, думаю, и без того притянешь к себе свою половинку.

— Изволите компенсацию за свой труд? — А прищур у нее ого-го, хорошая такая смесь из ехидны с королевской коброй.

Она присела за стол, принимая от слуг подаваемый завтрак и внимательно следя за мной и моими словами.

— А как же! — Я даже губами «пр-рр-р» сделал от широты воспитания и полноты чувств. — В наше время барышень благородным рыцарям все сложнее и сложнее становится спасать! Не то что в стародавние времена, если верить легендам.

— Да вы что? — Театрально вскинула бровь она, принимая мою игру.

— Да-да! Определенно легче! — Я праведно воздел ложку в небеса, с которой тут же пара капель упали мне на манжет куртки. — Вот раньше что надо было? Ну там дракона убить или злого колдуна какого одолеть, а теперь что?

— Что же теперь? — Она с аппетитом, но не забывая о приличиях, приступила к трапезе.

— А теперь и демоны не разберут, куда наших барышень судьба закидывает! — Я вернул ложку в ножны из тарелки и каши. — Какие-то жулики, разбойники, грязные вымогательства, темные истории и баснословные деньги, кои, как известно, во сто крат опасней любого дракона.

— М-да уж. — Она покачала головой. — Стоит только посочувствовать нашим рыцарям, ох уж эти барышни! Ну никакой совести!

— Вот и я о том же. — Я расплылся в улыбке, которой позавидовал бы любой уважающий себя «чешир». — Так что извольте компенсировать трудозатраты.

— Позвольте узнать сумму, сударь. — Она вновь стала холодна и в какой-то мере, видимо, готова обидеться.

— Три поцелуя. — Как водится, совершенно по-идиотски и необдуманно ляпнул я, тут же мысленно отвешивая себе подзатыльник за свой длинный язык. Нет, ну правда, хотя бы пару медных монет попросил или милостиво широким жестом отпустил грехи всем, нет, мне надо было паясничать!

— Дорого берете, барон! — Она рассмеялась в полный голос, наполняя воздух звонкой мелодией своего нежного голоса. — Молю вас, сжальтесь, у меня столько нет при себе!

— Ничего, я подожду. — Я милостиво помахал ручкой. — Правда, должен вас предупредить, процент по отсрочке — поцелуй за каждый пройденный год!

— Ого! — Она продолжала улыбаться. — С вами опасно иметь дело, барон! Впрочем, чего уж там, вы и вправду влезли в темное дело, так что плату вольны назначать по своему усмотрению.

Остаток завтрака у нас прошел в таком же шутливом ключе и в ненавязчивом знакомстве. Ромка, как я стал на свой манер называть девочку, сбежала из лап Априи,

устраиваясь рядышком в моей телеге. Ромка (ну неудобны мне к произношению некоторые здешние имена!) девчонкой была хоть куда. Любопытная, непоседливая, ну и, как водится среди барышень, с такой кучей вопросов и пожеланий на языке, что я уже через полчаса стал с мольбой во взгляде оглядываться на хитро ухмыляющуюся Хенгельман, с Десмосом едушую на своей телеге за мной следом. Ну да и фиг с ними, с Ромашкой по крайней мере было не скучно, а временами даже поучительно, в отличие от меня, она нисколько не скрывала полученных знаний, щедро делясь со мной почерпнутыми, пусть и местами поверхностно, магическими знаниями. Романчик учила целительство, правда, в отличие от уроков Милы, она не касалась глубоких материй астрала, полностью идя по нелегкому пути врачевания простого человеческого мяса.

— Вот смотри! — При разговоре она помогала себе жестикуляцией. — Вот взять, к примеру, твои зубы.

— Там уже почти нечего брать. — Скукислся я.

— Вот именно! — Она хлопнула меня по плечу. — А меж тем это проще простого! Тебе же известен первый контур, затворяющий кровь от пореза мастера Лурье?

— Ну, допустим. — Я примерно понимал, о чем она говорит, подобные малые заклинания мне еще на первых уроках пытался преподать Дако.

— Замечательно! — обрадовалась она. — Тогда ты должен знать, что при активации подобное заклинание вызывает естественную сворачиваемость крови за счет убыстрения ее реакции, а теперь смотри сюда!

Она медленно развернула передо мной довольно искусные, хоть и бесхитростные, узоры плетений без энергетической загрузки.

— Вот это Лурье. — Она ткнула пальчиком. — А вот это плетение моего учителя мастера Моунгира. Если ты обратишь внимание, и тут и тут взяты идентичные основы, призванные задействовать естественный процесс восстановления организма.

Я надолго завис, благодарный девушке за ее терпение и то, что она не беспокоила меня в то время, пока я осмысливал ряд и цепочки построения, а также пытался проанализировать на своем опыте и хоть каких-то знаниях, что же передо мной предстало.

А предстал передо мной ни много ни мало иммунномодулятор, и черт бы меня побрал, самый что ни на есть настоящий «хвост ящерицы»! Регенерация живых тканей! Плетение активировало иммунитет, даже не берусь предсказать, как сильно, так как контур управления был кольцевым, что значит, пока ты даешь энергию, иммунитет активно брыкается копытами, задействуя все резервы тела, но, и как я уже говорил, выдавая регенерацию. Вообще штука непонятная даже современной медицине, так как основы по материалу в этом вопросе мало. У одних даже ногти не отрастают обгрызенные, а есть люди, способные себе кончики пальцев отрастить. Здесь же, под магическим воздействием и с хорошей энергетической основой, даже представить себе трудно всю масштабность картины.

— И это твой учитель придумал? — Взъерошив волосы, я стал черкать основы плетения в тетрадку, от усердия даже высунув кончик языка. Плетение, казалось бы, при простейшей четырехкомпонентной основе получалось филигранным и сложным в модулировании структур и управляющего узла. — Твой учитель гений, Ромашка!

— Я знаю, — улыбнулась она. — Он лучший из ныне живущих врачей во всех королевствах!

Вообще скажу, не кривя сердцем, она мне нравилась. Действительно милый и умный человек, а главное — чуть ли не единственный, кто понимает и принимает мой своеобразный юмор и не самый приятный характер. Редко когда мне удается с кем-то разговаривать, не сдерживая себя, или же слушать, не улыбаясь внатяг. Что уж говорить, тяжелый я человек, нелюдимый, со мной не каждый найдет общий язык.

А Ромчик — душа. Нашла. Спокойно и без насилия принимая от меня взамен истории из моей жизни. Ну или что-то в этом роде, душу я, конечно, не изливал перед этим ребенком, но по крайней мере не держался настороженно и делился своими думками, коими, как известно, кто-то богатеет, а кто-то счастливо избегает сей непосильный труд.

— Скажи, Улич, — как-то под вечер уже в лагере затеяла она разговор. — А ты как к имперцам относишься? Как вообще у вас в королевстве к имперцам относятся? Не стану ли я изгоем в столице?

— Понятия не имею. — Я пожал плечами и вручил ей в руки кружку чая. — Никак к ним не отношусь, люди и люди, такие же, как и везде.

— Просто в империи финорцев не жалуют. — Она аккуратно пригубила горячий напиток. — У нас считается, что ваш правитель вероломный захватчик и что долг каждого жителя страны встать плечом к плечу, как один, на защиту угнетенных земель, бывших нашей территорией.

— Это про Северный Грот, что ли? — Я улыбнулся, припоминая уроки географии от красавицы графини.

Тут и вправду получалось смешно. Изначально, в черт его знает какие времена, человечество было под единым правителем одного государства впоследствии, с увеличением территорий и ростом населения, банально распавшегося на лоскуты королевств. Этакая беда Рима и его провинций. И вот империя совершенно голословно, в лице своего правителя, провозгласила себя столицей того самого первоначального государства, а всех остальных стала именовать не иначе как предатели, узурпаторы и вообще всячески делать вид, что вас тут не стояло, тем самым неимоверно нервируя чуть ли не добрую дюжину всевозможных королевских особ. На самом деле это неправда, эльфы-долгожители четко показали пальцем на руины древнего города где-то в халифатах, который и был столицей старинной державы, но, как вы понимаете, империя сделала вид, что не расслышала, о чем там говорили представители первой расы этого мира. Потому как некогда императору слушать все подряд, у него забот выше крыши, ему еще надо спасать королевство за королевством, огнем и мечом освобождая угнетенных жителей и подминая их земли под свою правящую десницу.

Ну а теперь про Северный Грот, как именовался кусок дикой земли на старинных картах и на картах империи. Это знаете что? Правильно, голозадые пикты с их лесами-камнями и, что самое ценное, выходом пусть и не к самому приятному из существующих морей, но к морю, а как мы уже знаем, именно этого для счастья и не хватает товарищу нашему господину императору.

Не спит он ночами. Ворочается. Думы думает. Как так получилось, что такой лакомый кусочек, такой сладкий «кусманище» для торговли валяется у ног соседа, а не лежит на его тарелочке. И именно что валяется, так как формально король Финора хоть и является еще и королем пиктов, сами пикты об этом ни сном ни духом, что называется. Живут себе да время от времени глаза выпучивают при виде того, как у них под окном два правителя время от времени сшибаются лбами, деля их имущество между собой.

Вот такая вот «загогулина». Тем нужно это, а эти и взять бы хотели, да не потянут, в то время как третьи вообще не при делах и не поймут, из-за чего собственно весь сыр-бор. Прямо как в Америке было, когда французы воевали с англичанами, а вокруг бегали индейцы и кричали: «Караул, убивают».

— Северный Грот необходим империи. — Она задумчиво смотрела на меня, крутя в своих пальчиках массивный, тяжелый серебряный перстень, подарок ее отца. — Из-за него уже была не одна война между нами, и скорей всего еще будет, и не одна.

— Это было давно. — Я покачал головой. — Уже практически никого и в живых не осталось среди тех, кто участвовал в последнем конфликте, что с нашей стороны, что с вашей. Не думаю, что какая-то злоба будет среди людей ходить у нас.

— То есть ваш король и ваш народ никак не реагируют на постоянные пограничные стычки? — Она удивленно вскинула брови. — У нас вестовые на площадях периодически оглашают сводку с границы.

Я сочувственно посмотрел на нее. Да уж, понять ее для меня, носителя двух культур, двух разных государств, СССР и современной России, было нетрудно. Я застал агитпропаганду «совка» и, что говорить, хлебнул вседозволенности современности. Не буду бить пяткой в грудь, говоря, что именно это хорошо, а это плохо, не силен я в полемике, да и

что там, что там, мягко говоря, не чувствовал себя в своей тарелке. Да, статус «предполагаемый противник» сейчас звучит глупо, но и отрицать экспансию одного злыдня, его проникновение на «нашу» территорию бессмысленно. Не могу я, не кривя душой, крикнуть: «Все люди — братья». Но и показать на кого-то пальцем, утверждая, что ты враг, тоже не по мне. Считаю это высокими материями большой политики, которая по большому счету простых смертных не касается, ну или если касается, то сами виноваты. Как говорится, каждый народ имеет то правительство, которое впоследствии имеет его.

— Ну, честно говоря, насколько я понял, вы, имперцы, для нас немного придурочные соседи, не более, на данный момент, — бодро поддержал я ее.

— Это почему придурочные? — Лицо у нее оскорбленно вытянулось.

— Нет, ну сама посуди, вы все там от рассвета и до заката только и делаете, что батрачите на свою армию, которая при любом раскладе вам совершенно не нужна. — Я поднялся и долил ей еще чая. — Да еще этот ваш император, как его там? Долгий?

— Вечный! — Свела она вместе сердито брови.

— Во-во, Вечный. — О ней было приятно заботиться, потому я, не смущаясь, подошел и набросил на ее плечи свой плащ, так как к ночи начинало заметно холодать. — Мало того что объявил себя повелителем мира, так еще эти ваши ритуалы при инициализации преемника, мол, с короной от одного наследника другому передается душа предыдущего, и потому ваш император живет вечно.

— Но это же правда! — Сверкнула она глазами.

— Ну да, ну да. — В моей прежней стране тоже был когда-то Вечный. Город в его честь называли — Лёнинград, мавзолей у него свой был, на нем так прямо и написали Лёнин, чтобы, значит, не занимали. Хотели как-то еще одного вождя присоседить, да что-то они там за жилплощадь поругались, пришлось второму съезжать, ну и как следствие — развенчивать его культ личности.

Ромашка напоминала мне простоту моей юности, когда девочки носили бантики и всем повязывали красный галстук. Комсомолка, спортсменка и просто красавица. Умная девочка, не лишенная идей и веры в светлое будущее, такие обычно не то что котят на улице жалеют, такие даже людей бездомных замечают. Дикие. Таких, наверно, уже единицы по свету бродят. Хорошо с ней рядом, приятно говорить, приятно молчать. Нет, есть, конечно, и свои тараканы в голове, такие, знаете, мадагаскарские, шипящие, те, что табуретки по дому пинками разбрасывают, ну да куда же без них? Когда хочешь облагодетельствовать всех в свою пользу, надо же сначала всю пользу у врагов забрать, чтобы потом все поровну поделить, а враги же, они подлые. Мелочный народец, своих детей кормят, а про голодных в Африке кто думать должен? Вот то-то же...

Ну да то высокие материи, коих я за свой век повидал предостаточно, посему выработал стойкий иммунитет, придерживаясь золотого правила, что не по делам каждому, а исключительно по уму. Есть ум, будет и остальное, ну а если руки золотые, а на плечах котелок чугунный звенит пустотой, то кто же тебе виноват? Мама с папой? Школа или улица? А точно! Тебя же сглазили, совсем забыл...

Колеса, дороги, поля, деревеньки с их нехитрым бытом. Время неспешным ходом, марь сырой, но цветасто-огненной осени. Хорошо. По-особенному хорошо. Признаюсь честно, не хотелось даже прекращать этот неспешный бег. Так все было в мелочах, в чем-то неуловимом, в каком-то зыбком чувстве покоя и внутреннем счастье, что мне не хотелось прекращать этот путь. Мне это нужно было. Для себя. Для души, чтобы собраться с мыслями, чтобы оттаять душой. Слишком нелегко мне пришлось в последнее время, я много потерял, и не скажу, что это были потери, от которых бы мне легко можно было отмахнуться.

Но, увы и ах, у каждого начала свой конец, будь то дорога, жизнь или палка колбасы, все со временем подойдет к логическому завершению, так и мой путь был завершен.

— Красиво? — Со мной на пригорке стоял Десмос, придерживая меня за руку.

— Впечатляет, — смог вытолкнуть я из себя.

Вот она точка, пупок, самое сердце, столица по имени целого королевства, город без начала и без конца. По крайней мере, так казалось. Подобного масштаба мне еще не приходилось видеть. От горизонта и до горизонта тянулись остроконечные крыши домов, шпили каких-то замков и дворцов. Город был огромен. Это пугало и впечатляло. Мы остановились на вершине пологого склона, террасой уходящего вправо, на обочине извилистой дороги, уходящей вниз в каменный муравейник этого гиганта, триумфа человеческой стайности.

Я пытался в воображении представить картину, сводя информацию о столице из уроков графини. Меня нелегко было поразить, так как я видел в своем мире не одну столицу, но это... это поражало.

Из истории я знал, что этот монстр, по сути, не один город, этот гигант строился концентрическими кругами, разрастаясь из века в век. Да именно так, если верить историкам этого мира, городу свыше трех тысяч лет. Его первые камни закладывали основатели человеческой цивилизации. Некогда северная столица единого государства, а ныне сам основоположник целой страны, гигант жил и дышал своей отдельной жизнью, он хранил поступь миллиардов тех, кого уже нет, и знает в лицо всех, кто ныне топчет камни его мостовой. Я не видел краев его стен, я не видел логического завершения и в ширину, мне казалось, что здесь мир заканчивается, дальше больше нет ничего, только город, уходящий в бесконечность.

На данный момент Финор представлял собой десять кругов. От центра к окраине город разрастался, заключая себя в каменный панцирь стен. Первый круг был дворцовым, то есть от и до представлял собой целую вереницу зданий, парков и даже пары озер, принадлежавших по праву правящей династии, где вместе с королевской семьей в кругу стен обитала личная гвардия, вереница слуг, чьей родословной могли бы позавидовать некоторые аристократы.

Второй круг, или город, был белой костью, там располагались герцоги и наиболее богатые графы, ну и плюс министерства с их полчищем вроде как необязывающих, но меж тем весомых титулов, вроде всяких маркизов и прочих карабасов. Третий круг был уже про нас, баронов, ну и рыцарских семей, мы вроде как последние, кто допускался к его величеству, за нами свободный доступ к королю уже закрыт, здесь уже дозволялось жить богатым сквайрам, так сказать, крупным земельщикам под нашей властью. В четвертом круге обитали леры, так сказать дальняя родня аристократии, вроде как и наши, а меж тем те еще проходимцы и попрошайки, в их круг допускались уже главы гильдий и прочие толстосумы, так сказать для насыщения и уменьшения числа бедных родственников. Пятый круг для состоятельных военных чинов, там же богатые ремесленники и прочий народец, имеющий монету в кармане, но не имеющий титула. В общем, так по статусу все постепенно скатывается к последнему кругу, в котором до сих пор можно было встретить народ, проживающий в землянках. Проклятые голодранцы, но меж тем, как ни крути, верноподданные граждане короны, к тому же через пару сотен лет, возможно, возведут еще один круг, и они окажутся на ступень выше остальных в своем социальном статусе. Чем не мотивация?

* * *

В тот день мы не вошли в Финор. И для того был целый ряд причин, главной из которых являлось гнездо вампиров, а также четыре телеги, в которых под густым пологом я тащил праведно нажитое добро в лице двух Гончих Смерти, а также кракена Хомки и его собутыльника, вернее сокувшинника, доставшегося мне в наследство от Жеткича, злого и вертлявого спрута, о чьем имени, думаю, в будущем позаботится Пестик-Ви, обожавшая эту ихтиофауну.

Я банально не смог бы въехать в город со своим паноптикумом из запрещенных форм жизни. Столица охранялась, причем не только городской стражей, производящей досмотр на

въездных воротах, но и в магическом плане сканировалась на предмет опасных магических проявлений. Это не мои захолустные земли, где мага можно днем с огнем не найти, это город, в котором была магическая академия, город, на страже которого стояла гильдия магов. Тут чуть ли не каждый метр стены был пронизан нитями заклинаний с целой гирляндой всевозможных амулетов.

Но решение было, и не одно. Во-первых, это банальнейший подкуп, со слов графа, не раз открывавший им проход в столицу под протекцией герцога де Тида, его бывшего работодателя. Во-вторых, можно было все той же магией денег открыть ворота контрабандистов, целого преступного синдиката, знающего свои пути доставки за каменный забор, ну и в-третьих, можно было просто не входить. Да-да, тупо не лезть на рожон, а купить себе старинное полузаброшенное поместье, принадлежавшее одному из некогда славных, а ныне находящихся в упадке родов столичной аристократии, в обилии в свое время настроивших усадеб и больших домов, так сказать, на лоне природы за чертой города.

Домов было множество, на любой вкус, за небольшой зоной отчуждения перед непосредственно городской стеной начинался своеобразный пригород из частного сектора, поделенный на участки исключительно из расчета величины денежного мешка будущего хозяина. Мы же пока оставались в дикарях, расположившись лагерем, на телегах, дело выбора дома было серьезным капиталовложением, отчего торопиться не хотелось. Мои слуги на сутки скрылись в городе, вызывая полную процедуру купли-продажи имущества, выискивая нужных чиновников на нужных местах. Наше благо, что существовала королевская административная земельная контора, где воедино соединялась в одних руках общая картина продаваемого и проданного, а также просто находящегося в городской казне надела. За одно только это стоило местным властям пожать руку, не придется стучаться в каждые ворота с вопросом: «Извините, дом не продаете?»

На вторые сутки в наш лагерь прибыл младший управляющий земельной конторы лер Свиртки. Совершенно несобранный юноша под двадцать лет, с всклокоченной гривой кудрявых волос на голове и болезненной худобой тела. Этот Свиртки оказался «швитким» парнем, с живым и хорошо подвешенным языком. Без запинки обильно жестикулируя, он принялся рекламировать свой товар, мертвым грузом проходящий по гроссбухам его конторы.

— Вот посмотрите, какой прекрасный образец архитектуры короля Фердиса Второго! — Мы уже полдня кружили по этому дачному поселку, переходя от участка к участку и рассматривая очередной «прекрасный образчик» архитектуры того или иного столетия. — Некогда дом принадлежал семье купцов Пострамонте, известной в свое время, ну а ныне разорившейся.

День впустую, второй. Мы с графом наматывали круги, выслушивая словоохотливого земельного, но так и не находя приличного дома. А что поделаешь, если все, что непотребно, все, что по тем или иным причинам не поддерживается семьей и соответственно вливанием пусть и минимальных денежек, уже за пару лет неотопливаемой зимы склоняется набок, продувается разбитыми окнами и зияет в небо здоровенными дырами в кровле.

— Свиртки. — Признаться, я вымотался и уже даже не помышлял о дешевом варианте, склоняясь к тому, чтобы купить дом у живых и здравствующих хозяев, а не выгадывать барыши, влезая в аферу с этими полуразвалинами. — Мы так можем кружить вечность, давайте мы с графом будем показывать вам пальцем на ту или иную усадьбу, а уж вы нам будете говорить, есть ли возможность ее выкупа и кому она принадлежит.

Граф с благодарностью мне отвесил поклон, так как, похоже, ему тоже до чертиков надоели эти экскурсии в прошлое и брожения по местам археологических раскопок, а не приличных строений.

— Как вам будет угодно, господин барон! — По лукавому взгляду я невольно, но предположил, что, похоже, именно этого и добивался этот торгаш, специально водя нас по самым худшим местам, чтобы потом погреть руки на нашем отчаянье. Ну да, на том, похоже, и живет засранец, это его хлеб, масло и что они там себе любят намазывать поверх всего

этого хозяйства?

Не мудрствуя лукаво тут же решил проверить гипотезу, ткнув пальцем в довольно солидный земельный участок с высоким каменным домом, своими арочками и миниатюрными башенками повторявший изысканный замок. Он мне уже давно глаз мозолил, все это время мы старательно обходили его стороной, хотя я совершенно четко видел, что дом явно пустует, причем не один год.

— О нет, ваше благородие! — Свиртки выронил папку с грамотами, что прижимал до этого с любовью к своей груди. — Что угодно, господин барон, только не дом старого Фельма!

— Это почему же? — Я промок под вновь начавшимся дождем, проголодался и изрядно устал, чтобы плестись куда-то сегодня еще.

— Как, вы разве не знаете? — Он захлопал глазами. — Арк Фельм, бывший торговый магнат, некогда личный поставщик оружия для королевской гвардии, баснословно богатый человек, правда, без титула, пользовался личной протекцией короля...

— И?.. — не совсем учтиво перебил я поток его словоизлияний.

В общем и целом занятная личность оказалась, о которой что при жизни, что после смерти ходило множество слухов.

— Стоп, стоп! — Десмос замахал руками на Свиртки. — Дом с привидениями?

— Ага. — Потупил взгляд паренек.

— Демоны преисподней! — Граф расхохотался. — Барон, я почему-то другого от вас и не ожидал! Давай, Свиртки, беги в контору, мы берем!

Уже к вечеру наш обоз въехал во двор усадьбы, с трудом распахнув створки заржавевших кованых ворот, в три слоя обмотанных толстой цепью с большим амбарным замком. Красиво. Здесь когда-то было наверняка очень красиво, но сейчас все побила ржавчина, а полы и стены покрыл многолетний ковер из пыли и серого запустения.

Своя конюшня, кузня, разбитая ныне мародерами оранжерея, где вместо стекла были искусно подобраны слюдяные пластины. Огромный зал, искусно украшенный камин, множество комнат, чего тут только не было. Это и вправду был миниатюрный замок, в который в свое время вкладывалось много сил и финансов, благодаря чему, даже по прошествии стольких лет, дом по-прежнему был основательным и крепким.

— Какой странный пол, — озвучила общую мысль Ромашка, когда мы наконец более или менее раскидали вещи по комнатам и собрались с Априей и графом в общем зале, где нам накрыли ужин. — Никогда раньше подобного не встречала.

Здесь так не строили. Черная и белая плитка большого формата повсеместно устилала особняк от конюшни и кухни до самого чердака, в четком геометрическом порядке. Даже дорожки для прогулки по саду были исполнены в этом стиле.

— Мне не нравится его расплывающаяся улыбка! — Бабуля обвинительно кивнула на графа, присутствовавшего при разговоре со Свиртки, когда он поведал нам историю этого места. Граф просто лучился улыбкой до ушей, видимо, в предвкушении того момента, когда я буду вынужден повесть жильцам историю этого дома. Ну а я что? Чем не момент? Под вытягивающиеся лица бабули и Ромашки я стал рассказывать то, что узнал об этом месте и его жильцах.

Ну а начать, наверно, все же стоит с первого хозяина, господина товарища Арка Фельма, некогда более ста лет назад воздвигшего этот дом на свои кровные. Да-да, денежки у него были, что называется, трудовые. Родился Арк в столичных трущобах первого кольца, самая что ни на есть грязь города, и прогрызая ему свой путь вверх пришлось через гранит. Сначала попрошайничал, потом воровал, потом торговал и опять воровал, этот амбициозный мальчик рос вместе со своим капиталом, набирая в весе, набирая во власти, а также год от года множа свою страсть и свою жажду. Он был одержим деньгами. Не знаю, правильно ли вы понимаете одержимость, но этот человек не признавал более ничего в своей жизни, кроме счастья лицезреть тусклый блеск монет в своих руках. Это было все, что ему нужно от жизни. Не было и не стало у него в жизни друзей, не было и не появилось в его жизни

любви, он так и умер, не оставив потомства. Страшно умер, надо сказать. Не своей смертью. Жизнь он прожил долгую, еще при жизни о нем ходили легенды, мол, в загородном доме есть потайная комната, до потолка забитая золотыми монетами, на которых спит старый скряга, трясущийся над каждым медным грошиком. Эдакий Скрудж, или, если угодно, Кощей наш батюшка, Бессмертный, что над златом чах. Сразу просится на язык: чапля чхла, чапля сохла, чапля сдохла... Ну или как-то так.

Наш же герой не стал бы таковым, если бы к своему безумию не прибавил пары унций мозгов. Он бы вообще никем и никак не стал без наличия оных. Надо, пожалуй, ему отдать должное, он был финансовым гением с железной хваткой. С его прошлым и его послужным списком обычно там где-то и остаются в городской канаве, а этот не то что поднялся, он с сильными мира сего ручкался и был у них на хорошем счету. Только вот с возрастом господина Фельма все больше и больше поглощала его страсть, а меж тем костлявая уже на пороге. Из легенды получалось, что отошел он в мир иной уже годков в семьдесят, может, чуть больше.

С этого момента и начинается мистика. Говорят, перед смертью старик связался с дьесальфами, а еще говорят, что неспроста он это сделал. Страсть требовала от него даже в посмертии находиться рядом со своими сокровищами. Правда это или нет, нам наверняка уже не узнать, но вот что является фактом, так это странная и загадочная смерть Арка. Его нашли растерзанным в таинственной многолучевой звезде некроманта. Его практически растянули и разложили в этом рисунке по сухожилиям и мышцам, даже лицевых тканей на практически голом черепе не осталось. Ну и как вы уже поняли, случилось это здесь, в этом доме в верхних комнатах, прямо в кабинете старика.

Ох и свистопляска началась вокруг его имущества. Деловые партнеры сцепились не на жизнь, а на смерть, его дома и прочее имущество тысячу раз переходили из рук в руки, ну а в народе по-прежнему ходила легенда о потайной комнате, которую регулярно брались отыскать сорвиголовы и мародеры разного толка, только, как вы понимаете, безуспешно. Хотя как безуспешно, по разным слухам, от трех до пяти таких бандформирований пропали бесследно, пробравшись в дом старика ночью, а утром так и не объявившись. Мало ли, может, и нашли чего интересного? Ну да это присказка, сказка будет впереди.

Лет через десять-пятнадцать, после того как вся эта суматоха улеглась, та самая королевская административная земляная контора выставила дом на торг, в который, надо сказать, лихо вступил ряд влиятельных семей. Что ни говори, а дом большой, с хорошим участком земли, все это обошлось семье герцогов Капельмар в кругленькую сумму, но, увы, семья даже представить себе не могла, чем им еще придется заплатить впоследствии.

Младшая дочка Капельмара, двенадцатилетняя Нельма, однажды ночью, поднимаясь к себе под ручку со своей служанкой, услышала в дальнем темном коридоре чьи-то едва уловимые шаркающие шаги. Нельма со служанкой, сгорая от любопытства, стали выискивать источник шума, краем взгляда уловив образ какого-то старика, бредшего по их дому. Нужно ли говорить, что девушки сразу смекнули, чья полупрозрачная фигура посреди ночи идет коридорами дома? Им бы бежать без оглядки, да только слишком красочными были образы золотых монет, что по легендам скрываются где-то в тайнике прямо у них под носом. Слишком. Девочки не то что не убежали, они проследили за призраком, который, в конце концов, вывел их в какую-то из комнат, где — вы не поверите! — одна из плиток на полу была вскинута вверх, а внизу, куда они заглянули, переливалось целое море из золотого великолепия чеканных монет.

— Дура, беги! — прервал мой рассказ неистовый крик Ромчика.

От неожиданности и столь бесцеремонно прерванной интриги бабуля выронила кружку с чаем на пол, я, качавшийся на стуле, чуть не растянулся на полу, а невозмутимый улыбака-вампир вздрогнул как от пощечины.

— Ты чего это, Ромашка? — Я оторопело смотрел на взволнованную девочку.

— Пусть, пусть она убежит, Улич! — Она взволнованно стала заламывать руки.

— Не, ну я не против, только это же не выдумка. — Я промочил горло глотком чая. —

Увы, это реальность, и девочка никуда не убежала... Нельма не только не убежала, но и при свете лишь одной свечи решила тут же спуститься вниз, туда, куда ее манил блеск презренного металла.

— Беги в зал! — сказала юная герцогиня своей служанке. — Возьми уголек, чтобы пометить эту плитку, мы закроем ее и никому не скажем, где хранится сокровище! Их тут тысячи, никто и никогда не узнает, где тайник! Мы теперь станем самыми богатыми людьми на всем белом свете!

Служанка побежала, лишь на миг обернувшись, чтобы увидеть, как юная герцогиня спускается вниз и как внезапно гаснет свеча, погружая все вокруг в кромешную тьму, в которой с тихим, но леденящим кровь звуком напольная плитка становится на свое место. Это было страшно. Служанка в панике металась по комнате, пытаясь отыскать нужную плитку и помочь своей госпоже, но куда там, лаза и след простыл, плитки лежали плотно, и их невозможно было отличить одну от другой. Ну и на мой взгляд, ничего удивительного не было, в том, что эта служанка испугалась и не стала наутро ничего говорить своим хозяевам.

Что тут началось! Семья герцога не находила себе места, еще бы — пропала их дочка. Личная охрана, городская гвардия, под сотню всевозможных рыцарей и прочих проходимцев ринулись на поиски, переворачивая всю округу и город вверх дном. Только, увы, впустую. Ответ пришел с наступлением темноты. То из-за одной стены, то из-за другой, то прямо из-под ног, а то словно с потолка неслись жалобные стоны и крики герцогской дочки о помощи. Люди в шоке металась по дому, пытаясь помочь и отыскать девчонку, но куда там! Каждый раз крик доносился из разного места, и так продолжалось целых пять ночей, сводя с ума убитых горем родителей, а также давя грузом ответственности на совесть служанки, которая впоследствии все же рассказала, как оно было на самом деле.

— Это она! — Вскочила Ромка, не сдерживая слез от истории, слишком близко принятой к сердцу. — Это все служанка виновата! Если бы она рассказала все сразу, то герцогиню еще можно было бы спасти!

— Ну да, ну да. — Я подлил себе кипятка, сграбастав пару ватрушек. — Именно так и решил герцог, изрубив ее на куски прямо на глазах у всех. Только вот кто виноват в такой же истории, что произошла чуть позже у семьи де Капа, когда пропал их сын? Или кто виноват в потере жены купца Небрао? Знаешь, по статистике земельной конторы, восемь семей имели радость отыскать тайник господина Фельма, восемь человек пропали за все это время, что стоит этот дом. Как думаешь, кто в их случаях был виноват?

— Но как же так? — Ромашка растерянно озиралась по сторонам, ища поддержки. — Это проклятый старик их всех украл!

— Это не проклятый старик. — Я печально улыбнулся своим мыслям, жестом предлагая девочке сесть на место. — Это, увы, проклятая жадность человеческая. Можно тысячу служанок обвинить и порубить их всех на куски, скормив остатки собакам, можно миллион стариков обвинить в скуперддайстве, избивая их ногами и забирая нажитое имущество. Но вот чего у нас не получается, так это в душу свою поганенькую заглянуть, чтобы увидеть в ней червоточинки наших низменных поступков и страстей.

— Да зачем они ему нужны?! — Ромашка даже кулачком стукнула по краешку стола. — Зачем мертвому старику все эти сокровища? Что он их есть там будет на том свете?

— Нужны или не нужны, это другой вопрос. — Я почувствовал себя «старпером», нравоучительно поднимая пальчик. — Перво-наперво во главе стоять должен постулат: «Не твое — не бери»! Пусть ты хоть тысячу раз с благими намерениями подойдешь, но должно быть понимание, что это не твое, это не мое, это ЕГО. Понимаешь?

— Нет! — Девочка замотала головой. — Так не должно быть, есть вещи куда важнее личных амбиций!

Не знаю. Есть такая поговорка — «как у дурака фантиков». Вот взять, к примеру, меня за дурака, благо мне не привыкать. Всю свою жизнь, допустим, я только и делал, что коллекционировал фантики от конфет. День за днем, год за годом, десятилетие за десятилетием, я собирал их, хранил их, пыль с них сдувал, подшивал, нумеровал, гонялся за

редкими, выменивал или выкупал эксклюзивные. Представили? А теперь представьте, что возле моего дома сломался автобус с группой детей. Мелкие такие сопливцы большеглазые, милые до пороссячьего визга, и захотелось им водички попить. Естественно, вся толпа заходит к тебе в дом на поклон и... фантики. Красивые, цветастые, разные — и все в твоём доме, и все так манят и сверкают, да ещё и запах стоит карамельно-шоколадный. Что будет? Ну, кто скажет, что произойдет? Правильно, все это можно заключить в одну, но ёмкую фразу: «Дядя, подари!»

Вы представляете? Дядя, подари! Это же глупые бумажки, разве они стоят хотя бы одной детской слезинки? Что же ты за сволочь-то такая бессердечная, что можешь довести этих маленьких ангелочков до истерики? Тебе что жалко, что ли?

Не знаю, зацепили ли вы мою мысль, но хочу повториться, не твоё — не бери, пусть ты хоть на сто миллионов верных шансов будешь уверен в своей правоте. Не бери. Это не твоё. Это не про твои шансы, это возможно смысл, надежда и самое сокровенное, что было в душе у того дурака. И пусть это будут не фантики, пусть это будут деньги или, черт его знает, что ещё, но не бери, я ведь не такой, как ты, я это не для вас хранил, берег и множил.

В тот вечер у нас диалога больше не получилось. Ромка, насупившись, ушла с Хенгельман в общую комнату, так как одна спать боялась, ну а Десмос и сотоварищи рыскали в ночи, так сказать, проводя рекогносцировку на местности, оставляя меня в одиночестве у большого затухающего камина в неверной пляске теней от бликов рыжего пламени с прогорклостью сырой древесины.

«Адель», — позвал я одну из вертких полупрозрачных теней, замысловато исполняющих свой завораживающий танец.

«Да, Ульрих», — голос тени веселым колокольчиком прозвучал в моей голове.

«Хозяин дома все ещё здесь?» — Игра света и тени убаюкивала.

«Да, этот вредный старикашка все ещё здесь. — Легкий контур девушки промелькнул над моей головой, едва-едва всколыхнув локоны непокорных волос. — Он злится, Ульрих».

«Ничего, это ничего. — Я сладко зевнул. — Может быть, ещё договоримся».

* * *

В город я попал через неделю. Немного затянули дела. Благо с бумажной волокитой не пришлось долго возиться, земельная контора чуть не с песнями и плясками вручила мне владетельную грамоту на собственность старого Арка Фельма, что называется, вздохнув с облегчением, так как с такой дурной славой этот дом был никому даже даром не нужен. Ну да даром он мне не обошелся. Увы. Содрали хоть и не большие, но весьма ощутимые денежки, плюс пришлось в срочном порядке нанимать артель строителей, дабы подлатать крышу, да и вообще привести запустелый дом в божеский вид. Работы тут для них будет в избытке, а время к зиме поджигает, да и дожди час от часу сильнее. Кто же меня обвинит в моем желании обустроиться с комфортом? Увы, это не Лисий, но уже дом. Нет, не так. Это теперь мой дом, и здесь должен быть теплый туалет, горячая ванна и хорошее добротное кресло, куда можно скрыться от всех жизненных перипетий, для трудоемкого, но приятного процесса мыслеброжения, о великом и главном, как это водится у меня.

Город мне не понравился. Ну не знаю, не мое это, не люблю камень и многолюдную толчею. По крайней мере, такую сумбурную и тесную. Много, очень много людей в городе. Много, очень много каменных домов и мощеных рек улочек. Все родное, суэта, гомон жизни, но... отвык я, что ли, от всего этого?

Пожалуй, что и так. Отвык я за эту пару лет от такой насыщенной жизни, берущей вас в тесные тиски и перемалывающей в жерновах серого быта. Очень похоже на мою прошлую жизнь. Когда-то я так же бежал куда-то, зачем-то, почему-то. Так же думал о работе, о квартплате и прохудившихся ботинках. Обсуждал своих коллег, думал, куда поехать в отпуск, и люто ненавидел пробки на дорогах. Я как только окунулся в городской быт, у меня аж в душе защемило, сердце так часто и болезненно забухало. Соскучилось, что ли,

проклятое?

Мой возок покрутился по улочкам, миновал четыре социально каменные стены, а в пятом круге тормознул возле небольшого трехэтажного домика, где меня ждала любовь, обнимашки и все самое дорогое в моей жизни. Дом Милы Хенгельман — приют моих домочадцев, родные и такие милые лица.

— Он где? Он там? Он тут? Ты с ним? — Маленькая Пестик-Ви запрыгнула ко мне на руки, заключая в объятия и требуя ответа.

— Да привез, привез я твоего Хомку! — Я потискал вертлявую девчонку. — Да не одного, он теперь с другом.

— Ой! — Она соскочила с рук, носясь по комнате. — Баба Мила! Баба Мила! А можно я к Хомочке в гости? Ну можно, можно ведь, правда?

Сели за стол разговоры разговаривать, обед откусивать, чай попивать, да вот еще с Ромочкой знакомиться. Мила и Деметра даже фыркнули в унисон, мол, другого они и не ожидали от меня, старого прожженного спасителя угнетенных, услышав историю нашего знакомства. Но вот когда Априя сдала меня с моим новым домом сестричке, тут уж все дружно покрутили пальчиком у виска, обвинительно накидываясь на меня в духе: «Нет, ну ты опять за свое?»

В общем, семейная идиллия, и пока младший семейный состав занимался знакомством и общими разговорами, старушки тихонечко уволокли меня в уголок, где мы и проводили вечер за беседой.

— Ульрих, я даже спрашивать не хочу, зачем тебе дом Фельма. — Милана Хенгельман подняла руку. — Я уже поняла, что с тобой все равно спорить бесполезно. Лишь предупрежу, что с его хозяином не одно десятилетие билась магическая академия, и даже я привлекалась не раз, но, как ты понимаешь, безрезультатно. Что бы там доподлинно ни случилось, но над Фельмом поработал настоящий мастер своего дела. Это, конечно, не природный выброс некротики, а вполне заданная величина силы, но меж тем размах там неслабый, хочу тебе сказать.

— Понимаю. — Кивнул я ей.

— Но опустим дела твои болезные и даже то гадство, что ты устроил напоследок в своем баронстве. — Милана Хенгельман покачала головой. — Последствия своих дел ты еще по полной вкусишь со временем, меня, уж прости, интересует куда более близкий моему сердцу вопрос, а именно — дальнейшая судьба сестры.

— Понимаю. — Внутри меня что-то сжалось, в предчувствии, нет, даже в понимании дальнейших слов и действий бабушки.

— Пусть это прозвучит жестоко. — Она тяжело вздохнула. — Но я попрошу тебя больше не приходить ко мне в дом. Не подумай чего, за детьми я присмотрю, они ни в чем не будут нуждаться. Но сейчас мне придется задействовать все свои связи, мне нужно будет вернуть, не знаю пока как, к жизни без преследования и наказания свою сестру, а ты, в свете последних событий, из-за своей репутации клятвопреступника не та личность, которая должна быть рядом в такой момент.

— Понимаю. — Внешне я оставался спокоен.

— Ты прости, Ульрих. — Милана опустила голову. — Я не могу тебе сказать, что понимаю то, что ты сделал с Жеткичем, но меж тем я благодарна тебе за то уважение и память, которое ты проявил по отношению к Валентину. Я говорю тебе спасибо и говорю тебе: прости. Это тяжело, мой мальчик, для меня, но пока лучше для всех, если ты уйдешь в сторону. Сам пойми, Герман в скором времени войдет в права владетельного графа, ему нужны будут хорошие связи и помощь влиятельных людей, ему не нужно, чтобы пусть и за спиной, но ему показывали пальцем на тебя. Та же Деметра, пусть и бесприданница, но девушка с хорошим воспитанием, ей не сегодня-завтра о замужестве нужно думать. Ну а Пестик...

Мы перевели взгляд на маленькую бесовку, хороводившую среди старших и задающую общий тон веселья в компании детей.

— Она чистая душа и боготворит тебя, но сейчас ты должен будешь отойти в сторону, — продолжила Мила. — Не знаю когда, но готовься — вся это свора придворной аристократии скоро начнет тыкать в тебя пальцем и всячески задирать. Дуэли, сплетни, закрытые двери в лучшие дома королевства, тебе придется нелегко.

Сказать еще раз — понимаю?

Нет.

Посидим так. Молча. Напоследок. На дорожку. Слов больше не нужно, больше ничего не нужно, и так сказано более чем достаточно. На душе горько и смешно, горько оттого, что права в пророчестве расставания и своей правде старушка, и смешно от глупости сложившейся ситуации.

Я клятвопреступник.

Меня осуждает общество, темные махровые дикари, они осуждают меня. Они такие же мстительные, их руки также по локоть в крови, и лишь одна грань между нами. Я публично нарушил свою клятву, а не как здесь принято держать слово на людях и строить интриги за спиной. Моя вина, я другой и винить в случившемся некого, кроме себя любимого. Только вот... Поверни время вспять, сделал бы я по-другому?

Перед глазами встали лица словно живых Дако и Тины, кулаки сжались, а сердце затопила волна обиды и злости. Нет, нет, ребята, и еще раз нет, не простил тогда и не прощу сейчас, не собираюсь я метать бисер перед свиньями, пытаюсь сохранить хорошую мину при плохой игре. Не имеют права на честь бездумные убийцы и... не имеют теперь права на счастье клятвопреступники.

Один бог только знает, каких усилий мне в тот день стоило продолжать улыбаться детям, только небо может знать, как тяжело мне было обнимать напоследок маленькую Ви, вдыхая аромат ее волос, принимать теплоту ее нежных объятий и сыпать целым ворохом несбыточных обещаний, что я скоро их вновь навещу. Как же тяжело! Это словами не передать, и не дай вам бог, когда-нибудь ощутить на своей шкуре.

Свет за окнами померк, в доме зажгли свечи, в камине весело плясали языки огня, дети пошли провожать меня до двери, старушки Хенгельман не поднимали голов, чтобы не встречаться со мной взглядом. Я накинул плащ, еще раз всех крепко обнял и, не оглядываясь, вышел в ночь, встречаемый холодными ударами дождевых капель.

— Подожди. — Следом за мной, накинув глубокий капюшон, шла Ромашка. — Остановись, Ульрих.

— Ты что-то хотела? — Я не повернулся, чтобы она не видела мое лицо.

— Я не знаю, что произошло, но тебе лучше не спешить. — Она подошла почти вплотную ко мне сзади, кладя свои руки на плечи. — Тебе не нужно что-то объяснять мне, но и домой в таком виде ехать нельзя.

— Со мной все в порядке. — Я тяжело вздохнул, пытаюсь привести себя в чувство.

— С нами всегда все в порядке. — Невесело усмехнулась она. — Просто иногда немножко хуже, чем обычно.

— Да, наверно. — Я сделал шаг в сторону, предлагая ей свою руку. — У тебя есть предложение, как это дело поправить?

— Знаешь, это, конечно, не красит молодую леди, но у меня есть старинное сердечное лекарство от душевных ран и тяжелых сомнений. — Она подмигнула, подхватывая меня под руку и тесно прижимаясь к плечу. — Так делать леди не пристало, но когда мне тяжело или муторно на душе, я люблю гулять в одиночестве по городским улицам, и знаешь что?

— Что? — Невольно улыбнулся я ее задору.

— Лучшим моим другом обычно в таких прогулках всегда был дождь.

Я отослал слугу на повозке к воротам городского кольца, а сам неспешно, совершенно бездумно и без слов стал прогуливаться по пустым и мокрым улочкам этого города-великана, ощущая рядом тепло девичьего тела и смиряя душевную боль неспешным монотонным шагом и щемящей пустотой в сердце и голове.

Пожалуй, так и вправду немного легче. Самую малость, но легче стало отгораживаться

от потерь и одиночества, что нескончаемой чередой преследуют меня по пятам. Шаг, другой, третий. Гулко бухают камни мощеной мостовой, в сыром мареве из дождя отражаясь затухающим эхом в темных подворотнях. Надо же, как все просто. Раньше мне никогда не приходилось использовать подобные приемчики психотерапии из арсенала юных и мечтательных барышень. Обычно замечаешь подобных девчушек мимоходом, одиноких таких мокрых птичек, они либо бесцельно бродят по улочкам, либо сидят с книжками на остановках или в сквериках, отгораживаются от мирской суеты. Помню даже, когда-то давно одна такая юная прелестница бесила меня по ночам, доводя до зубовного скрежета. Так уж вышло, что тогда у меня квартира была на первом этаже и выходила на детскую площадку, на которую и повадилась по ночам ходить совсем еще молоденькая девица кататься на качелях посреди ночи. Оно бы, конечно, все ничего, катается да катается себе, грезя и мечтая о своем девичьем, да вот петли, блин, на качелях никто не смазал! А это, я вам скажу, похуже даже, чем когда с кондиционера соседа с верхнего этажа по твоему подоконнику всю ночь капли падают.

Промокли, продрогли, от чего только ближе и теснее стали прижиматься друг к дружке. Хорошая девочка Ромка. Прямо молодец, ухватила истину, не ведая сути и причин, разглядела, почувствовала своим сердечком мою боль. Подхватила меня под руку, выветривая из души налет черной гнетущей безысходности.

Эх, так бы и бродил с ней до рассвета, да вот жаль эту юную мечтаку, еще заболает, надо бы и домой уже потихоньку направляться. Еще немного поплутав по переулкам, вышел на проспект, откуда уже через полчаса неспешного шага подошли к воротам пятого кольца, где нас ждал слуга с возком. Лошадки неспешно тронулись в путь, мы с Ромашкой, обнявшись, чтобы не замерзнуть, сидели, кутая друг дружку в плащи, пока я не заметил, что девочка стала засыпать, явно умотавшись за день. Ее милая головка лежала у меня на коленях, я стянул с себя плащ, накрывая ей плечи и оберегая сладкий и наверняка приятный сон этого лекаря моей души.

Дорога до усадьбы Фельма неблизкая, я успел о многом поразмышлять, удалось мне даже пару раз разозлиться на весь мир и успокоиться, постепенно смиряясь с неизбежным и принимая новые правила жизненной игры. Пусть так, пусть будет, так как должно и верно для тех, кто мне дорог, даже если мне от того лишь будет во сто крат больней. Пусть будет. Ведь без меня им станет лучше?

По приезде не стал героически рвать пупок и ронять спящую красавицу, так сказать, головой о брусчатку. Не поднять мне пока барышню на руки, позвал слугу, что как пушинку взял Ромку, чтобы отнести в ее комнату.

— Ульрих, только не уходи! — Она всполошилась со сна, выискивая меня мутным взглядом. — Тут у тебя призраки по дому вредных старичков бродят! Пожалуйста, побудь со мной, мне страшно!

Вот тебе на-ка, выкуси. Я оторопело помотал головой. Мне теперь еще и спать с ней? Кх-м. Нет, ну-у... Ну да ладно. Дав пару указаний слуге, что отнес Ромашку наверх, в спальню, аккуратноенько присел на краешек кровати, где, широко раскинув руки, лежала сладко посапывающая принцесска, спасенная не так давно мною, его сиятельством лынцарем о педальном коне моего инвалидного кресла, в которое я еще иногда, вымотавшись, забирался передохнуть.

И что дальше?

Почесав нос, решил раздеть ее, ну промокла же, нельзя в сырых вещах спать, точно простудится. Описав пару кругов вокруг постели, и так и этак примеряясь к спящей, был вынужден расписаться в своем полном бессилии. Нет, я, конечно, когда-то в стародавние времена был знатным раздевателем женских тел и даже мог лифчик в полной темноте одной рукой расстегнуть, но это в связи с тем, что в моем мире на женщинах было в разы меньше одежды. По здравому размышлению понял, что не знаю, за какие шнурки и рюшечки тянуть платье и прочую атрибутику, напыленную в данный момент на Ромку. Это катастрофа, а не платье, в конце концов был вынужден признать я. Неудивительно, что тут так много говорят

о целомудрии, тут женщины вообще могут помереть девственными из-за того, что кавалеры так и не добьются доступа к телу, ибо эти доспехи, пожалуй, можно только мечом срубить слой за слоем со своей возлюбленной.

Ну да где наша не пропадала? Сделав упор ногами в кровать, я руками ухватился за сапог девочки, медленно, но верно с превеликим трудом стягивая его с ноги.

Ты-дыщ!

Сапожок неожиданно резво в конце слетел с ноги, из-за чего я чуть ли не фляк назад через спину совершил, припечатавшись затылком об пол, да так, что аж зеленые круги перед глазами поплыли. Ох, но это еще полбеды! По инерции, взмахнув руками, я запустил со скоростью света сапог через себя, чисто рефлекторно, совершенно без умысла, вдребезги разнеся маленькое слюдяное окошко комнаты.

Вот это номер. Оглушенный, я вскочил с пола, пошатываясь и пытаюсь на ходу придумать какую-то благовидную «отмазку» своим распутным и разудалым действиям. Мол, не извольте беспокоиться, сударыня, барон шутить изволит! И так, знаете, ус молодецкато еще подкрутить с подмигиванием.

Но на мою удачу Ромашка продолжала мирно посапывать в одном сапожке, нисколько не смутившись моей домашней импровизацией. Фу-у-ух. Я аж выдохнул с облегчением, понимая, что выглядел бы наиглупейшим образом в ее глазах. Метнувшись быстрой ланью к разбитому окну, высунул голову на улицу, выискивая виновника моего ночного кошмара. Обнаружил супостата, самым наглым образом повисшим прямо голенищем, за верхнюю пику въездных кованых ворот. Этакое новое знамя моей вотчины, эдакий недвусмысленный намек, мол, не ходите, девки, по лесу гулять...

Старательно скрывая волнение и дрожь в руках, тихо выскользнул из комнаты, перепрыгивая ступеньки через одну, слетая в общий зал к входной двери, где на меня с удивлением взирал давешний слуга парой минут ранее доставивший спящую красавицу и меня в наши апартаменты.

— Чего изволите, ваше благородие? — Он растерянно взирал на меня.

— Эм-м-м. — Я так и эдак прикинул свои шансы на очередной полет кверху тормашками с высоты. — Милейший, а скажи-ка мне... Ты хорошо лазаешь по заборам?

— По заборам? — Его лицо удивленно вытянулось.

— Пойдем. — Я взял его под локоток, выводя на улицу во двор, где мы уже оба молча замерли перед кованой решеткой ворот. — Вон.

Я ткнул пальцем в женский сапожок, чуть ли не ментально понимая всю картину, промелькнувшую в мозгу слуги. Он даже недвусмысленно проследил взглядом полет сапога из окна спальни, где нас оставил, потом задумчиво сделал умозаключения, складывая два плюс два и приходя, видимо, в конечном результате к совершенно неверным выводам. Просто в корне неверным заключениям.

— Господин резвится с дамой изволят! — брякнул он, расплываясь в улыбке. — Ну, ясно! Дело-то молодое, никогда не знаешь, куда портки летят с платьем!

— Ты это... — Я от его выводов невольно залился краской. — Придержи язык. Вон сапог лучшеними!

Нет, ну в самом деле не оправдываться же мне перед ним, рисуя ту фигню, что на самом-то деле произошла!

С каменной мордой лица я ожидал, пока мне вернут сапог, после чего, четко печатая шаг и держа прямую спину, гордо и невозмутимо стал подниматься к себе под лукавым взглядом этого мужичка.

Ну и дела! Скрывшись из вида слуги, я с облегчением выдохнул, невольно улыбаясь всей нелепости сложившейся ситуации. Ведь что самое-то обидное: кому расскажи, ведь никто не поверит!

Продолжая глупо улыбаться, краем взгляда заметил чье-то резкое движение в темноте, вздрагивая от осознания, что нахожусь здесь не один. Замерев и прислушавшись, различил еле уловимые чьи-то шаги, явно удаляющиеся от меня. Кому это, интересно, еще не спится

этой ночью? Тихо прокравшись к повороту коридора, осторожно выглянул за угол, осматривая ряд закрытых дверей и следующий проход, уходящий в правое крыло верхних комнат. По спине побежали мурашки, в коридоре было совершенно пусто, лишь посередине стояла в глиняном подсвечнике свеча да зияла открытым зевом в полу ниша. Это была поднята одна из шахматных плиток. Стало действительно жутко, я словно замороженный на негнушихся ногах подошел к краю, вглядываясь в глубину открывшегося подвала, откуда радужной желтизной на меня сияло целое море маленьких чешуек идеальной чистоты золотых монет!

Ого! Это и вправду потрясало воображение! Здесь даже не миллионы и не миллиарды, тут словно все золото мира лежало под полами дома! Зрелище пугало и манило своей какой-то дикой красотой, все это великолепие словно звало тебя к себе, предлагая упасть в эту сверкающую гладь, маня окунуться с головой в распутное могущество и власть, стать единственным и полноправным хозяином этих несметных сокровищ...

— М-да. — Я еще раз оглядел коридор, так и не найдя взглядом хозяина этого великолепия. — Ну что ж... И я рад с вами познакомиться, господин Фельм.

Поковырявшись одной рукой по карманам, так как в другой по-прежнему сжимал сапог, я извлек на свет свою золотую монетку с выщербленным ножом краем, откуда я в пути брал стружку и пробу для своих экспериментов.

— Это вам за беспокойство.

Монетка, крутнувшись в воздухе от щелчка моих пальцев, золотой рыбкой юркнула в открывшийся лаз, неразличимой каплей сливаясь с этим великолепием моря, где бы ее ни за что и никогда не отыскивали даже тысячи человек, будь у них такая цель. — И еще раз рад познакомиться!

Более не задерживаясь по пути, я вернулся в спальню Ромки, где с горем пополам кое-как скрутился калачиком в кресле, подложив под голову тот самый злополучный сапожок, так и не найдя ему другого применения. Не надевать же его обратно? Да и второй я теперь ни за какие коврижки на свете снимать не стану. Что-то опасно в этом мире принцам с хрустальными туфельками по миру скакать.

* * *

Вот за что отдельно от всех остальных времен года люблю осень, так это за внезапность бабьего лета. Сумбур солнечного безумства, коротенькое и уже совершенно неожиданное счастье, словно осколок зеркала сверкнул среди охапки опавшей разноцветной листвы, на миг радостью озарив всех вокруг.

Дом Фельма оброс строительными лесами, внутренний двор очистили и даже успели восстановить оранжерею, зимний крытый сад, только вот уже на перекрытие пошла не слюда, а хорошее толстое стекло с моих мануфактур. Обживаться стал капитально, с расстановкой и надолго, обустривая все с комфортом, к которому привык в Лисьем. Благо практика у меня хорошая, да и доступ к современным материалам был. У меня в столице работали три моих бизнес-партнера, первый — это перекуп, возивший стекло и зеркала на продажу сюда, а второй — уже мой человек, распространявший заразу гигиены в массы, а именно купец, продававший мыло, зубной порошок и кое-что из лекарств. Ну а третий уже работал по металлу, который благодаря клану гномов шел с моих земель куда качественнее других представителей, дополняя все это керамикой, мебелью и другой мелочевкой.

В их бизнес не лез, народ был ушлым, крутился по полной, копеечку мне в карман клал исправно, посему смысла в контроле над ними не было. Ну да и бездельно сидеть не в моих правилах было. Деньги должны делать деньги, иначе весь капитал в конечном счете сведен будет к нулю. Блуждая по усадьбе и трогая языком набухшие десны, через которые стали проклевываться новые зубы взамен ушедших на покой, я все больше и больше склонялся к мысли открыть свою клинику и вновь практиковать врачевание, так и эдак прикидывая возможные схемы окупаемости этого проекта.

Ну а что? Опыт есть, и немалый, за плечами, ряд препаратов шел с моих лабораторий в Рингмаре, кое-что могу организовать на месте. К тому же есть неслабая база магического аспекта, полученного в ходе обучения у Милы Хенгельман, да и регенеративный контур мастера Моунгира, что мне преподнесла в подарок Ромашка, открывал передо мной поистине неисчерпаемые перспективы, открывая возможности, да и просто бередил во мне дух ученого.

Опять же чем мне еще заниматься? Не с ума же сходить от безделья? Вон даже Ромка и та переехала к своему дядюшке, дом которого мы наконец отыскали. Правда совсем меня она не забросила. Ей, как и мне, до поступления еще год оставался, мы решили совместно подавать документы на следующую осень. А посему скучать ей предстояло не один месяц, знакомых завести еще не успела, ну а я был не самой плохой компанией на свете. По крайней мере я смею на это надеяться.

В город же я старался без особой нужды не соваться. Это было печально, но моя слава наконец-то меня догнала. Меня стали задирать, сознательно провоцируя на дуэли, причем, насколько я понял, для некоторых особо ретивых я стал чем-то вроде мишени. На меня стали охотиться. Мелкие дворянчики, безземельщики и прочая голытьба решили пропиариться за мой счет, либо же просто покрасоваться перед дамами, хвастаясь победой над клятвопреступником, да еще и бароном. Глупая, но меж тем весьма неприятная и опасная ситуация. Поводя плечом, я бы, наверно, их с сотню одной левой отправил на тот свет, только вот магическим способом, а не мечом, как тут это принято. Мечом я хоть и обучен владеть, но вот любви к нему не испытываю, да и признаюсь честно, есть внутренний страх тягаться в этом искусстве с людьми, для которых эта дисциплина преподавалась с молоком матери.

Приходилось пока стискивать зубы и делать вид, что не расслышал или не заметил хамства в свою сторону, либо же натягивать капюшон плаща и скрывать свое лицо в людных местах.

— Барон. — Граф Десмос исполнял пока при мне роль начальника моей стражи со своими подопечными, так как Семьдесят Третьего я сознательно оставил в Рингмаре, чтобы он подтянул там мою гвардию после ухода Гарича, да и за легионом не забывал присматривать. — Вам не удастся все время избегать конфликта, как бы вы ни старались.

Дело в том, что один из соседей, лер Кериган, заносчивый мужчина около тридцати лет, всячески демонстрировал при встрече мне свое «фи», ну а видя мой полный игнор, приказал своим слугам высыпать мусор прямо к моим воротам.

— Давайте я хотя бы распугаю всю округу своими ребятами? — Граф брезгливо потыкал сапогом кучу отходов. — Хоть здесь за городом вас трогать не станут.

— Нельзя. — Я печально покачал головой. — Вызовут магов и вас всех раскатают, а меня за решетку в казематы запрут до конца жизни.

— Но что-то же делать нужно? — Он печально вздохнул.

Нужно? Нужно. Еще как нужно, ведь на излете зимы, а именно в первый день весны, мне еще предстоит предстать перед королевской четой на балу, что проводится для аристократии каждые три года. Де Кервье недвусмысленно мне дала понять, чтобы я даже не смел манкировать этот званный раут. М-да уж, будет жутко, если к тому времени при моем появлении на публике вся эта сволота начнет чуть ли не плевать в мою сторону. Если собственно на мнение знати мне было по большому счету плевать с высокой колокольни, то на мнение короля я уже не мог положить весь груз Донбасса, как говорят в народе. Это чревато, и весьма толстыми обстоятельствами, в дальнейшем моем житие-бытие.

— Что же делать? — Я смотрел на графа, не находя ответа.

Вот он тоже в свое время на этих дуэлях знатно погорел. Стоп! Мысль яркой молнией в ночи пронеслась в моей голове. А ведь вот он наглядный пример! Вот он, такой же заносчивый, кичливый и на всех плюющий аристократ, прекрасный образец для подражания прочим! И ведь проучили же в свое время! Ох, как проучили!

— Есть мысль? — Граф расплылся в улыбке, видя бурю эмоций, отразившихся на моем

лице.

— А то! — Я сорвался с места в карьер, проносясь во двор и поднимая на уши своих слуг. — В город, давайте в город, сегодня же мне нужны лучшие бойцы и мечники из всех школ Финора, которых только можно купить за деньги!

Ну да в тот день никого не было. Лишь под утро неспешно в мою усадьбу стал съезжаться немногочисленный народ, прельщенный монетой и умеющий держаться за рукоять меча. Правда, не обошлось без казусов. Я же не объяснил слугам конкретику, посему приходилось извиняться перед некоторыми пожилыми учителями, мне нужен был бретер, а не наставник, человек за меня и от моего имени способный накостылять всем этим полчищам знатных засранцев, с их бесконечными придирками и скривленными презрительно носами.

Тут, собственно, откололась еще целая партия посетителей, узнав, чем им предстоит заниматься. Работенка та еще, тут ведь как у сапера, можно было весьма жестоко ошибиться, ну и как следствие всего один раз, так как жизнь у нас одна. Толпа желающих прямо на глазах редела, пока и без того жиденький поток желающих совсем не прекратился, оставляя меня с носом.

— Хорошая попытка. — Расплылся в улыбке граф. — И главное — мысль-то дельная была.

Двор был уже к обеду пуст, и больше желающих не предвиделось. То есть совершенно. Как мне стали докладывать слуги, слух уже пущен, бойцы предупреждены, и даже те, что есть профессиональные бретеры, шли в отказ, заслышав, на кого им предстоит работать. А причина была банальна. Бретер подряжается на одну дуэль, максимум на две, но никак ни один на один выходить против целой армии натренированных с детства аристократов. Я словно получил черную метку, меня словно проклинали, и никто не хотел иметь со мной дела. Впрочем, понять их можно, только вот как мне быть в этой ситуации?

— Барон. — Голос графа, выводящий меня из задумчивости, стал серьезен и напряжен. — Делай что хочешь, в ноги ему кланяйся, да хоть в зад целуй, но не смей потерять такой подарок судьбы!

Я поднял взгляд, рассматривая маленького человечка, мнущегося за решеткой ворот моего дома. Он неуверенно смотрел по сторонам, явно не решаясь войти, видимо собираясь с мыслями или же решаясь на что-то.

Был он маленького роста, брит наголо, в одежде преобладали желто-оранжевые цвета, вид он производил человека, прошедшего не один километр дорог, но что конкретно привлекло мое внимание, так это явно выраженный типаж азиата и шесть точек по три в ряд на его бритом черепе.

— Покажи предплечья. — Мы с графом подошли к нему, а я не мог поверить в то, что вижу.

Маленький азиат сбросил с плеча свой увесистый рюкзак, демонстрируя мне свои руки на тыльной стороне предплечья, где я с невероятным удивлением разглядывал два ожога. Первый, на левой руке, был в виде тигра, а второй, на правой, в виде дракона.

— Мастер. — Я вместе с графом склонился в поклоне, так и застыв не разгибаясь.

Это было потрясающе! Такого родства миров я не ожидал, хотя явно угадывалось, что когда-то в стародавние времена была тесная связь с моей матушкой Землей.

— Моя прийти на слух. — Азиат, нисколько не смущаясь, разглядывал наши склоненные в поклоне спины. — Все говорить, ты, мальчик, будешь умирать от тысячи мечей. Все говорить, ты не хочешь умирать от тысячи мечей и ищешь воина.

— Для меня будет честью, если ты станешь моей защитой, мастер. — Разгибаться я пока не стал, ничего, от меня не убудет.

— Моя не станет твой защита. — Он шлепнул ладошкой меня по спине, предлагая разогнуться. — Моя сильно-сильно занятый и не хочет спасать тебя и днем и ночью. Для этого есть стража и твоя охрана. Моя нужно забрать твои тысячи мечей.

Он замолчал, задумчиво подняв взгляд в серое осеннее небо. Из-за чего мы с графом

также устремили взгляд туда, то и дело переглядываясь в ожидании его дальнейших слов.

— Звезд нет, — произнес он, ткнув пальцем вверх. — Ночью есть, а днем нет.

— Не могу не согласиться, — растерянно выдал я.

— Мой учитель Минь Дао сказал, что я не могу считаться великим, пока не сражу столько противников, сколько звезд на небе. — Он подхватил с земли свой рюкзак. — Твоя может оказать моя услугу и отдать своих врагов? Говорят, их тысячи, это было бы хорошо, сразить столько противников, не сходя с места. Моя немножко может заплатить тебе за каждый меч, направленный в тебя, который заберу.

Что? Он что, торгуется со мной, пытаюсь купить у меня каждого дуэлянта, что посмеет бросить вызов?

— Но у моя мало денег. — Он печально вздохнул. — Боюсь, всех не купить.

Бедняжка, это же надо так расстроиться! Да не переживай, я тебе их всех в кредит оформлю! Да что там, бесплатно отдам! Боже! Спасибо тебе за таких людей!

Мы с графом, пардоньте, кланялись, как китайские болванчики, всячески обхаживая маленького азиата и приглашая его в дом, а тот стеснялся и все спрашивал, не обиделся ли я на его предложение и может ли он рассчитывать хотя бы на парочку боев?

Ну и обрадовались мы с Десмосом, он-то тоже в свое время общался пусть и не с таким мастером боевых искусств, но из той же, насколько я понял, далекой империи Мао. Да уж, нашей радости не было предела. Этого мастера боевых искусств звали Сеньгоу До, и был он, как вы уже поняли, молодым и еще не оперившимся выпускником одного из закрытых горных монастырей, где готовят к жизни с малых лет вот таких скромных и лысых парней.

Сеньгоу, или Сенька, как я любовно стал его именовать (ну реально не могу некоторые здешние имена произносить!), радовался как ребенок, когда я предложил совершенно безвозмездно отдать ему всех врагов, да еще и приплатить за них. Он даже засмутился от моей щедрости и пытался отказаться, чем чуть не довел меня до инфаркта и седых волос в мои не полные двенадцать лет.

— Моя не понимать твоей щедрости, Ули Ри. — Это он так сократил на свой лад Ульриха Рингмарского. — Моя же не может совсем ничего тебе дать за твою доброту!

«Проси, чтобы учил! Проси, чтобы учил! — мысленно орал мне в черепушку Десмос. — Таких мастеров на всем белом свете за все свое золото и последние снятые штаны с себя не купить!»

Ну, с одной стороны, вампир был прав. В принципе, он со всех сторон был прав. Только вот я что-то засмутился. Просто это с другими учителями я мог бы прийти, не прийти на занятия, сказать, что сегодня не могу тренироваться, у меня дела, а с этим, насколько я помнил из истории, шутки плохи. Если этот парень возьмется учить, он же научит или убьет, у них третьего не дано. А оно мне надо? Я же в конце концов маг, врач, у меня же руки как у пианиста, мне их в тепле держать нужно, а не молотить кирпичи и доски ими.

— Уважаемый Сенька Ло. — Я отвесил поклон мастеру под испепеляющим взглядом графа и под его крики в мыслеречи. — Для меня честь уже находиться рядом с таким мастером, как вы. Но я бы был вам благодарен, если бы вы взамен взяли обучить меня... в искусстве правильного дыхания!

«Трус! — Тут же фыркнул гневно вампир. — Так и знал, что будешь лениться!»

— О-о-о! — протянул монах. — Моя понимать!

Он подошел и положил мне руку на затылок, закрыв глаза и замерев так на какое-то время.

— Твоя выбрать путь монах ли-дао-дзи. — Он открыл глаза, покачав бритой головой. — Сложный и достойный путь с тысячей вопросов, достойный истинного мужа. Это путь сложных тренировок и телесной боли.

— Нет! — испуганно закачал я головой.

— Да! — радостно закивал мне азиат, потирая руки.

«Ха-ха-ха!» — Корчился мысленно от смеха вампир.

— Я обучу тебя трем ступеням ли-дао-дзи. — Он гордо распрямил грудь. — Тебе не будет стыдно показаться в горах Жень-Ми, когда ты предстанешь перед глазами монахов, чтобы продолжить свой путь.

Да, пля, сейчас прямо все брошу и побегу! От злости на самого себя и этого китайца, а также на кровососущего французика я аж кулаки сжал добела. Но, похоже, деваться мне было некуда, я зависел всецело от этого малыша, он все, что у меня есть, он единственный, кто и вправду может встать между мной и полчищем всех этих заносчивых идиотов.

Сенька был доволен, Десмос лыбился, как всегда, ну а я вынужден был в очередной раз смириться с судьбой. Увы, но другого выхода, похоже, нет.

* * *

Первые испытания моей системы защиты под кодовым названием Сенька Ло я назначил через три дня, так как только за это время я смог произвести моего китайца в безземельного лера, ибо простолюдины и прочие иностранные звания не подходили. С благородным должен был биться благородный, на дуэль мог рассчитывать только равный по происхождению, простолюдина можно было рубить, колоть и всячески истязать вообще без всяких формальностей и предупреждений. Как барон, я мог присвоить подобный титул, и даже с правом последующей передачи господином Ло его своим детям. Ну да господину Ло на это было наплевать, он рвался в бой. Правда, с ним пришлось эти дни возиться, вдавливая в его бритую голову, как ему предстояло действовать, ведь при всем этом мракобесии средних веков, у всей этой дикости были свои законы и правила.

Схему мы отрабатывали в следующем ключе. Я, весь такой важный, выхожу на прогулку, широко расправив плечи, а следом за мной следует граф, которому зима дарит возможность бегать безнаказанно при свете дня, и господин Ло.

К нам подходит какой-нибудь важный господин и начинает всячески надо мной глумиться, а в это время из-за моей могучей спины выступает Ло и бросает вызов грубияну, мол, вы, сударь, оскорбили честь моего сюзерена. Причем грубияна требовалось как-то задеть прилюдно, чтобы он переключил внимание с меня на Ло, а для этого моему маленькому мастеру боевых искусств требовалось хорошенечко оскорбить смутьяна, раззадорить его. Ну не знаю как, допустим, перчатку в лицо бросить или большим дождевым червяком того обозвать, что стало проблемой. Ло совершенно не понимал, для чего нужно ругаться перед боем, по его мнению, вы либо деретесь, либо нет, словами пикироваться этот малыш совершенно не умел и, главное, не понимал, для чего это нужно. В конечном итоге пришлось лгать моему мастеру единоборств.

— Господин Ло, поймите, у нас в стране это традиция, — уговаривал я его. — Бойцы должны перед боем друг дружке сказать что-то обидное, так положено. Это словно проверка вашего умения не только в совершенстве владеть оружием, но и остроты вашего языка, вашего ума. Если вы не оскорбите бойца, он может подумать, что вы его не уважаете!

— Не может быть! — Китаец сокрушенно покачал головой. — Так нельзя! Я должен уважать противника! Я не могу оскорбить воина!

— Вот-вот! — опять я подливал масла в огонь. — Вы же не хотите показаться неучтивым?

— Нет-нет, — тут же заверил меня мастер.

— Поэтому вы должны оскорбить его, причем, чем искусней вы это сделаете, тем большим почтением к вашему уму проникнется противник! — Врать, так уже по полной, решил я.

— Хорошо! — закивал тот. — Моя понимай! Мы сначала сражаться языками, потом сражаться оружием!

Ну, ясно, значит, ясно. Погрузившись в наш маленький возок, мы втроем выехали в сторону городских ворот, чтобы добраться до третьего кольца, где располагалась королевская земляная контора. Мне необходимо было туда попасть, чтобы произвести

сделку по закупке двух соседних, прилегающих к дому Фельма участков с полуобвалившимися домами, в которых я собирался открыть в будущем свою платную клинику.

Удача была на нашей стороне, еще на подъезде к городу нам наперерез выскочил возок лера Керигана, того самого гада, что приказал сваливать мусор у нас у ворот. Тучный мужчина с мясистым носом, он высунулся из окошка, показывая мне кулак.

— А ну пошли вон, вы что, не видите, благородный едет, а не всякая шваль с окраин! — Голос его был под стать комплекции — басовитый и раскатистый.

Я тут же подал знак Ло, чтобы он вступал в словесную перепалку.

— Твоя, кошкин жоп, недостойный счастья гадить тапок, мой сунь-ми-дао господин! — Со всей полнотой чувств и серьезностью во взоре приступил Ло, поглядывая на меня, мол, ну как, я справляюсь?

Справился он знатно, два возка остановились рядышком, все, начиная с извозчиков и слуг и заканчивая мной, графом и лером Кериганом, с отпавшими челюстями застыли в неимоверной потуге осмыслить сие безобразие, исторгаемое нашим желтокожим другом.

— О, недостойнейший из ляо-хе, мошонка бога Пинтуаня! — Ло лучился от того, что явно достиг успеха в этом пока неизвестном для него искусстве поражения врагов. — Как смеешь ты, лю-пань, взирать без трепета на моего сунь-ми-дао, да поразят твои чресла кровососущие блохи пинь-лю-мао!

— Чо? — На лице Керигана явно читался непосильный труд осмысления всей картины.

— Он говорит: ты — чмо пердячее и вызывает тебя на дуэль! — пришел нам на помощь сползший от смеха под сиденье вампир.

— А-а-а! — с облегчением протянул лер, избавляясь от бремени мыслительного процесса. — А то я уже было невесть что подумал... Завтра на дуэльной площадке перед воротами буду ждать, оружие у каждого свое!

Он помахал с улыбкой нам рукой, давая наказ слуге трогаться в дальнейший путь.

— Спасибо! — Вслед ему крикнул с благодарностью Ло, благо тот его уже не слышал. — Какой милый человек, правда?

Я не нашелся что ответить, ну а граф уже пребывал в конвульсиях от сложившего его пополам смеха. Это было что-то с чем-то... Наш маленький буддист отжигал по полной, а уже через час нам с графом стало не до шуток.

— Восемь! — Я шипел яростно в ухо графу, при этом не забывая лучезарно улыбаться Ло. — Граф, он за какой-то час уже вызвал на дуэль восьмерых, и всех на завтра на утро!

— А я что могу сделать? — Граф тоже явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Нам надо остановить как-то этого желтокожего демона, пока он весь город на дуэль не вызвал! — Я нервно вцепился в рукав Десмоса.

— Линь-пао, да разразятся небеса над тобой, тигр, пожирающий кал! — все не унимался Ло, выдавая что-то новенькое каждому встречному господину, посмевавшему косо посмотреть в мою сторону. — Ну что твоя смотрит? Ты уподобился собаке хунь-ба-ло, вылизывающей себе под хвостом! Давай твоя моя сражаться скорей, быстро-быстро приходи завтра к воротам! Спасибо! Люфань-мидао, это что борода у тебя, уважаемый, или ты не успел скушать свою лапшу утром? Кушай, пожалуйста, быстрее, спасибо, буду ждать с нетерпением!

В земляную контору мы чуть ли не на руках внесли улыбающегося монаха, где усадили его в кресло, строго-настрого на сегодня велев прекратить заманивать бойцов на битву, так как, по нашему мнению, Ло не должен себя так вести, он должен быть скромней, ведь скромность — благодетель для достойного мужа, надо же и на другие дни кого-то оставить.

— Да. — Сокрушенно качал головой смущенный мастер боевых искусств. — Нельзя сразу все кушать, иначе не почувствуешь всю остроту и красоту пищи!

Ло — звезда. Нет, не так, Ло — суперзвезда! За то время, пока мы решали вопросы с выкупом земли и подписывали документы, перед конторой собралась огромная толпа зевак, прохожих и всех прочих жителей города, кому посчастливилось наблюдать и слышать

монаха, бранящего из моей повозки всех и каждого, кого успевал заметить. Это было поразительно, такого раньше не бывало, чтобы какой-то заморыш худосочный так поносил прилюдно знатных господ, повелителей этого мира. Даже не знаю, кого они сейчас видели в Ло, то ли Ленина с его наездами на буржуазию, то ли самого доблестного Че Гевару.

Когда мы вышли из здания, нам рукоплескали простые жители города, аплодировали маленькому смущенному монаху, который как заведенный пытался отвесить всем и каждому поклон.

— Приходите, пожалуйста. — Отвешивал он поклоны, улыбаясь. — Спасибо, моя хотеть драться! Моя воин, моя уметь языком! Бао-де! Спасибо!

Как мы добрались до дома, я уже не помнил, я то краснел, то белел, меня била дрожь, и я пребывал в полной прострации, а мое сердце сжалось от страха. Четырнадцать, их уже было четырнадцать, это было непостижимо, это был крах всего. Каким бы ты ни был мега-супербойцом, но не столько же и все в один день на утро! Это конец, малыша просто раскатают по земле, а я буду опозорен. Я буду опущен вообще ниже плинтуса, мое и без того шаткое положение в обществе рухнет окончательно, наверняка я стану посмешищем для всех!

— Может, назад, в Рингмар рванем, пока не поздно? — Граф явно поддался панике, тоже имея вытянутое, озабоченное тяжкими думами лицо.

— Не поможет. — Я покачал печально головой. — Я вот думаю, может, быстренько за ночь объехать хотя бы половину из тех, кого он вызвал, предложим им откуп, я не поскуплюсь на золото?

— Не поможет. — Уже граф выдал мою фразу. — Ты же слышал, как он их обзывал, такого позора еще не знала земля Финорская.

— М-да, — протянул я. — Дела-а.

Но надо иметь мужество. Надо. В ту ночь я практически не сомкнул глаз, к утру чуть ли не доведя себя до истерики. Это же надо было так опростоволоситься с этим монахом?! Ну кто?... Кто мог предвидеть подобную прыть от этого малыша? Если я еще мог надеяться на выигранные одиночные схватки, то теперь я просто пал духом, опустив руки. Уже через какие-то пару часов к месту побоища приедут здоровенные, злющие мужики, закованные в железо от пяток до головы, со смертельно, острозаточенными орудиями убийства. О, чего там только не будет! Помимо мечей наверняка будут секиры, палицы и прочие прелести для усечения и расплющивания глупых и болтливых голов без меры самонадеянных оппонентов.

Что же делать? Не знаю. Надеяться, что хотя бы один-два поединка этот раскосый малый отбегает против этих здоровяков. Ну а потом, когда эта свора повернется ко мне... Не знаю, убить... точно не убьют, я маг, но вот как же быть с репутацией, которой у меня и так кот наплакал? Бежать к бабушке Кервье на поклон, мол, огради глупого от бесчинства? Молить ее? А что делать, придется...

В полной тишине, сохраняя молчание, мы погрузились в повозку, трогаясь в путь. Молчал граф, потерявший свою улыбку, молчал и я, понимая, что потерял свое лицо. Лишь Ло сидел в повозке, скрестив ноги и что-то бубня вроде буддистской мантры себе под нос, явно счастливый и преисполненный надежд на светлое и безоблачное будущее.

Утро было шикарное. Красиво расступились тяжелые, налитые влагой тучи, освобождая чистую синеву небес. Воздух был тих и безмятежен, словно застывшая вода, а остатки не спавшей травы посеребрил первый предвестник скорой зимы, седой и кристально-белый иней. Хотелось дышать, хотелось кричать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Не нужно нам сегодняшнего избиения монахов, ни к чему этот сжимающий стальной рукой позор...

Еще раз, качнув на ухабе воз, слуга остановил лошадку, тем самым намекая, что путь окончен. Пора. Нас уже ждут, и как назло все приперлись в одно время, никто не опоздал, все четырнадцать знатных господ в доспехах со своими родовыми гербами, все при оружии, все со своими свидетелями, но даже не это пугало больше всего. Пугала гомонящая толпа горожан, вразнобой обступившая ровный круг из песка, отсыпанный специально для

господских потех.

Много, реально много собралось народу. За сотню, и они все подходили и подходили, еще бы, такая потеха! Да уж, насмешил вчера их этот невозмутимый малыш. Такого цирка тут еще не видели.

— Ха! — Хлопнул в ладоши здоровенный лер Кериган, задрав забрало своего глухого шлема, чтобы посмотреть на нас. — А мы тут, право слово, уже биться об заклад стали, приедете или нет! Ну что ж, смотрю, что глупости, что смелости вам не занимать, и поскольку я первый, прошу не задерживать меня разговорами, я приглашен сегодня на завтрак к баронессе фон Шед, она ждет меня, чтобы услышать из моих уст о моей победе!

— Нам оставь немножко! Не зря же мы перлись сюда в такую рань! — слышались голоса хохочущих дуэлянтов.

— Пренебреженно, господа, пренебреженно! — расхохотался лер, извлекая из своей повозки огромный двуручный топор. — Все, что разбрызгаю, все ваше, господа!

Ответом ему был дружный хохот и мой холодный пот, стекавший по побелевшему в одночасье лицу.

— Спокойно. — Граф придержал меня за руку, так как я покачнулся на подгибающихся ногах. — Стой здесь, я сам буду выходить.

Он, как представитель нашей стороны, вышел и представил лера Ло, который с невозмутимым видом ковырялся в своем рюкзачке, разматывая тряпки со своего оружия, и пока представитель Керигана представлялся, успел извлечь на свет две толстые палки, обвитые медными кольцами, на концах утяжеленные шарами черного железа. Шест. Боевой шест монахов, он скрутил эти палки посередине, получив длинный — на две головы выше его самого — шест. Никакого смертоубийства заточенной стали. А жаль, даже тут нас подвел наш желтокожий друг.

— Бой до тех пор, пока один из дуэлянтов не будет в состоянии встать с земли! — Услышал я краем уха декламацию представителей бойцов, которые для публики обрисовывали общие правила предстоящего сражения.

— Только и смог, что сговориться не до смерти, — печально произнес Десмос, возвращаясь ко мне.

Наш Ло, мужественный и отважный малыш, вышел на середину круга, таща за собой свой дрын, против здоровяка Керигана, закованного в полубронь, с глухим шлемом и здоровенным двуручным топором на плече.

— Начали! — огласил округу ведущий состязания, назначенный главным, смотрящим от обеих сторон.

— Хе! — Тут же с оттягом рубанул воздух впустую Кериган с плеча, в мгновение ока посылая в полет свой ручной расчленитель человеческих тел. От страха я даже зажмурился! Но страшная участь не постигла малыша, тот всего одним шагом отошел в сторону, пропуская мимо себя эту стальную дур-машину, набирающую обороты, словно пропеллер у вертолета.

Кериган был силен, и, при всей своей грузности, вызывал уважение быстротой реакции и каким-то невероятным остервенением и безудержно диким напором. Он вращал свой тяжеленный топор в руках с грацией бабочки, что непринужденно порхает от цветка к цветку, едва-едва утруждая себя легким росчерком невесомых крылышек. Ну а наш малыш словно в нерешительности мялся на одном месте, делая шаг влево, шаг вправо, оглядываясь по сторонам, но при этом, что самое поразительное, по-прежнему оставаясь в добром здравии и при всех своих частях тела!

— Почему он не бьет? — Я с замиранием сердца смотрел на неуязвимого монаха.

— Без понятия. — Граф удивленно развел руками. — Может, он команды от нас ждет?

— Команды? — Я часто-часто заморгал.

— Похоже. — Граф не по фэн-шую ткнул пальцем в верткого азиата. — Не зря же он на тебя все время смотрит.

— Ло! — заорал я во всю мощь своих легких. — Херачь его!

— Кераси-ё? — Удивленно заморгал тот глазами. — Моя понимать! Кераси-ё! Бык упирается в могучий дуб!

Счастливый китаец внезапно сорвался с места, часто-часто перебирая своими ножками и переходя на бег!

— Стой, мерзавец! — взревел Кериган, устремляясь следом. — Все равно не уйдешь, трус!

Это была картина под названием «Охота паровоза на зайца», другого просто не приходило в голову, описав круг, по отсыпанному песку, набрав приличную скорость, оба бойца внезапно замерли словно вкопанные.

Наш Ло стоял с пустыми руками, а лер Кериган с громогласным «Кхе-е-е!» влетел своей могучей грудью в торчавший из земли шест монаха.

— Кераси-ё! — Китаец лучезарно улыбался, показывая окружающим на повисшего на шесте здоровяка, хрипящего и словно рыба на берегу хватающего ртом воздух. — Бык глупый, бык не смотрит, куда идет! Слишком верит в себя! Отдай.

Последнее это он уже Керигану, забирая из рук лера свой шест, от чего тот, лишенный столь внезапно обнаруженной опоры, завалился на бок, продолжая оглашать окрестности жутким хрипом.

Представители стороны лера при помощи слуг за руки и за ноги потащили своего бойца, так и не поднявшегося с земли, к своему возку, подспудно стягивая с того вогнутый на груди доспех и поливая Керигана водичкой.

— Победителем объявляется лер Ло! — крикнул смотрящий за боями, вскинув флажок моих цветов под жидкие аплодисменты публики, с удивлением на лицах следящей за развернувшейся их взору картиной. — На арену приглашается сэр Джохан Роуд, дабы в честном бою решить вопрос чести!

Пока я держался то за сердце, то за графа, приходя в чувство, на песок неспешно вышел долговязый парень лет двадцати пяти, вооруженный прямым обоюдоострым мечом под одну руку и широким прямоугольным щитом в половину его могучего роста.

— Начали! — тут же дал отмашку смотрящий.

— Как, уже? — Я опять стиснул рукав куртки Десмоса.

— Ты подожди помирать. — Граф взволнованно обхватил меня. — Тебе еще командовать этой желтолицей бестией! Я не знаю всех этих названий для его приемов!

А я знаю?! Демоны преисподней! Монах, как назло, вновь стал уклоняться от боя, уворачиваясь от первых пробных выпадов сэра Роуда. Господин рыцарь явно осторожничал, так как Ло совершенно практически не двигался, лишь немного поворачивая корпус своего тела.

— Ну, давай, знаток. — Десмос повернул меня лицом к азиату. — Командуй, уже все смотрят на тебя, каким способом ты прикажешь завалить противника.

Я бледнел, краснел и трясся, как осиновый лист, сотни пар глаз были обращены в мою сторону, а проклятый монах счастливо улыбался мне, даже умудрившись приветливо помахать рукой!

— Да... же ты ему! — сорвавшимся на фальцет голосом пискнул от волнения я.

— О-о-о! — Округлил глаза Ло. — Вьён-бар-би! Кто прячется за каменной стеной, от нее же и погибнет! Ули Ри жесток!

Ули Ри меж тем был не жесток, он был почти при смерти. Маленький монах неожиданно мощно и резко стал раскручивать в своих вертких ручках свое окованное полено, от чего воздух вокруг него загудел рассерженным ульем. Страшные взмахи мерных восьмерок, а также стальные шары на концах его оружия внушали уважение и трепет. Джохан Роуд не стал испытывать судьбу, тут же отведя меч за спину и прикрыв тело щитом. Глухо и надежно отгородился он от маленького Ло, лишь сверху щита высунув голову и наблюдая за своим непредсказуемым противником.

Напрасно. Напрасно он это сделал, шест монаха метнулся вперед и вниз мощью набранных оборотов, ударяя по нижнему краю окованного железной полосой щита, от чего

тот метнулся вверх, а сэр рыцарь чуть ли не до половины заглотил его, распрощавшись в тот же миг больше чем с половиной своих зубов!

Щит, видимо, был невкусный, так как сэр Роуд тут же выплюнул его обратно чуть ли не с целым литром своей темной и дышащей жаром в утренней прохладе кровью! Он запрокинулся на спину, закрыв лицо руками, глухо подвывая изуродованным ртом.

Победа! Вторая и безоговорочная! Я не мог в это поверить, еще какие-то мгновения назад я думал, что все пропало, но теперь, теперь я понял, что и вправду этот малыш мое спасение и мой шанс отгородиться от всей этой громыхающей железом братии! Я не мог поверить своим глазам, я не мог поверить своей удаче.

— Ульрих, родненький. — Граф вновь вернул свою фирменную улыбку на лицо. — Мне кажется, или мы начинаем побеждать?

— Демоны преисподней! — Я рассматривал испуганные лица оставшихся двенадцати противников. — Как я хочу в это верить!

— Ты только... это... — Граф мотнул головой в сторону кланявшегося толпе монаха. — Ругайся, и ругайся так, как никогда раньше в жизни, чтобы тебе даже сапожники с моряками позавидовали.

— Я? — С дрожью в голосе я повернулся к арене, разглядывая следующего претендента на сатисфакцию.

— У тебя хорошо получается. — Он кивнул в сторону оттащенных с арены тел поверженных до этого бойцов. — Управлять этой желтой машиной смерти.

— Дай-по-жо! Танцующий мул.

— Бай-в-бум-бень! Следи за ветками в густом лесу.

— Нам-пинь-дзяо! Даже тигр убирает свои когти в ножны.

— Влум-пинь-в-дынь! Прекрасная дева склонилась над колодцем.

— Яцао-рви! Поющий соловей в стальных ладонях.

Последнего мне было даже жалко. Ну чисто по-человечески. Мы победили. Вернее, этот малыш. Он делал с этими здоровенными мужиками такие вещи, что я даже поклялся себе, что, что бы ни случилось в моей жизни, никогда и ни под каким предлогом не посещать империю Мао. Страшные люди там живут.

Под восторженные крики горожан, пришедших посмотреть сегодняшние бои, под стоны искалеченных горе-воителей мы погрузили с графом смущенного и всем улыбающегося малыша в наш воз.

— Моя рад! — Кланялся мне Ло. — Хорошо бились, великий учитель Минь Дао улыбается, глядя на своего ученика! Звезд все меньше, а могущество Ло растет с каждым днем!

Мы тряслись в повозке, каждый улыбаясь своим мыслям и неспешным ходом возвращаясь домой. Один из вопросов моего нового становления в этом городе, пусть и не полностью, но решен. Нет, я, конечно, не прекращу руками Ло все слухи за моей спиной, но по крайней мере теперь каждый тысячу раз подумает, прежде чем задирать меня и вываливать свой мусор у моих дверей. Как там было? Яцао-рви? Вот-вот, теперь пусть прикрывают одной ладошкой свои злые языки, ну а второй оберегают покой своих яцао. Я не стремлюсь влиться в их общество, мне не нужны такие друзья, главное, чтобы меня не трогали, хватит мне и так до конца моих дней косых взглядов в спину.

* * *

Дни потянулись серой монотонной лентой проливных дождей и все усиливающимися морозами по ночам. Вот такой вот юг. Да, в моем Рингмаре, наверно, уже шапки снеговые в метр на крышах домов лежат, но, по моему мнению, уж лучше снег, чем эта грязь и дождь стеной и напролет днями.

Это зима. Вот такая невзрачная и унылая она в этих краях. Жизнь словно замедлила обороты, приобретая размеренность и неспешный ход похожих, друг на друга дней.

Настроение было, как в той поговорке, дико хотелось то ли холодца с хреном, то ли революции. Но о революции я мог лишь мечтать, старательно пряча в себе это крамольное чувство, ибо за меня наконец-то взялся мой новый сенсей, улыбочивый, но от этого не менее жестокий, маленький и лысый, как шар для боулинга, лер Сенька До.

Программа была насыщенной. Каждый божий день мы должны были просыпаться ни свет ни заря, чтобы встретить великое солнце в его начале небесного пути, омыть тело небесными слезами (сраный дождь) и исполнить восемь танцев Поу-линь-кама, великого мудреца прошлого, своей мерностью и движением напоминающих чем-то тай-чи, что приобрело популярность одно время в моем мире.

В принципе эта часть была даже приятна, неприятны были следующие за этим физические упражнения и просто Охренеть какая болезненная растяжка всех моих жил и суставов. Ло ломал мое бедное тело, он выворачивал мне руки, выгибал ноги, он даже пару раз выбивал мне своими злыми кулаками плечевые суставы, от чего я ревел, как девчонка, не в силах сдержаться. Это было больно, это маленькое чудовище уродовало меня, согласно своему какому-то внутреннему плану, совершенно не обращая внимания на мои слезы, сопли и мольбы о жалости. Правда, он ломал — он же потом и лечил. Однажды я во время его лечения попросил принести зеркало и чуть не помер от разрыва сердца. У меня только в правом ухе, по моим прикидкам, торчало около десятка длинных тонких игл, к кончикам которых были привязаны маленькие пучки скатанных и тлеющих от огня различных трав.

Я — дикобраз. Я — человек-ёж. Я сам на себя в такие моменты без жалости не мог смотреть. Но кто бы что ни говорил, это помогало и работало. Погружаясь в астрал и наблюдая за энергетическими потоками, я каждый раз испытывал шок от того результата, который вызывал в моем теле этот маленький человечек.

Все во мне приобретало скорость молнии! Я сжигал любую заразу, я регенерировал ткани, как тысяча ящериц свои хвосты, я мог, казалось, в такие минуты так быстро-быстро бежать по земле, что мои ноги оторвутся от земной тверди, и я, словно реактивный самолет, оставляя за собой шлейф, понесусь по небу, красиво так на закат, и режиссер этого абсурда пустит титры под печальную музыку.

Но смеяться можно сколько угодно, а за месяц с копеечкой мой желтый живодер смог усадить меня на оба шпагата, поставить меня на мостик и, подгоняя прутиком, заставить пробежаться в таком непотребстве вокруг дома. Мое тело приобретало грацию какого-то гада ползучего, я уподоблялся в гибкости змеиному сообществу, выгибаясь под невообразимыми углами и подолгу замирая в этих позах, словно кобра в стойке. Это удивляло меня самого, я даже и половины не представлял из того, на что было способно человеческое тело.

— Учитель Ло. — Я сгорал от нетерпения. — Когда же ты будешь учить меня драться?

Я как мальчишка задираю ноги перед зеркалом, пытаюсь изобразить аиста, хотя, конечно, больше склоняюсь к стилю пьяного осла.

— Путь монаха ли-дао-дзи не в битве. — Ло сидел на полу, медитируя и скрестив под собой ноги. — Путь истины и просветление разума — вот дорога, предначертанная тебе небесами. Минь Дао, великий учитель, и тот не смог продвинуться по этому пути дальше четвертой ступени. А пока недостойный его ученик стоит лишь на третьей. В высоких горах Жень-Ми, на крутых откосах каменных великанов, прямо на их плечах, на пороге поднебесной, стоят эти мудрецы, внимая голосу мира и постигая основы языка, на котором с ними говорит Творец.

— Что? — Я прекратил паясничать, усаживаясь рядом с ним.

— Ли — это небо. — Он открыл глаза, ловя мой взгляд в тиски своих темных глаз. — Дао — это энергия души, дзи — земная твердь, основа для всех ног ныне живущих.

— А драться когда? — Мне бы больше конкретики, а уж всякой ерунды я и сам могу кому хочешь на уши навалить.

— Вставай, Ули Ри. — Он вскинул бровь.

Я резко подскочил на ноги, исполняя его волю лишь для того, чтобы тут же

растянуться на полу от мастерски исполненной подсечки рукой моего учителя.

— Вставай, Ули Ри. — Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Скрипнув зубами, я тут же подскочил, попытавшись отскочить от этого юмориста, но куда там, стальная ладонь изловила в воздухе мою щиколотку, заворачивая ее под болезненным углом и вновь укладывая меня на пол.

— Вставай, Ули Ри. — Желтокожий удав гипнотизировал меня, словно кролика, требуя невыполнимого.

Вставай, Ули Ри.

Вставай, Ули Ри.

Вставай, Ули Ри.

Как же я его ненавижу! Меня просто разрывает и трясет от одного только воспоминания о нем! Это мелкое чудовище доводит меня до истерики! Я боюсь в своем доме даже в туалет сходить, потому что в любой момент земля может выскользнуть из-под ног, а надо мной совершенно невозможно прозвучит сакраментальное: «Вставай, Ули Ри».

Сенька Ло устроил настоящую охоту на меня. У меня уже через две недели начал нервно дергаться глаз и трястись руки. После утренних занятий он вроде как отпускал меня до вечерних упражнений в очередных гимнастических танцах, при всем при этом периодически выскакивая из ниоткуда и упирая меня головой в пол. Вот ну совершенно без предупреждений и каких-либо намеков. Эта ниндзя втыкала меня башкой в кафель ванной комнаты, в навоз конюшни, дважды за это время я чуть не сгорел в камине нашего зала, чудом успев растопырить в полете руки! А уж сколько раз я своей спиной и задницей пересчитал ступеньки всех трех лестниц в усадьбе, я даже не берусь сосчитать. Но самое поганое, я не мог его послать. Просто не мог! Он нужен был мне! По прошествии времени с той первой глобальной дуэли Сенька Ло записал на свой счет еще пять десятков боев! М-да уж, палка о двух концах. Если еще первые дуэли были в защиту моей чести, то теперь к нам подходили исключительно из желания скрестить оружие со столь выдающимся бойцом. Маститые и самые известные школы мечников и других помахателей смертельным железом стали отряжать к нам гонцов в лице своих лучших учеников и воинов, которые делали что? Правильно, приходили и крутили свои толстые дули мне под нос, чтобы им бросил вызов мой непревзойденный мастер боевых искусств. Это стальные нервы надо иметь, чтобы вынести все это безобразие.

Ох и тяжело мне пришлось.

Одна радость, меня не забывала проводывать в моей истерии Ромашка.

— Ульрих, ты почему лежишь посреди зала на полу? — В один из дней она застала меня за писаниной моих работ по Маку, которые я теперь выполнял исключительно в лежачем положении, дабы не впечататься головой в стол.

— Господина Ло не видела по пути случайно? — Я затравленно огляделся по сторонам.

— Да, он во дворе беседовал с графом. — Она с интересом просматривала мои блок-схемы будущего амулета. — А что?

— Да так, ничего. — Я с удовольствием позволил себе встать на свои ноги, так соскучившиеся по ходьбе. — Как ваши дела, юная леди? Чем коротаете время в эти мрачные серые дни?

Она жила у дядюшки, особых каких-то обязанностей на нее не навешивали, посему девушка по большей части либо освежала в памяти уроки магии, либо же банально скучала, провожая взглядом капельки дождя, бегущие по окну ее комнаты. Мы все чаще и чаще встречались, в основном она приезжала ко мне, либо же мы выбирали для наших randevu какой-либо из городских ресторанчиков. Я ей казался милым и забавным. Мне она казалась родной и теплой.

Не буду лукавить, мне не хватает такого общения. Милого, спокойного, без того чтобы меня втыкали в пол. Без делового налета и какой-то выгоды, мне до жути было просто человечески приятно видеть улыбку этой милой прелестницы, не ждущей от меня ничего, не смотрящей мне в рот, не оглядывающейся на мое прошлое, хоть она и знала, что произошло

и что именно заставило меня покинуть мои земли.

Я рассказывал ей об этом, не ища в ней понимания или же осуждения, мне просто, как бы это глупо ни звучало, нужно было хоть с кем-то поделиться своими мыслями и той остаточной болью, что все еще налетом сажи покрывала мою душу.

Ромка молодец, доподлинно не скажу, что именно всколыхнуло в ее душе мое прошлое, так как она промолчала. И спасибо ей за это. Все умудрились что-то сказать, как-то повести себя по отношению ко мне, и лишь она промолчала, не берясь судить, а оставляя мне мое и принимая меня со всеми моими тараканами. Это дорогого стоит, поверьте.

Милые прогулки под дождем, теплая рука в моей ладони, мягкая и такая обезоруживающая улыбка, это все, что мне нужно было от нее, и это все я получал с лихвой от нее и совсем даром.

— Ой, Ульрих, что-то совсем я засиделась дома! — Она сверкнула в мою сторону изумрудами своих глаз. — Не изволите ли, барон, прогулять юную леди по городу?

— Отчего же? — Я улыбнулся. — Изволю! Еще как изволю!

Время примерно пара часов до полудня, господин Ло закончил утреннюю экзекуцию, и до вечера я был свободен, так что, почему бы и не прогуляться с милой барышней, пусть и не в самую прекрасную погоду, не по самому прекрасному городу, виденному мной когда-либо?

Со сборами не затягивал, лишь на смену прихватил с собой пару плащей, если те, что на нас, вымокнут до нитки. Правда, пока ждали слугу, выводящего возок для нас да запрягающего лошадку, я успел растянуться под испуганным взглядом Ромки на спине, высоко задрав ноги над головой.

— Вставай, Ули Ри, — совершенно буднично произнес лысый злыдень, тут же скрываясь от нас где-то в доме.

— Это что было? — Девочка, широко раскрыв глаза, смотрела то на меня, валявшегося на спине, то на скрывшегося из вида монаха.

— Да так... — Я поморщился, потирая ушибленный бок. — Не обращай внимания, это некоторые аспекты обучения имперцев Мао. Ты... это... Глянь, ушел этот яйцеголовый?

— Э-м-м... — Она огляделась. — Вроде да.

— Ты хорошо посмотри! — У меня задергался глаз. — Он хитрый, может притаиться за углом!

Девушка, офигевая тихо от подобных речей, не поленилась заглянуть за угол, подавая мне знак, что все в порядке, никого нет, лишь после этого я, как подстреленный заяц, позволил себе взметнуться с земли и на всех парах влететь внутрь нашего возка.

— Давай быстрее забирайся внутрь, пока он не вернулся! — Я дико махал рукой, зовя ее, и шипел громким шепотом. — Быстрее-быстрее! Еще не хватало, чтобы он за нами увязался и подобные номера прилюдно стал исполнять!

Она заскочила внутрь, и слуга шлепнул лошадок мокрыми вожжами по спине, правя малым ходом наш лимужин прочь от усадьбы. Уже немного отъехав, я высунул голову из-под полога, оглядываясь и с непередаваемой радостью в сердце наблюдая за маленькой фигуркой монаха, стоящего под дождем и явно не успевающего нас догнать. Захотелось показать ему кукиш, но сдержался, негоже скатываться мне до таких ребячеств, лучше уж в следующий раз я ему средний палец выставлю или сразу голый зад из амбразуры своей повозки.

Выехав из загородного поселка, мы резво проделали остаток пути до ворот, где довольно быстро миновали очередь из желающих попасть в город. Нам как аристократам было положено без очереди.

Первые три кольца мы даже не выглядывали из-за полога, чтобы не цеплять взглядом то убожество, в котором тут прозябали люди. Это было печально, но я не борец за всеобщее благосостояние человечества, мне бы свое место не потерять под солнцем, а уж потом о других можно побеспокоиться.

— Ульрих, скажи, тебе как барону позволено бывать в первом кольце? — как-то смущенно спросила она.

— Ну да. — Я посмотрел на нее. — А что?

— Мы с тобой уже практически весь город обошли. — Она отвела взгляд. — Почти везде побывали и лишь центра столицы так и не увидели. Меня как иностранку, пусть и с титулом, дальше пятого круга не пускают, не мог бы ты оказать мне любезность и проводить к дворцу, хотя бы одним глазком взглянуть на него?

Я задумался, в принципе ничего невыполнимого она не просила, но я не любил появляться в тех краях, просто переполненных чванливой знатью. Пусть даже сейчас истерия с моей персоной немного спала, притупившись об зубодробительную мотивацию посоха монаха, однако найдутся, наверняка еще найдутся господа, желающие отведать баронской крови. М-да, как назло я еще и сбежал от Ло, моего маленького, но незаменимого помощника в решении этих щекотливых вопросов.

Она сидела, нервно закусив губу и теребя на пальчике массивный, явно с мужской руки, перстень. Подарок отца, как сказала она.

— Ладно, не переживай. — Я махнул рукой. — Будет тебе дворец.

— Спасибо. — Она положила свою маленькую ручку поверх моей ладони, от чего у меня в душе расцвели цветы и гомонящим хором разразились пением скворцы.

Эта часть города и вправду была словно другой мир. Он был идеален, чист, опрятен и радовал глаз и сердце. Сразу, естественно, нас в дворцовый город первого кольца не пустили, гвардейцы короля выдали нам с десятков бланков для заполнения, которые были необязательным пропуском, а лишь перечнем уточняющих вопросов для соискателей, при рассмотрении которых да по прошествии энного количества времени нам бы дали ответ, имеем ли мы право войти внутрь.

— Неплохо берегут покой короля, — хмыкнула Ромашка, вчитываясь в бумаги. — Даже с баронской протекцией внутрь попасть не так просто.

Она не выглядела расстроенной, а я так и подавно. Триста лет он мне не снился этот король с его дворцом, успею еще насмотреться. К тому же нам и второго кольца должно было хватить с избытком для удовлетворения внутреннего любопытства.

О, здесь было на что посмотреть! Держась за руки, мы неспешным шагом шли по широким проспектам, даже не думая смотреть под ноги, такого даже на Земле не было, ну а здесь не было ни одной лужи! Идеальная геометрия дорог, восхитительная выдержка прямых линий, помпезность и дутость вычурных и филигранно исполненных фасадов больших и не стесненных рамками зданий. Во всем каменном мешке Финора днем с огнем было не сыскать деревца, в то время как тут были разбиты целые парки и аллеи, да еще и ажурные кованые поручни дополняли красоту мостов, перекинутых через десяток искусственных речушек и каналов, с четко обрисованным контуром закованных в камень берегов.

Можно было подумать, гуляя под дождем, что это дворцовая смесь нашего Питера, но отсутствие всяких пьяных музыкантов, поэтов, писателей, художников и прочих лодырей от культуры, а также скинхедов и болельщиков «Зенита», все же давало понять, что это не так.

Здесь была своя самобытность, свой стиль и грация. В архитектуре, в каких-то мелочах, в размеренности и степенности встречаемых граждан и даже в том, как мы раскланивались с прохожими, вежливо улыбаясь друг другу.

— Это здание казначейства? — Мы бродили, выискивая то или иное диво этой закрытой территории.

— Простите, а это генеральный штаб армии?

— Управление городской стражи?

— Ромашка, ну и здания ты выискиваешь! — Признаться, я не ожидал от нее подобной прыти, девушка носилась по улицам, таская меня следом за руку. — Ты еще попроси показать дорогу в городскую тюрьму!

— Прости. — Она несколько разочарованно сверкнула в мою сторону взглядом. — Ты прав, мы вымокли и устали, давай пойдем куда-нибудь, перекусим?

Нечто вроде таверны с уютным интерьером отыскалось буквально за пару минут. Нисколько не смущаясь юной леди, тут же заказал себе здоровенный кусок мяса с кружкой

пива, Ромка же ограничилась куском какого-то пирога. На мое счастье, заказ был выполнен с завидной быстротой, от чего я, мило мурлыкая и разбрызгивая сок от поджарки, счастливо рвал зубами богатую свиную вырезку, ощущая, как вместе с голодом уходит холод из костей, а также гудящее напряжение натруженных ног. Тут даже пиво пришлось, что называется, в тему, хоть я и не большой любитель этого напитка. Темное, с горчинкой, не слишком крепкое, с хорошим «мяся» самое то, хотя не отказался бы и от пятидесяти капель чего помощней, ну так, чисто символически, в нос закапать, чтобы простуду сбить.

— Красиво здесь.

Ромчик вилочкой издевалась над своим пирогом, не столько вкушая его, сколько препарируя основу его составных частей.

— В нашей столице тоже, конечно, ничего, но у вас как-то все по-другому. Это ужасает и в то же время завораживает, у вас так остры грани между богатством и нищетой. Что ты опять нос морщишь?

Она всегда бесится, когда я игнорирую ее попытки поговорить о всеобщем равенстве, любви и взаимопонимании. Ну что поделать, если я такой? Я аполитичен, я циничен, люблю себя и свою маму, ну а остальных... Остальные, я считаю, должны сами себя удовлетворять в своих позывах страсти, минимизируя братские объятия, в которые попадают зачастую совершенно не причастные к этому священнодействию люди.

Она села на своего любимого конька-горбунка, вещая мне о том, как же счастливо живут люди у них в империи, она довольно подробно и профессионально загибала пальцы, проводя линию между политическими строями двух стран, говорила, говорила и говорила...

Но кто бы ее слушал? Точно не я, у меня в животе полкило отменной свинины, в руках кружка пива, а душа и воображение рисуют в уголке этой таверны старика Брубeka, и рука сама тянется дать ему пять.

Не хочу я. Просто не хочу. А она хочет и скорей всего делает. Я не вчера родился, я вдруг четко и ясно уловил как жирную точку сегодняшнего дня всю картину. Моя Ромашка — шпион. Не знаю, здесь, в столице она этих вшей нахваталась или изначально была заряжена как Штирлиц, но стало даже немного обидно. Самую малость, правда, не за державу. За себя, потому что она использует меня, пусть и пока как билет, как ширму для своих прогулок, но не опускает рук, чтобы в будущем втянуть в какую-нибудь авантюру. Не зря же разговоры разговаривает. Послушать? Не-е-е... Уж лучше пальчиками дробь по столу выбивать.

— Боги, Ульрих! — Она отбросила вилочку. — Ты невыносим!

— Перестань дуться. — Я накрыл ее руку своей. — Просто то, о чем ты говоришь, не мое, не нужно меня насиловать своими мыслями.

— Тебя попробуй изнасиловать... — Улыбка вновь вернулась на ее лицо. — Ладно, господин барон, раз тебе это неинтересно, давай предлагай сам дальнейший маршрут нашей прогулки.

Признаться, как по мне, так я бы с места не сошел, но раз барышня просит, нужно что-то измыслить, что смогло бы ее развлечь, а главное — отвлечь от этих ее опасных прогулок. Чем у нас обычно девушки отвлекаются и отрешаются от мирских забот? Ох! Сунув руку к поясу, ощупал свой кошелек, про себя прощаясь с его содержимым, впрочем, без особых душевных мук.

— Видел я тут неподалеку одно прелюбопытное местечко!

Расплатившись и надев на себя немного подсохшие у камина плащи, вновь вынырнули под невзрачное серое дождливое небо, отмеряя неспешным шагом ряд кварталов в обратном направлении, где вскоре нашему взгляду предстал довольно больших размеров магазин. Вернее, как здесь принято говорить, лавка. Лавка портного и костюмера, с большой по местным меркам достопримечательностью, а именно прозрачной витриной, на которую я сразу обратил внимание, так как она была из цельного и большого листового стекла. Моего стекла, стекла, изготовленного в Рингмаре. Еще при первом марш-броске с Ромкой я обратил на него свое внимание, хозяин лавки явно незаурядная личность, раз смог сам дойти умом до

подобной экспозиции, еще не имевшей в этом мире популярности.

— Ой! — совершенно по-женски и просто по-человечески воскликнула она, заведя лавку. — Мы туда?

— Угу. — Я галантно распахнул перед ней дверь. — Прошу!

— Я не могу, Ульрих. — Она потупила свой взор, опустил глаза. — Мне не так много денег выделяет дядя, чтобы ходить в такие дорогие лавки.

— Брось. — Я махнул рукой. — Это подарок.

— Так нельзя, Ульрих. — Она нахмурила брови. — Люди могут подумать, что я твоя любовница и содержанка!

— Во-первых, плевать мне на то, что подумают люди. — Я взял ее под локоток. — А во-вторых, будут спрашивать, говори всем, что мы с тобой помолвлены нашими родителями.

— Что?! — У нее отпала челюсть от моего напора, из-за чего она забыла оказать мне сопротивление, покорно входя в этот вертеп разврата из бантиков, рюшечек, ленточек и прочих тряпочек. — Ты что такое несешь? Ты, между прочим, вообще женат!

— И что теперь? — Я махнул на нее рукой. — Почему все женщины считают, что раз женат, значит, что-то вроде как умер? Нисколько, я еще поживее некоторых буду.

— Но как же так? — Чувствовалось, что спорит уже больше автоматически, так как руки ее уже трогали какие-то занавески в форме человеческого тела, ну или как подобное макраме может называться?

— Очень просто. — Я легонечко подтолкнул ее в общий зал, где, знал доподлинно, ни одно даже самое черствое сердце самой последней стервы на всем белом свете не сможет не растаять от обилия всего этого великолепия нарядов, не говоря уже о милой юной леди.

Лавка даже меня поразила своим простором и обилием товара, а также оказалась довольно людным местом, куда сбегались модницы, похоже, со всего второго кольца, даже невзирая на столь унылую и безрадостную погоду.

— Чем могу быть полезен, молодой господин? — Ко мне шаркающей походкой, подслеповато щурясь, подошел невысокого росточка с большими залысинами дедок, вежливо одаривая улыбкой и оценивающим взглядом. — Желаете что-то конкретное? Может быть, изволите снять мерки на эксклюзивный заказ?

— Вообще-то я сопровождаю даму... — Я показал взглядом на Ромашку, словно замороженная блуждающую меж рядов с готовыми нарядами. — Но, пожалуй, и вправду стоит заказать у вас что-нибудь к своему гардеробу, вижу, у вас работают отменные мастера.

— Ваши слова бальзам для моего старого сердца. — Он учтиво поклонился. — Позвольте представиться, мастер-портной лер Шолмер.

— Барон Ульрих фон Рингмар-Когдейр, — представился я, также вежливо отпуская поклон старику.

— Хм. — Старик задумчиво и встревоженно свел свои седые брови, нахмурившись. — Простите старика за любопытство, но не тот ли вы барон Ульрих, о чьей оказии в последнее время столько слухов по столице?

— Увы и ах мне. — Я напрягся, ведь было бы крайне неприятно, если бы меня сейчас попросили покинуть это заведение.

— О, юноша, не стоит беспокоиться, — произнес он, примирительно поднимая руки. — Старому Шолмеру нет дела до высоких материй и чьих-то затронутых моральных чувств. У меня к вам исключительно деловой разговор, уж уважьте старого, не откажите в любезности выпить со мной по кружечке чая.

— С превеликим удовольствием, лишь предупрежу юную леди. — Но, похоже, юная леди даже не услышала меня, лишь пару раз кивнула, мол, давай-давай, иди и не путайся под ногами.

Как и положено старому «хитровану», лер Шолмер дал мне под пустую болтовню выпить первую кружечку заварных и пряных травок, прежде чем перешел наконец-то к делу. Старик был человеком ушлым и с понятием в голове, всегда держал руку на пульсе новых веяний моды, а также был не лишен коммерческой жилки, благодаря чему в свое время и

получил приставку лер, а также смог взобраться на Олимп к небожителям, запуская свои цепкие ручки в их тугие кошельки.

Что ему было нужно от меня? Мыло, выжимки и экстракты, которые я в малых дозах, но все же как побочный продукт выпускал на рынок, зубной порошок, а также все, чем бы я смог его заинтересовать. Все это он перепродавал, закупаясь у моих торговых партнеров в городе, но как он справедливо опасался, недолго скорей всего продлится его бизнес, в связи с тем, что мои купцы постепенно расширяют свои лавки, переходя от городского кольца к кольцу. Пока он на коне, пока он эксклюзивный поставщик товара среди знати, но, в конце концов, скоро люди узнают, где можно будет купить и в разы дешевле без его наценки.

— И вы хотели бы официально стать моим партнером в деле продаж? — Я, немного освоившись и вникнув в суть дела, подлил ему в опустевшую чашку кипятка. — Весьма дальновидно, но, увы, скорей всего невыполнимо.

— Вы думаете? — Он с прищуром изучал меня. — Имея связи, я могу и замедлить темп ваших продаж.

— Не сможете. — Я улыбнулся его угрозе. — Это уже как лавина, даже если моих купцов вышвырнуть вон из города, народ сам за ними поедет.

— Печально. — Он покачал головой. — Печально, но, похоже, вы правы, жаль, я не смог в свое время познакомиться с вами.

— Не стоит расстраиваться. — Я откинулся в кресле, с удовольствием потягивая горячий напиток. — Время не догнать, но вот момент схватить можно.

— У вас есть что предложить? — Он уловил суть моей улыбки с ходу, подобравшись в некоем азарте и предвкушении. — О, не томите, юноша, в моем возрасте вредно волноваться!

Афера, чистой воды афера, ну да как иначе? Да и не потянуть мне без должных связей, а также знаний подобное. Ведь по сути, что собой представляет мой жиденский парфюм? Сейчас скажу, упадете, это здоровенные деревянные бочки или глиняные кувшины. А в чем цена подобного продукта? Правильно, в «мурмулях», наворотах и эпической наклейке с красивым флакончиком. Сам продукт — помазался и забыл, копеечное производство, а вот оформи его да еще обзови эксклюзивом, сколько будет стоить? Баснословные деньги, именно это я и предлагал старику, именно он сможет выполнить этот финт ушами. Почему? Потому что он в этом мире задает моду, он говорит денежным мешкам, какие отвороты нужно делать на их нарядах и какие пуговицы и в какой последовательности пришивать. Психология людских страстей, библия продажных торгашей, ну и пожалуй, если вдуматься, мошенничество чистой воды. У меня есть товар, а у старика имя, связи и доступ ко всем фуфыркам расфуфыренным этого королевства.

Я размещаю заказ на своих мануфактурах, где мне будут отливать затейливые стеклянные пузырьки цветного стекла, я размещаю заказ на производство ароматических масел, мыла и экстрактов, все это соединяю и, увы, прикрепляю этикетку не со своим именем, так как имя будет старика. Именно он из-под полы сначала, по большому «блату», шепотом и только самым-самым вроде как будет реализовывать все это хозяйство, постепенно вводя свои марки, свои названия, а также заоблачные суммы на этот, без сомнения, дорогой товар, стоивший мне копейки, а на деле приносящий колоссальный доход.

Старик слушал не перебивая, ну а я видел, что попал в точку, похоже, именно этим пройдоха, правда пока в маленьких масштабах, и занимался.

— Сколько получу я и сколько будешь требовать ты? — Он перешел на деловой сухой тон. — И сколько понадобится вложить на первоначальной стадии?

— С вас несколько, — произнес я, наблюдая, как вытягивается его лицо, да уж, так у них дела не принято вести. — Вы выбираете место под торговую лавку, я покупаю его и ставлю вывеску на нем, к примеру «Шолмер и сыновья». Далее завожу вам туда товар, а вы продаете, продаете, продаете...

— Стоп! — Он аж подпрыгнул в своем кресле. — Где моя прибыль?! Я что, по-вашему, похож на базарного торговца, который будет сидеть целый день за прилавком?

— Продавцов найму я. — Было даже как-то боязно наблюдать за растерянным, с бегаящим взглядом стариком, пытавшимся уловить суть. — Вы следите за стилем, показываете мне, что конкретно и в каком количестве привозить. Что востребовано, а что нет, возможно, что-то придется делать индивидуально, на вас будут все салоны, все сплетницы и модницы города, вы будете вертеться как белка в колесе, ну и как следствие — я предложу вам, скажем, десять процентов выручки со всего проданного товара.

— Юноша, вы бессердечны! — Он раскинул руки. — Разве можно так наживаться на людях?! Требую минимум половину, мое имя дорого стоит!

Но как лер Шолмер ни бился, а моя оборона, в лице внутренней жабы, позволила оторвать от сердца лишь пятнадцать процентов общего дохода. Верткий старичок, да продлятся его годы бесконечно, приятно иметь дело с деловыми людьми, способными улавливать главное, не путаясь в мелочах.

Долго ли коротко, но в конце концов не осталось даже мелочей для обсуждения и спора. Мы ударили по рукам, каждый, похоже, оставаясь довольным друг другом и одержанной победой. Спустившись в зал, я с трудом отыскал Ромашку, застывшую среди вороха различных тряпочек, возле ширмы примерочной, отгораживающей часть зала от посторонних глаз.

— Ульрих! Ну наконец-то, где ты пропадаешь? — Она подхватила меня под ручку, тыкая пальчиком в наряды. — Ну, какое платье? Какое, молю, скажи, мне взять?!

— А ты уже примеряла их? — По мне так, если честно, что то, что это — комбинезон водолаза, ни тебе декольте, ни тебе открытых плечиков, подобные костюмы химической защиты были не в моем вкусе. Если спросите сугубо мое мнение, Всевышний не для того создавал прекрасную половину человечества, чтобы мы потом прятали их красоту под всякими хламидами, одежда — звучит грубо, на женщинах должен быть наряд, женщина должна быть нарядной, вещи должны подчеркивать их природную грацию и стать. Женщина должна привлекать взгляд, словно магнит, женщина достойна того, чтобы на нее смотрели, а не так, мазнули туда-сюда рассеянно гляделками.

Но со своими разнузданными нравами решил не приставать к Ромашке, просто отправив ее за ширму с наказом облачиться в каждое и предстать передо мной во всей красе для более детального анализа. Ну и просто посмотреть на взгляд девушки, ибо только он может подсказать знающему мужчине, что это именно то платье, которое ты обязан немедленно расхвалить, а также сиюминутно начать уговаривать купить, так как сама она ни в чем не признается даже под пытками.

Все еще пребывая в добром настроении, а также в предвкушении обзора девичьей красоты, блуждающим взглядом наткнулся на стеклянную витрину, где под косым проливным дождем выхватил приближающуюся сухую фигурку маленького лысого человечка.

— Ох ё! — Тело сработало на автомате, я рухнул на пол, закатываясь под один из манекенов, где с замиранием сердца стал шептать как заклинание: «Лишь бы не заметил, лишь бы не заметил».

Сенька Ло собственной персоной бродил по улице, явно выискивая своего нерадивого ученика, для проведения с ним бог знает каких экзекуций! Как он сюда пробрался, проклятый ниндзя? И как он, наверно, зол сейчас на меня, сбежавшего от него!

Сделав упор на четыре кости, под прикрытием подолов женских юбок, принял единственно верное на тот момент решение, а именно — все так же на карачках проник в святая святых — примерочную.

— А-а-а! — Ромашка в кружевных панталонах и фиг знает еще в каком непотребстве огласила зал криком, заведя меня.

— Цыц! — В мгновение ока я подскочил от пола, зажимая ей рот рукой. — Родненькая, прошу, не кричи! Иначе я покойник! Там Сенька Ло, он ищет меня, и, поверь, ничего хорошего не произойдет, если этот лысый малыш обнаружит меня.

— Ты с ума сошел! — Мы тесно прижимались друг к другу, она то краснела, то

бледнела, не забывая при всем при этом поправлять на себе весь свой набор тряпочек. — Что о нас люди подумают?!

Я одним глазом выглянул из-за занавески, тут же заприметив минимум трех солидных матрон в сопровождении более юных леди, с интересом пялившихся на нашу ширму. Вот дела! И вправду неудобно будет, еще разнесут своими злыми языками, какое непотребство видели, по городу, в дополнение к моей славе девочку застыдят. К тому же, как назло, Ло остановился возле стеклянной витрины, задумчиво так изучая это диво. Вот что такое не везет и как с этим бороться? Ромка испуганно жалась в углу, при этом создавая впечатление не столько жертвы, сколько человека, вопрошающего: «Ну а дальше-то что будет?».

— Керенского знаешь? — Я с остервенением стал стягивать с себя свой плащ и камзол.

— Не-а. — Девушка попыталась вжаться в стенку при виде моего поспешного и нелицеприятного стриптиза.

— Историю надо знать! — Скинув громоздкую верхнюю одежду, я подхватил с пола одно из выбранных ею платьев. — Ромашка, солнышко, молю, помоги!

— Да что ты удумал?! — У нее на нервах сорвался голос.

— Платье на меня надень! — Я вновь выглянул в щелку меж занавесок, все так же наблюдая у витрины маленького азиата. — Сам я эту лабуду не в жизнь не смогу на себя правильно напялить!

— Безумец! — Она покачала головой, но все же дрожащими руками стала помогать мне, натягивать через голову целый ворох воздушных и кружевных юбок. — Ты хоть представляешь, что будет, если тебя узнают?

— О-о-о! — прогудел я из глубин женских доспехов. — Еще как представляю, что тут устроит этот нинзюк, если меня обнаружит!

— Кто? — Она зашла мне за спину, стягивая какие-то шнурочки на корсете.

— Не важно. Ай! — Я подпрыгнул на месте. — Ты чего там колешься?

— Не вертись! — Она сопела за спиной, скручивая все это хозяйство намертво различными финтифлюшками. — Тут просто нужно булавочкой заколоть, иначе все разойдется.

— Да твоя булавочка меня чуть ли не насквозь проткнула!

— Говорю, не вертись!

— Ромка, где твои руки?!

— Терпи, а то юбки непотребно широко будут при ходьбе распадаться!

— Даже не думай и там мне что-нибудь булавочкой заколоть!

— Ой, да подумаешь, больно надо!

— Еще как будет больно! И мне это ой как надо!

— Девушка, у вас все в порядке? — Нашу ширму обступили взволнованные посетительницы, с неподдельным интересом вытягивающие шеи, чтобы разглядеть, что же у нас внутри происходит.

— Да!

— Да!

Тут же на пару выпалили мы с Ромашкой, испуганно зажимая друг дружке рты.

— Я говорю! — зашипела она мне на ухо.

— Нет, давай я буду говорить! — Меня стала бить легкая дрожь. — Выйдем порознь, я первый!

— Ой, а вы там не одна? — хмыкнула одна из молодых особ, покрываясь румянцем.

— Я с подружкой! — пискнул я фальцетом. — Эти проклятые булавочки, ну никак с ними не совладать в одиночку!

Понятно! Женская толпа закивала, гомоня, да уж кому, как не им, знать всю подноготную этих скафандров, именуемых в этом мире по ошибке платьями. А меж тем Ромку было уже не остановить, ее ручки порхали, как бабочки, слой за слоем обматывая меня различными прибабасами.

— Ой, ты такая красивая у меня! — Она умилилась своему труду, хлопая

ресничками. — Прямо куколка!

— Сам дурак! — К нервной дрожи у меня добавился нервный тик от ее слов. — Никогда, слышишь? Никогда и никому не рассказывай о том, что тут произошло!

— Да ладно тебе! — Она потрепала меня за щечку. — Настоящая красotka получилась.

— Тьфу. — Я отвернулся, пока она натягивала свое обмундирование. — Надо подобрать мне какой-то головной убор, чтобы хоть немного скрывал лицо.

— Так тебе никогда жениха не сыскать! — Тут же рассмеялась она. — Ладно, не скрипи там зубами, сейчас найду даме шляпку.

Высочив на минутку в зал, она тут же заскочила назад, неся в руках форменное безобразие кремового цвета, все изукрашенное цветочками и с забралом в форме воздушной вуальки.

Ох и перепуган же я был, словами не передать! На негнущихся ногах, под ручку, мы быстро трясущимися руками расплатились за покупку и, накинув плащи, остороженько, но не теряя скорости, высочили на улицу, низко опустив головы, когда проходили мимо все еще пребывающего в задумчивости монаха.

— Стоит?

— Стоит!

— Не смотрит на нас?

— Да не смотрит, не трясись ты так!

Не разбирая дороги, мы, свернув за угол одного из домов, весело хохоча, побежали со всех ног, держась за руки. Ну и денек! От смеха у меня даже бок заболел, прохожие смотрели с недоумением на двух хохочущих девиц, явно не разделяя в этот ненастный день нашего веселья, на что, впрочем, нам было глубоко наплевать. Мандраж спал, уступая место куражу и бесшабашности, особенно добавляли смеху важные молодые люди, весело подмигивающие двум девчонкам и пытающиеся отпустить комплименты. Так и подмывало выдать пролетевшее через года бессмертное от господина Калягина: «Я тебя поцелую... потом... если захочешь...»

— Ульрих, смотри! — Мы застыли перед огромными, ажурнойковки решетчатыми воротами, входом на первое кольцо, сквозь которые хорошо просматривалась часть внутреннего двора королевского мини-города. — Красиво, правда?

Правда. Даже вылизанность улочек второго кольца не могла сравниться с ювелирной отделкой того кусочка мира, что предстал нам сквозь решетку. Там, похоже, даже траву подстригали маникюрными ножничками, правда портило картину чрезмерное обилие застывших истуканами гвардейцев, не знаю, всегда ли тут так, но по меньшей мере под сотню только мы цепляли краешком взгляда.

— Ух ты! — Ромашка захлопала в ладошки. — Смотри-смотри, там розы! Ой, какие они миленькие!

Нам и вправду открылось чудо из чудес. В этом продрогшем каменном мешке, на подступах унылой зимы, прямо в центре этого серого и невзрачного этюда из тоски и пустоты, за каменным забором и высокими решетками просматривалась целая аллея из янтарных капелек бутонов, этих душистых красавиц, оцетинившихся против всего мира шипами, вставшими на защиту своей красоты.

Пошло. Всю жизнь не понимал людей, говоривших, что розы это пошло. Сами вы пошло, а розы — это королевы среди цветов, розы это классика, это совершенство, к которому стоит стремиться! Ну а конкретно эти так вообще. Такой нежно-мягкий цвет, нечто из смеси молока и меда или янтаря на снегу, они просто завораживали своим видом, неся в душу каждого зеваки частичку природной красоты, этого живого и такого ласкающего взгляд совершенства.

— Вот бы хоть одну мне... — Ромашка погрузилась. Да уж, невыполнимая в наших условиях задача, хотя...

Знаете, у нас, мужчин, есть это где-то внутри на генном уровне. Вот у меня был ярчайший случай в детстве, я тогда только-только освоил чудо из чудес под названием

велосипед. Ну как освоил, так, просто перестал падать каждые пять минут, ну и выучил, где у моего коня педали. Мне бы, конечно, не лихачить, да вот помню тот день до сих пор. Я на своем «Аисте», монстре зеленого цвета, несясь по улочкам города, ощущая, как ветер треплет мне волосы на голове, а мальчишки-пешеходы захлебываются слюнями от зависти ко мне, счастливому обладателю этого железного произведения искусства. О, как я раздувался от гордости и своего величия! Ну и что, спросите вы? Ну и то! Прямо перед моим подъездом сидела стоя девчонок, и была там такая одна девочка... что, собственно, не суть важно. Я раз объехал вокруг дома, гордо выпятив грудь, два проехал, три, четыре, а на пятый решил я показать этим фифам, как настоящие, brutальные мачо без рук на «вендрике» могут фигачить...

Я потом себе не раз в жизни говорил: не надо. Вот не надо так перед барышнями делать. Да что там не раз, даже не два и не десять, и даже не сто миллионов раз я зарекался распускать хвост перед дамами. Но, видимо, есть в нас, в мужчинах, что-то, где-то глубоко на генном уровне...

— Одну? — Я обнял ее за плечи. — Скрамница ты моя! Я тебе их сейчас целую кучу нарву!

— Ульрих, не дури! — Она испуганно отпрянула от меня. — Тебя арестуют! Даже думать не смей!

— Спокойствие! — Я расплылся в улыбке. — Сохраняем спокойствие!

Память — это, конечно, не услужливый мой ныне покойный «Мак», но кое-что я и без него стою! Мы прошли еще немного в сторону, скрываясь из виду этой массовки из гвардейцев, подходя как можно ближе к стене из гладкого камня, отгораживающей дворцовые просторы от остального мира.

— Ульрих, прошу, не нужно! — Она испуганно смотрела на меня. — Не нужны мне никакие цветы!

— Да ладно, не бойся. — Я погладил ее по щеке. — Никто не узнает, я быстро, комариком!

— Что ты комариком? — Скептически склонила набок она головку.

Объяснять я не стал, а принялся за тяжкий труд сплетения тугой вязи из всех резервов своего магического потенциала. Крупицу за крупичей я выжимал себя, свивая запутанный и так до конца мною не понятый узор плетения Герхарда Доу. Давно уже заученный мною, правда до этого ни разу еще не испытанный на практике прыжок был подсмотрен у маганемника еще при заварушке в Когдейре, но, к сожалению, из-за недостаточности времени, да еще и с потерей «Мака», так и не разложенного по уму на составляющие. Серьезный узор, серьезные мощности, кропотливый труд, Ромашка застыла открыв рот, с каким-то благоговением следя за моей работой. Да уж, хоть она и проходила основы магии у современного светила империи, но подобного уровня скорей всего ей еще не доводилось видеть. Что греха таить, я сам не понимал и половины из того, что сейчас делаю, тупо копируя чужой труд, с глупой мыслью и бравадой, что все получится. М-да уж, девочка отступила от меня, а я внезапно понял, что где-то и глубоко, как говорят в народе, «накосячил». Мое монстроподобное плетение чуть ли не в физическом плане вибрировало, наливаясь неожиданно резво совершенно неконтролируемой и непонятной энергией, я судорожно хватался за концы заклинания, пытаюсь хоть как-то обуздать то, во что вложился чуть ли не досуха...

— Хитрый Ули Ри! — раздался за моей спиной голос Ло. — Тебе немножко удалось обмануть учитель!

Земля ушла из-под ног, я взметнул в воздух веер из юбок, бухаясь неблагоприятно на спину.

— Вставай, Ули Ри!

Но я не встал, плетение взорвалось снопом искрящихся лент, могучими жгутами мощи обхватывая мое тело, что словно пушинка оторвалось от земли, с неудержимой скоростью кометы отправляясь прямо в пучину серых облаков, обалдело глядящих на творящееся

непотребство.

* * *

Это был словно знак свыше, сердце де Кервье сжалось от страха при виде прекрасной и пышущей жаром цвета аллеи роз. Словно в другой жизни, словно даже и не с ней, давным-давно она сидела в этом же зале для совещаний, с трепетом взирая на своего мужа, такого уверенного, могучего не только статью, но и нравом человека, непобедимого короля, за чьей спиной, ей тогда казалось, можно пережить любые невзгоды.

Как и тогда давным-давно речь шла об империи, на носу была война, это понимали все. Все, кроме нее. О, как же она была молода, как юна и невинна, не замаранная еще политикой и жестокими играми, интригами с ног до головы. Все казалось таким далеким, все казалось пустяковым... Розы, да тогда так же под серым небом распустились розы, дурманя своим сладким ароматом через приоткрытое окно.

А Митсвел очень похож на отца. Широкая кость, мощные кисти, с легкостью превращающиеся в пудовые кулаки, вспыхивает легко, но меж тем нельзя отказать ему в проницательности и твердости характера.

При взгляде на своего сына сердце сжалось в тревоге. Как быстро растут дети, еще совсем недавно он игрался деревянными солдатиками у ног матери по вечерам, пока она решала судьбы королевства, а уже за малый миг все поменялось наоборот. Теперь она сидит в сторонке, тихонечко постукивая спицами, а этот мужчина решает дальнейшую судьбу тысяч подчиненных, впрочем, по-прежнему играясь в солдатiki, правда уже не в деревянные...

Что-то беспокойно на душе было у старой королевы. Что-то грызло ее изнутри, не давая расслабиться и всецело остаться в стороне, оставив сына в покое, предоставив ему законное право решать свою судьбу.

Она перевела взгляд на Ганса Гербельта, тучного чернобородого мужчину, что расплылся по правую руку от сына в большом кресле, пребывая в молчании, но меж тем показывая взглядом, что внимательно слушает окружающих. Министр тайной полиции и разведки, главный шпион королевства был обязан ей тем, что в свое время именно она приблизила его к короне за выдающийся ум и проницательность, кои она смогла рассмотреть тогда в щуплом теле безусого юноши. М-да уж, время не стоит на месте, время никого не щадит, забирая от каждого по крупице.

Ганс в приватной беседе дал ей информацию, что император где-то здесь. Вечный, легендарный враг Финора вновь направил свой взор в их сторону, и лишь некоторые из министров все еще сомневались в том, что скоро грянет война. Все как когда-то. Тот же кабинет, те же практически речи, такой же смелый и решительный мужчина во главе стола, и она, с трепетом взирающая на янтарно-желтую аллею и пропускающая мимо ушей весь этот деловой треп.

Сэр Фенгель Вард, сухой и высокий седоволосый мужчина, чье лицо вдоль и поперек было исполосовано шрамами, немного фривольно вещал присутствующим о состоянии дел вверенной его управлению армии. В принципе неплохой полководец, но только в принципе. Тех, кто когда-то вел полномасштабные боевые действия, уже нет в живых, ну а Вард... он немного самонадеян. Нет, нельзя сказать, что он не знает, что такое кровь и звон стали, этот человек не раз своей отвагой и делом доказал королю, что не зря возглавляет всю мощь железного кулака короны, но это не тот объем. Финор уже очень много лет не приводил в движение всю свою мощь, все, что перепало на долю военных за эти годы, это пять небольших пограничных конфликтов, и лишь она, бывшая королева, еще помнит, как страшно дрожит земля под поступью тысяч и тысяч ног солдат, идущих на войну.

Неужели все повторится снова?

Она отложила свои спицы на колени, устало растерев ладонями лицо. Неужели опять империя заберет у нее самое дорогое ее сердцу, вновь обрекая на невыносимую боль в груди,

что лишь слегка притупляется с годами, но никуда не уходит.

Взять и приказать вырубить к демонам эту проклятую аллею? Она невольно улыбнулась своим мыслям. Да, определенно нужно было что-то менять в отношении грядущего конфликта. Все словно по накатанной колее шло, как и раньше, повторяя то, что было когда-то, вновь и вновь. Те же разговоры, те же слова, люди, не зная прошлого, повторяют одно и то же, но она-то уже это проходила, она уже отплакала свое бессонными ночами, хватит, решительно и однозначно нужно что-то менять во всем этом.

Вечный Император не зря так назывался, он давно под этим небом живет. Де Кервье невольно вздрогнула. Да, было от чего, при годах ее правления, до нее, а также теперь, скорей всего и после, этот уже не человек, а некое существо вновь и вновь бросается с каким-то остервенением на нее и дом ее предков, а также тех, кто будет после нее.

Как он вообще в силах жить столько лет? Нет, она, конечно, знала, впрочем, как и многие другие, секрет этого существа, но вот как? Как найти в себе силы после стольких лет снова вставать и вставать, ввязываясь в бесконечную вражду, просто бездумно швыряясь жизнями сотен тысяч как своих, так и других подчиненных?

Все как всегда, это знает она и это знает это бессмертное чудовище, что вновь грозит войной, он опять распрямляет плечи после долгих лет перемирия. Но кто может поручиться, что вновь подлость и предательство не дадут пресечь бесконечную череду войн? Хитер, ой хитер старый змей и враг короны, а также опасен своей неуловимостью, своей непредсказуемостью. Не раз битый, он с каждым разом все изощренней и изощренней становится в своем вероломстве, и лишь мы, коснолобые, не в силах менять правила игры, отвечая ему его же монетой. А надо, де Кервье всем сердцем чувствовала, что необходимо было играть по-другому, просто катастрофически нужна была какая-то мелочь, какая-то деталь, выходящая за рамки обычного восприятия, за которую она бы смогла уцепиться, в корне меняя всю расстановку сил на карте... Хоть что-то... Боги, дайте мне хоть что-то! Дайте мне хоть какой-то самый маленький знак, что в этот раз все будет по-другому!

И пришло знамение.

Огромное витражное окно, выходящее на аллею роз, внезапно разлетелось миллиардом сияющих осколков слюдяного льда! Мощно, резко, с грохотом и феерией дикого страха в сердце окно разлетелось по залу совещаний на крохотные частички, впуская внутрь прохладу приближающейся зимы, влагу проливного дождя и орущую не своим голосом фигурку какой-то девчушки, словно ядро из катапульты влетевшую в комнату!

Здоровые седоволосые мужики хватались кто за сердце, кто за оружие, а кто и за штаны, и лишь маленькая старушка в углу комнаты с улыбкой на лице приняла достойно всю эту фантазмагорию и ор десятка перепуганных глоток.

— Твою же мать! — взревел король, опрокидывая свое изукрашенное регалиями кресло.

— Демоны преисподней! — Сполз под стол тучный Гербельт.

— Что за хрень?! — орал Фенгель Вард, вскакивая на стол и обнажая свой меч. — Стража, все ко мне!

— Ой, простите, тысяча извинений! — залепетала испуганно девушка, очумело пошатываясь и поднимаясь с пола. — Я, кажется, немножко ошибся адресом? Это Ленина, пятьдесят три? Нет? Еще раз извините!

Дверь зала слетела с петель. Сверкая сталью и остротой клинков, комнату стала наполнять гвардия, быстрым порядком прикрывая собой всю верхушку власти Финорского королевства. Гомон, крики, какая-то суетливая паника, под сотню острейших пик ошетинилось жалами в сторону едва стоящей на ногах девочки.

— Ну-ка успокойтесь все! — Сухой властный голос престарелой экс-королевы погрузил зал в ватную и напряженную тишину. — А ну разошлись! Дайте мне посмотреть на смутьянку!

Дополнений к словам не потребовалось, слово де Кервье — это считай то же самое, что и слово короля, лишь с небольшой разницей, что король может и забыть, за что ругался

накануне, а вот старушка не забудет никогда.

Плечистые солдаты, спешно расталкивая друг друга, освободили проход щупленькой старушке, а весь кабинет министров не посмел и слова молвить вопреки.

— Так-так! — Де Кервье подошла почти вплотную к непонятно откуда взявшемуся существу, беря этот ворох из юбок и кружев за подбородок и внимательно вглядываясь в миловидные детские черты лица. — Кто это у нас? А-а-а-а! Барон Ульрих фон Рингмар-Когдейр собственной персоной!

— Здравствуйте, бабушка Кервье. — Чудо, покачнувшись в очередной раз, ухватило за руку королевы. — Я тут мимоходом пробежал, дай, думаю, проведаю вас. Как вы вообще тут поживаете?

— Ульрих, кх-м... — Де Кервье удивленно оглядывала незнакомку. — А что на тебе надето? Это что, платье и... не могу понять, шляпка, что ли?

— Да, шляпку жалко. — Существо ощупало свою голову. — Она так шла к цвету моих глаз...

Еще раз покачнувшись, неведомое нечто мешком осело на землю, видимо теряя сознание.

* * *

Кап-кап.

Темно.

Холодно.

Лежу на каменном полу.

М-да. Дела. Нет, ну все понятно, я арестован и где-то в подземельях дворцовой тюрьмы. Голова раскалывается, ноги-руки затекли, а мысли испуганно жались где-то по углам черепной коробочки, все кроме одной. «ДОИГРАЛСЯ!»

Все теперь, похоже, моя песенка спета, я перешел все грани дозволенного, это была, похоже, последняя ошибка в моей жизни.

Смутно, словно во сне, я припомнил, как заклинание, так и не доведенное должным образом до своего логического завершения, обхватило меня, с дикой силой отрывая от земли и выбивая слезу, понесло прочь и ввысь в серые дождливые небеса. Я даже пытался что-то еще поправить, но, увы, страшный удар — мое счастье, что хоть не об стену, а в окно, — выбил из меня дух. Помнится, вроде бы еще что-то лепетал, с ужасом осозная, что вляпался по самое не могу. Помню де Кервье, заботливо придерживающую меня за руку. Потом пустота, похоже, я потерял сознание.

Господи, как там бедная Ромашка? Даже не представляю, какой ужас охватил бедную девочку, одну, посреди города. Ну и дурак же я! Лишь бы Ло не бросил ее одну. Тоже еще хрен его принес на мою голову! Может, если бы не его подсечка, я бы и совладал с плетением! Ну да винить в своей глупости других не стоит, что ни говори, а случившееся целиком и полностью моя вина.

Кап-кап, где-то в дальнем углу монотонно падала на пол вода. Прижавшись лбом к холодному камню, какое-то время просто лежал, пытаюсь успокоиться и немного собраться с мыслями. Но сколько не лежи, а легче не становилось, благо помогла практика врачевания Хенгельман. Боль постепенно ушла, забирая с собой слабость и головокружение, смертельно хотелось есть и катастрофически не хватало света. Ну да с последним худо-бедно стал справляться, используя астрал как энергетическую проекцию окружающего мира. Немножко непривычно, но со временем освоился, побродил по каменному каземату, постучал пяткой в закрытую дверь... расправил и пригладил платье.

Да, с этим прямо беда была, первый позыв снять дамский наряд отбросил за несостоятельностью, в камере было весьма прохладно, и оставаться в одной тоненькой рубашечке и штанах совершенно не улыбалось.

Время потянулось монотонной бесконечной лентой, я пытал себя упреками и

мрачными мыслями, то так то эдак прикидывая дальнейший поворот событий, но так и не пришел к однозначному выводу. Слишком мало информации и слишком дурацкая ситуация, все, что мне оставалось, это тупо и покорно ждать решения людей, от которых теперь зависит не только моя репутация, но и, похоже, моя жизнь.

— Мама, я не понимаю, зачем мы здесь! — Меня вырвали из задумчивости размытые голоса из-за двери.

Бу-бу-бу.

— Ну ма!

— Госпожа Кервье! — Чей-то сухой старческий голос.

Бу-бу-бу.

— Хорошо, мама.

Отчетливо щелкнул замок, отпираемый ключом, скрипнули петли, отворяя дверь, и яркий свет от дымных чадающих смолюю факелов на миг ослепил меня, невольно заставляя прикрыть глаза рукой.

— Ульрих, малыш, ты очнулся? — Первой в камеру, опережая стражу, вошла щупленькая, но меж тем с гордой осанкой де Кервье. — Ну, ты и наделал шуму при своем появлении!

— Доброе утро, день или вечер, не знаю, что у вас там сейчас. — Сохраняя правила приличия, я поднялся с пола и поклонился бывшей королеве.

— День, родненький, день. — Она помахала рукой своим сопровождающим, приглашая их войти внутрь.

К своему внутреннему ужасу, я сразу же узнал вошедшего следом за бабулей здоровяка, чей профиль не раз уже мелькал передо мной на чеканных золотых монетах королевства, другого мнения быть не могло — его величество король Финора Митсвел Первый, собственной персоной, наморщив нос, протиснулся в явно тесноватую для него дверку. Недолго думая, тут же опустился перед ним на одно колено, низко опустив голову, чего требовал от меня этикет и положение двора, а вот третьего посетителя я не знал. Хотя о его ремесле спорить не стоит, явно маг, темно-красная мантия с замысловатой вязью узоров прекрасно сидела на высокой и крепкой фигуре седоволосого мужчины с гладко выбритым подбородком и живым умным взглядом на остром хищном лице.

— Так-с, — произнес маг, с прищуром осматривая меня. — Значит, ЭТО будущий студент моей академии, вы хотите сказать?

Ком подкатил к горлу, это что же получается? Передо мной стоят король и верховный маг короны, по совместительству глава академии магов Финора?

— Так, не страшайте мне мальчика! — Топнула ногой бабуля. — Ганс, старый лис, а ты где запропастился?

В комнату бочком из-за весьма раздувшейся фигуры вошел четвертый посетитель, сердито топорща кустистую черную бороду, и что самое характерное, именно его я боялся даже больше первых двух из-за слухов, ходивших по городу о главе тайной полиции короля. Вот и все, я, кажется, собрал вместе на одном пяточке всю мощь королевства, умудрившись своей выходкой вогнать себя по самое не могу в наиглубейшую задницу своей печальной судьбы.

Низко опустив голову, все же заметил появление слуг, внесших в мои апартаменты небольшой столик и ряд мягких кресел. Ну а что? Такие важные господа должны обустраиваться с комфортом. Слуги меж тем приступили к сервировке стола, выставляя легкую закуску и пару графинов, видимо с вином.

— Рассаживаемся, господа, рассаживаемся, нечего в гляделки играть и каменные лица мне тут корчить! — Бабуля хлопнула в ладоши, вновь беря контроль в свои руки над этими растерянными мужчинами. — А ты, Ульрих, кончай там шею гнуть, чай, не гусь какой, давай присаживайся рядышком и рассказывай бабушке, что это ты отчебучил в очередной раз.

Ну-у... Отчебучил так отчебучил, скрывать не стал, описывая в красках события минувшего дня, немного краснея, повествуя о прогулке по городу с милой барышней, о

своих нелегких отношениях со своим учителем боевых искусств, о розах...

— Вы уж простите, я бы всего парочку сорвал и сразу же назад! — Пришлось ломать комедию, хлопая ресничками и прижимая к груди руки.

— Ха-ха-ха! — заливался смехом, держась за бок, Митсвел Первый.

— Кхм-хи-ха! — пытался сдержаться верховный маг.

— Твою же мать! Ты хоть представляешь, как перепугал всех вокруг, мальчишка?! — Чернобородый Гербельт вытирал слезы от смеха. — Ой, не могу!

— М-да уж! — Первым взял себя в руки маг. — Ну-ка покажи мне, что ты применил, мальчик.

Я пожал плечами, тут же начав плести повторно узор, правда полностью купирова энергочанал, во-первых, потому что мой внутренний резерв был сух, как пустыня Каракумы, ну а во-вторых, мало ли что...

— Стой! — Маг, до этого с интересом наблюдавший за моими действиями, суматошно замахал руками. — Немедленно прекрати, иначе сейчас расплотишь себя об потолок!

Я испуганно ухватился за заклинание, развеивая его контур, подобного развития событий мне совершенно не хотелось!

— Ты где вообще подобное подхватил? — Маг нахмурил брови. — Кто твой наставник?

Пришлось вновь рассказывать про свои приключения и про Герхарда Доу, у которого я экспроприировал этот магический контур, погружаясь в прошлое и с болью в сердце рассказывая этим людям про сэра Дако и его последние дни жизни. Нет, в моем рассказе Тина не была вампиром и не было у меня в помощниках сестриц Хенгельман, но от этого суть дела не менялась. Я совершенно спокойно и даже с каким-то внутренним вызовом поведал им о своем поступке, о своем бесчестии и том грузе, что добровольно взвалил на свои плечи.

— Но как так? — Король недоуменно смотрел на своих сопровождающих. — Я думал, что это легенда: про мага и русалку! Почему никто не занялся расследованием гибели защитника?!

— Признаться честно, мы тоже посчитали это выдумкой и простым несчастным случаем. — Ганс Гербельт покачал головой. — Никто тогда не поверил в слухи, шедшие с северной окраины, да и как было в подобное поверить, чтобы русалка могла одолеть мага?

— Жеткий... — Маг как-то печально покачал головой. — Не думал, что когда-нибудь вновь услышу его имя, увы, это не легенда, и упрек мне, что я выпустил его из виду. Мы учились вместе с ним, он уже тогда был словно не от мира сего, но талантлив был, этого у него не отнять...

— Господин Нильс Ваггет! — Король нахмурился, обращаясь к магу. — Требую от вас всесторонне изучить эту историю и разобраться с защитниками, что проворонили на своих землях подобное бесчинство!

— Да, мой король. — Маг изобразил поклон. — Это пощечина для всей нашей гильдии и целиком наша вина. А вам, юноша...

Его тяжелый взгляд уперся в меня, прожигая словно насквозь.

— Стоит впредь избегать столь опрометчивых поступков! — Он нахмурил брови. — Как вы вообще додумались использовать то, о чем даже не имеете ни малейшего представления!

— Да уж... хе-хе... — вновь улыбнулся король. — Знатная смена у вас подрастает, господин Ваггет!

— Будем надеяться, — улыбнулся маг. — А то с такой прытью, боюсь, он и до поступления у нас не доживет.

— Ладно. — Король поднялся, хлопнув себя по коленям и обращаясь к слугам: — Юношу отпустить, а его даме сердца, из-за которой он перепугал тут весь дворец, лично от меня послать сотню тех самых злополучных роз!

— От меня прибавьте еще сотню! — рассмеялся Нильс Ваггет, также поднимаясь со

своего места. — Такой романтик и столь глупая выходка требуют поощрения, причем не только ремнем по заднице!

Оба, продолжая смеяться, вышли из камеры, оставляя меня один на один с бабулей и черной бородой главного шпиона королевства. Ну хоть так! Главное уже достигнуто, сегодня меня, похоже, не повесят.

— Ну а у меня к вам, молодой человек, есть еще парочка вопросов. — Ганс подался вперед, нависая надо мной всей своей громадой тучного тела. — Имеете ли вы какое-то отношение к империи?

— Да нет вроде. — Я вжал голову в плечи.

— А если подумать? — Он склонил голову набок.

— Эм-м... — Мне стало немного неловко. — Никогда там ранее не был, правда...

— Что? — Взгляд у него стал колючим-колючим.

— Ромашка. — Я сглотнул. — Она имперка, приехала в столицу, чтобы учиться в нашей магической академии.

Хочешь соврать — говори правду, но не всю, это я уже давно понял в своей жизни. Рано или поздно этот факт мог всплыть самостоятельно, а так вроде бы я сам пошел на сотрудничество.

— Что-нибудь еще? — Он вновь откинулся на спинку кресла.

— Да нет вроде бы. — Я растерянно посмотрел на бабулю. — Больше имперцев я не знаю.

— Ладно, Ганс, — подала голос бабуля. — Хватит, думаю, на сегодня мучить мальчика расспросами. Собирайся, Ульрих, снаружи тебя ждет карета, она отвезет тебя домой. Отдохни немного, приведи себя в порядок, соберись с мыслями...

— От меня что-то потребуется? — Я тоже поднялся со своего места, последовав примеру де Кервье и господина Гербельта.

— Да. — Она кивнула не столько мне, сколько своим мыслям. — Я хочу, чтобы ты к следующей неделе подготовил мне доклад по империи.

— Доклад? — Я удивленно заморгал глазами. — Империи?

— Именно, — подал голос из бороды Ганс. — Госпожа Кервье весьма лестно отзывалась о твоих умственных способностях...

Он невольно рассмеялся, пряча улыбку в кулак, но вскоре собрался и продолжил:

— И я хочу послушать твои мысли и все, что сможешь собрать об этом государстве. — Он пропустил вперед бабулю, шествующую впереди нас извилистыми коридорами прочь из темницы. — Не слишком мало времени я тебе даю?

— Неделя... — прошептал я себе под нос. — Нет, пожалуй, вполне хватит.

— Вот и отлично. — Он похлопал меня по плечу. — Ровно по прошествии этого времени я пришлю за тобой карету, надеюсь, тебе удастся, парень, удивить меня еще больше, будем считать эту работу твоей платой за мой внезапный испуг. И еще...

Мы немного отстали, благодаря его тяжелой руке на моем плече, как я понял, он специально придержал меня, чтобы Кервье не услышала наш диалог.

— Не подведи госпожу Кервье. — Он уперся в меня взглядом. — Не знаю, что творится в ее голове и сердце, но именно ей ты должен быть благодарен за то, что еще жив. Надеюсь, ты меня правильно понимаешь?

Я кивнул, влетая в открытую дверь кареты, куда он меня чуть ли не закинул.

— Давай, любезный! — крикнул толстяк извозчику, покотившему меня прочь из города.

— Ну что, припугнул? — Сухонькая старушка стояла рядом с чернобородым толстяком, провожая взглядом уносящийся прочь экипаж.

— А как же. — Расплылся тот в улыбке. — Так сказать, дополнительно мотивировал мальчишку, чтобы не вздумал филонить.

— Понятно, — кивнула она.

— Правда, я так и не понял, моя королева, для чего он нам? — Толстяк пожал плечами.

— Привезешь его с его докладом аккурат на второе совещание короля. — Она улыбнулась. — Я привыкла верить знамениям, Ганс. Когда-то давно мне боги указали на тебя, и я еще ни разу не пожалела о принятом решении.

Толстяк поклонился старушке.

— Думаю, ему будет что сказать и чем удивить сомневающих...

* * *

Первый день я тупо отсыпался, приказав сжечь в камине изодранное платье. Ну а уже на второй выхаживал по кабинету, закинув руки за спину в тягостных размышлениях по поводу и без. Что это за странная просьба? И чем мне аукнется ее выполнение либо же, наоборот, невыполнение? На меня повесили должок, это понятно, но вот где тут подвох? Что-то мне подсказывало, что не все так просто и гладко в этой просьбе... Что-то мне подсказывало, что, похоже, у меня все словно в той поговорке, когда из огня да в полымя.

Но время бежит, а меж тем нужно что-то делать.

Узнав от слуг, что с перепуганной Ромашкой все в порядке, жива-здорова и вся с ног до головы усыпана лепестками роз, я активизировал всех своих слуг, рассылая их на опрос всех ханаек, базаров, таверн, а также для того, чтобы меня записали на прием и личную встречу как минимум к парочке десятков местных купцов. Ну что тут скажешь? Только торговцы хоть как-то могли прояснить ситуацию, а также пополнить мои знания свежими сплетнями из заморских краев.

Правда и плюсик был, мне удалось немного сдержать господина Ло в его страстных позывах преподать мне очередной урок, сославшись на то, что ныне состою на службе у государя, выполняя его личную просьбу, что, конечно, в определенной степени можно было расценивать как полуправду.

Наступило время суеты различных деловых визитов и бесконечных разговоров, которые я записывал на бумагу, чтобы привести чуть позже все это дело в порядок и систематизировать. С одной стороны, это даже интересно было, а с другой — немного волнительно, похоже, я немного погорячился, согласившись лишь на неделю за свой титанический труд. Тут, правда, было благом мое положение в обществе, купцы охотно шли на диалог, так как были людьми не аристократического сословия и смотрели не столько на мою репутацию, сколько на деловые качества, и придерживались мнения тех людей, с кем я ранее вел свой бизнес. Что тут скажешь, кое-что из этих встреч пошло мне в плюсик, новыми договорами и сделками. Ушлый народец выкупал у меня кое-какой товар для последующей перепродажи, что иной раз было и не очень прибыльно, но с расчетом на хорошую рекламу в других странах, и соответственно расширение рынка сбыта для моих мануфактур. Но все потом, сейчас меня больше занимала охота другого толка, даже по предварительным встречам, по самым малым крупницам информации с первых встреч, стала вырисовываться прелюбопытнейшая картина маслом, от цветовой гаммы которой брала легкая дрожь и оторопь. Пусть я в деле аналитики полный профан и даже сотой долей не владею той методикой, что наработана в моем мире по систематизации данных, но даже этого вполне хватило, чтобы понять подоплеку того задания, что дала мне бабушка Кервье.

Грандиозно, масштабно, поэтапно и с расстановкой постепенно на моих бумагах стала вырисовываться картина жизни целого государства. Его явная и местами не каждому заметная суета, его мысли и желания, а также весьма печальные новости для Финора.

Весьма.

Печальные.

— Что это, Ульрих? — Ромашка посетила меня в один из вечеров, заглядывая через плечо в мои записи. — Ты занимаешься бизнесом? Странно, у нас принято в благородных семьях держать специально для этого поверенных людей, управляющих.

— Здесь делают так же. — Не отрываясь от цифр, под прямую планочку вырисовывал кривую графика поставок и наращивание денежных вбросов империи за последний год.

— Стоп! — Она как-то нервно дернулась. — Хельмиш и Ампатека, это же имперские гильдиевые купцы.

— Да, — кивнул я, похлопав рукой по толстой пачке исписанных листов. — Тут практически все купцы империи.

— Ты имеешь с ними дела? — Взгляд был серьезен и обращен не на меня, а на ряд документов, открыто лежащих на моем столе, по бегающему главному яблоку понял — спешно читает, пытаясь запомнить как можно больше из того, что увидит.

Стало неловко. Мне из-за какой-то внутренней смуты и нежелания ее расстраивать, а ей, похоже, оттого, что я поймал ее за заглядыванием через плечо и чтением чужих писем.

— Ты шпионишь за империей. — Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— А ты шпионишь на империю, — совершенно спокойно подвел я черту.

— Это во дворце тебя надоумили? — Она уже совершенно бесцеремонно стала брать в руки мои бумаги, бегло их просматривая.

— В нем, родимом. — Я закинул руки за голову, наблюдая за ее активностью с каким-то ленивым пренебрежением. — Так сказать, плата за небольшую глупую выходку ценою в мою жизнь.

— Кто? — Она отбросила листки, присаживаясь в кресло напротив меня. — Ганс?

— Не думаю. — Я покачал головой. — Для него я никто и звать меня никак, по крайней мере пока я не предоставлю отчет.

— И не король, это точно. — По лицу девушки пробежала какая-то презрительная улыбка. — Значит, старушка все еще при власти?

Разительно, очень разительно изменился в мгновение ока человек на моих глазах. Куда ушла мягкость и невинность? Так и подмывало спросить: «Кто ты?», но не было смысла. Зачем? Кого обманывать? Да не сразу, но я уже достаточно давно понял, что за юным созданием стоят грязные игры, и она не так проста, как хочет казаться, правда была надежда, что не все наигранно, и есть в ней какая-то толика чувств, помимо всего этого налета невинности.

— Что ты узнал и понял? — Она извлекла из глубин платья свое странное колечко, нервно теребя его в руках.

— Не стоит. — Я не знал смысла ее действия, но понял, что колечко непростое. Хитрая вещица, квинтэссенция магии, компактный и мощный амулет, скрытый множеством слоев замысловатой паутины заклинаний.

— Думаешь? — Она с вызовом подняла бровь.

— Думаю. — Улыбнулся я, доподлинно зная, что в данный момент за моей спиной в беспорядочном хаосе движений, темнея на глазах и наливаясь чернотой, вырастала полупрозрачная тень по образу человека, завораживающе мерцающая и наполняя комнату могильным холодом, из-за которого наше дыхание стало вырываться маленькими облачками пара.

Улыбка в мгновение ока слетела с ее лица, наполняя взгляд страхом и тревогой.

— Достаточно. — Она нервно и поспешно стала прятать свой перстень обратно, убирая его с моих глаз. — Вполне доходчиво.

Адель, пренебрежительно фыркнув, развеяла свой темный образ, вновь переходя в фазу ожидания. Моя умершая подруга, впрочем, по-прежнему оставалась рядом на своем боевом посту.

— Послушай, Ульрих. — Ромка разгладила складки платья на коленях, собираясь с мыслями. — Ты очень занятный и далеко не глупый парень. Мы могли бы договориться, я знаю твою нелюбовь к политике, также знаю, что ты весьма скептически настроен ко всем королевским династиям известной оконечности мира, но меж тем ты человек деловой, а значит, ценишь свое время, а также звон монет.

Купить пробуем? От банальности ситуации я даже улыбнулся.

— Ты не подумай. — Она вскинула примирительно руки. — Задание есть задание, и ты его выполнишь, просто, скажем... не на следующей неделе.

Ого! Я чуть от удивления рот не раскрыл, это же откуда она знает про поставленный мне срок? Очередная разыгранная комедия или оговорка по Фрейду? Ляпнула, что думала, даже не заметив, что говорит лишнее.

— Скажем, ты обратишься к Гербельту и попросишь его продлить срок хотя бы до весны. — Она попыталась улыбнуться, вызвав тем самым во мне доверие. — В конце концов, ведь никто не воспринимает тебя всерьез, и не думаю, что и вправду к тебе применят какие-то карающие санкции.

— Не применят, — кивнул я. — И даже думаю, что разрешат перенести срок.

— О, я очень рада, что ты с пониманием относишься. — Просияла она. — Назови сумму.

— Еще три поцелуя, моя прекрасногоглазая, — рассмеялся я, поднимаясь и распахивая дверь своего кабинета. — Жаль, Ромка, что мы с тобой оказались по разную сторону баррикад, действительно жаль, мне были приятны наши пустые беседы и милые прогулки, но сейчас тебе лучше уйти.

Ее ладошки сжались в кулачки, а на скулах заиграли желваки, девушка встала, порываясь что-то сказать, но сдержалась, застыв в дверях и как-то тоскливо окидывая меня взглядом.

— Понимаю, — за нее сказал я. — Теперь мне стоит чаще оглядываться за спину, что же тут поделать? Таковы правила игры в этой жизни.

— Знаешь... — Она провела ладошкой по моей щеке. — Я постараюсь все же вернуть тебе свой должок.

— Буду надеяться. — Печально улыбнулся я, припоминая про первые три обещанных поцелуя. — И еще...

— Что? — Она смотрела мне в глаза.

— У тебя примерно три дня до того, как тебя начнут разыскивать. — Больше мне говорить не хотелось, я развернулся, возвращаясь к своим бумагам.

Да, вот так. Вот так закончились наши отношения, не успев как следует начаться. Хотя... Тоскливо на душе, мне будет очень не хватать ее внимания, ее слов и теплых рук. Что ни говори, а эта девочка умела улыбаться. Так немногие могут.

Как и прежде, от мирской боли и потери ушел в работу, всецело погружаясь в мир холодных чисел и статистики, с любовью к этим пустым закорючкам погружаясь в процесс монотонной писанины и подведения итогов. День, ночь, день, ночь. Спал урывками, ел тут же в кабинете, но к назначенному сроку был готов как никогда, ощущая себя холодной машиной без эмоций и чувств, лишь с какой-то степенью гордости за выполненную работу.

Холодная вода с плавающими в ней кусочками прозрачного льда вернула усталому лицу свежесть. Новый наряд, начищенные до блеска слугами сапоги.

— Карета прибыла, мой господин, — оповестил меня слуга.

— Грузите бумаги, — велел я, набрасывая на плечи плащ и выходя во двор под дождь.

Со мной встал рядом Ло, маленький монах будет сопровождать меня в городе, для подстраховки от нежелательных встреч. Вскоре мы уже тряслись по раскисшей дороге, ведя свой путь в сторону городских ворот. Немного-немало, а нам в сопровождение выделили аж два десятка гвардейцев, выглядели мы при подобном эскорте весьма солидно, а что самое главное — не встречали препятствий на улицах и воротах как въезда, так и при переходах меж внутренних колец.

Да уж, видимо, как карету, так и солдат, городская стража знала хорошо. Нам был везде зеленый свет, для полноты картины лишь мигалки не хватало на крыше кареты. Настроение было умиротворенно паскудным, в голове роились мысли о маленькой зеленоглазой девочке и грязных играх, и черт бы с этими играми, если бы в них принимали участие плетки, ажурное черное белье и шарик в рот. Те игры, в которых завязла моя девочка, были куда хуже, ниже и опасней во сто крат. Политика куда хуже и куда как опасней может быть, а главное беспощадней к маленьким людям. Ко всем людям. Политика может свободно оперировать принципом меньшего зла, разменивая тысячи во благо миллионов. В политике

прячется бог всех страстей и пороков — деньги. Большие деньги, большой капитал. Это сейчас современность меняет принципы добра, а когда-то давно в нас, молодых, голозадых патриотов, смогли вбить пару научных тезисов, и главное, что я запомнил, так это то, что капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте десять процентов, и капитал согласен на всякое применение, при двадцати процентах он становится оживлённым, при пятидесяти процентах положительно готов сломать себе и окружающим голову, тогда как при ста процентах он попирает все человеческие законы. И уже когда сумма уходит за триста процентов, нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, даже под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами.

Это не мои слова, не мои мысли и им уже более ста лет, но как же верно все расставлено по полочкам. Плохо, как ни крути, плохо, когда что-то эфемерное, выдуманное нами же, управляет и решает за нас, и куда хуже, что именно молодость без оглядки верит политикам и тем, кто громче всех зовет на баррикады.

Не знаю, может так статья, что я и не прав, не вижу смысла в желании облагодетельствовать всех и сразу лопатой по спине, чтобы, так сказать, осаночку выровнять и задать нужный вектор движению, но... к черту... если уж сильно хочется, пусть воюют старики, а молодость должна Make Love, Not War ибо нех.

Дуц!

С глухим треском деревянной обшивки внутрь кареты проклюнулся стальной наконечник арбалетной стрелы.

— Как хорошо, однако, с тобой. — Улыбнулся Ло, трогая пальчиком острое жало. — Много врагов, много битв.

Еще с десяток арбалетных болтов засели в обшивке кареты, а также в истошно ржущих раненых лошадях и валяющихся безвольно наземь гвардейцах. Похоже, извозчик тоже не жилец, одна из лошадок упала наземь, мертвым грузом стопоря бьющуюся в упряжи вторую израненную, не давая ей понестись прочь.

— Всем в укрытие! — орал кто-то из старших у гвардейцев, спешно прячущихся под карнизами крыш ближайших домов.

— Моя думает, надо выйти, поприветствовать подлый враг, — подал мысль мне Ло. — А то он обидится и уйдет.

У меня была несколько другая мысль, когда я покидал карету, отдавая приказ Адель выпить души этих поганцев, засевавших где-то наверху домов этой узкой улочки.

— О! — Сенька Ло пару раз ладонями отбил стрелы, показывая мне на приближающихся к нам группой людей. — Хорошо двигаются, хорошие бойцы! Моя радуется!

А моя... тьфу ты! То есть я был совсем не рад, так как из-под плащей проглядывали на людях знакомые костюмы и кожаные разгрузки-ремни, уже виденные мной на имперских рейнджерах. Серьезные ребята, как бы моему малышу не улыбнулась большая удача в виде хорошего такого пинка в зад. Впрочем, за него и рейнджеров я не переживал, куда большее опасение у меня вызвала одинокая фигура худощавого мужчины, выходящего откуда-то из-за спины, так как именно над ним я тут же четко увидел скручиваемые спирали магических конструкций незнакомых мне заклинаний.

Маг.

Мужчина, без полемики и широких жестов, в мгновение ока разметал в щепу наш экипаж мощным ударом воздушного кулака, построенного, видимо, по принципу мастера Эббуза. Четко, выверенно и буквально за доли секунд. Он внушал уважение, в то время как я вызывал жалость со своим отошавшим энергетическим резервом, вылитым и еще не восстановившимся после моего дурацкого залета во дворец. Я еще и до половины не восстановился после потери Мака и полученных травм, что в сумме должно больше

походить на избиение беззащитного младенца. Впрочем, есть еще Адель и мое колечко, что, надеюсь, немало.

Ах да. Я еще бегаю неплохо.

Минуя раскланивающегося азиата с обнажающими мечи рейнджерами, я, недолго думая, припустил под звук падающих с крыш тел лучников по улице, петляя из стороны в сторону зайцем. Адель — умничка, уже с пяток безжизненных трупов, выпитых до дна, скинула на мостовую улицы, тем самым прекращая шквальный огонь из арбалетов по оставшимся в живых.

Гвардейцы сопровождения, видя подобное дело, тоже скооперировались, прикрывая собой мой отход. Зря. Маг совершенно был лишен гуманизма и человеколюбия, рассекая их тела в кровавые ошметки очередным заклинанием из воздушной школы. Впрочем, мне тоже было не до переживаний и душевных мук по безвинно погибшим, в первом же переулке я свернул, уходя с прямой улицы, и, как показала практика, вовремя, поскольку часть стены за моей спиной обрушилась под мощным ударом очередного магического контура.

Для мыслей времени не было, я неся по узкому переулку, и на мое благо буквально в паре метров был следующий поворот, правда, в обратную сторону, что в принципе меня как зайца вполне устраивало. В давно минувшие дни меня как-то дед мой по осени соблазнил охотой на этого ушастого сорванца. Дело нехитрое, идешь по пахоте полей, меряя ногами километры, да знай не зевай, как поднимется в бег серый разбойник. Сами понимаете, не всегда удавалось влет брать красавца из-за молниеносного рывка этой зверушки и впечатляющей скорости. Я тогда, помнится, все порывался следом бежать, каждый раз останавливаемый дедом. «Не беги, не догонишь, — говорил он мне. — Да еще и запутает бес мохнатый». Это только новички могут за серым следом пойти, опытные знают, что заяц бежит кругами, путая вас, народ часто уходит вперед, якобы в верную сторону, а потом с глупым видом пожимает плечами, в то время как зверек давно вернулся на свою исходную позицию и сидит, посмеивается над недалекими охотниками.

«Я здесь», — пришел ко мне тихий голос призрака.

Отлично. Резко затормозив, кувырком, не жалея новой одежды, прямо через лужу закатился в груды каких-то корзин, сваленных на углу одного из домов, закрывая рот руками, чтобы мое бешеное дыхание не выдало с ходу мое местоположение своим громким хрипом.

Тук-тук, бешено колотилось сердце, я несколько нервозно стал стягивать некротику кольца, готовя заранее плетения некромантов. За неимением лучшего на моей родине принято отрывать штaketник от забора и уже им валить вражин налево и направо, сейчас мне явно было не до политесов и мыслей, а что же скажут маги города, когда прочитают линейку запретной магии, тут или пан или пропал. О последствиях придется думать после.

Маг вышел неспешно, с прищуром осматривая все закоулки и карманы узеньких улочек.

— Что же вы, барон, словно крыса в помойку зарылись? — Голос его был гаденько веселым, м-да уж, надежды на то, что пройдет мимо, разлетелись вмиг, встретив суровую реальность.

— Ульрих, выходи без глупостей, ты нужен нам живым! — Такой милый и родной голос резанул мой слух, пройдясь словно ножом по сердцу. Ромка, Ромочка, Ромашка, как же ты могла?

Они стояли рядышком, наблюдая, как я извлекаю себя из груды корзин, стряхивая налипшую грязь и какой-то мусор с одежды.

— Прошу, не дури, тебе не справиться с мастером Гауссом, сейчас подъедет экипаж и ты отправишься с нами, поверь, тебе ничего не угрожает, сдавайся. — А голос сух, хоть и не лишен какой-то внутренней печали, видать, девочка не совсем еще очерствела со своими играми в шпионов.

Копье Смерти Аль'Фарамута источающей тьму змеей сформировалось в моих руках, окрашивая мерными всполохами тусклого и холодного света серый камень домов.

— Какого демона, Ульрих! — Ромашка отскочила за спину магу, который с

нескрываемым изумлением сделал пару шагов назад.

— Ах ты ж тварь! — злобно выплюнул маг. — Поганный некромант...

Договоришь потом, дядечка, копьё черной смертью ударило в его щит как-то по касательной, отбитое куда-то вправо, где тут же часть камня прахом осыпалась серой дымкой на мостовую. Щит хорош, хоть и угадывался контур леди Десты, но значительно был модифицирован дополнительными плетениями, о предназначении которых я мог только догадываться. Следующее копьё также было отклонено, давая магу время, чтобы сплести уже свой ответ для меня. Благо своим забегом я выиграл те крупницы времени, за которые с горем пополам смог хоть как-то задействовать щит, показанный мне как-то Хенгельман.

Плащ Теней Аркан Дагора черным крылом ворона либо же адским сгустком пламени тьмы, развеваясь на незримом ветру, окутал мои плечи, принимая без особого труда сразу пару мощных вбросов имперца воздушной школы магии, за что, естественно, еще дважды был бит Копьем Смерти, также ушедшим в молоко.

Серьезный противник, грубым накатом подобного не пронять, это уж скорей мое кольцо оскудеет, опустошив под ноль резервуар с некротикой. Ситуация требовала неординарных действий, и если классика энергетических заклинаний льесальфов мне была недоступна, то в моем резерве еще оставались уроки с графом по оперированию ментальными структурами. Правда, толку от них? Вот сейчас и посмотрим, оставив бесполезный обстрел и растрату темной энергии. Полностью доверившись защите Дагора, сосредоточился на медитативном уходе в астрал, шупом заданного вектора выискивая искрящуюся фигуру мага. Есть! Я скользнул сознанием по мыльному пузырю его защиты, упираясь в непроходимый барьер его щита.

«Адель! Твой выход, девочка!»

Не знаю, чем уж она его там пугала, какие из своих жутких образов стала претворять в жизнь, но маг среагировал четко, меняя не пускающий меня контур на другой стандарт со своими дополнениями. Сработал паршивец по классике, купирова в этот раз физику, видать, тертый мужик, где-то и когда-то умудрился погонять призраков, раз с ходу определился с угрозой. Впрочем, слишком рано списывая меня со счетов.

Не разбирая пути, отбрасывая правила, вдальблываемые в меня графом, по путям, должным предохранить оппонента от гибели и лишения разума, я с хорошим энергетическим потенциалом вмазал по его внутреннему я, кроша словно слон в посудной лавке сложную цветовую гамму его разума и разрывая нити информационных потоков.

— Что происходит? — Ромашка дергала за рукав мага, в беззвучном крике раскрывшего рот и обхватившего голову руками.

— Оставь его. — Я вышел из астрала, чувствуя сильную слабость в ногах, из-за которой был вынужден опереться о ближайшую стену дома, чтобы не рухнуть наземь. — Его больше нет.

Вот засранка! Пользуясь моментом, девушка бросилась прочь от меня, с ходу переходя на бег, лихо подхватив подолы своих юбок. Но мой подвиг ей повторить не удалось. Гулко бухая по каменной мостовой, улицу стали заполнять солдаты городской стражи, причем блокируя сразу все проходы этой каменной ловушки.

Вот и подкрепление подошло, печально подумал я, вновь встречаясь взглядом с замершей меж двух огней Ромашкой. Все, допрыгалась дуреха, теперь уже ей ничего не поможет и не спасет, а я ведь предупреждал, я тебе, родная, дал три дня, чтобы ты смогла спокойно покинуть город, растворясь без следа! И на что ты их потратила?

Боже, как погано, просто мерзко стало в одночасье на душе, даже не думал, что опять судьба мне выпишет горьких пилюль из мерзости потерь, расставаний и такого гадостного чувства, что тебя предали те, в кого ты верил...

— Это еще не конец, Ульрих! — Она улыбнулась. — Помни, за мной должок!

Она рванула на груди цепочку со своим таинственным перстнем, сжимая его в своей маленькой и такой нежной ладошке.

— Мы еще обязательно встретимся! — Она рассмеялась, подмигнув мне.

Первая группа солдат схватила Ромашку, заламывая ей руки за спину, правда, с каким-то непонятным действием. Крайний здоровяк гвардеец внезапно пошатнулся как от пощечины, в тот же миг срываясь на бег, к группе подходящих следом, что-то сжимая в своей огромной руке. Это было словно эстафета, первый подбежал ко второму, что-то перекладывая ему в руку, и второй тут же пускался прочь бегом до следующего гвардейца, также передавая нечто по этапу, пока последний не скрылся в толпе наступающих солдат.

— Вы что тут устроили, вашу мать! — Один из отцов-командиров, так же как и я, с недоумением провожал взглядом бегающих, а потом с глупыми мордами лица замирающих на месте солдат. — Немедленно в строй! Оцепляем квартал, чтобы ни одна падла не проскользнула мимо, вяжите всех, пусть потом в казематах разбираются, кто тут прав, а кто виноват!

— Господин фон Рингмар? — Ко мне с поклоном подскочил один из офицеров.

— Все, что от него осталось. — Мне все еще было немного дурно, а к общему фону еще и дрожь в руках добавилась.

— Прошу извинить меня, ваше благородие, но вас ожидает господин Гербельт, я так понимаю, у вас назначено. — Он склонил учтиво голову.

— Подгоняйте экипаж. — Я вытер со лба холодный пот. — В предыдущей карете, где-то в ее обломках остались мои бумаги, прикажи солдатам собрать их.

— Будет исполнено. — Он молодецкато развернулся, уносясь выполнять распоряжение, а я по-прежнему стоял, не в силах отлепиться от стены и отвести свой взгляд от уводимой и связанной по рукам и ногам девушки, по чьему лицу текли вполне натуральные полосы-дорожки горьких слез.

Как-то жалко и мерзко слышались ее крики, мол, что за произвол, я не я, это какая-то ошибка, что здесь вообще происходит? Она пыталась разыграть комедию в стиле: «Я вообще не понимаю, как здесь оказалась».

«Мертвец ушел», — тихим перезвоном и игрой полупрозрачных теней пронеслась Адель в моей голове.

— Что? — переспросил я вслух, изначально даже не поняв, кто со мной говорит.

«Жди, он обещал тебе вернуться», — произнесла тень, растворяясь в сером мареве дождливого дня.

* * *

— Я все же настаиваю на том, что мы излишне нагнетаем обстановку. — Фенгель Вард, командующий корпусом армии короны, вещал перед королевским собранием министров и самых влиятельных герцогов Финора, под предводительством Митсвела Первого. — Моя разведка не раз и не два, я хочу это подчеркнуть, проникала на территорию предполагаемого противника, по-прежнему фиксируя местоположение всех корпусов и дивизионов империи на своих местах, согласно мирному договору!

— А я настаиваю, что имперцы готовятся к войне, и для этого у меня есть веские основания! — Не слишком любезно прерывал его своими выкриками Ганс Гербельт.

— Где они, ваши основания? — взвинчивал себя Вард. — Сбор слухов с городских улиц? — Смешно, сударь! Мои люди день и ночь контролируют армию!

Совещание шло уже битый час с попеременным успехом. Собрание раскололось на две части, одна из которых с настороженностью воспринимала весть о готовящемся вторжении имперцев, вторая же всячески пыталась наплевать на это, мотивируя тем, что миру уже под сотню лет и воевать невыгодно как Финору, так и злополучной империи.

Де Кервье начинала нервничать, от чего петли на ее рукоделии ложились кривовато, и уже во второй раз приходилось распускать две последние дорожки шарфа. Что за проклятие? Где же мальчишка, что могло его задержать? Она гневно фыркнула очередной тираде одного из выступающих и слишком горластых мужиков. Ну, в самом деле, как дети! При ее правлении подобных выкриков не допускалось, а уж о том, чтобы заявиться к королевской

особе с трехдневной щетиной вообще никто и помыслить не мечтал. Распустил их сынок, распустил. Старушка печально покачала головой.

— Где ты запропастился и почему перемазан с ног до головы? — Не поднимая взгляда от своих трудов, произнесла старушка, когда слуги посадили рядом с ней усталого и грязного мальчика с несколькими толстыми папками для бумаг и двумя большими тубусами, видимо для рисунков.

— На меня напали. — Он порылся в карманах, извлекая кружевной платок и вытирая им лицо. — Имперцы.

— Ты плохо выглядишь. — Она смерила его тяжелым взглядом. — Вижу, устал, сможешь выступить?

— Смогу. — Мальчик кивнул, поправляя свои бумаги. — Правда, нужно будет закрыть рты всем желающим покричать, чисто по-человечески, нет сил перекрикивать это собрание.

— Не подведи. — Бабушка, тяжело вздохнув, поднялась со своего места, бочком обходя ряд министров и высокопоставленных вельмож, так как, увы, теперь ее место было далеко от трона.

Было ли сомнение в ее сердце? Было, и даже больше: сердце сжимал страх и собственная беспомощность перед грядущим. Она не была уверена в Ульрихе, она не была уверена в верности своего решения, а также она не была уверена в своем сыне и завтрашнем дне. Все было слишком зыбким и ненадежным, ей даже казалось, что сама земля раскачивается под ее ногами.

— Сынок, — произнесла она, заходя за спину короля, низко склоняясь и шепча ему на ухо.

— Мам, перестань! — сквозь сжатые зубы прошептал он. — Это, в конце концов, смешно и нелепо давать слово какому-то худородному барону, когда здесь весь свет короны и весь сбор министров!

— Сынок, поверь мне, он знамение. — Де Кервье было не по себе.

— Мама, прошу тебя, одумайся. — Король милостиво кивнул очередному оратору, как бы показывая, что продолжает его слушать. — Что скажут люди?

— Сынок, прошу об одолжении. — Она сжала за спиной свои сухие кулачки. — Обещаю, я отстану от тебя и более не буду приставать с просьбами, если его слова станут пустым и никчемным трепом.

— Проклятье, мама! — Митсвел Первый тяжело вздохнул. — Я сделаю это, но клянусь, в последний раз я потакаю твоим протезе!

Кервье покачнулась, отходя от трона, слишком много нервов и переживаний, слишком много лет тяжким бременем на плечах. Устала, она очень устала жить в последние годы, лишь из тупого упрямства заставляя себя вставать каждый день с постели.

— Господа! — Король хлопнул в ладоши, тем самым беря паузу среди ораторов. — Прошу всех отнестись с пониманием и снисхождением, но, по личной просьбе и протекту госпожи Кервье, вызываю в центр зала барона Ульриха фон Рингмар-Когдейра, дабы предоставить сему юноше слово, а вам немного отдохнуть и, возможно, почерпнуть из его доклада что-либо полезное для всех нас, ибо воистину говорят — устами младенца глаголет истина.

В зале раздались вялые смешки, и по рядам пошел легкий ропот, в последнее время все воспринимали подобные выходки королевы с явным неодобрением, при этом стараясь не слишком громко показывать свое «фи» из-за сами знаете чего.

— День вам добрый, господа. — Я поднялся со своего места, передавая расторопному слуге свои бумаги и показывая жестом, чтобы он внес приготовленную подставку для моих рисунков. — Заранее прошу у вас прощения за свой вид, но это, увы, издержки нашей с вами сегодняшней темы разговора.

Протолкнувшись через пару рядов, я неспешно выступил в центр зала под неодобрительный ропот и косые взгляды.

— Что за издержки? — Король с гримасой недовольства оглядел меня, перемазанного

грязью подворотни.

— О-о. — Я улыбнулся. — Думаю, уже через пару часов вы все здесь присутствующие будете с жаром обсуждать случившееся, пока лишь скажу вам, что по пути на сегодняшнее совещание на меня было совершено вероломное нападение имперской подпольной группы, дабы я не смог в срок донести до вас печальную весть.

Зал словно накрыли огромным пуховым одеялом, люди недоуменно переглядывались, словно вопрошая: ты тоже это слышал? Не показалось ли мне?

— Да-да, господа! — Я медленно повернулся и так, и эдак, демонстрируя свой плачевный вид. — Пока корона в сомнении пытается себя правдивостью слухов, враг уже в столице и спокойно творит бесчинства, позволяя себе безнаказанно совершать подобные кровавые разборки у нас под носом!

— Юноша. — Король, играя желваками, подался на троне. — Вы отдаете себе отчет в том, где вы находитесь и что говорите?

— Вполне. — Я тут же отвесил поклон королю.

— Ганс! — Король врезал кулаком по подлокотнику трона. — Какого демона! О чем этот мальчишка нам тут рассказывает?!

— Прошу меня простить. — Гербельт низко поклонился, также протискиваясь ко мне в центр зала. — Увы, но это правда, мне только что доложили, что на экипаж и сопровождение барона было совершено подготовленное нападение, среди нападавших мы уже идентифицировали полтора десятка человек, все они имперцы.

Зал взорвался дружным гомоном, все и сразу принялись что-то говорить и обсуждать между собой. Общий градус накала страстей среди самых влиятельных фамилий этой страны явно зашкаливал.

— Молчать! — взревел разъяренным медведем Митсвел Первый, подскакивая со своего места.

Народ дружно заскрипел своими стульями и лавками, поспешно отрывая мозолистые задницы, ибо этикет четко запрещал сидеть, когда его величество изволит стоять.

— Немедленно туда! — взревел король, запуская в грузного главу тайной стражи изукрашенным кубком с недопитым вином. — Лично! Слышишь?! Лично через полчаса ко мне с отчетом, Ганс! Как ты вообще мог подобное допустить?

Король все еще ярился под тихие шепотки собравшихся, не находя себе места, а за Гербельтом уже закрылась дверь. Что же тут сказать? Такова одна из граней монархии, я, как и все, старался не поднимать головы, пережидая фонтан брани и неліцеприятных реплик со стороны Митсвела.

Минут десять еще волнами расходились пересуды и волны разговоров, кто-то, явно играя на публику и выслуживаясь перед королем, строил из себя невесть что, кто-то тупо чего-то недопонимал, и лишь маленькая старушка сидела в уголке зала, улыбаясь своим мыслям.

— Прошу меня извинить. — Холодным и раскатистым баритоном прервал эту вакханалию высокий беловолосый мужчина с холодным ледяным взглядом пронзительных голубых глаз и резким хищным профилем. — Но может быть, мы все-таки соизволим выслушать доклад молодого человека? Мне просто дико интересно, что же такого может нам сказать этот мальчик, из-за чего стоило так рисковать отношениями между двумя государствами.

— Тишина! — Король вернулся на трон, хлопнув в ладоши и тем самым вновь погружая зал в блаженную немоту. — Господин Удо Вилькс как всегда прав и точен в своих словах до последней монетки.

Реплика короля вызвала смешки в зале, а я, порывшись в памяти и сплетнях, определил Вилькса как королевского казначея. По слухам, человеком он был невероятно скрупулезным и педантичным, из-за чего многие его считали жадным, хотя в уме не отказывали, считая его человеком достойным.

— Итак, молодой человек, извольте продолжить и поведать нам о причинах, что,

похоже, стали мотивом сего постыдного и печального поступка наших соседей. — Король милостиво махнул мне рукой, дабы я после поклона мог продолжить свой рассказ.

Слуги возились с подставками, я разбирал свои записки, приводя их в порядок, а заодно собирался с мыслями, пытаюсь подавить легкий мандраж, который списал на последствия нападения.

— Молодой человек, вы еще долго? — Король ерзал на своем троне, явно все еще пребывая во взволнованном и гневном настроении.

— Начинаю, ваше величество. — Я еще раз отвесил поклон, уже более громким голосом начиная декламацию своей речи.

— Господа! — Я оглядел зал, дожидаясь хоть минимального внимания. — Все вы люди занятые, и я постараюсь не слишком надолго вас задержать. Всем нам понятно, ибо здесь нет никого, кто бы не содержал в своем ведении целую прорву слуг и личную гвардию, что война это прежде всего огромный денежный поток.

— Война дело благородное, и деньги тут ни при чем! — Тут же подскочил Фенгель Вард со своего места, раздувая грудь колесом.

— Именно поэтому, видимо, корона тратит порядка двух миллионов золотых на содержание вашего благородства? — Тут же немного сдул я этого напыщенного вояку. — Нет, не было и не будет под этим небом такой армии, которая способна голышом и лишь одними своими зубами брать в осады города и замки, устрашая только одним своим голым задом полчища врагов.

Зал взорвался дружным смехом, заглушая ворчания Варда, а местами даже награждая меня, считаю, заслуженными аплодисментами.

— Я провел небольшой анализ и для наглядности своих слов хотел бы с вашего дозволения пригласить в центр уважаемого господина Удо Вилькса для того, чтобы он был моим негласным судьей. — Это было удачно, что главный казначей вступил изначально сам в полемику, так что не использовать его и его репутацию в этих высоких кругах было бы непростительной глупостью.

— Итак, господин Удо. — Я отвесил поклон подходящему министру всей финансовой машины королевства. — Я произнес сумму — два миллиона золотых в год, а теперь собираюсь в общих чертах обрисовать, откуда она взялась, а вас как человека сведущего попрошу меня поправить, если я невольно и в каком-то месте совершу ошибку, вы не против?

— Давай, Удо, подсчитай медяки! — раздались больше для хохмы выкрики из зала. — Раскатай мальчишку!

— Итак, начнем непосредственно с головы, а именно со столичного гарнизона. Все мы видим гвардию короля, но никто не знает точно ее число, из тех, кто здесь присутствует, правильно?

Так вот, я знаю. Я знаю, что в пошивной мастерской дома Анкельмана гвардия размещает ежегодно одна тысяча пятьдесят два заказа на комплект обмундирования общей ценой двадцать одна серебряная монета за комплект. Вот вам, господин Удо, свидетельство о закупке домом соответствующих материалов на пошив, кстати, заметьте, они на вас наваривают практически сорок процентов чистой прибыли.

— Вот сволочи! — рассмеялся казначей, а вместе с ним все присутствующие.

— А вот расписка одному из заемщиков на начало года в кузни мастера Перскви, на закупку металла, который пойдет на изготовление подков для королевской гвардии. Здесь вы, господин Удо, если посмотрите ниже, увидите и сам заказ на изготовление двух тысяч подков, это если разделить на четыре стандартных ноги у коня, получается в наличии у гвардейцев пять сотен тех самых стандартных коней.

Зал молчал. Хороший знак, значит, народ не беспросветно туп, глуп и непроходим, а также вполне понимает и улавливает суть вещей.

— Теперь же я извлекаю договор на подряд из оружейной мастерской господина Кроу, где мы совершенно ясно видим, что гвардия нуждается в изготовлении двух тысяч

арбалетных болтов, сдает на ремонт сто и двадцать пять мечей средней руки, располагает заказ на дополнительную сотню новых для арсенала, а что самое интересное, в этом году покупает стандартные наградные поясные ножи с инкрустацией. Так сказать, награда, в количестве сто пятьдесят две штуки.

— Занятно. — Удо с прищуром рассматривал бумаги. — И что это должно значить, молодой человек?

— А то, что, — продолжил я, — во дворце располагается гвардейский полк общим числом одна тысяча пятьдесят и два человека. Из которых пять сотен конников, и если разделить стандартный набедренный колчан из двадцати болтов на человека, мы получим сотню арбалетчиков, а если исходить из мысли, что наградные ножи могли получить лишь офицеры, мы с вами поймем, что в полку в том или ином чине находятся сто пятьдесят два офицера.

Зал молчал, народ переваривал информацию, а жирной точкой моей правоты стали слова короля.

— Вообще-то, юноша, за шпионаж у нас принято голову отрубать! — Для весомости он стукнул кулаком по подлокотнику.

— Прошу меня извинить, ваше величество, но какой же это шпионаж? — Я низко склонился перед королем. — Все, что я сделал, это попил чай с купцами и внимательно выслушал их тягостные заботы по поводу того, как нынче стало тяжело медные гроши за шиворот прятать.

Зал взорвался смехом.

— А я ведь вам еще не рассказал, что узнали мои слуги по поводу ежемесячной выплаты жалованья гвардейцам.

— И что же можно сказать по этому вопросу? — под смехи поинтересовался Удо.

— А то, что излюбленным местом гвардейцев является трактир «Серебряная поножь», где за кружку пива хозяин просит пять медяков. — Я расплылся в улыбке. — Все тот же хозяин любезно сообщил, как часто заходят солдаты. Что обычно заказывают офицеры, все это, сами понимаете, в цифрах, которые я любезно подбил на этом листочке, получив в сумме на рядового бойца тридцать две серебряные монеты, на младший офицерский состав по тридцать пять, ну а старшины аж по сорок серебра.

— Немыслимо! — Казначей развел руками, признавая мою правоту. — Это поразительно, юноша, но вы с небольшой разницей примерно в десять человек практически попали в цель!

— Вы какого хрена всем табуном «жлекаете» свое пиво в одном и том же месте?! — заорал король на стоящих в охранении рядом с ним гвардейцев. — Ни одна сволочь теперь до конца года у меня из дворца в увольнение не выйдет!

— Не стоит их ругать, ваше величество! — вступился за солдат я. — Просто ниже пятого кольца гвардии вашего величества зазорно ходить, а ближайшие трактиры «Колос Анны» и «Гордость Пита» уж очень сильно разбавляют пиво водой!

Ха-ха-ха! Зал взорвался хохотом, отчего даже король немного оттаял сердцем, позволяя себе улыбку.

Следующий час я под пристальным вниманием толпы обрисовал все до единого полки королевства от севера на юг, а потом с востока на запад, везде выставляя грамоты, расписки, договоры, купчие и продажные векселя, иногда разбавляя строгую бухгалтерию информацией из трактиров и кабаков, пару раз не постеснявшись обнародовать слухи, полученные от бродячих артистов-циркачей, в чьем ведомстве, как правило, были так любимые простыми солдатами дамы, не отягощенные багажом из вереницы «нельзы».

Пехотинцы, кавалерия, внутренние войска, пограничные гарнизоны и разъезды, я говорил и говорил, показывая все в цифрах, в зарплате людей, в том, сколько ест лошадь, сколько пропивает офицер, сколько стоит сбруя, сколько стоптали сапог и потеряли стрел при учении. Я назвал поименно всех генералов, часть из которых, кстати, тут присутствовали, подтверждая мои слова, наконец замолкая и давая залу передышку, чтобы

всласть пошептаться, так как некоторым я, похоже, открыл глаза на многие непонятные до этого вещи.

— Потрясающе! — Господин Удо уже сидел на стульчике за маленьким столиком, заботливо внесенным слугами, и изучал бумажку за бумажкой, что все это время я давал ему. — Тут все! Да тут даже больше того, что есть у меня!

— Молодец, мальчик. — В небольшом перерыве ко мне подошла де Кервье, заботливо протягивая кружечку с уже остывшим чаем. — Правда, надеюсь, мы все же дождемся от тебя существенного?

— А как же. — Кивнул я, благодарно возвращая опустевшую кружечку. — Теперь самое интересное пойдет.

— Господа! — Я вновь вышел в центр, привлекая внимание. — Так сказать, в первой части моей речи мы с вами с подтверждением тех или иных фактов узнали общее состояние нашей доблестной армии. Но теперь же я хотел бы с вами поговорить о состоянии дел в армии всех нас так в последнее время волнующей империи. Обратите внимание на цифру, выведенную итогом на левой доске, это, как вы теперь знаете, общая численность доступной воинской силы без учета созыва личных резервов благородного сословия.

Теперь же, господа, обратим внимание на доску в центре, это мирный договор между нами и империей, в котором сверху оговорена сумма нашего воинского контингента, а внизу цифра, это имперская армия. Как вы видите, со стороны Финора не то что нарушения нет, мы даже пусть и немного, но не добираем.

Первый имперский пехотный полк, обмундирование, вооружение, купили, заказали. Я вновь стал сыпать своими собранными бумагами, показывая подрядчиков, работающих на императора и обслуживающих его армию. Первый шаг, второй шаг, я не спешил, не перескакивал, а заострял внимание на каждой мелочи, а местами даже самым недалеким тыкал пальцем в нужную строчку. Второй полк, особые части, крепостные гарнизоны и охранные разъезды.

— Это все несущественно! — где-то через полчаса подал голос Фенгель Вард. — В конце концов, это даже смешно, ну там, на пару человек больше, здесь парочка лишних, для полка или крыла это смешные цифры!

— Замечательно! — Я даже хлопнул в ладоши от такого посыла со стороны министра. — Замечательно, что все мы так считаем, пусть и ошибочно.

— Что значит ошибочно? — Король скривился как от лимона, видимо, мысленно он был солидарен с Бардом.

— А то и значит. — Я подошел к доске, беря мел. — Три десятка лишних в первом, пять десятков во втором, вот тут сотня, вот в этом еще семьдесят, а вот здесь мы видим еще десяточка...

Мел черкал по доске, у народа вытягивались лица...

— Демоны преисподней! — Король поднялся с трона, чем заставил всех повскакивать со своих мест, и подошел к моей доске. — Это... это...

— Восемь тысяч и сорок два человека, — пришел я ему на помощь, быстренько подводя итог, дабы не заставлять и далее морщить лоб их королевское высочество. — Вот так, ваше величество, за без малого три года возросла армия императора в мелочах незаметных и смешных для полка, а в сумме раздувающих армию, в полтора раза большую, чем предписывает мирный договор.

— Вероломство!

— Неслыханно!

— Это нарушение!

— Это вызов!

Зал разразился криками, сквозь который самым громким был крик короля.

— А вы куда смотрите? — Он махал своим здоровенным кулаком перед носом министра армии. — Где этот Гербельт?! Все лодыри и тунеядцы! Дармоеды, не видящие дальше своего носа!

— Господа! — Мне пришлось подпрыгивать и махать руками, чтобы привлечь внимание к своей персоне. — Господа, послушайте!

— Молчать! — неожиданно холодно и властно погрузила зал в тишину старая королева, поднявшись со своего скромного места в уголке. — А ну-ка сели и послушали, что дальше хочет сказать барон!

Народ, в том числе и немного скучившийся король, разошлись по своим местам, все еще гневно раздувая ноздри.

— К сожалению, господа, это не все... — Я вытер пот со лба, наконец-то добираясь до своих сокровенных записей. — Здесь лежат листы на торговые дома Хельмиш и Ампатека, как вы, наверно, знаете, это самые видные и богатые купцы имперской гильдии торговцев, их караваны постоянно пересекают нашу границу, а также ведут дела не с одной влиятельной семьей Финора.

— Не томи! — Король еле сдержался, чтобы вновь не сорваться со своего трона.

— Вот заказ на обмундирование. — Я извлек первый лист, кладя на стол, а за ним еще целую вереницу остальных. — Вот заказ фуражистам на продовольствие, вот закупка транспортных телег, это они покупают лошадей, а вот это договоры с кузнями на оружие... Вижу, вы все устали, а потому скажу коротко, где-то на севере империи формируется отдельный рейнджерский полк общим числом под три тысячи человек, а уже к весне этого года к ним пойдут обозы с оружием из расчета примерно под десять тысяч солдат.

Тишина, недоумение, а также ужас сковали всех присутствующих после моих слов в зале.

— Я не знаю, где конкретно место сбора и есть ли уже в том месте весь этот воинский контингент, но, господа, удар будет. Удар будет мощным с северной границы, ну а потом... Потом двинутся остальные войска, и как вы уже сами видите, самую малость раздутые аж на восемь тысяч человек, что, по моему мнению, к весне еще прирастет.

— Но как же так... — Фенгель Вард больше не выглядел напыщенно, скорее даже наоборот, он где-то подрастерял свой гонор.

— Вот так. — Я развел руки, пожимая плечами. — Формально, как вы и говорили, любой из послов империи скажет, что это случайные ошибки и недочеты, которые они постараются тут же устранить, в то время как на практике это не что иное, как прикрытое наращивание боевой мощи и подготовка к крупномасштабной и продолжительной войне. Я не полководец и стратег, я всего лишь умею считать цифры, и, увы, господа, цифры не на нашей стороне. Как минимум мы проигрываем имперцам в два года подготовительных работ, с учетом, что прямо сейчас бросимся наращивать свои кулаки, а не будем впустую продолжать споры и думать, что все, возможно, обойдется.

— У тебя все, мой мальчик? — Ко мне подошла де Кервье, беря под ручку. — Ну что ж, тогда давай прощаться с собранием. Думаю, господам теперь есть что и без нас обсудить, бумажки свои оставь, мало ли, может, кому понадобятся.

Она бросила взгляд на наконец-то появившегося Гербельта, так что я понял, кому они все лягут на стол. Впрочем, пусть. Это уже не мои заботы, не моя головная боль и не мои бессонные ночи. Я сделал то, о чем меня просили, сделал это добросовестно, от чего моей совести стало как-то тесно в груди. Я потерял друга, хотя кто его знает, а был ли друг? Не знаю, был, не был, как-то больно не верить во все те дни, что мы были рядом с Ромашкой, неприятно думать, что я был для нее лишь прикрытием... Неприятно... Но надо думать...

* * *

Снег все-таки пошел. Сначала робкий, долетая до земли, тут же превращался в воду, а чуть позже более настырный, но от этого куда как неприятный. Мокрый, серый. Знаете, по такому идешь, а под ним хлюпает неприятная водяная прослойка, из-за которой ноги через полчаса становятся мокрыми и начинают мерзнуть.

Ну да не мне жаловаться, я на улицу уже скоро месяц как не выходил, довольствуясь

лишь небольшими утренними пробежками вокруг усадьбы и то лишь из-под палки моего маленького сенсея.

Ло был счастлив, в битве с десятком рейнджеров империи он получил ряд хоть и не существенных, но неприятных ранений, что, по его мнению, лишь добавляло ему авторитета и значимости. Ну а как по мне, так в гробу я видел все эти политические марьяжи, всех врагов, друзей и иже с ними. Не желаю никого и ничего видеть, все, что мне сейчас нужно, это тишина, покой и мои научные изыскания.

В эти зимние унылые дни я всецело отдался магии, вновь погружаясь в формулы, перелопачивая тонны своих записей, а также вновь просматривая труды по принципам построения, что я захватил с собой из библиотеки Дако, разбавив их новыми книгами, доселе не охваченными мной, из уже собранного и доставшегося мне как трофеев собрания покойного Жеткича.

Труд, труд, день и ночь все, чем я занимался, это корпел над новой версией своего Мака, правда уже, как и планировал ранее, на основе темных построений, почерпнутых мной у некромантов. Получалось, пусть и с трудом, со скрипом, местами доводя чуть ли не до слез из-за тупиковых участков и непонимания, а верней нехватки знаний, но получалось. Не выпавшийся, дерганый из-за грязных домогательств мастера единоборств, я все же, перевалив за середину зимы, смог подготовиться, а главное — просчитать и запустить в действие своего помощника и теперь неотделимого защитника, свой вычислительный центр — Мак версии два ноль.

Ох, какое это было блаженство накачивать свои безразмерные резервуары магического компьютера так не хватавшей мне информацией! Книги! Книги! Как же много в них, а главное всегда под рукой! Все мои тетрадошки, все мои листики, записочки, схемы, чертежи, наброски, да даже тупо деловая переписка с Ноной, отчеты Энтеми, приход-расход, все это теперь не обременяло тонной бумажных листков. Все это не нужно теперь где-то хранить и бояться потерять. Все мое теперь со мной, а также больше и дальше и глубже.

Общественных библиотек в этом мире еще не изобрели, а вот кое-какие коллекционеры были, как и лавки, торгующие этим штучным товаром. Мне-то даже тратиться на все не нужно, достаточно прийти и попросить посмотреть на книгу, чтобы ее скан тут же лег архивом в моей голове для последующего уже неспешного и внимательного изучения.

Ах, как же хорошо было валяться на кушетке, пить чай, кутаться в теплый плед и доподлинно точно знать, где прячется Ло. Хотя надо отдать должное паршивцу, для своих ниндзя-выходок он стал применять все более и более изощренную тактику, которую эхолокатор Мака отлавливал с успехом, предупреждая меня заранее о притаившейся засаде.

— Молодец, Ули Ри. — Маленький монах как-то недоверчиво смотрел на меня, в очередной раз убежавшего от его западни. — Вижу, ты быстро учишься.

А мне что? Учусь, куда деваться? Монах, убедившись в моей осторожности и внимательности, наконец-то стал преподавать ряд программ и движений мудрецов с гор Жень-Ми, дабы я наконец приобщился к технике ли-дао-дзи.

Занятная вещь оказалась. Причем весьма, эти самые ли-дао оказались местным аналогом магов! Целый орден этих ребят постигал в своей форме магическое искусство, несколько непривычно и как-то, на мой взгляд, извращенно достигая обходным путем концентрации тела, вызывая в организме, рядом не очень приятных экзекуций, трансформацию того самого узла, обладателем которого я стал благодаря старику Дако в свое время.

Сложно, все гораздо сложнее было у этой школы магии, но при всем при этом давало потрясающую пищу для размышлений.

Основа учения, — это единство гармонии тела и духа, когда движением руки ты задействуешь силы разума, сдвигая взмахом брови каменные глыбы. Но есть в этой зубодробительной практике и свои плюсы. Какие? Не поняли еще? Тело, дух, маленькие буддисты соединили то, над чем я уже столько времени ломал голову, они взяли основу человеческого тела как ретранслятор, то бишь принцип некромантии использования

человеческого ресурса как амулет построения своих плетений, при этом оперируя общей энергией, а не применяя такую разрушительную для всего живого некротику, энергию распада.

Танец не танец, движение не движение, в каждом угле и твоём наклоне был заложен принцип для построения того или иного заклинания. Это сложно, действительно сложно запомнить все векторы и позы, которые ты должен исполнить, дабы претворить в жизнь нужное тебе заклинание, плюс самоконтроль, ну и наверно не стоит забывать, что это все же по своей сути боевое искусство. Ли-дао-дзи были боевыми магами, разрушительная мощь их кулаков была сопоставима с мощью танка, артиллерии, а также бог знает какого ещё смертельного оружия.

Но мне нравилось, не берусь утверждать, что это и вправду лучший из вариантов развития для мага, но по крайней мере пользы было куда как больше, чем от унылого угасания над очередным талмудом или крючкотворства над расчетами, не говоря уже о практике ковыряния руками в безобразиях какого-нибудь покойника.

Я прыгал, скакал, махал руками и ногами и при этом выстраивал длинную цепочку наблюдений, опытов, да и просто статистического анализа из своих ощущений, складывая оптимальные действия, приемлемые из всего этого для себя любимого.

Приятное время, занятия с Ло, занятия с графом по ментальной магии, свои собственные изыскания — все это отвлекало от ненужных мыслей и самокопания в глубинах души. Опять же началась работа. Худо-бедно были приведены в порядок два соседних участка, где я наконец-то за эти годы моего пребывания в этом мире впервые по-настоящему взялся за врачебную практику, совмещая опыт матушки Земли с приобретенными способностями этого мира.

Опять же денежки, пусть и небольшие, но все с возрастающим потоком. Лечить-то мне приходилось простых смертных, для дворян я как был клятвопреступником, так им и остался, в этом плане ничего не изменилось, знать меня никто не желал, звать к себе и подавно, что, впрочем, меня устраивало.

Народец приходил чумазый, забитый, дикий, но от этого их боль, сами понимаете, не становится меньше боли, которую испытывают белые воротнички. Правда в связи с патологической пустотой в карманах, лечить приходили мелочевку, что, впрочем, меня устраивало и в то же время раздражало одновременно. Из терапевта я превратился в стоматолога и дерматолога. Да! Мои зубы! У меня проклюнулись наконец-то зубы, новенькие, пока еще не в полном объеме, но меж тем это впечатляло.

Ну да сейчас не обо мне. В основной массе, как уже говорилось, приходили «зашептывать» зубную боль и выводить «чири» на всяких неприятных местах, платя по медному грошику за свою беду. Пару пациентов приходили с переломами, два раза приводили детей с температурой, ну а кульминацией моей практики стал человек с топором между лопаток.

Да, доселе подобных болезней мне еще не доводилось видеть.

Прямо диагноз налицо, то есть в спине.

Что-то спина разболелась.

Ба! Да у вас же топор, сударь.

С рассветом, на излете ночи целая ватага косматых мужиков в рванье притащили ко мне под двери приемной своего товарища, уже практически не жильца с мертвенно-белым лицом из-за потери крови. Что делать? Лечить, куда же деваться, в конце концов, труп всегда успею закопать на заднем дворе. Шутка.

Промывал рану, сшивал, сидел почти шесть часов в астрале, связывая разрушенные ткани и восстанавливая энергетическую основу, в общем лишь чудом смог вытащить с того света, хоть и не до конца. Нет, смерть ему уже не грозила, а вот истощение было существенным. По уму бы сделать переливание крови, да вот незадача — как мне узнать его группу?

— Граф! — Я ворвался в подвал, приспособленный под апартаменты его гнезда. —

Вставай, поганое умертвив, тебя ждут великие подвиги на благо отечества!

Поганые умертвия сначала немного смущались, но в конечном итоге в поликлинике, под моим чутким руководством появились пять миловидных медсестричек, которым руку и прочее в рот не клади, и два санитаря леса. Пардон, опять шутить изволю.

Брал в состав медицинского персонала самых проверенных кадров из гнезда, молодняк не допускался, так как их жажда могла выйти из-под контроля, а вот эти, самые матерые, стали поистине неоценимым инструментом в моей практике. Ладно они кровушку человеческую безошибочно определяли, так они же еще лекари душевные, обладали зачатками менталистов, вводя людей в сон, могли купировать боль при операциях, следить с помощью чуткого обоняния за изменением физпроцессов в организме, предупреждать на ранней стадии заражение.

Ну и как бонус — это неожиданно проснувшееся в них желание быть вновь частью общества. Да, это стало сюрпризом, хотя, пораскинув мозгами, вполне можно было бы спрогнозировать. Один бог знает, сколько лет кряду эти уже не-люди телесно, но все еще «человеки» внутри, подвергались гонениям, избивались и преследовались на всем протяжении своей второй жизни, не находя пристанища нигде подолгу. Что можно было чувствовать, находясь за бортом жизни? Даже представить не могу. Мне даже как-то пришлось выскочить за дверь, делая вид, что ничего не видел, когда один из монстров во плоти сидел и рыдал навзрыд, после того как одна из мамаш поблагодарила его за излечение ее ребенка от недуга, а оный юный соплезвон даже умудрился «чмокнуть» в щечку страх, летящий на крыльях ночи. И если вампиры мужской принадлежности гордо удалялись в подземелья, предаваясь там в гордом одиночестве душевным терзаниям, то прожженные убийцы женского пола, казалось, вообще не уходили сутками из больницы. Я даже стал опасаться, как бы они не стали у некоторых нерадивых мамаш детей отбирать, дабы их потом «засюсюкивать» до смерти.

Так, собственно, мне и удалось сделать переливание тому мужчине с презентом в спине, негодник уже через полторы недели смог самостоятельно принимать пищу и даже мелкими шажочками, чтобы не разошлись швы, шастать по больнице, везде суя свой любопытный нос. Я даже стал подозревать, за что именно его удостоили подарка, ну да то не мое дело, в скором времени его утатила обратно от меня его банда оборванцев, вполне добросовестно и не поскупившись, на свой манер расплатившись со мной.

А потом эта ватага принесла еще одного собрата, а потом еще и еще...

— Барон, вы, надеюсь, понимаете, в круг чьего внимания вы удостоились попасть? — Десмос, как исполняющий временно роль моей охраны, решил поднять эту тему.

Естественно, я понимал, ибо пусть и не сам, а через круг своих знакомых, но был весьма просвещен о самой большой статье доходов всех дежурных травмпунктов. А куда деваться? Профессия у них такая, у бандитов, уголовников и воров. Некуда им больше податься, а травмы, как правило, настолько существенны, что речь порой идет о минутах. Как-то в один из периодов становления нашей новой родины, с увеличением потребности страны во всякого рода рэкетирах, наш медицинский брат неплохо поднялся, по ночам извлекая пули и прочую бижутерию из их организмов, естественно, за хорошую денежку и с соблюдением конфиденциальности.

— Тут ведь как бы неприятностей с подобным контингентом не огрести, — дополнил свою мысль граф. — Вдруг противоборствующая шайка решит нам отомстить? Оно нам надо?

Однозначно нет. Посему мои слуги в городе в первых кругах сознательно постарались разнести слух, что принимаются все без исключения подонки города, а не исключительно первые принесшие убиенного. Тут собственно и пришлось к месту два земельных участка, один для порядочных людей, все еще робко пробувающих меня как специалиста, и второй закуток, где под конвоем из гнезда располагался мутный контингент. Ну а что делать? Вспоминаем крылатую фразу римского императора Веспасиана: *Aes non olet*, что в переводе, стало быть: «Деньги не пахнут». Он в свое время собирал налог с дерьма, ну а мое дерьмо

чем хуже?

В общем и целом, жизнь проживал радостно и с удовольствием, благо после натаскивания и обучения ряду основ, а также небольшому ликбезу по настояям и травам, мои вампирчики отсекали от меня мелочевку, что в очередной раз давало время для реализации моих различных «думок» и проектов.

Ну что тут сказать? Естественно, начал с простого — и изобрел велосипед, правда, в связи с погодными условиями, а также деревянными колесами, забросил его в дальний угол кладовки. Потом решил, раз для колес нет резины, стоит взяться за рельсы и соответственно паровоз. Но сказать взяться было легче всего, тогда как на практике у меня наличествовал лишь паровой котел с эльфийской руной, в то время как колесную базу, а также сам механизм передачи энергии на вращение оных колес я, хоть убей, не понимал. Ну не мое это, что тут скажешь, не моя стезя и не моя практика, хотя упрямыства мне не занимать.

— Граунд Бахмергельстер, как я рад вас встречать в своем доме! — Да, я решил идти другим путем, от чего по проторенной дорожке тут же вышел на кланового старшину гномов, тут же не поскупившись на денежку и выписав у них в свое пользование лучшего инженера.

— Бахушка, родненький, вот сюда посмотри! — Уже через пару дней мы с маленьким, но резвым косматым бородачом были на короткой ноге. — Надо экономить металл!

— В задницу твою экономию, Улич! — Как и все обделенные ростом люди, гном страдал монументализмом, везде и всюду навязывая принцип: чем больше, тем лучше. — Мы установим сюда еще одну колесную пару, и даже не моги мне нервы делать!

Что ни говори, а Граунд Бах-что-то-там-еще был гением. Косматый мужичок через ругань и мои сбивчивые объяснения на пальцах и дулях смог уловить суть, а также вывести меня из тупика по целому ряду вопросов, начиная все с того же паровоза и рельсов. Ведь как оказалось, этот народец уже много лет использовал вагонетки для вывоза рудных пород и камня, целый конвейер на ленточной цепи, приводимой в движение механизмом взводимых противовесов. Привод, да, привод это целиком и полностью заслуга этого инженера, по сути, целиком и полностью спроектировавшего паровую машину с первого до последнего винтика. Для него это стало настоящим откровением, прорывом всей его жизни и смыслом всех смыслов. Он чувствовал, что творил нечто, что способно перевернуть мир, ну а я считал деньги, что у меня получалось лучше всего. И да, хрен ему, а не еще одну колесную пару!

Нет, я не жадный, просто у меня физически столько нет, чтобы претворить весь этот проект в жизнь, как бы я ни пыжился и ни хотел бы этого. Во-первых, хрен с ним с самим локомотивом, эту железяку, а также гирлянду из вагончиков сделать хоть и накладно, но можно, проблема в рельсах. Их тут тупо как бы нет. Следовательно, наступает, во-вторых, а на хрена мне паровоз в сарае, если он никуда не ездит?

Нет, идея, согласитесь, на миллион, столько на первый взгляд открывается перспектив и возможностей, в то же время предоставляя как дополнение целую плеяду идущих бесконечной чередой друг за другом головных болей. Изначально стал прикидывать маршрут прокладки путей до своего Рингмара, но вынужден был тут же все прекратить из-за банальной мысли, а есть ли у меня столько на продажу, чтобы все это паровозом возить? С одной стороны, у меня и с горючим проблем не будет, а с другой — на моих землях хоть и богато мануфактур и предприятий, не говоря уже о лесе и не самом поганом железе благодаря гномам, но не получится ли так, что я из-за этой быстрой транспортабельности выкачаю ресурс своих земель подчистую, скажем, пусть лет за двадцать — тридцать? Тут нужен другой подход, банально доить корову, пока она не сдохнет, можно, но вот другую мне потом не купить. И что тогда? Тогда необходимо как-то получать барыши с транспортировки чужих товаров, а что для этого нужно? Правильно, прокладывать путь не как попало напрямки, а провести диагностику у соседей, где и чем они живут, кто из них с хлеба на воду перебивается, а кто не против сэкономить время на своих продажах и способен расширять рынок сбыта, а не сидеть на попе ровно да ковырять пальцем в носу.

Так что Бахушка пока самостоятельно доводил на чертежах и миниатюрных макетах

агрегат до ума, в то время как я стал подбивать поступающую информацию с первых банков к середине зимы, пусть и с запозданием, но открывшихся в Рингмаре.

Негусто, прямо скажу, негусто, за первые месяцы работы моими услугами воспользовались мои же партнеры с баронства, причем больше половины не столько из какой-то надобности, а так, для галочки, мол, смотри, барон, мы — хорошие парни, ты нас не ругай. Ну да я и не ожидал, что это дело стрельнет в одночасье, порадовало другое, в банк пришли молодые мастеровые из кирпичного завода. Простые смертные, они взяли у меня кредит под свои зарплаты со смехотворным процентом, на покупку земельных участков и постройку домов для своих семей. В принципе мелочь, но как говорится, в этих мелочах кроется дьявол. Сегодня попросили два человека по две копейки на нос, чтобы принести мне потом четыре копейки в выгоду, ну а завтра уже шесть человек попросят шесть копеек, чтобы принести мне по итогу двенадцать копеек в карман! Улавливаете? Это как в старинном анекдоте про Раскольникову, мол, спрашивают его, за что бабушку уконтропупил? А он, так застенчиво пожимая плечами: Ну, как зачем? Одна бабушка, один рублик, а десять бабушек, вы уж извините, червончик!

Ну да смех смехом, а дело это нужно было не упускать из виду, а в частности, расширять и множить ловчую сеть своей финансовой паутины, для чего в пятом кольце столицы я уже выкупил в свое право небольшое, но крепкое здание с обширными подвальными помещениями, так сказать под закрома родины. Так как «наружку» зимой делать было не с руки, строители принялись за внутреннюю реконструкцию, в частности, обшивали стены металлом под сейф, выставляли конторки и обустраивали личные кабинеты для особо важных приемов. Опять же необходимо было время для подборки служащих, да и пусть и минимальному, но обучению моего штата будущих банковских клерков.

Хорошее время, время в заботах и трудах, время душевного покоя. Впрочем, был и другой момент для душевных терзаний, а именно я взвешивал все «за» и «против» в пользу создания какого-то из известных мне вооружений.

С одной стороны, вроде бы, как ни крути, а придет время — сами додумаются, в конце концов, если мне не изменяет память, век арбалетов был как раз толчком к совершенствованию стрелкового вооружения, а с другой стороны, как-то не хотелось привносить в этот мир подобные подарки судьбы. Как-то не лежала у меня к этому душа, хотя стоит сказать, что в свете всей этой возни с побрякивающей железом империей совсем уж упускать из виду данный аспект не стоило. Особенно в свете открывшихся непонятных телодвижений имперцев на севере, что меня крайне нервировало и не устраивало из-за того, что там теперь и Когдейр и Рингмар принадлежат мне.

Кстати, с Ноной я по этому поводу списывался неоднократно, даже не требуя, а умоляя ее задействовать свои связи среди кланов пиктов, чтобы те со своей стороны проследили за этими забияками. Пусть мы не встанем стеной все как один против многотысячной армии, но, по крайней мере, успеем вывезти людей, материалы, в общем, постараемся минимизировать свои потери, ежели она заварушка все же случится у нас под носом.

Так что в таких тяжких думах я все же решился припрятать про запас свой туз в рукаве, дабы меньше ворочаться по ночам в тягостных раздумьях.

Порох? Нет, по крайней мере, не сейчас. Порох пока подождет, у меня и без него теперь есть чем кидать, кромсать и подбрасывать в воздух. Что же тогда? Да все тот же паровой котел, не понимаете? Элементарно, закрытый сосуд с возрастающим внутренним давлением, вода кипит, пару выхода нет, что произойдет? Правильно, все это хозяйство разлетится на чертову кучу осколочков, чем не бомба? Тут ведь даже банально на пальцах можно рассчитать объем воды в сосуде, за какое время она нагреется и наберет нужные для взрыва минуты времени. Останется только заключить котел в осколочную рубашку и вот вам мина массового поражения, жуткая жуть, активирующаяся простой руной с воздушной линзой Эббуза.

Заказ кузнецу на ряд запаянных котлов и стальные рубашки к ним выполнили буквально за неделю, а уж полевую работу с подобными хлоп-машинами решил проводить

лично, ибо душа требовала праздника, душа требовала деструктивных начал и феерии непотребства под осыпающиеся с неба комья земли.

Ба-бах!

— Минута на три кувшина. — Делаем запись.

Ба-бах!

— Пять минут на три ведра. — Делаем запись.

Удалившись на пару километров от поселка и города, для испытаний выбрал непролазный овражек, до безобразия поросший перевитым кустарником. Здесь внизу мне слуги разбили палаточный городок, в небольшом отдалении закапывая мои паровые бомбы, дабы я мог с наслаждением наблюдать за сим прекрасным зрелищем вздыбливаемых земляных масс. Что тут скажешь? Лепота! Это почти как в детстве строительные патроны в костер кидать, только еще лучше и громче.

— Экий вы затейник, господин барон. — Граф Десмос сопровождал меня в лагере, скрашивая тяжкий труд экспериментатора непринужденной беседой. — Вы бы, мой дорогой, лучше задумались уже о зимнем бале у его величества, считанные дни остались до приема, а у вас ни наряда соответствующего, ни дамы сопровождения.

— Да я так проскочу. — Мы сидели за походным раскладным столиком, переставляя фигурки на шахматной доске и разогревая кровь терпким разнотравьем чая. — Быстренько войду, поклон туда, поклон сюда и, сказавшись захворавшим, бочком-бочком и к выходу.

— Эн нет, ваше благородие. — Граф задумался, идя в размен ладьи с конем. — Не выйдет, ибо дама нужна для обязательного танца, открывающего бал, после чего вы обязаны будете выслушать приветственную речь его величества, потом закуски, потом танцевать будет король. Все соответственно обязаны лицеизреть и восхищаться, после чего нужно будет энное время ходить-бродить от стола до туалета, чтобы дожидаться, когда герцогов и некоторых графов допустят с хвалебными речами и презентами к его величеству, сами понимаете, аплодировать вам по статусу придется всем и каждому, а это ведь только первый день.

— Занятная программка. — Я поджал губы от недовольства, причем не только из-за увеселительной программы, но и из-за ушлости вампира, который без малого за полгода наострился играть в шахматы так, что доставлял кучу неприятностей на игровой доске. — Что с дамой посоветуете?

— Брать живьем. — Тут же оскалился он в своей фирменной улыбке. — Предлагаю ночью стукнуть более или менее приличную особу аккуратненько мешочком с песком по тыковке, опосля засунуть в мешок и не выпускать оттуда до самого окончания бала, ибо добровольно ни одна девушка из приличной семьи не захочет порочить свое имя, появляясь перед таким количеством знати рядом с вами.

— Сыпьте песок, готовьте мешок. — Тут же махнул я на него рукой, нисколько не смущаясь его «подколкам». — М-да уж... Что, и вправду никак без дам?

— А когда без них хоть что-либо можно было провернуть под этим небом? — Философски пожал он плечами. — Увы и ах вам, сударь, и да, вам мат.

Пока я корячился, убегая королем по доске от его слона, он с непринужденным видом следил за слугами, что возились с очередной партией закапываемых в землю бомб.

— Кстати, барон. — Он насторожился, втягивая носом, словно гончая, воздух и становясь серьезным. — Как ваш глава охраны хочу вам доложить, что вы под плотным колпаком сразу нескольких пока не до конца понятных мне группировок.

— Шпики Ганса? — Я взял с подноса одну из «печенок», макая ее в кувшинчик с медом.

— Не они одни. — Десмос внимательно посмотрел на меня. — Этих я сразу раскусил, в дополнение к ним сразу же выхватил слежку имперских агентов, но есть еще другие.

— Надо же. — Я удивленно вскинул бровь. — Кому я еще так интересен?

— Подозреваю, но, к сожалению, точно не скажу, что это кто-то из больших людей преступного мира города. — Он тяжело вздохнул. — Причем не из одного-единственного

клана, что, впрочем, тоже не очень досаждают.

— Тогда скажите мне скорей, мой друг, что же конкретно досаждают? — Я приложился к кружке с чаем. — А то чует мое сердце, моих недоброжелателей вы можете до рассвета мне перечислять.

— Тварь какая-то — Граф словно сплюнул это слово. — Иначе и сказать не могу, совершенно неуловима, невидима, не оставляет следов и даже определиться с угрозой невозможно. Кто оно? Что оно? Не берусь гадать, ибо о таком ранее не слышал даже.

— Это еще что за новости? — Я с удивлением откинулся на спинку стула.

— Да вот. — Он поморщился. — Сначала сам не верил, но среди слуг пошли разговоры о какой-то болезни, мол, человек словно засыпает, на какое-то время выпадая из реальности, а потом оказывается в совершенно неожиданном для себя месте и не помнит, как тут оказался.

— Что за бред? — Я с сомнением посмотрел на него.

— Вот и я так подумал. — Он опустил взгляд. — Пока это не случилось с моими ребятами.

— Кто-то похищает вампиров и моих слуг? — От удивления я даже выронил печенюку. — Но на кой хрен, миль пардон, сударь?

— Увы, не могу знать. — Он не смотрел мне больше в глаза. — Никто не помнит, что с ним было, в том числе и я...

— Вы?! — Я даже подскочил на своем стуле. — Вас тоже похитили? Моего начальника стражи? Как такое возможно?

— Не знаю, барон. — Он еще раз печально вздохнул. — Даже не пытайте, ничего не могу вспомнить, шел спокойно к себе по коридору, мимо слуга какой-то проходил, слегка коснулся меня... а потом я очнулся спустя пару часов посреди поля перед городскими воротами.

— Как такое возможно? — Мне стало немного не по себе от таких новостей. — Что опросы? Есть что-то общее? Много вообще вас таких похищенных?

— Уже с десятков. — Граф покачал головой. — Сначала думали, мало ли, может, недуг какой, но когда подобное произошло с моими, стало ясно, что не болезнь, кто-то, как я думаю, с феноменальными способностями менталиста, допрашивает ваших людей на предмет обстановки в доме, но скажу сразу... Это лишь гипотеза, на самом деле даже представить страшно мощь подобного мага, если он смог переломить мою ментальную практику в одну секунду, в какой-то краткий миг.

— Постойте, граф, а когда вас похитили? — Я с сомнением посмотрел на него.

— Вчера. — Он пожал плечами. — Мы сыграли с вами партию, распрощались, и пока я шел к себе...

— Вы вернулись! — Я опрокинул кружку, поднимаясь со своего места. — Вы вернулись, и мы еще два часа играли с вами! Мы разговаривали с вами!

— Но как так? — Он смотрел, удивленно раскрыв глаза. — Я же не помню, и потом, что сам к воротам города и пошел?

— А кто тебя знает, куда ты ходишь по ночам. — Я вновь уселся на стул. — Ты вернулся, предложил еще сыграть, мы сидели, общались... вот!

— Что вот? — Он заинтересованно подался вперед.

— Ты не шутил! — Я хлопнул себя по лбу. — Точно! Ни одной шуточки, ни одной улыбочки, я все сидел, гадал, что же тебя гложет и о чем ты так задумался. Ты сам на себя не походил...

— Не может быть. — Он отмахнулся рукой. — Захват контроля над телом не может произойти со мной! Это... это просто немыслимо, ты сам знаешь, как это тяжело, а у меня, между прочим, блоки стоят. В конце концов, мой разум в значительной степени отличается от простых людей, подобной практики по захвату сознания вампира просто нет.

— Организуй всех, о ком знаешь. — Я нервно протарабанил пальцами по столу. — Заходи в их разум и читай, где они были и что делали, опрашивай остальных, где и когда они

наблюдали тех, кто выпадал и не помнит несколько часов из своей жизни.

— Думаете, поможет прояснить картину? — Граф с сомнением посмотрел на меня. — Со мной явно этот номер не пройдет, я реально ничего не помню.

— Я и так знаю, что вы делали в тот вечер... — Теперь моя была очередь тяжело вздыхать. — Вы попросили у меня бомбу, а также попросили запустить ее по времени, так как сами вы этого сделать не можете.

— Хвала богам, что вы отказали мне! — Он театрально поднял глаза к небу.

— Вы плохо меня знаете, граф... — Я же к небу глаза не поднимал, низко опустив их к земле.

* * *

Что? Где? Когда? Знаете такую игру? Вот именно этим я последнее время занимаюсь день и ночь, ставя на уши всю свою усадьбу и всех своих людей. Нечто мистическое, нечто, что выходило за рамки даже этого мира, незримой темной тенью нависло надо мной и потешалось над моими позывами докопаться до правды.

Ни бестиары книги, ни консультации у магов, ни тем более мои собственные расследования не давали результата. «Нечто» по-прежнему не покидало мой дом, бродя в чужих телах, слушая наши разговоры и оставаясь неуловимым маревом, чем-то таинственным и непостижимым.

Это пугало, это не могло не пугать и настораживать, ведь я даже в малой степени не догадывался о мотивах и целях существа, так легко выманившего прямо из моих рук серьезный и смертельный подарок, с которым я столь фризовольно позволил себе обращаться.

— Сегодня ночью еще один. — Граф покачал головой. — Мы никак не сможем отловить эту тварь, барон. Боюсь, это не нашего уровня игрок. Слишком умен, от силы часа четыре находится в теле, потом переходит в другого, и так по кругу.

— Значит, боится. — Я сидел за столом, просматривая документацию и подспудно накручивая Мака на скан тела Десмоса.

— Думаете? — Граф улыбнулся.

— А как иначе? — Я вернул улыбку. — Вопрос выживания, иначе бы и не стоило так часто менять носителя.

— Догадался? — Существо, сидящее в теле графа, улыбнулось. — Просветишь — как?

— Старинная уловка. — Я закинул руки за голову. — Сказал графу неделю не заходить ко мне в кабинет, все деловые встречи мы проводим внизу у камина.

— Вот оно что! — «Нечто» поднялось со своего места, улыбаясь. — Что же, похвально! Обычно, когда люди сталкиваются со мной, то зовут на помощь целую кучу магов, а вы сами, получается, решили со мной потягаться?

— Ну, насчет потягаться это мы еще посмотрим. — Я жестом предложил оппоненту вновь сесть на свое место. — Пока меня больше интересуют ваши мотивы и конкретно — что же вами двигает.

— За бомбу переживаешь? — Существо не село, а переместилось ближе к выходу. — Не переживай, она послужит по назначению. Знаешь, такого подарка я от судьбы никак не ожидал, наверное, мне стоит тебя как-то отблагодарить, ты практически свел к минимуму риск моего разоблачения и вознес до небес шансы на успех моей миссии.

Мы замолчали. Он-оно, видимо, по причине ожидания от меня эмоций и каких-то слов, я же по причине компоновки информационного пазла из обрывков его слов и действий, так как мне до упоминания нужна была информация, дабы просчитать мотивацию существа.

— Вижу, мысли так и скачут в твоей голове. — Существо выглянуло за дверь, проверяя, видимо, не бегут ли по лестнице охранники. — Но боюсь, тебе пока еще рано знать всю правду. Видишь ли, ты невольнo уже однажды перебежал мне дорогу, спутав мои планы, так что я немного подстрахуюсь, оставив тебя в неведении относительно развития дальнейших событий.

— Значит, мы ранее встречались? — Защелки мозаики клацали, составляя из кусочков общую картину. — Неоднократно и, видимо, не при самых благоприятных обстоятельствах.

— Я бы даже сказал — трагических обстоятельствах. — Существо отошло от двери, пройдя вперед ко мне. — Наверно, ломаешь голову, не находя ответа?

— Ну кое-что действительно остается загадкой, хотя... — Я задумчиво смерил его взглядом. — Кое-что ты сейчас прояснил для меня.

— Интересно послушать. — Тело графа с сидящей в нем тварью подвинулось еще на пару шагов ко мне.

— Ну, начнем непосредственно с бомбы. — Я поднял палец. — Ты попросил выставить время срабатывания на месяц вперед, что меня удивило, но на что я по глупости согласился.

— Ну почему по глупости? — Вновь улыбка. — Приписывай это к своей доброте.

— Теперь я четко вижу, что, увы и ах мне, ты чудо современности, не что иное, как банальный шпион империи. — Я устало вздохнул. — Ибо, из последних ущемленных мною и по-прежнему пребывающих в добром здравии, только они могли затаить на меня обиду. Что скажешь?

— Продолжай, это даже интересно. — Улыбка сползла с лица моего посетителя.

— Ну, в самом деле, кому еще под силу нанять подобного уровня специалиста, если не целому государству? Причем не Финорскому, так как эти бы вполне официально проехали по мне вдоль и поперек. А у вас, имперцев, на меня есть зубок в связи с бледным и очень нервным видом вашего посла, что сейчас напропалую отбредывается за всю империю целиком и сразу.

— Да, нелегко ему горемычному! — Существо расхохоталось. — Ульрих, что ни говори, а местами у тебя голова соображает, что надо. Жалко, что лишь местами.

— Жаль посла. — Я прервал смех существа. — Я, наверно, не сильно ошибусь, если предположу, что империи нужен будет повод для войны и уже через неделю посол встретится с той самой бомбой?

Вновь наступила тишина, хотя в этот раз куда более напряженная, существо как-то подобралось, оно, видимо, прикидывало шансы броситься на меня.

— Не стоит. — Я покачал головой. — Не поможет.

— Наверное, да. — Граф кивнул. — Что ж, давай прощаться.

— Ты думаешь, я спокойно отпущу тебя? — Я повел плечами.

— Конечно, если не хочешь потерять навсегда графа, я ведь не просто так меняю каждые четыре часа носителя, иначе бы за мной следом шла целая вереница покойников. — Он развел руками. — Увы, у моей способности есть свои минусы, не могу подолгу задерживаться в гостях, чревато.

— Занятно. — Увы, мне приходилось верить ему на слово, ибо что же это такое и как с этим бороться — я совершенно не представлял. — Кто же ты? Я прямо сгораю от любопытства.

— Сгораю... — прошептало существо. — Сгораю, сгораю, знаешь, барон, у меня для тебя подарок.

Граф немного повернулся боком, что-то извлекая из своих карманов.

— Лови!

А я поймал.

Дурак.

Попался как ребенок, сняв щиты и ухватив брошенный существом подарок, в последнюю секунду, перед тем как померкло сознание, рассмотрев в своей ладони массивный серебряный перстень...

* * *

Что-то ворочало какие-то железки, неприятно громыхая, было жарко, а также до жути затекли руки и ноги. Хотелось пить и безбожно материться, меня мутило, сознание плыло и

до жути раскалывалась голова.

Похитили?

Наверняка, причем я сам вышел из своего дома, оставив охрану, и своими же ножками привел себя в лапы имперцев. Накатила злость, немного приводя разум в порядок, заставляя сердечко интенсивней стучать в груди.

— Как настроение, барон? — Чей-то каркающий голос заставил меня вздрогнуть и открыть глаза. — Располагайтесь поудобней, ваше благородие!

По всей видимости, мы находились где-то в подвальных помещениях, так как окна в каменном мешке, где я очнулся, совершенно отсутствовали, отчего тьма камеры лишь подчеркивалась слабым бликом парочки свечей и пунцово-красным светом, исходящим от трехногой жаровни, набитой углями.

Ну что же, теперь понятно, кто громыхал железом. Прямо напротив меня стоял здоровенный жирный мужик с оголенным торсом, косматой грудью и мерзкой, лоснящейся от пота мясистой рожей, что сейчас улыбалась мне гнилыми пожелтевшими зубами. Это он раскладывал на углях всевозможные иглы, спицы, крючки и прочую бижутерию, видимо так необходимую при игре в «вопрос-ответ» на новый лад.

— Рад, что ты быстро приходишь в себя, а то мы у тебя в кабинете, считаю, не все вопросы смогли прояснить в должной мере, — пробурчал здоровяк, чем поставил меня в известность, что загадочное существо, похитившее меня, на данный момент находится в этом теле. — Кстати, предупреждая твои потуги к магии, скажу сразу, чтобы ты не схлопотал смертельный откат. Твой внутренний магический резерв я сбросил досуха, пока вел тебя к себе в гости.

— Весьма предусмотрительно. — Я был прикован к потолку за руки цепями, причем ноги, видимо, притянули к полу, чтобы не брыкался. — Надеюсь, мы не далеко ушли? Хотелось бы успеть домой к ужину.

— Смело. — Покивал моим словам здоровяк, раскладывая уже на небольшом столике всякие мерзопакостные зажимы, щипцы и ряд зазубренных ножей. — Хорошо когда человек храбрится, а не обсыкается сразу же при виде моей комнаты для допросов.

— Сами мебель выбирали? — Я кивнул в сторону еще двоих здоровенных мужиков, стоящих у двери и сложивших руки на груди. — Вполне вписываются в интерьер.

— Благодарю. — Громада из жира, пота и волос на груди нависла надо мной целой горой мяса. — Вы очень любезны, молодой человек, но, увы, время поджимает, а мне нужны ответы. С чего предпочитаете начать, пальцы рук или ног?

— Эх, Ромашка. — Я покачал головой. — А ведь как красиво начиналась наша история!

— И здесь догадался? — Здоровяк расплылся в улыбке. — Надо было тебе переходить на мою сторону, нет, правда, тебе бы цены не было. Голова у тебя работает хорошо, жаль, что уже скорей всего не долго.

— А могу я узнать подробности, прежде чем мы продолжим? — Я немного позвенел цепями, пытаясь обвиснуть поудобней. — Просто до жути интересно, где же мое детище ждет своего часа? Где у него назначено randevu с господином послом империи?

— Разве это теперь важно? — Мужик отошел к дверям, показывая своим помощникам на приготовленный инструмент. — Гомши, ты работаешь с ногами. Питер, придерживай коленки.

— Просто, так сказать, напоследок. — Я лучезарно улыбнулся. — Банальное любопытство, чем же вся эта история окончится.

— Чем? — Главный рассмеялся. — А ты не понял? Естественно, все будет красиво, как в сказке, дамы в нарядных платьях, кавалеры учтивы и внимательны, играет оркестр...

— Бал? — Я непроизвольно дернулся, когда один из помощников обхватил мои ноги, крепко фиксируя их в своих руках.

— А то! — Толстяк воздел свой палец вверх. — Танцуют все, барон!

— Так-так. — Я активировал резерв свернутого Мака, выводя защиту и готовя ряд

боевых плетений. — А где же именно, если не секрет?

— Засранец. — Здоровяк открыл дверь, выскакивая в коридор. — И откуда только силы берешь?

Не медля более, я тут же выпустил в его сторону огненный шар Прая, разрубая помощников, брошенных им, в мелкое кровавое крошево воздушными лезвиями Эббуза. Вот же дрянь! Увидела активировавшиеся нити заклинаний и успела сбежать за дверь. Хитрая тварюшка, и от того еще более опасная.

Цепи слетели быстро, правда ослабевшие ноги подвели, и я упал на пол прямо в лужу крови, растекшуюся от убитых мною помощников. Мерзко, грязно, но зевать некогда — в комнату повалили вооруженные до зубов рейнджеры, тут же вбитые мною в стену воздушным кулаком. Придерживаясь руками за стены, стал подниматься наверх, по пути изничтожив еще с пяток самых резвых, а может, самых глупых вояк, что не пустились наутек вместе со своим предводителем. Нет, не жалел, никого не жалел и даже не думал бить вполсилы. Не тот случай и не мой вариант, уж если так судить, то я бы не вышел отсюда живым в любом случае. Ну а мораль... мораль я уже порядочно подрастерял за время моего пребывания в этом мире. Да уж, не самое нужное качество здесь.

Закончив зачистку нижнего этажа, устало вывалился на какую-то грязную, но меж тем оживленную улочку, засыпанную серым мокрым снегом. Чумазый народец свидетельствовал о первых уровнях города, люди здесь явно не страдали от переизбытка денег в карманах, так как большинство куталось в тряпье не первой свежести.

— Как дела, Ульрих? — Ко мне подбежал ребенок, показывая язык, после чего что-то передал идущему мимо пожилому мужчине, и уже тот в свою очередь ехидно поинтересовался: — Смотрю, живее всех живых?

— Ах ты ж сучара! — Я скрипнул зубами, поганое нечто кружило вокруг меня в толпе людей, подтрунивая на разные голоса и тут же переходя в другое тело.

— Ай да Ульрих! — прошамкала беззубым ртом какая-то бабка.

— Смотри-ка, и в этот раз сбежал! — произнес, ухмыляясь мне в лицо, какой-то мужик.

— И куда же ты теперь пойдешь, барон? — Мило подмигнула мне какая-то девчушка лет семнадцати.

— Кому и что ты теперь расскажешь, мой хороший? — Послала воздушный поцелуй еще одна грязная красотка из толпы людей.

Вот же гадость-то какая! Я не мог прицельно ударить, я вообще не мог уловить столь стремительную смену тел. Проклятое нечто откровенно издевалось надо мной, прекрасно зная, что я не могу позволить себе валить всех пачками налево и направо, не разбираясь, кто тут прав, а кто виноват. Нет, схему я примерно видел и понимал, что все завязано на прикосновении перстня к человеческому телу, но как отловить этот перстень, если существо ни на миг не останавливается, используя в своих целях любого, до кого могла дотянуться его рука?

— Ты как-то бледно выглядишь, Улич, — рассмеялся какой-то дед.

— Иди-ка ты домой, — выкрикнул чумазый бородач.

— Не вздумай и в этот раз навредить мне, мальчик! — лихо крикнул, сопроводив свои слова свистом, один из проезжающих на телеге извозчиков.

— Так и быть, я отстану от тебя. — Облизнула губки какая-то пышечка.

— Только не вздумай лезть не в свое дело, — произнес тихо высокий статный мужчина, скрываясь за углом дома.

Вновь накатила дурнота, я махнул одному из извозчиков, чтобы он остановился.

— Не вздумай мне помешать, барон! — Прилетело мне в спину.

— Давай из города, родной. — Я извлек из глубин изорванной одежды две серебряные монеты, кидая извозчику. — Дом Фельма знаешь? Давай туда.

— Эт где сейчас народец лечат? — переспросил моложавый дедок, сидящий впереди.

— Да, туда. — Кивнул я.

— И помни, Ульрих, я рядом! — крикнул мне с мостовой какой-то попрошайка.

Дома банально отмахнулся от всех рукой, не отвечая на расспросы и взволнованные взгляды. Тварь, побывав в моей шкуре, похоже, и вправду изрядно этим нагадила моему организму, так как следы недомогания волнами дурноты и мути накатывали вновь и вновь. Подперев свой кабинет табуретом, во избежание проникновения нежелательных элементов, даже не смог доползти до кресла, падая на пол и проваливаясь в тяжелый сон практически до самого вечера. Это немного, но сняло физическую измотанность, плюс я уже более детально смог в астрале поправить потоки, выводя организм на рабочий уровень. Да уж, ситуация хоть плачь, паранойя зашкаливала. Мне мерещился враг в каждом, кто был в моем окружении, я боялся банально выйти из комнаты, боялся, что меня отравят, боялся каждой тени, и лишь злость на эту моральную немощ помогала хоть как-то трезво мыслить, распутывая клубок событий, выстраивая оптимальную для себя линию поведения.

Ну что тут можно было сделать? Первый и самый простой вариант — так и сидеть взаперти, не высывая носа, в надежде, что когда прогремит взрыв, проклятое «нечто» удовлетворится последствиями своей деятельности, удаляясь восвояси. Ну правда, мне какое дело до всех этих больших игр в войнушки? Что можно спрогнозировать? Завоевание Финора? Ну это вряд ли, слишком жирный кусок, от которого не то что пузо раздует, жопу потом разорвет, слишком большие территории, слишком много людей, все это, даже завоевав, потом не удержать, ибо на подъем потребуется невероятная прорва денег. Что тогда? А остается земля пиктов и выход к морю, по моему мнению, именно из-за морского пути все и затевается. Империя раздута товаром, империя раздута людьми, технологиями, но она, увы, территориально зажата таким образом, что кроме парочки речных артерий там больше ничего и нет. Следовательно, война будет на севере и лишь по касательной может коснуться даже не столько меня, сколько Нону и ее Когдейр. Причем, скорей всего, это будет не арена для битв, а перевалочный пункт для армии Финора. А это не хорошо и не плохо, так как я смогу нажиться на доставке продовольствия короне, но и могу нажить неприятностей из-за невероятной тучи солдат, о чьем поведении во время военных действий даже догадываться не приходится. Хорошо если по старинке: «Бабка, яйцо, млеко, шнеля-шнеля», но на этом же не закончится, наверняка начнут портить девичье достоинство по деревням и весям, возможно мародерство по домам, да и тупо банальный разбой. И это, заметьте, только прогноз погоды на армию Финора, а если доблестные гусары из-за кордона прискачут?

Что же тогда? Бежать к Гербельту и де Кервье? Что тогда будет? Посла спасут, а надолго ли? Хотя — стоп. Как там у Горького, «а был ли мальчик?». Кто сказал, что на балу должен погибнуть именно посол? От этой мысли меня пробило в пот, там ведь если рванет, погибнут десятки людей, и даже хрен с теми держимордами, что вьются у кормушки, тут ведь как бы замах не на саму кормушку был. Нет, я понимаю, где я и где король, но смута в стране это похуже, чем война, и куда как в разы. С точки зрения империи, это вообще сказка, пока в королевстве нет главного, пока смута и грызня у престола — вообще скорей всего можно минимальной кровью будет оттяпать северный кусочек. А в итоге что? Много ли надо, чтобы сложить два плюс два и найти изготовителя бомбы, ввиду того что испытание своих машин я особо даже не пытался скрывать, не говоря уже о длинных языках слуг. От осознания глубины и полноты того места, куда я несусь с каждой секундой все быстрее и быстрее, мне вновь стало дурно. Это же надо так, своими собственными руками себе могилу вырыть. Даже с половиной прогнозов, что я сейчас предположил, мне головной боли хватит до конца моих дней, не говоря уже о том, что произойдет, если все гипотезы оправдаются.

И что же делать? А делать нечего, нужно руки в ноги и напрямик к Гансу, да искать эту треклятую бомбу, которой уже осталось по подсчетам примерно четыре дня. В общем, через не могу и через страх я должен выползти из своей раковины, что, возможно, станет мне еще боком в будущем с такими плечистыми игроками мировой арены.

Моя карета была собрана тут же и окружена двумя десятками бойцов из моих гвардейцев, очень жаль, что вампиров нельзя было провести в город, ох, чуется мое сердце, не лишними они окажутся в дороге.

Активировав Мака на полную катушку, трясся по городским улочкам, ожидая подвоха

от всех и каждого, даже от своих телохранителей, но то ли у этого «нечто» рейнджеры закончились, то ли ему было тупо не до меня, к первому кольцу я подъехал без приключений. Тут же ринувшись в будку на заполнение документов, прося об аудиенции Ганса Гербельта и просто посылая вестового, чтобы предупредил де Кервье о моем визите во дворец.

Ожидал я приема по моим меркам целую вечность, причем сразу было видно, что дворец стоит на ушах от усиления охраны, и чуть ли не у каждого солдата стоит по магу. Это был звоночек, о котором следовало задуматься. Похоже, господа разведчики со стороны Финора ждут какого-то особенного гостя, а следовательно, владеют информацией о столь странном шпионе, работающем на империю. Не один я, видимо, был знаком с этой незримой тварью, скачущей по людям, словно блоха от собаки к собаке.

— Барон Ульрих? — Ко мне вышел сразу десяток здоровенных ребят-гвардейцев в сопровождении аж двух магов. — Прошу вас подойти к этому амулету на предмет сверки вашей личности.

У меня екнуло сердце. Что за амулет? Что он покажет? А вдруг он «запикает» с криком «держи вора, это не его тело»? Впрочем, бежать уже смысла нет, под пристальным взглядом этих секьюрити. Тяжело вздохнув, с волнением и ожидая ежеминутно неприятностей, прошел процедуру какого-то простенького сканирования, на всякий случай, записав его на Мака, мало ли, может, и вправду поможет при бодании с этой тварью?

Но уже через пару минут я, выдохнув, все же был впущен внутрь, где меня поджидал небольшой возок, тут же покотивший по опрятным и ухоженным улочкам этого скрытого эдема.

— Мой мальчик, что стряслось, на тебе лица нет?! — В просторном кабинете с дутыми, обшитыми кожей креслами, где за большим темным столом восседал Ганс Гербельт, буравя мен пристальным взглядом, уже находилась де Кервье, бросившаяся ко мне с расспросами.

— Что это за тварь и как с ней бороться?! — тут же выпалил я первое, что накипело на душе. — Что бы я ни делал, я не могу ее поймать, засечь и как-то обуздать, набив хорошенько в профилактических целях жопу, в то время как она постоянно водит меня за нос!

— О чем ты, Ульрих? — Бабуля схватила за сердце, а Гербельт нервно взбрыкнул ногами под столом.

— Прекратите, я же вижу, дворец словно на осадном положении, тут солдат в три раза больше обычного, не говоря уже о нескольких сотнях магов! — Я, не дожидаясь приглашения, прямо из кувшина стал пить подостывший чай, видимо, давно они тут сидят. — Эта тварь кружит по моему дому день и ночь, она даже в меня забиралась!

Отставив кувшин в сторону, устало «плюхнулся» в кресло, вытягивая ноги.

— Вы даже не представляете, как она меня замордовала. — Я поджал губы. — И да, у меня для вас весьма плохие новости.

— Конкретней. — Ганс грузно поднялся, закидывая кисти за спину и в задумчивости подходя к окну.

— Что ж. — Я проводил его взглядом. — Начну с самого начала.

Говорил я долго, спасибо, что не перебивали, говорил все, начиная со встречи с юной Ромашкой на обочине дороги и заканчивая своим похищением, а также теми выводами, что волей-неволей посетили мою голову.

— На мой взгляд, все же, как бы это ни прискорбно звучало, целью станет король, ибо на их месте поступил бы именно так, — подвел итог я своей речи. — Бомба уже во дворце, сомнений нет, тут даже другого не дано, так как в связи с готовящимся балом, ежедневно, могу побиться об заклад, во дворец въезжают и выезжают распорядители по подготовке мероприятия, а вместе с ними сотни слуг, извозчиков, поваров и боги знают кого еще. А у меня к вам по-прежнему всего один вопрос, что это за тварь и с чем ее едят? Как вы до сих пор спасались от нее и что в связи со всеми этими событиями мне делать?

Наступила тишина. Тяжелая, гнетущая, без наигранности и фальши, люди принимали

решение, и эти решения были тяжелы и нележки.

— Ганс, — нарушила эту гнетущую тишину де Кервье. — Иди. Тебе нужно срочно организовывать людей в бальном зале. Проверь там все и всех, загляни в каждый закуток и угол.

Мужчина лишь кивнул в молчании, покидая свой кабинет, в котором мы с бабушкой Кервье мерили друг друга взглядами.

— Знаешь, Ульрих, — наконец произнесла она. — Вся моя жизнь делится на два этапа. Первый — это до встречи с тем, о чем ты спрашиваешь, и второй — после. В первой половине своей жизни я была молодой и наивной девочкой, чье сердце наполнялось любовью, мысли витали в облаках, и мне казалось, что весь мир соткан из радуги и золотых нитей. Тот, кто скажет, что так жить нельзя, получит от меня по самое не балуйся, потому что именно так и должны жить все нормальные люди во всем мире. Видишь ли, даже по истечении лет, по прошествии сотни тысяч не самых чистых решений для души человека, я по-прежнему верю в добро.

— Это похвально, — вставил я свои пять копеек.

— Впрочем, ты такой же, — вернула она мне любезность. — Пачкаясь в крови и нечистотах зла, ты по-прежнему видишь мир в розовых тонах, потому что хочешь верить в добро. Ну да, наверно, сейчас будем вести разговор не о тебе.

Она устало поднялась со своего места и позвонила в колокольчик, вызывая слугу, чтобы он принес нам свежий чай.

Случилось это в те самые злополучные дни первой войны с империей. Вальери была совсем еще юна, ей тогда было примерно без малого двадцать лет, причем, статус жены и королевы при своем муже она уже имела. Правда, статус хоть и немаловажен, куда как больше в то время ее заботило простое женское счастье, а именно любить и быть любимой.

Да, эта железная леди тоже была когда-то девочкой, чье сердце замирало в нежных чувствах, когда ее тонкий стан обхватывали сильные и большие руки любимого ею мужчины, отрывая ее от земли, словно пушинку, и так сладко и страстно прижимая к могучей и такой сильной груди.

Вообще, насколько я могу судить из опыта жизни, подобная искренность чувств единична и должна расцениваться людьми как подарок свыше, ибо по большой сути все мы в той или иной мере подвержены низменному эгоизму с переплетением других страстей, не делающих наш род людской идеалом доброты.

Ей повезло, при всей заданности траектории движения среди браков по расчету, принятых в среде аристократии, девочка пылала чувствами и, главное, получала в ответ взаимность. Но вот незадача, злобный неприятель отрывал от нее ее мужа, который обязан был, как подобает настоящему рыцарю на белом коне, ринуться на защиту своего дома, дабы в мужественной и отчаянной схватке сокрушить поганого супостата, чтобы, купаясь в лучах славы, вернуться назад, а именно в объятия любящей жены.

Не знаю всех нюансов, но война растянулась немного-немало, а на двенадцать лет. Да, двенадцать долгих, кровавых и опустошительных лет сплошной и бессмысленной мясорубки, в которой, увы и ах, не было места любви, зато всегда находилось время для продолжительных походов, бессонных ночей, выплаканных слез, переживаний, ранений и пустых холодных ночей, когда она одна сама с собой засыпала, крепко обхватив ЕГО подушку руками.

Что тут скажешь? Да нечего тут говорить, тут только можно руками разводить по сторонам и глупо пожимать плечами. Слова здесь будут впустую. Только вот беда не приходит одна, не суждено ей было вновь ощутить то, что было когда-то, нет. Не суждено.

Война на исходе, войска усталые и изможденные, как и две страны, погрязшие во всей этой кровавой распре, отошли к своим границам, подсчитывая потери и зализывая раны. Казалось бы, все, замолчало железо, напившись вдоволь крови, закричали на все голоса дипломаты, сшибаясь в другой, уже бумажной войне, дабы окончательно закрепить сей зыбкий мир. Это были радость и восторг, но наверно, никто так сильно не радовался в те

дни, как юная Вальери, ибо она ехала к мужу, летела, не жалея ни себя, ни коней, к границе, где проходили переговоры, дабы упасть в те объятия, которых она была лишена все эти годы.

Руки дрожали, старушка пыталась совладать с нахлынувшими эмоциями, не в силах даже справиться с внесенным чаем и простыми кружками.

— Прошу, присаживайтесь. — Я под локоть отвел ее в кресло сам, отворачиваясь к чайному столику и делая вид, что целиком поглощен разлитием чая, давая ей время, чтобы справиться с бегущими по сухим щекам слезами. Ох и беспокойно мне было на душе, что-то сердце подсказывало, зря я здесь и сейчас нахожусь, развесив уши и слушая эту вроде бы безобидную старушку.

— Он бил меня, он смеялся надо мной... — Я даже спиной ощутил невероятный порыв боли, что исторгла из себя Кервье.

— Не надо. — Я сел прямо на пол у ее ног, беря за дрожащие руки. — Не надо подробностей, я понял, это был не он, это была та тварь в его теле. Это был не он.

Я не смотрел ей в глаза, у меня не было мужества совершить эту малость, я лишь шептал и гладил ее руки, пытаюсь хоть как-то успокоить.

— Это был не он, ты не могла знать... — Не знаю, почему, но я опустил ей голову на колени, ощущая, как ее рука нежно гладит меня по голове.

— Я размозжила ему голову подсвечником. — Вот так просто и буднично развенчала миф о героической гибели своего мужа старая и уставшая королева. Тихо и спокойно она вновь проглотила слезы, топя в себе вереницу черных и жутких событий. Ее рука продолжала гладить мою голову, голос дрожал, но был сух и уверен, как у человека, верящего в свою правоту. — Голая, избитая, я лежала до рассвета под холодным телом своего мужа, не в силах более пошевелиться.

Я поцеловал ее сухие руки, вновь поднимаясь и на ватных ногах доползая до столика, где уже мне с трудом удалось нацедить в кружку горячего отвара, чтобы предложить ей, все еще вздрагивающей от спазмов накатывающих рыданий. Мыслей в голове не было, я, словно не я действовал, вручил ей кружку и вновь опустился перед ней на колени.

— Как ты уже понял, ни Финору, ни Империи больше не нужна была война. — Звякнуло блюдо, когда она вернула мне опустевшую кружку. — Все утрясли героической гибелью, две стороны создали красивую легенду о доблестной и последней битве короля, что своим мужеством и отвагой смог показать тысячам пример благородства, а также прекратить эту бессмысленную мясорубку человеческих тел и душ.

Да, вот так закончилась та история. Мирно, тихо и спокойно страны разошлись по углам, каждая на свой лад рассказывая красивую и поучительную сказку, оставляя один на один юную повелительницу Финора со своей болью и своими никому не известными терзаниями души. Как и что ей пришлось пережить, я не скажу, и наверно, никто и никогда даже в малой степени своих прогнозов не сможет приблизиться к половине тех чувств, что скрывала в своем сердце королева.

— Я забеременела. — Ее рука прошла по моей щеке. — Мальчик мой, я родила сына от своего мужа, будучи под властью своего врага.

— Но... — Я недоуменно посмотрел на нее. — Это не просто тварь на службе императора?

— Ты еще не понял? — Она печально улыбнулась. — Это и есть он, это и есть тот самый Вечный, это его сила, его страх, его проклятие и его благословение, император не человек, а та мерзкая тварь, что словно паразит, пиявка присасывается к чужому телу, от чего лишь становится сильнее и удовлетворяет свои низменные потребности.

— Император? — Я недоуменно смотрел на нее.

— Не жди ответов. — Она достала платок, вытирая слезы. — За все эти годы мне не удалось выяснить всю подноготную этого проклятия. Знаю лишь одно, это подарок некромантов темного Дьеса, одной из благородных семей империи, что в незапамятные времена оказали какую-то услугу эльфам.

— Это же сколько лет назад было? — Я попытался разворошить горы исторических событий, о которых мне было известно.

— Неизвестно. — Она покачала головой. — Возможно, это было даже раньше становления империи как государства, а уходит корнями в те времена, когда человечество было еще единым государством. Кто теперь скажет? И по большому счету — кому это теперь нужно? Факт остается фактом, пусть и негласным, но известным среди верхов ближайших государств этой окончечности мира. Мы ничего не можем с ним сделать, что ни говори, а это достойный противник, а потому вынуждены лишь огрызаться и время от времени отбиваться от его кровавых планов по захвату власти на всем Альверсте.

— Были прецеденты? — Признаться, истории я не слишком сильно уделял внимание. — Я думал, империя только с Финором бодается.

— Не только. — Она невесело улыбнулась. — Поганец за всю эту прорву лет успел напасть на каждого соседа, правда везде получил достойный отпор, и если его соседи с той стороны находятся в негласном альянсе, поддерживая друг друга в войне, то с этой стороны, увы, мы одни, и нам поддержки ждать не приходится. Тут даже, наоборот, с юга у нас большая головная боль в виде начинающих халифатов, в которых королей, визирей и прочих местечковых повелителей миллионы, и каждый с апломбом, каждый мнит себя пупом мира.

— И как же вы все эти годы останавливали его? — Ко мне вновь вернулся страх от осознания полноты картины.

— Как? — Она растрепала волосы у меня на голове. — Ты думаешь, Хенгельман просто так помиловали? Не одна она была в Финоре, кто практиковал некромантию, и не она одна получила работу в королевстве, а также второй шанс начать жизнь сначала. Я сразу поняла, что здесь обычными способами не справиться, а значит, нужно искать помощи. По крайней мере, то, что породило эту тварь на свет, должно было ее и убить. Негласно мне пришлось собрать у себя под боком целую службу из специалистов запретного искусства, начиная от шаманов орочьего племени и заканчивая все теми же некромантами и темными магами.

— Помогло? — Я попробовал представить себе масштабность этой картины.

— Не сразу. — Она кивнула. — Но мы научились находить его в чужих телах, мы смогли перекрыть этой твари вход во дворец, были даже моменты, когда мы были близки к поимке, но нет, слишком он осторожен, уже без малого больше пятидесяти лет не было вестей о его выходе за пределы границ империи... Но, как ты видишь, он опять здесь.

Минутная пауза помогла ей немного прийти в себя.

— Весь вопрос в амулете-кольце, Ульрих. — Де Кервье поднялась со своего места, подходя к окну. — Но здесь и сейчас мне вновь предстоит забыть свои чувства и мысли. Потому что король не знает истинной истории своего появления на свет, и нам вновь грозит война. Долгая-долгая война, потому что, увы, нам пока не под силу загнать в бездну ту тварь, что опять пытается развязать кровопролитие.

* * *

Четыре дня до бала прошли как один миг, так и не дав результата. Четыре дня коту под хвост. Как там было? И вся королевская конница, и вся королевская рать не могут... не могут. Впрочем, я тоже не смог. Мы с людьми Ганса облазили чуть ли не весь дворец, перевернули с ног на голову бальный зал, но так и не смогли найти бомбу.

Я стоял перед зеркалом, у себя дома оправляя черный камзол, украшенный вязью из золотой нити, словно галстук, примеряя воздушный отрез ткани платка, не зная, то ли повязать белый, то ли пойти во двор и сразу накинуть петлю на шею.

Провал, мой, охраны, разведки, в конце концов, всего Финора. Мы знали, что это произойдет сегодня, мы знали где, но совершенно ничего не могли с этим поделать. Митсвел Первый уперся словно баран рогом, не желая слушать доводы Гербельта и матери, слишком

это, по его мнению, ущемляло его репутацию, а посему бал состоится, и эта кульминация безалаберности и глупости случится не далее как через пару часов.

«Ульрих. — Мрак по углам комнаты колыхнулся в легком волнении, донося до меня тихий голос Адель. — Хозяин дома просит сказать тебе, что он поможет».

«В чем?» — Я оторопел от подобной подачи со стороны загробного мира.

«Не знаю. — Тень растворилась, даря на прощание: — Он наконец-то нашел, а потому он вернет долг, золото, он сказал: иди за золотом».

Тяжело вздохнув, я накинул плащ, взял перчатки и спустился во двор, где меня уже поджидал запряженный возок. Пора. Пора на бал, пора лицом к лицу встретить то кровавое безумие, что вот-вот должно было разразиться, стерев меня и жалкие остатки моей репутации на этом свете. Да, именно так я расценивал грядущее неизбежное, ибо сомнений и других толкований трагедии не будет. Это сейчас Гербельт лишь с прищуром смотрит в мою сторону, а де Кервье простирает длань защиты надо мной, но что будет дальше, если король умрет от моей смертельной забавы, даже представлять не стоит. Не стоит гадать и строить прогнозы, с вероятностью сто из ста я лишусь свободы и по прошествии энного времени жизни, так как большая игра и большая политика требуют при любом из раскладов назначить виновных, наградить непричастных, а каждому по заслугам выдать слона, если ты, конечно, не верблюд.

Бабушке нужен будет козел отпущения, и я не питал иллюзий о ее мыслях, о кандидате. Ибо сударыня без толики сомнений развалила напополам череп любимого мужа, так что козел, сегодня вырядившись в лучший свой наряд, трясется по улицам города, изредка поглядывая в окошко на серый зимний город из холодного камня и тысячи безразличных лиц и судеб. Безразличных к какому-то мальчишке, что сейчас едет на свой первый и, похоже, последний в жизни бал, дабы засвидетельствовать публично свою глупость и бессилие перед судьбой, расписавшись в книге учета для неудачников.

Думаете, можно было бежать? Наверно, можно, даже не так — нужно. Но не хочу. Тупо, банально не хочу, потому что тогда я убегу от всего, чего уже достиг, от всего, во что вкладывал свое время и душу, предам память тех, кого уже нет, а также тех, кто мне дорог, но кого я скорей всего уже никогда не увижу. От мыслей становилось черно на душе и тоскливо на сердце, город бурлил, дворец сиял огнями, собирая в своих стенах сияющую нарядами, драгоценностями и улыбками знать и высший свет короны.

Красиво, черт возьми, красиво... Статно, чинно, не спеша и с расстановкой, согласно иерархии, мы, прибывающие к бальному залу, выстраивались в переливающуюся богатством колонну, ступая по ковровой дорожке. Нас поправляли вышколенные лакеи согласно очередности и статуса, дабы особо рьяные графы не посмели проскочить вперед герцогов, а бароны стали стеной от именитых, но, как правило, голозадых рыцарей. Сами понимаете, удел рыцарей — поле брани, их капитал — это честь, доблесть и отвага, так что ничего удивительного в том нет, что их поставили замыкать шествие. Так сказать, прикрывать тылы от возможного нападения, весьма глупого и мифического, как девственница в притоне противника.

— Ваше приглашение. — Низко поклонился мне лакей, беря из моих рук пропуск на бал и передавая его глашатому, что уже во всю мощь своей глотки оповестил тех, кто был внутри: — Барон Ульрих фон Рингмар-Когдейр... в сопровождении господина лера Сеньгоу Ло!

Он немного запнулся, так как обычно в сопровождении должна присутствовать дама. Скинув свой плащ слугам, прошел я в глубь богато убранного отдельного дворцового корпуса, специально построенного под званые балы короны. Впечатляет, тут явно не скупилась на убранство палат, мрамор и золото, хрусталь, сотни вельмож. Наверно, такой бал не так уж и плох, здесь вполне можно найти деловых партнеров, ну и еще кое-что...

— Ты все же пришел. — У меня щелкнула отпавшая от удивления челюсть, ко мне подошла высокая статная женщина с холодными, но завораживающими своей чистотой голубыми глазами. — И не вздумай орать.

Император в теле этой снежной королевы подхватил меня под локоток, увлекая к столам с закуской.

— Прекрати брыкаться и не вздумай активировать узор защиты. — Девушка мило улыбалась окружающим. — Обещаю не вселяться в тебя, а будешь разводить панику, убью герцогиню.

— Какую? — сморозил я тут же глупость.

— Эту. — Император кокетливо наклонился, давая мне возможность заглянуть в прекрасный вырез платья. — И еще целую кучу, если понадобится, так что прошу без лишних телодвижений.

Амулет, выделенный мне де Кервье, остался в карете, так как я не думал о исходе подобных событий, а зная прыть этой твари по перемещению в толпе, я даже бы и попытаться не стал кидаться по сторонам магическими узорами, да и не позволили бы мне. Чуть впереди я увидел долговязую фигуру Нильса Ваггета, главного мага короны, да и не думаю, что среди слуг не скрываются безопасники-маги, призванные следить за порядком.

— Как ты пробрался? — Я подошел к столу, задумчиво рассматривая закуски. — Все как-то уже привыкли думать, что тебе сюда вход закрыт.

— Пусть так и думают. — Холодный блеск ее льдинок глаз наполнился весельем. — Вижу, ты уже успел пообщаться со своей подружкой Вальери. Как она, кстати, давно ее не видел?

— Прекрасно, бабуля пышет радостью и готовит новый подсвечник для скорой встречи с тобой. — Я выбрал рулетики с красной рыбкой и нежным сливочным кремом.

— Бабуля... — Он-она тяжело вздохнул. — Как время быстро летит, еще вчера от нее взгляд невозможно было отвести, а уже через миг какой-то соблезвон называет ее бабулей. Кстати, смотрю, она пошла с тобой на редкие откровения, как думаешь, почему?

— Думаю, потому, что благодаря твоей сегодняшней выходке я уже не жилец, — набив рот, глухо буркнул я. — Вот... решил, так сказать, напоследок гульнуть с размахом.

— Ничего с тобой не будет. — Красотка томно вздохнула, погладив меня по щеке. — Это я тебе гарантирую, а также то, что король останется жив. Просто не ты, не де Кервье многого не понимаете.

— Например, того, кто же конкретно впустил тебя. — Я встретился с ней взглядом. — Мы думали, все уже здесь, а на деле все только будет, так как кто-то из больших людей имеет вторые интересы.

— Попридержи-ка, юноша, язычок. — Он-она изобразила несколько наигранный смехок для подошедшей к нам группе людей. — Ваше любопытство до добра не доведет.

Я пожал плечами, разглядывая народ в зале.

— Ладно, Улич, пойду костюм сменю, а ты не вздумай мне тут под ногами путаться. — Веер в руках красавицы шлепнул игриво меня по плечу. — Скоро вернусь, и не дай боги тебе испортить даме настроение.

— Давай-давай. — Я проследил за исчезающим в толпе императором. — Тоже мне дама пик.

— Ло требует битвы. — Маленький воитель вынырнул у меня из-за спины. — Где воины, Ули Ри? Ты обещал битву!

— Воины? — Я усмехнулся, разглядев в зале одну небезызвестную мне особу. — Вон смотри, видишь красоту в ее первозданном виде?

— Женщина, воин? — Ло с сомнением смотрел на плывущую в окружении целого сонма воздыхателей в нашу сторону южную звездочку Лессу фон Каус. — Где она прячет оружие?

Маленький азиат с сомнением склонил набок голову.

— Она сама оружие! — Улыбнулся я ему и уже подходящей прелестнице. — Вы восхитительны, баронесса!

— Ну что мой, мальчик? — Она улыбнулась. — Надеюсь, мне уже в скором времени не придется краснеть за своего ученика?

Краснеть? Ах да, по программе уже вот-вот должны объявить танец, открывающий бал, я оглянулся, отмечая, что поток прибывающих почти иссяк. Признаться, я рассчитывал на то, что мне не придется корячиться, выписывая кренделя и дрыгая замысловато ножками, из-за отсутствия пары, о чем я решил не говорить баронессе во избежание срочного поиска ею мне спутницы.

— Нет, что вы! — Я учтиво отвесил поклон. — Я не разочарую вас.

— Поменьше самодовольства, Ульрих. — Она погрозила мне сложенным веером. — Именно оно выдает тебя с головой и намекает на то, что вы что-то придумали, дабы расстроить меня. Ну да ладно, пока оставлю вас, барон, пойду, найду графиню Красе, обрадую, что вы сегодня с нами.

С «вкусняшками» в одной руке, с легеньким пуншем в другой, я в сопровождении Ло бродил по залу, вежливо раскланиваясь со встречными-поперечными, ни в малейшей степени даже не представляя, кому я улыбаюсь и отвечаю поклоны, но сами понимаете, этикет превыше всего.

— Генмар Ван Шегуэр, представительный посол Империи при дворе короля Финора! — объявили прибытие на входе слуги, так сказать, ключевую фигуру сегодняшней вечеринки. — С супругой Генриеттой Ван Шегуэр и дочерью Ровали Ван Шегуэр.

Я замер посередине зала, впиваясь глазами в супружескую пару, с улыбкой на лице входящую в зал. Обычные люди. Не высокие, не низкие, не худые, не толстые, люди как люди, две руки, две ноги и посередине умица дочка, этакий большой бантик на ножках с пальчиком во рту и непослушными локонами, выбивающимися из общей картины.

Мужчина примерно слегка за тридцать, прямой, немного дерганый, черный волос, волевой подбородок с «жопкой», как говорят в народе, про ямочку на подбородке. Жена под стать ему ростом, явно тихая и не импульсивная женщина, о чем свидетельствовал мягкий тон наряда и минимум побрякушек с погремушками на шее и руках, ну и совсем еще юное создание, может трех-четырёх лет, с любопытством взирающее по сторонам и не отпускающее руку матери.

Млять.

По-другому не скажешь. Мне аж дурно стало от мысли, что уже скоро эту пару вместе с умничкой дочкой разорвет на куски, изломав и вывернув их тела в стороны, моя чудобомба. Ладно, еще самого посла убило бы, в конце концов, ему в коей-то мере должность позволяет подобные шалости, но зачем он семью сюда припер? Хотя ответ очевиден, центр столицы, под крылом короля, тысячи гвардейцев, столько же шпионов, магов, вельмож... Кто вообще может знать о том, что случится?

Кто-то знает.

А еще противней оттого, что знаю я.

— Не смотри туда. — Рука Ло развернула меня от вошедших, поворачивая к себе. — Такими взглядами не стоит кидаться, юноша.

— Да пошел ты, — процедил я императору, на этот раз искусно влезшему в тело моего телохранителя.

— Не надо грубить. — Резкий удар мне в солнечное сплетение заставил покачнуться и навалиться на маленького азиата. — Тише, мальчик, тише. Помни, начнешь плести магические узоры, погибнет еще больше, сохраняй спокойствие и даже думать не смей встать у меня на пути. Потому что, дорогой мой, у тебя в этом зале, если ты еще не в курсе, находятся Герман де Мирт, некая госпожа Деметра, а также прелестное и воздушное создание, такая милая и невинная леди Пестре.

Пестик? Ви тоже здесь? Я с трудом приводил дыхание в норму, собирая разбросанные мысли в кулак. Похоже, они под титулом Германа, как-никак, а граф, всей толпой заявили на бал, чего, впрочем, стоило ожидать, так как кто другой, но не девочки пропустили бы подобное мероприятие.

— Моя не понимать, ты зачем, Ули Ри, меня обнимать? — Ло оторопело моргал глазами, приходя в себя, видимо император уже покинул сию обитель.

— Господин барон. — Ко мне подскочил с поклоном слуга, разносивший на подносе вино. — Надеюсь, вам все понятно, повторять не нужно?

Взгляд хитрый, можно даже сказать, по-злему усмехающийся. Быстро, ох быстро тварь наловчилась уходить, мелькая, словно злой дух, мимолетной тенью в Зазеркалье. Неуловим, безжалостен, беспринципен, а главное — умен, от чего лишь во сто крат опасней. Император кружил вокруг меня, связывая по рукам и ногам, не давая даже банально двинуться в сторону охраны. Знает о моих близких и, что гораздо хуже, при любом раскладе может навредить.

Что же делать? И надо ли? Определенно надо, так как меня просто разрывало от ярости и злобы к этому эфемерному существу, с такой легкостью играющему с моей жизнью, моими близкими и просто с чьей-то судьбой.

— Внимание, внимание! — Мажордом вечера, в изукрашенной ливрее и с золоченым посохом, которым он трижды стукнул о мрамор пола, громко огласил своим криком бальный зал. — Прошу освободить центр, его величество Митсвел Первый с супругой королевой Леоной, а также принцем Паскалем и принцессой Катрин!

Супружеская чета чинно, словно ледокол, прошла по залу, разрезая толпу знати, сгибающуюся в поклонах и в согнутом положении пятившуюся с пути первых лиц. Ну да и мне пришлось спину нагибать, чтобы не выделяться среди общей массы.

— Такие дела, брат Ульрих. — Подмигнула мне стоящая рядом миниатюрная бабулька в совершенно несуразной шапке парика. — Смотри-смотри, нечасто этот мир видит кланяющегося императора.

— Рад приветствовать вас, дамы и господа, на восьмом зимнем балу при моем дворе! — вещал Митсвел, чья массивная фигура с пьедестала, на котором возвышался трон, выглядела внушительно. — Бал объявляю открытым! Прошу пары разойтись по местам!

— Ну что, Улич. — Рассмеялась бабулька, продемонстрировав мне свой впалый беззубый рот. — Уж не откажи красотке в самой малости, так сказать, напоследок!

— Других вариантов не было? — Хмыкнул я, принимая императора под ручку и вставая в общую шеренгу для танца. — Вот будет номер, если ты прямо посреди зала помрешь.

— Хех. — Усмехнулся он-она. — Смотри, как бы бабушка тебя не перетанцевала, говорят, в былые годы графиня де Капо с десятков таких, как ты, жеребцов, за ночь в мыло могла заездить!

— Это было давно и неправда, — вернул я любезность.

Скрытый за ширмой из цветного шелка оркестр медленно и плавно наполнил зал мягкой музыкой, а колонны, разбитые по принципу Мэ и Жо, стали сближаться, словно на параде тяня ножки и замысловато изгибая ручки.

Тьфу. Мракобесие. Сколько себя помню, всю жизнь не понимал и не любил это распутство, все эти танцы, а при виде «Лебединого озера», что раньше любили транслировать день и ночь по телевизору во времена моей юности, меня вообще могло стошнить. Ибо мужики в колготках, на сцене... Причем такие, знаете, в колготках-то видно, что прям хорошие мужики такие, а они, блин, вместо того чтобы на завод идти, по сцене скачут.

— Ладно, Ульрих. — Мы сблизились с а-ля императором в побитом молью парике. — Сделай лицо поприятней, ты прямо как на поминках. Отнесись ко всему происходящему немного проще, в конце концов, люди постоянно умирают, это жизнь, тут нет правых и виноватых, а к тому же, как ты уже не раз мне демонстрировал, от политики ты далек, и посему не суди строго старого интригана.

— Расслабься и получай удовольствие? — Невесело улыбнулся я.

— А почему бы и нет? — Надо отдать должное бабуле, филонить она и не думала, выдавая в строгой последовательности всю программу положенных телодвижений.

Мы вновь разошлись, а я наступил какому-то тучному господину на ногу, из-за целой вереницы таблиц, графиков и цифр, что Мак вывел, визуализируя перед моим взглядом,

словно на мониторе. Это был мой шанс, пока император был в теле старой распутницы, я сканировал его со всех сторон, причем не забыл подспудно запустить компьютер на разбор схемы амулета сканера, что я скопировал при посещении дворца. Не знаю, даст ли это какой-то действенный результат, но уж точно пригодится в будущем, дабы пообломать рога особо крупному скоту. Не знаю, как оно там сложится все к концу вечера, но тебя, паршивец, я теперь так просто не оставлю, я узнаю, как тебя, гадость такую, изловить, даже если на это уйдет вся моя жизнь.

— Ну сам посуди. — Бабуля вновь добралась до моих объятий. — Ты ведь разумный юноша, даже если не умрет посол, все равно умрет кто-то другой, а этот господин Шегуэр, между прочим, далеко не святой человек.

— Редиска? — Я подхватил за талию хрупкий, практически уже мумифицированный стан своей леди.

— Что? — Император нахмурился.

— Ну, я про то, что плохой он. — Я с удовольствием расплылся в улыбке, демонстрируя миру свои новые белые зубки. — Что он там делал в Империи? Жене изменял, пил, курил, отца императора большим дождевым червяком называл?

— Шутить изволим? — Он-она вскинул бровь и поджал губы. — Похвально в твоей ситуации. Но думаю, не совсем к месту. Ты многого не знаешь и не владеешь сутью вопроса, все гораздо глубже, даже того, что ты уже знаешь. Думаешь, это мне война нужна? Старая бабулька приласкала тебя и рассказала, какое чудовище этот богомерзкий император, забыв упомянуть пару нюансов о том, кто меня в тот вечер позвал к себе, а также о той игре, что ведется вокруг Северного Грота...

— Прекрати. — Я сморщился, как от горькой пилюли, к тому же опять покачнулся из-за таблиц Мака, который радостным «зумом» в моей голове оповестил о выполненной задаче. — Мне наплевать на тебя и твою империю, мне абсолютно наплевать на Кервье и Финор, что ты, что она — вы стоите друг друга и совершенно не видите главного.

— И что же, по-твоему, главное, мальчик? — Тон сквозил презрением и разочарованием. — Правда? Честь, которой у тебя нет? Чем ты, сопляк, лучше нас?

— Смотри. — Я, элегантно припав на колено, дал своей бойкой мумии обойти меня полукругом, после чего остановился, беря ее под руку и делая положенные мерные шаги. — Смотри, Вечный, смотри и знай, что только это может считаться главным, а вся ваша возня лишь прах и тлен!

Мы шли к одному из столиков у стены, где заботливая мама, стоя на коленях, вытирала перемазанное пирожным маленькое создание в бантиках. Госпожа Ван Шегуэр стояла на коленях, совершенно не обращая внимания на приличия и прочую белиберду, чуть ли не как кошка, вылизывая с ног до головы своего пушистого котенка. И это не иллюзорно, это не наносное, за этим не стоят деньги, это не украсть, и этого не обменяешь на все сокровища мира.

— И что? — Император остановился. — Хочешь сказать, что миллионы золотых потоков, тысячи солдат, законы, правила, весь наш порядок... Да ты дурак, что ли? Есть высшее благо, когда для счастья тысяч требуется принести в жертву единицы.

— Вот себя, млять, и приносите в жертву, уроды!

Я не знаю, как так получилось, но мое «млять» и «уроды» совпало с окончанием музыки. Ну, а то, что я под взглядом тысячи удивленных глаз еще и вмазал под зад ногой старой бабушке, от чего с нее слетел парик и она совершила кувырок вперед через голову, вообще погрузило весь бальный зал в гробовую тишину, нарушаемую лишь мерно щелкающими отпадающими до земли челюстями господ, что лицезрели мое беспутство.

Хорошо получилось, что греха таить, злости во мне нагнал этот гад будь здоров. Мак переключил меня на астральную проекцию, выводя в расплывчатые тени, наполненные яркими всполохами силовых линий, а также фигурными цветными контурами человеческих тел.

«Ну что? Потанцуем еще?» — послал я мыслеречью слова маркированному

компьютером образу, сливающимся с яркой энергетикой живых тел, темно-фиолетовой сущности императора, которую я теперь благодаря скану мог отслеживать.

«Догоняй» — пришел мне ответ-усмешка.

Зал взорвался криками, от чего я вздрогнул и замешкался, давая твари сделать первый переход. Впрочем, не далеко, видимо привыкнув быть выше всех на голову, он решил полюбоваться моей ошибкой, чего я, естественно, делать не собирался, проецируя новое для себя заклинание магов-монахов с далекой империи, а именно Трепет Поднебесного Огня, удар, по сути являющийся электрошоком. Ну, тут расчет прост, я не убийца, хотя, видит бог, иной раз ой как хочется и убивать тело-носитель, смысла и оправданий нет. Мысль была оглушить, парализовать, не давая сведенным судорогой мышцам откинуть от тела проклятое кольцо, чтобы оно не смогло коснуться следующего носителя. Но увы, мне не дали сделать и шагу, нет, не толпа, удивленная бесчинством юного нахала, надругавшегося над бедной бабушкой, сработали профессионалы, причем двое из пяти среагировавших на угрозу, плотно связали меня магической сетью своих контуров заклинаний.

«Ну что, мальчик, не вышло?» — пришел ко мне гадливый смешок наблюдавшего за всем этим императора.

Мне даже Ло не смог помочь, его банально вырубили в первые же секунды, а меня уткнули мордой лица в пол, заламывая руки и заставляя рычать в бессильной ярости.

— Какого демона, Ульрих?! — услышал я знакомый голос подошедшего Гербельта.

— Это он! — прошипел я сквозь боль. — Это император, он здесь, в зале!

— Отпустите мальчика! — Это уже взволнованно произнесла де Кервье, явно спешившая в нашу сторону, было слышно ее прерывистое дыхание. — Ульрих, ты уверен?

— Да, демоны побери! — Меня довольно бесцеремонно вздернули за шиворот, ставя вновь на ноги. — Я могу показать его!

— Работаем! — Ганс хлопнул державших меня парней по рукам, как бы показывая им следовать за мной. — Веди, малыш!

Но легко сказать, куда как сложнее сделать! Этот эфемерный паразит, похоже, прекрасно расслышал наш разговор, от чего пошел по телам со скоростью приличного бегуна-спринтера, ну да зевать нам было некогда, повинясь моим «Туда», «Левее» и «Правее», здоровяки из службы Гербельта рассекали толпу, устремляясь следом за темным, видимым лишь мной образом призрачной фигуры.

Но видимость минутного успеха не показатель выигранной битвы. Похоже, бал был испорчен бесповоротно и окончательно, нам наперерез вышла группа таких же боевиков, только уже играющих на стороне противника. К нам, естественно, подошла подмога, но, увы, и у императора это был не последний козырь в рукаве. Общая свалка с вереницей сверкающей кутерьмы, скрытой до поры до времени стали и не менее красочной ударной силы магического арсенала повергла зал в пучину хаоса. Это было неожиданно, масштаб заговора я даже в общих чертах боялся представить, на стороне имперцев сражалось порядка десятка магов и не менее трех десятков профессиональных бойцов.

В разные стороны полетели ошметки изысканных столов, драгоценных фресок и всего убранства, подпадающего под разрушительную мощь разгоревшейся битвы. Тут даже мне досталось, благо Мак блокировал по касательной два смертельных огненных заклинания.

«Не успел! Ты не успел, бомба набирает силу!» — пришла злорадная весточка мне от скрывающегося в коридорах зала императора.

Одно из заклинаний воздушной школы опрокинуло меня на пол, крутанув вокруг своей оси, от чего я упал на колени, что, собственно, сберегло мне еще толику энергетического запаса, так как над головой тут же пролетел, гудя раскаленным воздухом, огненный шар. Вокруг носились в панике люди, народ орал на все голоса, в нескольких местах уже вовсю полыхал пожар, переходя по бархату занавесов к балкам потолка, прогорклый дым выбивал слезу и наждачкой продирали горло.

Да уж, местный бомонд надолго должен запомнить этот праздник. Мысли перескакивали с одной на другую, тело вопило о своем желании немедленно покинуть эту

вакханалию, но я прекрасно видел, что в проходе началась настоящая давка. Люди, обезумев, бежали по головам, не разбирая дороги, а моему взгляду предстала картина: леди Ван Шегуэр, лежащая, похоже, без сознания, и ее маленькая дочка, захлебывающаяся слезами и держащая безвольную руку матери.

— За мной! — Схватил я одного из пробежавших мимо раздетых мужиков за руку, заорав ему в лицо.

Благо внезапный помощник был не на грани паники и еще сохранял какие-то зачатки то ли разума, то ли совести. Без лишних объяснений он подхватил Шегуэр на руки, а я в свою очередь — разрывающуюся диким криком малышку. Играть в конспирацию не было ни сил ни желания, Копье Аль'Фарамута осыпало прахом приличный участок стены, через который мы и вырвались или, скорей, выпали наружу, вдыхая свежий воздух, где, пробежав какое-то расстояние, я был вынужден оставить спасенных со своим помощником, дабы вернуться назад.

Да, я побежал назад в уже пылающее здание, вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения, потому что там еще оставались люди, там еще оставалась целая прорва людей и бомба. Моя бомба, которая может взорваться в любой миг, унося жизни сотни ни в чем не повинных людей.

«Слушай хозяина дома». — Сквозь сполохи языков огня и клубов дыма промелькнула зловещая тень призрака девушки, от чего я вздрогнул, замирая на месте. Сердце бешено застучало, и я ощутил сгущающийся вокруг меня могильный холод, прямо в языках пламени стояла полупрозрачная фигура сгорбленного старика с язвительно-насмешливым выражением лица. Старик покачал головой, поднимая руку, в которой блеснула монетка, вновь улыбка, фигура призрака изобразила щелчок пальцев, от чего золотистая чешуйка взмыла в воздух, заскользив на ребре по мраморной глади напольных плит.

«Иди за золотом, — сухо пролетел в моей голове голос старой вороны. — Я нашел. Мне чужого не надо».

Что и как, об этом думать было некогда, вломившись вновь в зал сквозь клубы густого дыма, я побежал за резво бегущей по полу прочь от меня монеткой, словно по волшебству перепрыгивающей на своем пути различный мусор и препятствия. Бой стих, внутри меня ждали лишь крики раненых и перепуганных людей, а также все более и более яростное пламя, уже местами пожирающее крышу здания. По пути я просто расстреливал стены зала, по-прежнему формируя из запасов некротики темную материю копий смерти, чем изрядно подпортил местные достопримечательности, но открыл выход на улицу блуждающим все еще в дыму и задыхающимся в угаре людям.

Дзынь!

Монетка звякнула, врезавшись в одну из центральных колонн, подпирающих свод зала. Демоны преисподней, если бомба у нее, то взрыв обрушит добрую половину всей кровли на головы людям! Упав на колени, я стал руками отбрасывать какой-то мусор по сторонам, разгребая основание и прощупывая каждый миллиметр пальцами. Что-то зацепило меня на стыке напольных плит, слишком неаккуратный для дворца зазор, местами не видно стягивающего раствора.

Используя ножку от разбитого в щепы стула, я рычагом поддел край, сдвигая в сторону аккуратный квадрат напольной плитки, с замиранием в сердце понимая, что нашел, нашел и практически уже не успеваю, так как стальной корпус уже подрагивал, и бомба обдавала все жаром раскаляющейся внутри нее воды, превращающейся в пар.

Контур руны разлетелся мгновенно, а вот остаточное тепло и продолжающийся процесс, похоже, было не остановить! По инерции температура должна еще некоторое время расти, а это время, возможно, уже и есть критический порог массы, за которой последует взрыв. Взрыв, который перечеркнет жизни десятков людей, все еще на разные голоса кричащих в зале.

Что же делать? Черт его знает. В голове был сплошной сумбур, благо опыт подсказал старинную и, наверно, уже забытую многими забаву не электрических, а нагревательных

чайников. Кто помнит эту забаву под названием: «Тварь опять выплюнула свисток»? Так всегда бывает, когда ставишь чайник на плиту, ждешь и караулишь его долго, потому идешь к телевизору, ну а потом, когда раздастся свист закипающего чайника, с сакраментальным «Ох, ё!» бежишь к нему, но никогда не успеваешь, ибо гаденыш, расплескивая кипяток, сплевывает с носика свистульку, заливая в придачу половину плиты.

Нужен прокол в теле бомбы, чтобы стравить избыточное давление, и нужен идиот, который бы на это согласился, обварившись с ног до головы кипятком. Собственно, и то и то вполне под силу одному человеку. Активировав защиту Мака и вкачав в нее все, что оставалось во мне, я встал на колени, извлекая из ножен короткий клинок, исполняющий при мне не столько роль оружия, сколько роль украшения знатного господина. Острое жало упер в оттиск стальной рубашки, зажмурившись, всем телом надавливая и просто в конце ложась на свое орудие труда. Ну а далее меня просто отшвырнуло в сторону, а к дыму и пламени добавилось еще и облако густого пара. Нож прошел хоть и с трудом, но уже начавший деформироваться металл корпуса выпустил наружу рассерженную стихию, с легким шелестом вылетающую наружу.

— Ну вот зачем ты так? — Чей-то голос стер с меня улыбку победителя. — Вот ну зачем тебе нужно было влезть в чужое дело?

Надо мной возвышался Нильс Ваггет, верховный маг королевства, кривя губы в какой-то гримасе отвращения и презрения, а Мак тут же услужливо подсказал, что тело мага уже не принадлежит ему. На крупицах энергии, уже беря взаймы у ресурсов слабого тела, я выставил классику защиты леди Десты.

— Ты, наверно, не в курсе. — Он покачал головой. — Но когда император берет женщину, он — женщина. Когда император берет воина, он — воин, а когда император берет мага...

Мой щит разлетелся под молниеносным и диким ударом, отправляя меня вновь на пол, с которого я так до конца и не успел подняться.

— Он маг!

Нога Ваггета наступила мне на грудь, плотно прижимая к мраморным плитам и не давая вдохнуть так нужный мне кислород.

— Глупый мальчишка, сколько, ты думал, я буду играть с тобой, терпя твои жалкие потуги потягаться со мной на равных?!

Император был зол, император был очень зол, он сместил ступню с груди на шею с наслаждением наблюдая, как под ЕГО ногой хрипит, задыхаясь при смерти, этот наглый и пронырливый сопляк.

Глаза мальчика закатились, показывая белки глаз, он больше не бился, пытаясь скинуть ногу с шеи, руки безвольно обмякли, спадая на пол, еще чуть-чуть, еще малость — и душа этого засранца улетит к небесам или в преисподнюю...

— Твою же мать, Ульрих! — Мужчина убрал ногу, пошатнувшись и сделав шаг назад. — Везучий же ты, сукин сын! Не допустите боги, еще раз сойтись нам на одном пути, второй раз уже не прошу...

* * *

Коляску инвалидную надо будет по весне сжечь. Осточертела она мне уже до колик. Опять я вынужден крутить колесики, дабы перемещаться по дому, так как опять меня немножко уронили, погнули и местами даже обожгли. Не помню, кто и как меня вытаскивал из дворца, но очнулся я уже дома в заботливых руках Ло, что выхаживал меня вторую неделю, практически вновь поднимая на ноги.

Эх, мне бы покой и тишину, но, видимо, не суждено, так как практически все время меня допрашивала служба разведки, а также спецы Гербельта, хотя спасибо, что хоть к себе в застенки не возили, все культурно, под запись и неоднократно. Была и де Кервье, приехавшая как-то навестить меня и посидеть недолго у постели. Старушка все качала

головой и пыталась выведать, поведал ли мне что-нибудь император из ее прошлого или нет.

Нет. Не поведал, да мне, собственно, это было и ни к чему. К политике я себе дал зарок строго-настрого не приближаться ближе чем на сто метров, спасибо, хватило и этой истории с головой. Да, посла, кстати, убили, его нашли в зале с разбитой головой, но его жене и дочке опасность не грозила, так как их под свое покровительство взял не кто иной, как сам принц Паскаль. Это было удивительно, но охрана умудрилась потерять в общей суматохе и боевых действиях целого принца, благо в этот момент я его отловил и заставил себе помогать спасать бессознательную женщину с ребенком. Принц принцем, а меж тем ничто человеческое ему было не чуждо, он не бросил тех, кого я с ним оставил, и даже после того как улеглась вся эта кутерьма, продолжал находиться рядом с этой осиротевшей семьей Ван Шегуэр.

Но все это было далеко и не близко сердцу, главное — это руки любимых мною людей. Моя маленькая Ви с утра и до ночи носилась у меня по дому, совершенно игнорируя двух старушек, бегающих за ней следом и следящих за тем, чтобы дитяtko не свалилось при кормежке кракенов к ним в резервуар. Герман чуть себе лоб не расшиб, кланяясь мастеру Ло, когда тот согласился взять его к себе в ученики, а тихоня Деметра часами просиживала у моей постели, меняя компрессы и подавая питье, заодно помогая разбираться с делами и учась у меня управлению бизнесом, так как директором партнерской группы компаний с именем «Шолмер», фактически полностью принадлежащей мне, будет в будущем она. А что? Титул ей выбил Герман, так что она теперь вновь барышня из высшего общества, ну а приданое уже будет подарком от меня. Девочка расцветала на глазах, еще годик-два и придется мне с ружьем в кустах сидеть на ее свиданиях. Хех, ну или самому приглашать, так как мой организм тоже уже не тот, что прежде.

Рад, я был рад, что эта маленькая семья опять со мной рядом. Я даже не сердился на старых сестричек, это я, а не Мила, смог выбить помилование за давностью лет Априи, причем подмахнула грамотку де Кервье, тут же, между прочим, определив вторую сестричку в свою тайную темную гвардию.

— Значит, вот оно откуда ноги растут. — Ко мне в гости заглянул не кто иной, как сам Нильс Ваггет, верховный маг королевства, слава богу, в этот раз без императора! — А я готовился к долгим и пространным разговорам с этим молодым человеком, дабы всеми правдами и неправдами вытянуть из него, где же он блох нахватался!

Две старушки стояли, низко опустив головы и не поднимая взгляда, а я задумчиво тер переносицу.

— Ну, малец! — Он подмигнул мне. — Мои следователи еще при нападении на тебя рейнджеров засекли остаточный фон некротики, ну а уж то, как ты искрошил стены в бальном зале, вообще номер! Ну-ка сознавайтесь, старые ведьмы, вы учили?

— Он сам, честное слово, мы его и так и эдак отговаривали, а он лезет, везде нос сует! — тут же сдала меня Мила Хенгельман.

— Ладно. — Маг махнул рукой. — Парень молодец, в его годы достигнуть таких успехов не каждому дано, мне даже будет интересно лично взять протекцию над ним по весне, когда он войдет в стены моей академии. Хотя с вами, бесовками старыми, мы еще поговорим...

Да, скоро, уже скоро я с блаженством уйду прочь из грешного мира, закрывшись в храме наук и знаний, дабы ближайшие десять лет ни одна сволочь не могла ко мне приставать и отвлекать по мелочам, типа спаси мир, верни с того света и прочие детские шалости. Как же мне все надоело, я уже просто с вожделением жду, когда начнется моя студенческая, тихая, мирная и непыльная жизнь, без всего этого «попадалова», без всех этих приключений на мою и без того весьма уже побитую жизнью пятую точку.

Часть 2 ЧУЖИЕ ИГРЫ

У меня стала расти борода. Ну как борода, так, три смешные волосинки на кадыке, две по одной на сторону, по щекам и прозрачный пух под носом. Что тут скажешь, время не ждет, время бежит семимильными шагами, беря свое и одаривая нас взамен... опытом, да, пожалуй, назовем это опытом прожитых лет. Хотя как по мне, можно было бы куда как лучший вариант для размена придумать, впрочем, бог с ним. И так сойдет, тот самый опыт мне услужливо подсказал способы борьбы с такими кустарными лицевыми насаждениями, от которых я был не в восторге, так как процесс этот мне еще в достопамятные времена успел «остохорошеть» порядком.

Все через это проходят, одни раньше, другие позже, некоторые с гордостью бегают каждые пять минут к зеркалу, дабы подергать свои «недозаросли», ощущая свою состоятельность, как половозрелая особь, а некоторые уже знают, что этот подарок со временем превратится в ежедневный кошмар. Я это знал. Я, барон Ульрих фон Рингмар-Когдейр, прекрасно знал, так как это не первая моя жизнь, и это не первое мое безобразие на морде лица, с которым мне впоследствии предстоит вести бесконечную войну на протяжении всей оставшейся жизни.

Прошептав себе под нос: «Гоги, опять в детский сад небритым пришел», я помазком взболтал мыльную пену, старательно, слой за слоем покрывая ею свое лицо. Да уж, как много в этом скрыто, казалось бы, мелочь, а нет. Скрыто. За всех, конечно, не скажу, но стоя в ванной комнате, я невольно возвращаюсь памятью к далекому и забытому, к тому, о чем, казалось бы, и думать не стоит, я вспоминал отца, вспоминал себя и свои мысли, когда я еще в реальные годы своего взросления стоял раскрыв рот, наблюдая за этим примером идеального и настоящего мужчины в действии.

Отцы разные бывают, жизнь у каждого своя, а родителей не выбирают. Кто-то до конца жизни не может простить большого, кто-то малого, у кого-то в душе презрение, а у меня в душе непередаваемая тоска и преклонение перед тем тихим, спокойным и рассудительным человеком, что ввел меня в эксплуатацию, показав, что такое жизнь, сказав или не сказав так нужные мне слова.

А бритвы в этом мире опасные. У моего деда такая была, складная машинка смерти, неизменно заправляемая на кожаном армейском ремне, ибо грани заточки требуют нежной правки, если, конечно, не хочешь впоследствии тяпкой лицо выбривать. Ага! Точно! С носом надо поосторожней, иначе потом его в кармане будешь носить. Цыкнув от досады за первый порез, принялся за самое простое — за две волосинки на щеках.

Сегодня особый день, невзирая даже на то, что весна сама по себе всегда особенное состояние души, сегодня я поступаю в королевскую академию магических искусств Финора. Мой путь, мой выбор, мой покой. По крайней мере на последнее я очень и очень рассчитываю, ибо утомили меня события последних лет непередаваемо. Хочется покоя и тишины, хочется хруст переплетов послушать, нежный шелест переворачиваемых страниц, макнуть пальцы в чернила, в конце концов, просто посидеть, приведя в порядок свои мысли, проекты и побыть седобородым отшельником-ученым, в пещере на окраине мира. Мне, конечно, можно было подождать до осени и даже пропустить целый год, но хотелось самому, хотелось отрешиться и уйти.

Закончив играть с бритвой и налепив в нужных местах огрызки бумаги, дабы затворить кровь, оценивающе оглядел свое тело в зеркало. Да уж, изменений море. От щупленького большеглазого мальчишки уже практически ничего не осталось. Тут надо, наверно, сказать большое спасибо моим мучителям, моим наставникам по физподготовке, баронессе фон Красс, при воспоминании о южанке зашевелился хвостик, и достопочтимому господину Ло, от одной мысли о котором опускалось все на свете.

Маленький азиат мордовал меня нещадно, видимо предчувствуя скорое расставание. Своим телом я, наверно, обязан ему, так как он по всем своим восточным канонам сушил меня, нещадно выгоняя даже малейший намек на любое проявление жировых отложений. Не было дутой рельефности, так любимой западными культурами, зато была потрясающая подвижность, скорость и гибкость, достойная лучших представителей змеиного сообщества.

Господин Ло знал толк в извращениях, даже через полгода непрекращающихся занятий по-прежнему доводя меня до зубовного скрежета и слез от боли, но что ни говори, а спасибо ему с поклоном до земли. Он мастер, он лучший из всех, кого мне когда-либо доводилось видеть, он знает свое дело, а что самое главное, наверно, делает его, делает самозабвенно, не щадя ни себя, ни тем паче двух мальчишек, попавших к нему в руки.

Я усмехнулся, еще бы, теперь не только я стал жертвой этого учителя мордобойных дисциплин, теперь еще и Герману доставалось от него, и если изначально мальчишка радовался, что будет учиться такому почетному ремеслу воина, то уже после двух недель занятий улыбка полностью сошла с его лица. Ну да это теперь не моего ума дело, я уйду, уйду на долгие десять лет, оставляя дела и заботы, впрочем, надеюсь, не навсегда, так как бизнес есть бизнес, деньги требуют внимания, понимания и постоянной руки на пульсе событий. Есть управляющие, есть верные люди, но отчеты все равно будут приходиться и разбираться мною лично, слишком много стоит в планах, слишком много крутится денег, а также слишком многие зависят от успешности и доходности моих торговых домов. Это не стоит упускать, это не стоит забывать, иначе можно очень быстро скатиться вниз с тех вершин, что уже удалось достичь.

Выйдя из ванной комнаты, я стал неспешно натягивать одежды, попеременно хватая с небольшого чайного столика пирожки да поглядывая на новые эскизы и записи инженера со сложным для восприятия именем Граунд Бахмергельстер, или Бахушка, как я его стал по-приятельски именовать, нанятого мною у подгорного народа. Маленький бородач-гном творил чудеса, щелкая технические задачки, поставляемые ему, как орехи, без зазрения совести украденные мною из моей прошлой жизни. Почему он? Просто каждый должен заниматься своим делом, я хоть и пытаюсь схватить все и сразу, но, увы, элементарно далек от многих технических аспектов. К примеру, как передать вращение вала двигателя на вертикальную ось? Нет, если посидеть пару месяцев, возможно, я бы и родил решение, но Бах делал это играючи, так почему бы и нет? Моя стезя и моя практика в другом, я врач, и мне куда ближе разобрать человека, дабы вновь его собрать, чем ковыряться в железе, выявляя сбои в сложной кинематике шестерней, цепей, приводов и поршней.

Бах — гений, маленький гном был уже практически на полном завершении проекта, железного парового монстра на рельсах, первого в этом мире железнодорожного локомотива на паровом ходу. Дело лишь в малом, а именно в целесообразности этой дур-машины. Я до боли в одном месте хотел собрать паровоз и в то же время не видел пока, увы и ах, надобности в его использовании. Слишком дорогая игрушка, слишком затратно и накладно содержать будет его, а прибыли и окупаемости кот наплакал. Самому слишком дорого, а кому я смогу объяснить выгоду в этом отсталом мире, чтобы привлечь в инвесторы? Да никому, вот и выходит все пока что на бумаге.

Остатки сладкой выпечки утащили под диван лесные братья еноты, пока я возился с бумажками. Сорванцы совершенно никого не боялись и считали, что все, что положено, положено исключительно для них любимых. Молодцы, именно такой жизненной позиции стоит придерживаться в будущем.

Повозившись с сапогами, я еще раз оглядел себя в зеркало, счищая с лица прилипшие бумажки, уже сделавшие свое дело, скрыв с глаз долой мелкие порезы от бритвы. Пора, пора уже и в путь. Спустившись во двор, сразу же заскочил в возок, услужливо ожидающий мою персону, лошадка стронулась с места, и дорога лентой побежала сначала по узким улочкам пригорода, постепенно перейдя в городской тракт, ну а уже после въездных ворот гулко застучали колеса по каменной мостовой столицы. Хороший ясный погожий денек обещал через пару утренних прохладных часов согреть прохожих теплым солнышком, празднично возвышенное настроение не давало сосредоточиться, и лишь где-то глубоко внутри все еще роились мысли-воспоминания.

Странно как-то складывается у некоторых людей мировосприятие. Мне вот по простоте душевной всегда были волнительны такие незримые ступеньки судьбы, пару раз встреченные на жизненном пути. Школа, институт, ленточки, бантики, цветы и душевное

томление, первые занятия, строгие преподаватели, робкие и изучающие взгляды по сторонам, все это приятно легло через года мне на сердце, хотя я доподлинно знал, что не все воспринимают подобный антураж в положительном ключе. У меня был один приятель в юности, так он считал, что еще с детского садика «отматывает срок» строгого режима, а также клятвенно меня заверял, что все это мировой заговор по контролю над разумом человеков. Причем кто этот контроль организовал, он не знал, но был абсолютно уверен, что прогулянный урок или пара в институте это живительный глоток свободы и решительный шаг по раскрепощению зажатой в рамки человеческой души. Но «маман» у него была женщиной суровой, властной, а главное — не поддерживала в семье демагогию, из-за чего и папа и сынуля исправно посещали предписанные по уставу мероприятия. Надо же, я вдруг только сейчас подумал, может быть, заговор организовала его мама?

Улыбнувшись этой мысли, неспешно вышел из остановившегося возка, так как дальше к большой площади и непосредственно магической академии подъезд отсутствовал. Нет, он был, но на данный момент перекрыт, дабы собирающиеся не стопорили улицы каретами, а также не перемазали все вокруг в лошадином дерьме. Что же тут поделать, в моем мире выхлопные газы машин, а в этом лепешки мин. Увы, технология что здесь, что там еще не смогла шагнуть на безотходное потребление горючего транспортными средствами, так сказать, издержки производства.

Улочки были наполнены разномастным народцем, сердце с волнением стучало в груди, сегодня, я считаю, особенный день. Что, собственно, правда. Только сегодня и в этой части города, хоть немного и ненадолго, стирались границы между сословиями, так как в академию поступали не только знатные, но и простолюдины. Сегодня лишь одно условие было значимо, а именно то, что ты выжил после прохождения инициализации, что автоматически давало тебе право на новый уровень жизни, мысли, возможностей и прочих условных рамок и границ, что так тесно сжимают нас в повседневности.

Негусто, прямо скажем, негусто что-то молодежи, что тянется в окружении родных и близких к стенам академии. Ну да чего я хотел? Смертность при инициализации весьма существенна, и если я сознательно выбрал этот путь, то многие скорей всего не по призванию, а по нужде пошли на этот риск. Кто-то промотал состояние и рассчитывал, отдав одного из отпрысков в маги, хоть немного поправить свой социальный статус, а у кого-то банально не было выхода, либо ложись, подымай с голоду, либо дерзай и, если выживешь, то тебе откроются врата в лучшую жизнь. Были, подозреваю, какие-нибудь мстители, не видящие иного пути, кроме как месть своими руками по прошествии времени и обретении могущества, многое тут намешано. Даже гадать не хочу о кривых дорожках, что привели сегодня сюда весь этот народ, не моего ума это дело. Хватит спасать обиженных и ущемленных, сегодня я сам обижен и ущемлен, сегодня я иду сознательно в эту обитель, дабы выстроить пусть и больше условный, чем реальный, но щит от окружающей меня действительности.

Здание академии давило монументальностью колонн и широтой дубовых створок ворот, окованных черным железом. К воротам шла каменная лестница из узких бойниц-окон, свешивались знамена, перед входом всех прибывающих встречала делегация магов, а чуть в сторонке наблюдался цветастый шатер, к которому выстраивалась шеренга из будущих абитуриентов данного учебного заведения. Порядок прост, подходишь к встречающей комиссии магов, те просматривают тебя по спискам, сверяясь с данными, не просрочил ты свое поступление либо же не прибежал слишком рано. Ну а после этого идешь к шатру, где проходишь нечто вроде медкомиссии, где пытаются выявить твой узел-модулятор, а также примерно представить твои возможности и будущий потенциал, там же, по идее, ты и выберешь направленность общих дисциплин, получая факультет, если хотите, что, по моему мнению, скорее атавизм прошлого.

— Имя. — Меня встретил высокий лысоватый дядечка в синей мантии, расшитой серебряной нитью.

— Ульрих фон Рингмар, — за меня ответил чей-то бас из-за спины. — Хотя постойте,

вы ведь теперь, если не ошибаюсь, Рингмар-Когдейр?

Я повернулся к здоровенному мужику, улыбающемуся за моей спиной, отвечивая ему учтивый поклон.

— Рад видеть вас в добром здравии, господин Доу.

Огромная глыба мускулов расплылась в улыбке, приветствуя меня.

— Отметьте в списках напротив его имени — хитрован еще тот! — пробасил великан.

— Обязательно, — не без раздражения встретил его слова принимающий маг, и уже кивая мне на шатер: — Прошу, барон, встаньте в очередь.

Еще раз раскланявшись с небезызвестным мне наемником, я неспешно пристроился в конец очереди, за такими же, как я, молодыми людьми, с интересом следящими за происходящим.

— Здорово. — Рядом со мной встал худенький черноволосый паренек с орлиным профилем и бесхитростным взглядом голубых глаз. — Похоже, мы последние.

— Угу. — Кивнул я, оглядываясь.

За нами и вправду больше никого не было, оглядев колонну, примерно прикинул общую численность поступавших. Не много, если это и есть весь годовой набор, то даже можно сказать, практически ничего, парней и девушек от силы было чуть более пяти десятков, так сказать, опора и будущая мощь всего королевства. Хотя, может быть, это и плюс, ведь чем меньше группа, тем более велика вероятность того, что преподаватели будут больше проводить времени со студентами, а не устало отмахиваться от них, что лично меня бы совершенно не устроило, так как я сюда не просто так пришел.

— Майк, — представился паренек, нервно крутясь на месте. — Майк Поупкинмар.

— Ульрих ф-ф... с Рингмара я. — Мне неожиданно не захотелось говорить юноше свой титул. Судя по весьма неприятному виду, паренек если и имел какую-то приставку к имени, то весьма несущественную, и пусть со временем стены академии уравниют нас, но пока не хотелось, чтобы между нами была неловкость.

— А где это вообще? — Парень шмыгнул носом.

— На севере. — Отмахнулся я. — Ты куда думаешь записаться?

— На боевой факультет. — Парень расправил совсем не внушительные плечи.

— Стихийником, стало быть. — Покивал я своим мыслям.

— Ну да. — Он вытягивал шею, пытаясь заглянуть в шатер, и нервно переступал с ноги на ногу. — Не в «девчатник» же записываться.

— «Девчатник»? — Я задумчиво покатал это слово на языке. — Это что за диво такое?

— Ну, знаешь, все эти лекарки, знахарки, травушницы и прочие повитухи. — Он рассмеялся. — Туда только девчонки поступают, там ни славы ни битв ты не найдешь, это не мужское занятие с всякими немощными возиться.

— Точно? — Я расплылся в улыбке. — Дай-ка я уточню, ты хочешь сказать, что на этом факультете не будут посылать на войну, а вдобавок ко всему там целое море барышень будет?

— Ну-у-у... э-э... — Он стал осмысливать информацию, прогоняя ее через свою призму интересов. — Так-то да, определенно да.

— Замечательно! Спасибо за информацию. — Я похлопал его по плечу.

— Да не за что, — удивленно протянул он.

Продолжая перебрасываться ничего не значащими фразами, мы неспешно тянулись к шатру, где постепенно один за другим скрывались абитуриенты. Майк Попкин, или кто он там на самом деле, чирикал без остановки, посвящая меня в свои грандиозные планы на будущее, а заодно выдавая пусть и малую, но хорошую долю информации по предстоящему обучению.

Что меня ждет? Десять лет, десять по идее долгих лет в этом закрытом заведении, из которого, как я понял, первое время даже не выпускают в город. Что и как именно, простые зеваки не знали, а вот кое-какие мелочи вполне были на слуху, в частности, то, что в академии свое общежитие, площадь его территории весьма солидна, и пусть уступает

первому дворцовому кольцу, но потеряться там без практики можно в считанные минуты. Свои лаборатории, своя библиотека, несколько оранжерей, есть закрытые озера, есть открытые, причем, по легендам, что в тех, что в других лучше не купаться. Вообще, надо сказать, учебное заведение было с многолетней историей, и ничего удивительного в том нет, что имело свои традиции, свои легенды, сказки и даже страшилки.

— Фон Рингмар-Когдейр, — представился я, подходя последним к встречающим меня перед шатром магам.

— Не рановато? — За небольшим столиком восседал длиннородый старец, что-то чиркая в грамотах и свитках, подносимых к его столу. — Может, еще годик-другой погуляешь, барон?

— Нет. — Я покачал головой, внимательно рассматривая старичка, так как что-то в его облике насторожило меня. — Самое время.

— Кто учил и делал инициализацию? — Он отложил перо, внимательно окинув меня взглядом с головы до ног.

— Сэр Валентин Дако. — Мой взгляд остановился на его правой руке, закрытой перчаткой.

— Дако... — Старик задумчиво кивнул своим мыслям. — Хороший малый... как он?

— Убит. — Пожал я плечами.

— Бывает. — Философски пожал тот плечами. — Нравится моя перчатка?

Его последний вопрос смутил меня, видимо, я слишком пристально пялился на его руку, что не делало мне чести, но было очень интересным занятием, так как смысл ходить в одной перчатке был весьма расплывчат и загадочен, а вдруг там у него, как в том старинном фильме — «золото-бриллианты» сокрыты?

— Извините за любопытство. — Я учтиво поклонился. — Видимо, за сегодняшний день вас уже порядком утомили любопытные взгляды абитуриентов.

— За сегодняшний день? — Он рассмеялся. — Юноша, меня уже лет семьдесят — восемьдесят назад утомило это любопытство, ну да то дела минувших лет. Значит, все же хочешь сейчас поступать?

— Именно! — вновь кто-то ответил за меня, заставляя повернуться. — Сейчас и не минутой позже, уважаемый Креб Раус, так как за пареньком нужен глаз да глаз!

Мы со стариком склонились в поклоне подошедшему Нильсу Ваггету, первому магу короны и главе академии.

— И да, Креб... — Ваггет понизил голос. — Малец по твоей части, присмотри за ним.

— По моей? — Старик прищурился, вновь меня рассматривая. — И где же, позвольте полюбопытствовать, нашлись смельчаки, практикующие студентам мое ремесло?

— Хенгельман. — Ваггет похлопал старика по плечу. — Я еще сто лет назад предлагал их спалить обеих на костре, так нет же, пожалели, приютили, вот теперь получи.

Первый маг насмешливо улыбался, показывая на меня старичку.

— Ну, насчет спалить это ты, конечно, лишку дал. — Старик тоже расплылся в улыбке. — Хороши были бесовки, грех таких девок попусту переводить было. Кстати, слух прошел, вторая сестренка всплыла после стольких лет?

— Еще бы она не всплыла. — Ваггет сморщился. — Такое, сам знаешь... не тонет.

— Юноша, вас еще долго ждать будут? — Раус вывел меня из задумчивости. — Или вы считаете, что можно и подождать такую важную персону, как вы?

— Извиняюсь. — Я еще раз отвесил поклон, разворачиваясь к шатру и открывая полог. Жаль, хотелось бы еще постоять и послушать, что уж греха таить, люблю я все эти «скандалы, интриги, расследования»...

— Так-так, кто это к нам пожаловал? — раздался мелодичный и до боли знакомый голос.

От удивления я замер на пороге, раскрыв рот и не находя слов. Прямо день встреч, не иначе, за небольшим столиком, заваленным всевозможными бумагами, сидел самый настоящий эльф, лукаво улыбаясь и обмакивая перо в чернильницу.

— Так и запишем, барон Ульрих фон Рингмар. — Леофоль из рода Темной Ели, старый знакомец и негласный надсмотрщик-защитник, нужно подчеркнуть, от первой расы этого мира, приветливо кивнул мне. — Прошу вас, проходите, молодой человек, присаживайтесь, и да, для информации — я старший преподаватель природной магии на факультете целителей Леофоль Лаурикан, это вам, юноша, для общего развития...

Это мне для чего? Это мне, видимо, для того, чтобы я лишнего не «ляпнул», эльф испытующе буравил меня своими пронзительными бездонными глазами, ожидая моей реакции.

— Рад знакомству, господин Леофоль. — Я учтиво склонил голову, принимая его игру.

— Вот и чудненько. — Он черкнул пару строк в грамотах, после чего встал из-за стола, подходя ко мне.

Помимо нас, в шатре находились еще два мага, один смуглокожий огневик в алой мантии с клиновидной набриолиненной бородкой и очаровательная девушка в зеленой мантии целителя, с огромной золотой косой, толщиной в руку, что тугим канатом чуть ли не доставала земли.

— Итак, господин барон. — Он подошел вплотную, заложив руки за спину. — Вы уверены в своем желании поступать именно в этот поток? Вы в курсе, что по времени у вас в принципе есть еще год-два в запасе?

— Да, я в курсе и полностью отдаю себе отчет в том, что делаю. — Глаза волея-неволей передвинулись с лица эльфа на маячившую неподалеку по... кхм... фигурку магички.

— Замечательно, садитесь. — Дождавшись, когда я сяду, он положил свои ладони на мою голову, закрывая глаза. — Будет немного некомфортно, но вы постарайтесь не дергаться, не вскакивать, перепуганно вытаращив глаза, и не мешать мне проверять, на каком уровне находится в данный момент ваш процесс инициализации.

Пожав плечами, я расслабился, запустив Мака на запись действий, которые будет проводить эльф, а также погружаясь в астрал, дабы самому понаблюдать за его работой. Эльф есть эльф, а этот тем паче, так как непростая фигура, думаю, даже по меркам первой расы этого мира, к тому же я уже являюсь счастливым обладателем одного весьма пикантного плетения, в свое время позаимствованного у господина Леофоля.

Тонкие нити едва уловимой паутины энергий протянулись от его руки ко мне, выдавая по своим каналам импульсы микроскопических единиц силы, отчего общий тонус жизненной энергетической составляющей организма пришел в норму. Эльф стимулировал меня своей подпиткой, что по ощущениям было сродни микровбросу адреналина в кровь, правда, не долго. Как я догадался, это была общая проверка моего тела на способность принимать и накапливать заряд, этакий тест на пропускную способность, а также способность моего приобретенного транслятора, верно идентифицировать получаемую энергию. Ничего заумного, обычный, на мой взгляд, прогон потоков, кое-какая фиксация, пара интересных открытий, а также безмерное уважение к мастеру за его ювелирный, быстрый и грамотно выверенный труд. Я бы так быстро провести диагностирование не смог, даже зная, что и как делать.

— Хороший потенциал, барон. — Он кивнул мне, убирая руку. — Вижу ряд полученных травм, вижу обширные пустые области, вызванные скорее всего полным расходом энергий, но в сумме все более чем хорошо. Вам стоит поблагодарить своего учителя. Кем бы он ни был, он, в отличие от некоторых, весьма профессионально и толково вел вас после инициализации, не давая, похоже, спуску ни вам, ни себе.

Я лишь кивнул, так как и без эльфа видел, что мой уровень на целую голову превышал обычного поступающего. Ну а сэр Дако... Сэр Дако был молодцом, и низкий поклон ему за его науку.

— Теперь же, молодой человек... — Он вновь уселся за стол, беря перо и начиная что-то записывать на очередном листке. — Вам предстоит сделать выбор в пользу того или иного направления вашего дальнейшего обучения, и хочу сказать вам, это выбор не из простых.

Как вам, наверно, известно, у академии Финора имеются два общенаправленных профиля, таких как: боевая магия, она же магия стихий, в которую входят классы огня, воды, воздуха и земли. Далее идет целительство, куда входят классы природной магии, непосредственно лекарское искусство, а также алхимическая школа и менталисты. Вам, господин барон, предстоит выбрать одно из двух направлений, а также указать направленность ваших интересов, дабы преподаватели максимально точно смогли бы составить вам перечень необходимых предметов и дисциплин.

— Целительство, — я тут же дал свой ответ.

— А направление? — Поднял бровь эльф.

— Все, что есть. — Улыбнулся я ему.

— Это невозможно. — Он не поддержал моей улыбки. — Слишком много по объему, вы просто физически будете не в состоянии...

— Разрешите попробовать? — Так просто я не собирался сдаваться.

— Не разрешу. — Эльф был серьезен и невозмутим. — Нужна четкость позиции, иначе вы не получите ничего, навсегда оставаясь где-то посередине, но так и не достигнув ни в чем вершины.

— Это плохо? — В принципе я понимал его, но кто мне запретит помотать ему нервы?

— Это ужасно. — Фыркнул он. — Каждый должен быть на своем месте, а не путаться под ногами и занимать место того, кто этого достоин больше вас.

— Записывайте лекарем. — Милостиво одарил я его улыбкой, получая взамен долгий изучающий взгляд.

— Уверены? — Он наигранно отложил в сторонку перо. — Вы человек деятельный, на вашем счету имеется военная кампания, а уж о вашей, так сказать, славе и количестве друзей даже говорить не стоит.

— Именно поэтому. — Я подался вперед. — Убивать я и без вашей науки способен, а вот дарить жизнь, надежду, этого-то мне как раз в жизни очень не хватает.

— Понимаю. — Он сделал нужную запись, поднимаясь вновь со своего места. — И одобряю.

— Благодарю. — Я тоже поднялся, вежливо отведывая поклон.

— Добро пожаловать в академию, барон! — Он протянул мне свою изящную кисть для рукопожатия.

* * *

Еще неделю я находился в своем загородном доме, передавая дела и выстраивая цепочку связи с внешним миром. По истечении этого времени с небольшим дорожным мешком за плечами покинул его, чтобы переступить ворота академии.

На что это похоже? На рай. Нет, правда, я был в дворцовой части, так это даже отдаленно нельзя было сравнить по красоте с этим местом. Именно здесь, в стенах этой закрытой территории я по-настоящему понял, что значит магия и на что она способна.

Это был даже не город внутри города, это была другая реальность, это был совершенно другой мир. Мир геометрической точности, кристальной чистоты и высокого прогресса. Я просто с первых шагов, с первых мгновений осознал, что здесь все по-другому, здесь каждый миллиметр камня, каждая травинка, все вокруг было пропитано волшебной основой магически свитых единиц энергии, пульсирующих, словно сердце, наполняя жизнью все вокруг.

Здесь контролировали погоду! Здесь контролировали сам воздух, его движение, это было удивительно, но я с провожатым прошел несколько участков с разным временем! То мы шли по небольшой аллейке, дышащей утренней прохладой, то вывернули на яркую лужайку жаркого полдня, а уже через секунду вошли под звездный купол ночной тишины. О подобном я даже помыслить не мог!

— Сначала в канцелярию, молодой человек, — произнес мой провожатый, высокий

светловолосый парень, видимо выпускник последних курсов. — Давай не зевай, успеешь еще насмотреться по сторонам.

А я что? Я ничего, успею, значит, успею. Мы вошли в длинный корпус из красно-коричневого камня, с ажурным фасадом, на котором были многочисленные барельефы и, что пугало, статуи, провожающие прохожих взглядами, а также время от времени меняющие позы. Пройдя ряд залов и приемных, мы подошли к длинной деревянной конторе-стойке, за которой нас принял средних лет мужчина, под роспись выдавший мне целый комплект зеленых мантий и соответствующего белья под них. Надо же, у меня теперь даже сапоги были зеленые, невысокие такие, по виду словно мокасины, легкие, ну да униформа это одно, меня больше порадовали мануалы, а именно три толстые книжки, где в каждой по отдельности приводились устав партии, членские взносы и курс на ближайшую пятилетку. Шутка. В первой книге был свод правил для абитуриентов, этакая табель о рангах, как подойти к преподавателю, чего ожидать, что можно просить, а о чем даже мечтать не приходится. Во второй же были перечислены корпуса, здания, лаборатории с кратким экскурсом в прошлое, краткое описание города в городе, а также распорядок работы, приемные часы. Это чтобы прачечную с химлабораторией не перепутать, ну и последняя книга мне совершенно не понравилась. Просто совсем не понравилась. Кодекс о мерах наказания и урегулирования внутренних конфликтов, именно так называлась последняя третья книга, вызвавшая на моем лице кислую мину. М-да уж, здесь вам не ай-яй-яй и не хухры-мухры, и опять же полный анахронизм в виде параграфа «Дуэли». Ну вот скажите, как при всем этом великолепии можно было сохранить подобное варварство? И после этого еще можно удивляться, что и без того малое число поступающих к выпускным курсам практически сводится к единицам. Ну нельзя было хотя бы в этом храме знаний запретить дуэли?

Одна надежда, что здесь народу голубых кровей поменьше, а следовательно, моя персона не столь знаменита и востребована в плане повышения чувства своей значимости за счет протыкания меня любимого всевозможными колюще-режущими железяками.

— Юноша. — Мужчина за конторой постучал пальчиком по дереву столешницы, привлекая мое внимание. — Успеете почитать на досуге, сейчас внимательно слушайте меня. Итак, — начал он. — Я комендант хозяйственной части и общежития, обращаться ко мне сэр Аунтгурт. Но обращаться ко мне следует крайне, подчеркиваю, крайне редко, так как все, что ты сожжешь, сотрешь, измажешь, порвешь и разобьешь, я запишу тебе на счет. Который ты, мой дорогой, будешь вынужден, по окончании обучения, выплатить из своих кровных, даже если тебе понадобится для этого вся твоя оставшаяся жизнь, и поверь мне, мой мальчик, я помню все, а чего не помню, как правило, успеваю записывать.

В общежитии твоя комната за номером девятнадцать, каждый вторник и пятницу тебя будет посещать служанка, дабы сменить белье, прибраться и забрать вещи в прачечную, если вы, сударь, их услужливо оставите. Здесь хочу сразу предупредить, если вдруг служанку поразит огненный шар, ледяная стрела, каменные тиски, сожрет какая-нибудь тварь, то вы, сударь, до конца своей учебы будете самостоятельно вылизывать полы в комнате и застилать кровать. Потому что свинства я не потерплю и буду самолично приходить, дабы лицезреть ваш зад, выставленный кверху, когда вы с тряпкой вытираете полы.

Теперь же по поводу дисциплины. Она была, есть и будет впредь проедать вам плешь на темечке, так как в десять вечера прекращаются все ходилки-бродилки из комнаты в комнату, все чтения, разговоры, и даже шептать вам не советую. Я человек суровый, но справедливый, ссать из окна в палисадник на гардении не позволю, даже если у вас день рождения, вы сдали сессию и вообще у кого-то из преподавателей на хорошем счету. Мне наплевать на ваше происхождение и ваши капиталы, если они есть у вас за душой, вы должны быть опрятны, культурны и учтивы, даже если до этого родились и выросли в хлеву по пояс в говне.

— Справедливо. — Я кивнул, сдерживая улыбку при его словах про гардении.

— И не надо улыбаться. — Он поджал губы. — Я на своем веку повидал многое, так

что, юноша, даже не думайте о милости и снисхождении, а также о том, что я чего-то не увижу или не замечу.

Я вежливо поклонился, отмечая, что провожавший меня старшекурсник с улыбкой воспринимает наш диалог, а значит, господин Аунтгурт не так страшен, как хочет показаться, и даже если я не собирался травмировать служанку, то теперь точно после его слов знаю, как отметить с размахом свой день рождения.

Получив от коменданта все предписанные мне предметы, дополненные рядом учебников и еще парой брошюр-грамот, я вновь в сопровождении старшекурсника был доставлен к мужскому общежитию, трехэтажному зданию из красного кирпича с ажурными коваными решеточками и седым древним дедушкой на вахте, который презрительно цокнул языком, вручая мне ключи от моей кельи.

Негодование вахтера можно было понять, до начала занятий еще целое лето и немного осени впереди, так что он, похоже, рассчитывал провести это время с толком и расстановкой, то есть хорошенько выспаться на рабочем месте. Сами апартаменты за номером девятнадцать располагались на втором этаже и были предпоследними по коридору направо. Честно скажу, был приятно удивлен тем, что за мной теперь будут числиться две малюсенькие комнатухи. Первая была чем-то вроде прихожей с креслом и письменным столиком, а также пока пустыми полками, повсеместно занимающими стены, ну а добрую половину второй занимал односпальный топчан, на котором валялся скатанный матрас, набитый соломой. Конечно, не мои опочивальни в Лисьем или в загородном особняке, но и это уже царский подарок, учитывая, что сама по себе жилплощадь отдельная, нет паразитов и присутствует даже чулан, видимо, должный выполнять здесь функцию шкафа, так как именно там я расположил свои мантии и вещмешок, который пока разгребать было лень.

Плюхнувшись на топчан, я уставился в потолок, на котором была выцарапана ножом надпись: «Грибы Горха с амбусским мхом не смешивать», а рядышком, чуть ниже: «Аунтгурт следит за тобой».

Улыбнувшись, я вышел в прихожую, высунул голову в окошко, чтобы оглядеть окрестности, так сказать, провести рекогносцировку на местности, дабы выявить, если что, оптимальные пути отступления и незаметного скрадывания по ландшафту. Хорошенький газончик, небольшая изгородь, кустики, невысокие деревца, ну и главное, если по соседскому подоконнику вправо двинуть, придерживаясь за барельеф, до водосточной трубы рукой подать, а это что значит? Правильно, комендантский час нам не страшен. Но беспокоило меня другое, причем я чувствовал, что серьезно беспокоить стало, а именно отсутствие индивидуальной комнаты для чтения, то бишь туалета. Немного потоптавшись у двери, где тщательно изучил простенький, совершенно бесхитростный замок, вышел в коридор, где столкнулся со своим соседом из комнаты восемнадцать, уже небезызвестным мне Мишкой Попкиным.

— О! Привет! — воскликнул он, округлив глаза. — Стало быть, мы с тобой соседи, здорово, правда?

Парень уже успел переодеться в мантию темно-красного оттенка, что означало стихийника боевого факультета, по всей видимости, с уклоном в огненную стихию.

— Как здесь здорово! — Он расплылся в улыбке. — Представляешь, все эти комнаты мои! Не нужно ни с кем их делить, нет рядом ни братьев, ни сестер, и никто нам не указ!

— Насколько я понимаю, сэр Аунтгурт теперь нам и брат и сестра, — попытался я немного охладить его пыл.

— Как сестра? — Попкин удивленно раскрыл рот.

— Это я образно. — Помахал я в воздухе рукой. — Ты лучше другое скажи, где тут можно того-этого?

— Того чего? — Он непонимающе уставился на меня.

— Ну, когда это, ну того. — Я вроде как даже присел, исполняя в лицах первый этюд утренней гимнастики.

— А-а-а-а! — Радость открытия озарила его лицо. — Так под топчаном же горшок.

— Горшок? — Мне стало непередаваемо тоскливо от осознания складывающейся картины и перспектив на ближайшую десятилетку.

— Ну да, — закивал он. — Делаешь дело, а потом, стало быть, все это дело выносишь в горшке на первый этаж, где выливаешь в сливную яму. Говорят, я правда еще не видел, тут с этим просто замечательно, древние инженеры провели под землей каналы с водой, которые все это дело постоянно вымывают, поэтому все тут чистенько так и не воняет.

— М-да уж. — Мне бы этих древних инженеров сюда, да чтоб гении передовой мысли побегали с продуктами жизнедеятельности в горшках. — Ладно, с этим вроде понятно, давай теперь о насущном, где тут еду искать?

— А вот до столовой нам далеко. — Печально вздохнул парень, извлекая из-за пазухи мятый листок с картой. — Судя по картинке, нам нужно выйти из корпуса, пройти по аллее, свернуть мимо оранжереи и, пройдя мимо женского общежития, уже непосредственно дойти до нее. Вот скажи, зачем было строить женское общежитие рядом со столовой? За какие такие заслуги им такое счастье?

— Хм. Затрудняюсь сказать. — Я немного опешил от его вопроса.

— Им наоборот жрать меньше надо, чтобы задницы, как у коров, не поотрастали. — Он широко развел руки, демонстрируя, видимо, предмет дискуссии. — Ты бы видел мою сестрицу Коулин, ей уже скоро двадцать, а папенька никому не может сбегать ее в жены из-за ее задницы.

— Восхитительно. — Печально вздохнул я, продолжая вежливо кивать мальчишке, с жаром повествующего о нелегкой доле своей сестры, и вместе с ним спускаясь на первый этаж и выходя наружу.

Хороший, погожий денек, чистый воздух и приятная глазу местность, даже Попкин с его незакрывающимся ртом и юношеским, слегка придурочным мировоззрением не мог испортить мне настроение. Я дышал полной грудью, просто физически чувствуя некую пьянящую свободу от бремени быть ответственным и рассудительным, от заботы за кого-то, от того, что отринул прочь весь мир, живя сам за себя, для себя, здесь и сейчас, впервые в этом мире находясь именно в том месте, где хочу, и занимаясь тем, чем хочу. Это свобода, это свобода, детка, хотелось, вскинув бровь, произносить всем и каждому, так как мне, старому бобылю, уже до чертиков надоело быть кому-то и чем-то обязанным.

Зуммер Мака, оповестившего меня о неожиданной встрече, я пропустил, погруженный в свои мысли, так что момент, когда один из редких прохожих передал Майку незаметный перстенок, просто прозевал, с запозданием возводя щиты вокруг своей персоны и ощущая легкий холодок страха, пробежавший по позвоночнику.

— Ну что стоишь как неродной? — По лицу паренька расплылась хитрая бесовская улыбка. — Давай же скорей обнимемся!

Сглотнув ком в горле, я невольно отшатнулся от этого существа, делая пару шагов назад.

— Нет, спасибо, что-то не хочется. — Признаюсь, я был шокирован и обескуражен, враг, враг в чистом своем проявлении, собственной персоной вновь посетил меня, ставя своим визитом в затруднительное положение. Уж здесь-то, в центре магии, под крылом защиты лучших мастеров магического искусства я как минимум рассчитывал на покой и недосягаемость этой незримой и неуловимой сущности императора.

— Э-э-э-э! — Улыбка, казалось, стала еще хитрей и наглей. — А как же обещанные три поцелуя?

— Кому я должен, я прощаю. — Как назло, улочка была пуста, так что рассчитывать на чью-то помощь совершенно не приходилось.

— Нет. — Он, все так же улыбаясь, покачал головой. — Поцелуй с меня, так что, родненький, готовься.

— Может, обойдемся? — с надеждой на светлое будущее проблеял я.

— Раньше надо было думать! — уже в полный голос расхохотался император. — Ну да ладно, хватит кокетничать, давай пройдемся, мне, знаешь ли, нелегко сюда к тебе было на

аудиенцию пробраться.

— Надеюсь, — невесело буркнул я себе под нос, пристраиваясь к нему рядышком и неспешно продолжая прерванный путь.

— Вы, кстати, куда направлялись? — Он осматривался, словно лис в курятнике, вертя по сторонам головой.

— В столовую. — Пожал я плечами.

— Замечательно. — Кивнул он. — Ну что, Улич, как жизнь, как сам? Как здоровье? Надеюсь, я не слишком тебя того-этого...

— Спасибо. — Поджал я губы. — Вроде оклемался, все нормально, вот видите, решил отойти от дел мирских.

— Похвально. — Он повел плечами. — Но боюсь, не вовремя, уж слишком глубоко ты, поросенок этакий, рыл носом землю. Не получится у тебя теперь в сторонке отсидеться, да и бабуля, думаю, так просто от тебя не отстанет. Не связывалась еще с тобой?

Я отрицательно покачал головой, продолжая неспешный путь и прикидывая возможные пути к отступлению.

— Ты уж бабушку не обижай. — Хмыкнул он, посматривая на удивленно вскинутые мною брови. — Не бросай ее одну, ей сейчас нелегко будет, сам понимаешь, — война дело муторное.

— Кхм. — Я прокашлялся в кулак. — Значит ли это, что мне с вашего дозволения будет позволено надавать Империи под зад?

— Ай-яй-яй, ишь ты как замахнулся! Здесь, кстати, направо нам. — Он указал рукой на поворот мощеной дорожки. — А что, думаешь, сможешь? Империя, знаешь ли, тоже не подарок, ты вот докладик один занимательный передал короне, так из него, знаешь ли, много чего интересного выходит и, боюсь, все боком для вашего короля.

— Есть такая поговорка: чем больше шкаф, тем громче падает. — Судя по идеалистической картинке стаяк девушек, снующих возле одного из зданий, я понял, что мы проходим мимо женского общежития.

— Что такое шкаф? — переспросил задумчиво он.

— Сундук с вещами, — улыбнулся я. — Мало раздуть, господин император, армию, ее еще и накормить бы не помешало.

— Война прокормит. — Махнул он рукой. — Это ерунда, хотят жрать, пусть выигрывают битвы, сам понимаешь, победителей не судят, опять же каждый новый день минус пару-тройку ртов, глядишь, в итоге математика все уравнивает.

— Ну да, ну да. — Теперь я расплылся в улыбке. — Было бы оно все так, беседовали бы мы с вами?

— Вижу, не зря я к тебе пришел. — Теперь он поджал губы, погружаясь в свои мысли. — Де Кервье умная женщина, ничего удивительного, что она сразу разглядела, что ты особенный.

— Все мы особенные. — Теперь моя очередь была расплываться в улыбке. — Вы не поверите, у меня есть один приятель, так он вообще не пойми что, и тела своего нет, и вообще не поймешь ничего...

— Да ты что?! — Он поддержал мою улыбку. — Надо же, чудеса какие на белом свете. Впрочем, мы пришли.

Здание столовой было двухэтажным, сложенным из аккуратного желтого кирпича, с большими витражами из стекла, что кольнуло мое сердце ревностью, так как я считал себя первооткрывателем продукта в этом мире и доподлинно знал, что гильдия магов у меня ранее не закупалась этим товаром. При входе в здание были установлены мраморные чаши с «розовой водой» для ополаскивания рук, ну а далее мы уже прошли в просторный зал, заставленный четырехместными столами, где в дальнем конце виднелась стойка с чем-то напоминающим витрину. Приятно, чистенько и даже скатерти на столах. В это время зал был полупустым, лишь по углам сидела пара компаний и несколько одиночек, вкушавших трапезу за просмотром каких-то книг.

— Сядешь возле того окошка. — Император махнул рукой. — Сидеть смирно, руки держать над столом, никому не подмигивать, даже если у нее грудь больше, чем у тебя голова. Не вздумай дергаться и делать глупости, при попытке к бегству буду карать немилосердно.

Изобразив на лице оскорбленное достоинство, я уселся по указанному адресу, вытянув ноги и провожая взглядом спину императора. Интересно получается, я вам доложу, это что же у нас выходит? Враг короны вообще, что ли, неуловим? А как же темные маги, как же разведка и прочее, прочее? Да, я краем уха слышал о разразившемся скандале в верхах общества. Якобы небезызвестный мне главнокомандующий Фенгель Вард был на самом деле в сговоре с империей, за что уже поплатился должностью, ну и как следствие головой на плахе. Скандал не скандал, правда не правда, не буду гадать, под этим небом все может быть, от банального назначения главным козлом отпущения до истины в последней инстанции, а вот другой факт налицо. Если это был предатель, то он не последний, и что гораздо печальней, его должность велика и позволяет беспрепятственно разгуливать господину врагу в самых сокровенных областях королевства. Но куда насущней в данной ситуации, конечно, для меня вопрос, а каким собственно боком всего этого теперь касаюсь я? Признаюсь, по простоте душевной, как-то надеялся, что мой визави не захочет больше иметь в друзьях такую «какаху», как я, но вот видите, пришел, лично пришел да еще разговоры разговаривать хочет. Мне бы, конечно, бежать без оглядки да голову пеплом посыпать, мол, я не я и морда не моя, да только как побежишь? Догонят, причем раз пришел генсек противоборствующей партии, то, похоже, не за горами визит партии белых и пушистых под предводительством престарелой дамы с подсвечником.

Устало потерев ладонями лицо, нашел взглядом господина императора, аккуратненько идущего с подносом, на котором были расставлены всевозможные тарелочки с кружками.

— Скучал? — Он подмигнул мне, присаживаясь рядышком.

— Не успел. — Я стащил с подноса мисочку с супчиком, тут же запустив в гущу свою ложку.

— А вот мне, знаешь ли, не хватало наших с тобой разговоров. — Он задумчиво подпер голову рукой. — Знаешь, порой не хватает таких вот простых и ни к чему не обязывающих разговоров. Ты вообще в этом случае уникальный человек, можно даже сказать, один на миллион, редко кто умеет быть интересным и при этом совершенно непредвзято и без кривотолков расставлять все по своим местам.

— Благодарствую. — Я вежливо кивнул. — Надеюсь, обойдемся без пропаганды и политики, а то ты знаешь, я начинаю засыпать от подобных речей.

— Я тебе засну. — Он показал мне кулак, слегка потрясая им. — Давай выкладывай свои думки.

— Ну, как я уже говорил, — нисколько не робея, я продолжал вкушать местные кулинарные дары, — мало набрать армию, ее еще нужно одеть, обуть и накормить, и если у Империи нет проблем с одеждой и вооружением, то в ходе кампании у вас наверняка возникнут проблемы с продовольствием. Во-первых, потому что между нами приличное расстояние, во-вторых, южней стоят стеной горы, а по северу лес с целой кучей не менее голодных местных жителей.

Однако же, — продолжил я, — судя по всему, Империя четко и бесповоротно созрела для расширения своего экономического пространства, собственно из-за чего ей так нужен морской путь.

Император задумчиво кивал мне и своим мыслям.

— Вижу, — я покачал головой, — что при всей остроте вопроса, вы как глава государства не очень жаждете окунуться в очередной виток кровавой кутерьмы, хоть и понимаете и вынуждены принимать войну как один из самых быстрых и в то же время проверенных способов выйти из условных рамок старых границ.

— И? — Император не улыбался.

— Вы проиграете. — Я отставил опустевшую тарелку с супом, протягивая руку за

тушеными овощами.

— Это вряд ли. — Император откинулся на спинку стула, складывая руки перед собой. — У меня самая профессиональная армия, у меня лучший стальной кулак во всей оконечности мира, я пройду по этой земле, рассекая ее надвое.

— Если начинать кампанию, то по весне, ибо время поджигает, а худо-бедно, но тебе боями придется выгрызать каждый шаг земли. Армия есть, причем опасность для тебя будут вызывать не регулярные войска короны, а раздутые группировки местечковых баронов, графов и прочих царьков, которые знают свои пяточки земли как свои пять пальцев и не будут бодаться с тобой лоб в лоб. Эта компания будет кружить вокруг твоих обозов, отщипывая от тебя, чем глубже в Финор, тем все больше и больше, а времени бегать у тебя за этими паразитами не будет, так как к снегам отступающая армия с сытым и одетым пузом начнет душить тебя, загнанного на чужую территорию и практически отрезанного от дома.

— У меня есть союзники, и не забывай, магическая школа в Империи считается лучше вашей. — Он отпил из кружки. — Все может быть гораздо быстрее.

— Не может. — Закончив с овощами, я тоже стал потягивать из кружечки принесенный им фруктовый отвар. — Ведь война почему?

Он подобрался, с прищуром глядя на меня.

— Потому что тебя ненавидят как с этой стороны мира, так и с той стороны, где, насколько мне известно, спят и видят, чтобы ты оттянул от границ своих солдат. Тут ведь какое дело? Это с Финором тебе удобно воевать, у него, как и у тебя, общие ресурсы, все централизованно, а с той стороны сколько у тебя соседей? Трое? Это ведь не одна, пусть и большая армия, а три маленькие, но при этом самостоятельные, самообеспечивающиеся, да к тому же, по всей видимости, еще и в альянсе. — Я отставил опустевшую кружку. — Увы, но как бы ни были сильны твои кулаки, они годны лишь для сдерживания особо ретивых, но никак не для того, чтобы выбить себе место под солнцем.

— Мне все равно придется рисковать, и ты прав, с одним толстым Финором мне проще воевать, чем с тремя тощими и злыми засранцами с того края. — Он печально покачал головой. — Вижу правду в твоих словах, но, увы, не вижу выхода.

— Выход обычно там же, где и вход. — Пожал я плечами. — У тебя есть все, живи и радуйся, проблема лишь в том, что хочется больше.

— Не глупи. — Он брезгливо скривил губы. — Меня можно не любить, меня можно презирать и ненавидеть, но в одном меня нельзя упрекнуть, в том, что я всегда действовал во благо своих людей, а не ради своего кошелька, пуза или глупых амбиций. Моя страна уперлась затылком в потолок, мы уже выросли из нашего тесного домика, наступило время, когда у меня стало столько людей, что мне физически некуда их деть из-за недостатка предыдущих лет жизни. Видишь ли, слишком хорошо мы жили в послевоенные годы. Росли, богатели, строились, распахивали поля, а в итоге что? В итоге от хорошей жизни стали дольше жить старики и все больше и больше молодые рожали детей, так как были в состоянии прокормить и воспитать свое потомство.

Я молчал, не перебивая его монолога.

— А теперь у меня ситуация, когда я не в состоянии задействовать всю эту людскую массу. — Он вздохнул. — Начнется безработица, голод, бунты. Мне негде их селить, так как у меня нет столько земли, мне нечем их кормить, так как мои поля не в состоянии родить столько на прокорм. Тут ведь, мой юный друг, даже война с проигрышем для меня как спасение, ибо она избавит меня от лишних ртов.

М-да, что тут скажешь? Такова суть физической стороны материального мира. Увы, но чем больше ртов, тем меньше еды и все тесней и тесней приходится смыкать ряды. Большая политика общих чисел, когда нужно думать масштабно, причем не только линейно, но и с прогнозом погоды на ближайшие годы.

— Договариваться пробовал? — Я встретился с ним взглядом.

— Ты правильно сказал, меня ненавидят. — Пожал он плечами. — Я торгую со всеми, и при всем при этом каждый трясется над своими границами, не давая мне даже малой

толики от своих рынков.

— Сложная дилемма. — Я тяжело вздохнул. — Здесь нужно думать.

— Времени уже для раздумий не осталось. — Покачал он головой.

— Ну почему же? — Я улыбнулся. — Как минимум этот год еще есть в запасе, в связи с раскрытием планов, а также срывом такой хорошей легенды, как смерть посла.

— Даже не напоминай. — Он поднял предупредительно палец. — Это просто чудо, что я тебя не придушил, гаденыша. Впрочем, и вправду не будем об этом, вот, возьми это...

На стол между нами легла колба запаянного стекла с мутной красной жидкостью внутри.

— Это «сигналка», когда будет что сказать мне, разбей. — Он замолчал на какое-то время. — Честно сказать, понятия не имею, зачем я пришел к тебе, но мне кажется, что ты не зря встал на моем пути, возможно, это блажь, но я верю в знамения.

Он не попрощался, я не стал провожать его до выхода. Майк просто протянул руку, коснувшись проходящей мимо девушки, та взяла в свою ладонь незаметный перстенок, прошла пару метров и передала другому, тот у выхода кому-то еще...

* * *

— Это был он? — Я вздрогнул всем телом от неожиданности. — Что он тебе сказал?

Нет, ну что за времена настали? Встреча за встречей, причем одна лучше другой, за моим плечом стояла щупленькая фигурка де Кервье в сопровождении трех магов.

— Он улетел... — Я поднялся, учтиво отведывая поклон экс-королеве, как того требовал этикет и банальный страх за собственную шкурку. — Но обещал вернуться.

Рука накрыла маленькую колбочку, отправляя ее незаметно, по крайней мере я на это рассчитывал, в карман моего камзола.

— Пошел вон. — Старушка слегка повела кистью, показывая, чтобы с глаз долой скрылся очумелый мальчик Майк Попкин, обескураженно и недоуменно моргающий в замешательстве своими глазками и не понимающий, как он вообще тут оказался. Ну да ему не долго пришлось моргать по сторонам, сопровождающие бабушку маги под локотки тут же увели прочь мальчишку, а Кервье аккуратно присела на до этого занимаемый императором стульчик, внимательно вцепившись своим пронзительным взглядом в мое лицо. — Садись, Ульрих.

Еще раз поклонившись бабуле, я водрузил свои нижние полушария на прежнее место, приготовившись к очередной порции душещипательных слов из так любимой мною политической тематики.

— Что он хотел? — Она была серьезна.

— Мира. — Пожал я плечами. — Похоже, наш злодей не так уж рад предстоящей войне.

— Что-то еще? — Она слегка склонила голову. — Он что-то рассказывал?

— Нет. — Я отрицательно покачал головой. — Шутки шутит, но меж тем, похоже, немного...

— И? — Де Кервье подалась вперед.

— Похоже, он растерян. — Вздохнул я. — Я, конечно, небольшой специалист и не шибко разбираюсь в людях, но он совершенно не желает продолжения, так сказать, банкета.

— Понятно. — Старушка отвела взгляд, задумчиво рассматривая зал. — Что обо мне говорил?

— Говорит, чтобы я помогал вам. — Я опустил голову, не желая встречаться с ней взглядом. — Вам сейчас, мол, тяжело, нужна будет помощь.

— М-да уж. — Она устало прикрыла глаза. — Почему ты?

— Не знаю. — Мне было неловко рядом с ней. — Говорит о каких-то знамениях.

— Знамение? — Она встрепенулась, как-то взволнованно глядя на меня. — Что он говорил о знамении?

— Да ничего особенного, вроде я неспроста под ногами у него путался и все такое в этом роде. — Я заглянул в один из стаканов, принесенных до этого, допивая остаток, так как в горле пересохло.

— Понятно. — Она кивала своим мыслям. — Да, Ульрих, все неспроста. Розы...

— Розы? — переспросил я недоуменно.

— Да, они родимые, ну да то не твоего ума дело. — Она нахмурила брови. — И как ты намерен помогать мне?

— Эм-м-м... — Я развел руками, оторопев от подобной постановки вопроса. — Признаться честно, я пока даже не знаю, в каком направлении думать.

— Узнай, обязательно узнай. — Старушка вновь погрузилась в свои мысли. — Времени крайне мало, крайне.

Нашу дискуссию прервала группа магов, подошедших с поклоном к старушке.

— Ушел, — доложил один из них, покачав головой. — Слишком поздно засекли, не успели закрыть контуры.

— Разобрались, как проник? — Кервье зло поджала губы.

— Да. — Маг потупил взгляд. — Поставки продовольствия, через южные ворота вошел с обозами, потому среди общей толчеи немагического фона не сразу среагировали поисковики, скорей всего он был в неактивной фазе амулета, его надели позже, уже внутри.

— Ясно. — Кервье поднялась, а за ней следом и я. — Мальчик мой...

Старушка положила на стол передо мной запаянную стеклянную колбочку с мутной красной жидкостью.

— Это сигнальный амулет, Ульрих. — Она выжидательно посмотрела на меня, от чего я был вынужден взять в руки колбочку и по инерции сунуть в карман. — Если что-то придумаешь, или вдруг ОН опять явится к тебе, немедленно разбей, чтобы мы смогли быстро добраться до тебя.

Ну в том, что все кто ни попадя могут добраться до меня и быстро, в этом я уже убедился, с тяжелым вздохом подумалось мне, когда я провожал взглядом ее спину.

— Что происходит, Ульрих? — Я уже даже не вздрогнул, лишь печально опустил плечи, когда за моей спиной раздался холодный, но меж тем красивый голос подошедшего эльфа. — Ты опять погряз в войне? Мальчик мой, ты обязан мне все рассказать.

Обязан. Слово-то какое препаскудное подобрал. Плюхнувшись вновь на стул, я смерил его с головы до ног взглядом. Ну и как мне прикажете быть с еще одним представителем, так сказать, теневой власти этого мира? «Факушку» ему прописать? А он мне? Что вообще могут эти эльфы? Вопрос риторический. Скорей всего, могут, и многое, тут не нужно семи пядей во лбу, чтобы сопоставить уровень окружающей действительности и уровень этих красотуль. Мне вот первое, что на ум приходит из пакостей, которые они могут прописать, так это пинок в зад с заданной траекторией полета, прямиком назад на матушку Землю. Почесав нос, вспомнил свою квартирку, мягкий свет монитора по ночам, работу-заботу, в общем, не самое плохое, что может случиться в жизни, и меж тем... меж тем есть ведь лучше.

— Присаживайтесь, господин Леофоль. — Я широким жестом хозяина предложил ему располагаться поудобней. — История эта не пяти минут, а посему слушайте внимательно, дабы лишний раз не повторяться.

Повторяться не хотелось, посему, не мудрствуя лукаво, вел свое повествование, что называется, «от» и «до». Нет, конечно, ряд вопросов пришлось сознательно упустить, так как за этот ряд можно было и схлопотать, к примеру, история госпожи де Кервье. Тут ведь даже вопрос не в том, что тайна не моя, вопрос не в корректности, этот вопрос по сути схож с деревенским домиком, который вы купили, дабы на выходные ездить на природу, не зная, что в подвале лежит себе, уже не одно десятилетие, авиационная неразорвавшаяся бомба времен Великой Отечественной войны. Этаким, батенька, surprise, или если по-русски выражаться: «увидели — аж обосрались от счастья».

Но что мне в эльфе всегда нравилось, это то, что он умеет слушать, а также, по всей видимости, понимать, что не все вещи на этом свете для его длинных ушей. Он не спрашивал

про подоплеку моих паровых бомб, он не переходил грань политики, он лишь кивал, полуприкрыв веки, своим мыслям, тактично поглощая мою историю без лишних комментариев.

— А теперь они оба пришли к тебе? — наконец нарушил он молчание после продолжительной паузы в конце. — Знаешь, я уже очень давно живу в лучах солнца, непередаваемо долгим был мой путь бок о бок с вашим родом, но каждый новый день рядом с вами для меня открытие.

— Не для одного тебя, не для одного тебя. — Покачал я головой.

— Останови войну. — Его огромные бездонные глаза завораживающими омутами вцепились в меня. — Не знаю как, но останови.

— Если бы я мог щелкнуть пальцами и от этого все наладилось, то уверяю вас, отщелкал бы себе руки до локтей. — Улыбнулся я. — Но, увы и ах мне, есть вещи, против которых мы все бессильны.

— Ты давно уже в этом мире? — Легкая улыбка коснулась его губ. — Какой из родов выпустил тебя в этот мир, се'ньер?

Между нами повисла напряженная звенящая пауза. Я не то что моргнуть боялся, я даже дышать на какое-то время забыл.

— На оба вопроса «нет». — Я опустил веки, откинув голову и вдохнув глубоко для успокоения. Впервые в этом мире я буду вынужден сказать, что я чужой. Впервые вслух признаю то, чего сам принять и, главное, отдать не могу и не хочу. — Совсем недавно кто-то призвал меня в это тело, подозреваю, что это стало чьей-то досадной оплошностью.

— Ты искренен. — Тень улыбки по-прежнему не покидала его уст. — Это дает тебе плюс, но я должен предупредить тебя: за такой щедрый подарок, как вторая жизнь, обычно принято платить первой. Цена вопроса обычно крайне высока. Лично я не вижу, потому и спрашиваю, на тебе печати эльфийского рода, а это обычно значит, что ты еще не оплатил свое.

— Я не просил! — У меня невольно сжались кулаки.

— Так давай заберем? — Он склонил выжидательно и насмешливо голову набок.

— Не надо. — Невесело рассмеялся я. — Так и быть, сочтемся.

— Не знаю, не знаю. — Он стал серьезен. — Это не моей компетенции вопрос, к тому же...

— Что? — прервал я паузу.

— Я не слышал, чтобы кто-то из Домов Солнца за последнюю сотню лет призывал се'ньера. — Он постучал пальцем по столу. — Возможно, твой долг висит у детей Луны, а его уже мы, в свою очередь, не дадим тебе выплатить.

Вот и приплыли. Я почувствовал, как мое сердце стала затапливать злость и какое-то черное чувство глубокого жизненного разочарования.

— Мне рассчитывать на смерть? — Скулы свело при этих словах.

— С нашей стороны необязательно. — Примирительно вскинул он ладонь. — Даже больше, если урегулируешь самостоятельно конфликт между Империей и Финором, могу самолично поставить над тобой свою родовую печать защиты. Но у тебя должно быть понимание, что за детей Луны я не могу говорить, долг есть долг, ошибки принято исправлять, мой авторитет имеет значимость в Доме Солнца, но я никто среди дьёсальфов. Солнце и Луна уже долгие годы живут на грани зыбкого мира, и поверь мне, он куда важнее твоей жизни и даже нашего покровительства над вашим сумасбродным родом.

Я сидел, тихо вскипая от открывшихся перспектив, и, увы, был бессилен в данной ситуации. Нет, конечно, можно вскочить и пнуть табуретку, плюнуть на пол или схватить эльфа за уши и попробовать их оторвать, но, во-первых, при чем тут табуретка и пол, а во-вторых, похоже, уши и все остальное собрались отрывать именно мне.

— Ладно, Ульрих. — Он поднялся со стула, более не устаивая меня взглядом. — Пока от тебя все равно ничего не требуется, кроме того, чтобы остановить войну...

— Всего-то?! — У меня дыхание сперло от его слов.

— Пока да. — Нравоучительно воздел он пальчик. — Но об этом мы поговорим с тобой позже, сейчас тебе нужно пройти в приемную у южных ворот, там тебя ожидают посетители.

— Млять! — Я схватился за голову, чувствуя, что этот день добьет меня окончательно. — Кто еще? Кого мне еще для кучи нужно спасти?

Не прощаясь с эльфом, я на негнущихся ногах дошел до стойки столовой, где залпом выпил полкувшина фруктового отвара и подмахнул одну кружку молодого игристого вина, от чего хоть немного душа встала на место после этих скоротечных встреч. Нет, это же надо же так было сегодня всему и сразу совпасть?! От расстройства я даже стукнул кулаком по деревянной стойке.

Но нужно быть стойким оловяннным солдатиком. Нужно. Хотя, видит бог, хотелось со всех ног ломануться в свою комнату и спрятаться под кровать, а не топтать ножками на очередное рандеву с судьбой. Покачав печально головой, я все же был вынужден выйти из столовой, дабы направить свой путь в обратном направлении, по пути сверяя маршрут через прохожих, чтобы не заблудиться в этом маленьком внутреннем городке.

В приемной меня встретил хмурый клерк, который и проводил извилистыми коридорами к небольшой комнатке, где меня с порога ждали жаркие объятия женских рук и печальное лицо, полное слез.

— Капитан. — Сдержанно кивнул я высокому круглоплечему мужчине, стиснувшему рукоять своего меча. — Баронесса...

На моем плече рыдала взхлеб баронесса фон Пиксвар, в судороге рыданий не в состоянии сдерживать эмоции даже в малой степени. Придерживая за руку рыдающую женщину, я усадил ее на небольшой диванчик, приобняв за плечи и не спуская взгляда с сэра Гарича Ол'Рока, бывшего капитана моей личной гвардии.

Да, пожалуй, судьба не могла организовать мне более нежелательной встречи, чем с бывшим капитаном, а ныне моим заклятым другом Гаричем. Неприятно, чертовски неприятно было отвечать на его колючий немой взгляд, особенно с учетом того, что сам ощущаешь ту глубину неприятия, что возникла между нами, прямо скажем, по моей вине. Да, это всецело моя вина, именно я подвел его, и именно я подписал своей рукой пакт о разрыве дружбы между нами. Было ли мне стыдно? Было, но случись все вновь, поверьте, не думаю, что поступил иначе бы.

Что они здесь делают? Мне было до жути неуютно видеть такую сильную и невозмутимую баронессу в таком состоянии, но, похоже, что от нее мне не скоро удастся добиться хоть каких-то внятных слов. Похоже, придется обжигаться об этот невыносимо колючий взгляд Ол'Рока. Я внутренне даже усмехнулся, вот оно как бывает, судьба все расставляет по своим местам. Гордый рыцарь пришел ко мне и стоит, играя желваками на скулах, потому что, похоже, так решила его женщина. А что делать? Так уж устроен мир, классика, господа, слабый пол сильнее сильного, в силу слабости сильного пола к слабому. Не мной придумано, такова суть природы. Кряхтишь, пыхтишь, ворчишь, но натягиваешь трико, дабы с гордо поднятой головой и мужественным взглядом под дождем пойти вынести мусор. Вот так иной раз мы, мужчины, идем на подвиг, не жалея себя.

— Говори. — Я склонил как бы в примирении голову перед ним, продолжая поглаживать плечи безутешной женщины.

— Певна и Молка, — выдавил Гарич из себя слова. — Их похитили.

Сердце «екнуло» от осознания случившегося, а внутренне я лишь кивнул своей догадке. Да, это прогнозировалось, причем не мною, а матерью, она боялась, что это может произойти, и это произошло. Пенка и Молочко не просто дочери баронессы, эти девочки — рожденные оборотни, а подобными их сообщество не разбрасывается. Насколько я помню, они уже приходили, так сказать, с полюбовным разрешением данной дилеммы, но мать была непреклонна, она не отпускала девчонок от себя.

— Вчера... — произнесла женщина сквозь слезы. — Они высчитали мой лунный цикл, теперь мне никогда их не найти, за месяц след остынет!

Шарики и винтики защелкали в моей голове, складывая общую картину событий. Да

уж, умно. Маман-то у нас тоже не лыком шита, мамулечка у нас тоже оборотень, правда, с приобретенным вирусом трансмута, но согласитесь, нелегко скрыться от подобного зверя в гневе. Тут-то и всплывает злополучный лунный цикл, обязательный для тех, кто приобрел подобные способности, нет, конечно, дело не в луне, а в банальной неспособности организма, рожденного человеком без определенного внутреннего ресурса, ряда элементов и энергий, совершить подобный оборот. Вот и ждут они определенное время, после чего энное время бегает по свету, виляя хвостиком, что, видимо, и совершила баронесса, истратившая свой ресурс не далее чем вчера, а поутру получившая такой страшный удар, под дых выбивший ее из колеи, ведь теперь она бессильна, а следующая возможность превратиться в волка, если не ошибаюсь, у нее будет минимум дней через тридцать — тридцать пять. Н-да, тут не то что волчица не найдет, тут уже и имен не вспомнят, как кого зовут.

Я мотнул головой Гаричу, как бы показывая, чтобы он продолжил вместо своей супруги дальнейший рассказ.

— Определенно клан. — Он поджал губы. — Вокруг дома волчьи следы, я разослал по округе солдат, но, похоже, все рожденные уходят зверем, не идут дорогами, так что, боюсь, простыми способами их не взять.

— Бестиаров вызывал? — Я посмотрел ему в глаза, ожидая реакции, ведь наш парень не просто какой-то там Ол'Рок, у него папенька был далеко не последним человеком в этом ордене, так что, думаю, связей у Гарича в тех кругах порядком.

— Нет. — Он опустил несколько пристыженно взгляд.

Понятно. Нет, правда, понятно. Пропал мужик, съела его сердце эта рыдающая в моих объятьях волчица. Никуда он не побежит и ничего он не сможет со всеми своими связями, вместе взятыми. Куда ему бестиаров вызывать? Чтобы освободили, а потом всей кучей весело на костре сожгли? Это не простой рыцарский орден и это непростая любовь для него. Очень непростая. Что ж, теперь мне понятны ход мыслей фон Пиксвар и постная морда капитана. Им некуда больше идти, им просто не с кем во всем белом свете разговаривать. М-да уж, остался я, клятвопреступник, человек, играющий грязно и подло, тот, кто может... нет не так, не сможет отказать.

Не сможет?

Я немного отрешенно витал в своих мыслях, обдумывая сегодняшний насыщенный встречами день, и не слышал ни рыданий баронессы, ни коротких рубленых фраз, выплевываемых через гордость Гаричем. Мне не хотелось слышать и видеть никого вокруг. Но деваться мне некуда. Я помогу найти девочек, я остановлю войну, я получу печать свободы от эльфов. Горы сверну, только умоляю, оставьте меня наконец все в покое!

* * *

Ну что сказать? Это не всё. Да, сегодняшний день потрясающих встреч и возможностей, открытых для меня, не закончился, так сказать, на малых неприятностях, вроде войны и прочей луковой шелухи.

Меня только что «вытурил» за дверь своего кабинета глава академии Нильс Ваггет со словами: «Не говорите ерунды, юноша, теперь вы вновь сможете покинуть стены академии не раньше чем через год, вас десять раз спросили, все ли вы успели закончить в миру, теперь никто вас отсюда не выпустит, и исключений быть не может». Уныние и какая-то апатичная тоска навалились тяжким грузом на плечи, от чего я с трудом волочил ноги, направляясь в свои комнаты общежития.

Что же делать? Бить колбы? Звать бабулю, мол, выручай горемычного, надави на злого главу академии, пусть выпустит мальчика погулять. Не знаю, может, в этом выход, да вот незадача, в один карман я сунул две одинаковые колбочки, и какая из них призовет ко мне в гости какого из гостей, я не знал. Хотя если честь по чести, бабулю видеть, а тем более влезать к ней в долги ой как не хотелось.

Выйдя из главного здания южных ворот, где располагался кабинет Ваггета, я в

задумчивости остановился перед большим радужным фонтаном, свитым из тысяч микроскопических струек, создающих над бассейном причудливую вязь и целое облако из мелкой взвеси микроскопических капелек, причудливо и завораживающе преломляющих световую гамму, из-за чего создавалось впечатление миниатюрного северного сияния над землей.

Красиво и завораживающе. Это творение мастера, ни дать ни взять, меня словно могучая незримая рука схватила за взгляд, приковывая к месту. Лень стало шевелить ногами, захотелось присесть где-нибудь и посидеть, вдумчиво все расставляя по полочкам да поедая глазами это чудо чудное, принимая на душу малую унцию умиротворения и пару капель простого глупого счастья. Мне много не надо, я задумчиво оглядел окрестности в поисках хоть какой-то лавочки или хотя бы табуреточки, знаменуя сие действие тяжким вздохом, так как ни первого, ни второго поблизости не наблюдалось.

Хотя...

По левой стороне от меня на помпезных беломраморных ступенях возвышался постамент какого-то памятника в виде трона...

Пустого...

Да, пустой здоровенный каменный трон, филигранно исполненный из цельной глыбы все того же белого мрамора.

Почесав затылок и оглядев спешащий по своим делам народ, погруженный в свои заботы и дела, подумал: собственно, а почему бы и нет? Ноги-то не казенные, а лавочек почему-то не предусмотрели. Еще раз оглядев окрестности для очистки совести, обогнул фонтан, поднимаясь по ступеням постамента вверх. «Неудобненько», все чересчур монументально и больших размеров, мне пришлось изрядно задира́ть ноги, дабы взойти по этой лестнице в небо. Да и сам трон был высоковат, и весьма, полка, на которую мне предстояло забросить свой зад, была где-то на уровне груди. Впрочем, это не проблема, «хекнув», вытянул себя руками, усаживаясь поудобней и оглядывая уже с высоты своего царственного возвышения открывающуюся моему взору картину. А что? Вполне даже ничего, надо будет сюда почаще приходить, захватив бутерброды и компот, так сказать, для медитативной практики слияния с вселенной, да и просто полюбоваться окружающим видом.

Как там было? Суета сует? Хе-хе. Впервые за этот день, пусть и невесело, но я улыбнулся. Интересно ныне жить получается, прав был господин Кэрролл: «чем дальше, тем „страньше“ и „чудесатей“». Это надо же мне было так встрять между молотом и наковальней! Ведь по сути что произошло? Несуразица несусветная. Мне даже на секундочку в голову не пришло, что все это благодаря моему уму, красоте и сексуальности. Нет, все банально и куда как приземленней, все это синдром дефицита внимания в условиях непреходящего стресса. Взять наглядный пример: де Кервье. Старый, больной человек, живущий прошлым своим величием и огромной раной, от головы до пят пересекающей кровавым месивом ее душу. Кто она, где она, зачем она? Да уже никто, нигде и никак. Формально нет ее уже, ан нет же, рвет когтями старый цербер грани реальности. Что тут скажешь, таков смысл ее вставаний по утрам. Ну а я что? Глупое знамение, соломинка утопающему, за которую она схватилась, чтобы придумать еще один смысл для бесконечной борьбы.

Не нужно долгих полемик, мол, реки крови, горы тел, а теперь посмотрите направо, вон исчадие зла в лице пана императора, «мочканем» его, и наконец-то все наладится. Да, он одиозен и «лапулей» его не назвать, хотя, может быть, пару тысяч лет назад его мамуля с трепетом утирала ему сопли, тискала за щеку и считала, что милей карапуза, да и вообще человека на белом свете не сыскать. Возможно, не зная я его в общении, мне сложнее было бы вычлени́ть в его политике зерно истины, но, увы, все тот же СДВ, или по-«англицки» Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD), заставил эту «бабайку» во мне увидеть все те же черты знамения, с элементами все той же соломы, торчащей из меня для каждого желающего «утопленца».

Я просто «попал» в нужное время и нужное место, где блуждающим взглядом сильные

мира сего зацепились за меня своим вниманием, по сути, не ожидая на деле от меня чего-то сверхъестественного, да черт возьми, вообще ничего от меня не ожидая, кроме возможности... м-да уж, выговориться, что ли? Даже, наверно, точнее не скажу, скорей всего так.

Я задумчиво поболтал ножками в воздухе, подперев голову руками. Жизнь странная штука. Им бы пример взять с какого-то, не помню уже какого, персидского царя, который затейник для этих нужд соорудил рядом с собой пустую замурованную со всех сторон комнатку с небольшой щелочкой, в которую долгими тоскливыми вечерами подолгу сливал все, что у него накопилось на душе, не боясь огласки. Мудрейший был человек! Во-первых, никто не разболтает, а во-вторых, не перебьет глупым вопросом или тупейшим непониманием. Опять же, гениальная «фишка» для снятия стресса, парни с Востока вообще знали толк во всех этих штучках-дрючках. У них и астрономия была, и математики, и опиумный мак... Ну да что-то меня не туда понесло.

Во всей этой ситуации наиболее непонятной становилась фигура эстонца, то есть эльфа. Вроде ведь и неплохой парень, а так и хочется по «мусалам» дать. С этими «серыми кардиналами» всегда так, стоят застенчивые такие в стороночке, а как копнешь глубже, хоть стой хоть падай. Где его точка G, которую невзначай я смог затронуть?

Да, он знает, что я не так прост, как можно было бы подумать на первый взгляд. Да, находясь в тени закулисных игр, этот зубр наверняка хорошо заточил рога на большой политике, но вот общей мотивации я не улавливаю.

Я не могу прогнозировать то, с чем никогда не сталкивался, и делить на ноль. Чего хотят эльфы? Нет, понятно, что в итоге они не желают видеть войны, но вопрос — почему? Как рассмотреть за этим благородством ту самую гадость, от которой уже пляшут все остальные пороки под названием выгода?

В чем тут может быть вообще интерес? Тут как бы даже наоборот, я вижу незауалированный мотив разжигать войну, так как, чем больше умрет «человеков», тем больше будет места эльфам, причем в их изначальном мире, на их исконной жилплощади.

Или их уровень уже выше моего понимания? Возможно ли так, что цивилизация сможет переступить ту ступень, на которой она обязательно будет нести добро и прочие демократии в виде авиационных бомб на крыльях своих бомбардировщиков в очень нуждающиеся в этом отсталые страны, просвещая тем самым темные массы дикарей? Что-то сомнительно.

— Эй! — чей-то голос донесся с нижних ступеней. — Ты какого демона взобрался на трон?!

Я задумчиво окинул взглядом толпу студентов, с удивлением взирающих на меня снизу вверх.

— Аз есмь царь, смерды поганые! — пробурчал я себе под нос, постаравшись не обращать на молодежь внимания.

Итак, что эльфам нужно от людей? Что мы имеем? А имеем мы неслабенькое такое развитие незаметной, но меж тем значимой цивилизации на планете. Эдакие пастыри заблудших душ, с толком и расстановкой умеющие делать ай-яй-яй пальчиком неразумным детишкам, но все ли чисто? Являются ли они ангелами во плоти? Сомневаюсь... Стоп! А ведь и верно, у ребят-то самих рыльце в пушку! Сколько они тысячелетий ведут кровавые разборки внутри себя?

— Ты что глухой, что ли? — Вперед толпы выбился какой-то высокий брюнет с острыми надменными чертами лица.

Война — дело грязное, а тут ведь не просто войнушка у эльфов случилась. Насколько я могу судить по историческим мотивам, здесь у них война на уничтожение идет, и то перемирие, что существует между ними, не что иное, как вынужденный скрип зубами от злости, ибо в ходе разборок эльфы настолько увлеклись друг другом, что чуть ли не повсеместно свели свое присутствие на планете к нулю. А о чем это может сказать такому старому цинику, как я? О многом, к примеру, о том, что сподручней всегда жар загребать из

костра чужими руками.

— Нет, он что, издевается, что ли? — Брюнет раскинул руки, вопрошая толпу. — Это вообще что за сопляк? Кто-нибудь его раньше видел?

Нет, ну что за люди? Сидит себе человек на троне, никого не трогает, думы думает тяжкие о великом и нетленном, буквально держит в руках судьбы мира сего, и на тебе, целая толпа каких-то студентов в обязательном порядке придут бучу наводить у царственных ног. Прямо революция у них какая-то, того и гляди, будут прибавку к зарплате требовать или еще какую-нибудь глупость, вроде честных выборов.

Окинув недовольным взглядом явно увеличившуюся толпу, я ничего не придумал лучше, чем закинуть ногу на ногу и постараться увести свой взгляд куда-то ввысь и вверх поверх бушующей внизу толпы. Некогда мне, мол, занят, зайдите попозже.

Значит, о чем это я? Об эльфах, тут ведь какая штука, если бы здесь существовала политическая карта мира и мы взяли ее в руки, то интересную бы картину смогли лицезреть, суть которой сводилась бы к позиционной войне интересов. Так уж получается, что территориально условный север негласно поддерживает льесальфов, а южная оконечность континента — дьесальфов. Не в этом ли суть проблемы? Не в этом ли кроется смысл и интерес детей Солнца? Очень на то похоже, и в этом ключе «пасторство» как таковое приобретает всю остроту, ведь мы получаемся невольными союзниками в их войне, случись той вновь вспыхнуть с новой силой. Так как неприятие некромантии заложено в северных государствах чуть ли не с молоком матери, в то время как те же халифаты вполне на уровне оперируют подобными материями и в свою очередь наверняка выступят за команду, на чьих футболках нарисована луна.

— Каков нахал! — Брюнет поджал гневно свои тонкие губы, начав взбираться по ступеням в мою сторону.

Ну вот, похоже, сейчас меня будут свергать, от расстройства я даже перекинул закинутые друг на друга ноги и тяжело вздохнул. Ну вот почему всегда так? Ну прошли бы мимо, ну покрутили бы пальцем у виска, посмеялись бы над странным пацаном, так нет же, даже в дурости у нас всегда найдутся завистники! Нет, чтобы порадоваться моей оригинальности, надо обязательно позавидовать, что сами до этого не додумались в свое время.

— А ну-ка отвечай, ты кто таков и что тут делаешь! — Парень немного запыхался, взобравшись наверх и останавливаясь у моих ног.

— Во-первых, молодой человек, поскольку вы пришли ко мне, а не я к вам, то согласно этикету представиться нужно для начала вам, а не мне. — Я расплылся в улыбке, наблюдая, как окружающие вслушиваются в мои слова. — Во-вторых, я нахожусь здесь инкогнито и имя мое слишком известное, чтобы я его вам здесь называл!

Да уж, артист больших и малых академических театров...

— Что?! — взревел парень, возмущенно вскидывая брови. — Да как ты смеешь, мальчишка, так разговаривать со старшекурсником?! А ну немедленно назови свой факультет и имя, иначе сегодня же твои останки будут соскребать с дуэльной площадки, наглый выскочка!

Ну и что прикажете делать? Честно скажу, не знаю, уж слишком все как-то неожиданно, что-то резкий мне оппонент попался, с ходу так пресек мои безобразия, переводя простой стеб в разряд дуэлей, коих я на дух не переношу. Ну не мое это, не люблю я откровенный мордобой, мне куда приятней словесная полемика, тут, понимаете ли, совсем другой коленкор.

— Фердинанд! — Из толпы молодого человека окликнула беловолосая красавица в зеленой мантии с потрясающей длинной косой, которую я, по-моему, уже где-то видел. — Отстань от мальчика!

— Да пошла ты! — Парень скривился, сплевывая наземь. — Еще вонючая полукровка будет указывать, что мне делать!

А вот это уже повод, нет, правда, он прямо снял с меня бремя ответственности своим

тупоголовым хамством по отношению к этой девушке, явно не без труда стерпевшей от него оскорбление, так как по ее лицу легко прочиталась неприкрытая обида и боль.

— Эй, Пердинанд! — Расплылся я в плотоядной улыбке.

— Что?! — взревел парень, резко поворачиваясь вновь ко мне.

— Тебе письмо, — произнес я, резко выбрасывая свою ногу прямо в нос засранцу, от чего он совершил кульбит назад, задницей отсчитав в обратной последовательности ступеньки сверху вниз. — Получи... и распишись.

* * *

Я лежал у себя в комнате, разглядывая потолок и пытаюсь осмыслить в очередной раз весь ворох свалившихся на меня неприятностей, но ничего в голову не лезло, кроме злополучного вопроса, почему же нельзя смешивать грибы Горха с амбусским мхом?

Ах да, еще завтра у меня дуэль. Но это так, мелочи. По этому вопросу я как раз меньше всего переживал, так как уже давно и капитально считаю, что шагнул вперед по пути магического искусства, имею ряд куда как более выдающихся побед, нежели какой-то хам студент. На это мне было плевать с высокой колокольни, впрочем, и на многое остальное. Всякие там вершители мира тоже, считаю, могут идти лесом, полем, огородами куда подальше. В данный момент критическим комом в горле и тяжким грузом на душе лежала судьба девочек-волчиц.

Время.

Время катастрофически убегало незримым потоком песчинок сквозь пальцы, а меж тем действовать нужно быстро, резко, пока звериный дух не выветрился с неверных и зыбких следов на земле. От досады на свое бессилие хотелось быть не хуже волчьей стаи холодным февралем на луну.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Тьма междумирья и резкий всплеск красок астральных энергий. Мне нужна помощь, мне нужно решение, а в итоге катастрофическая нехватка сил, но невозможность отступить назад.

Я никого не чувствую, я не могу ни до кого дотянуться...

Хотя...

Да!

Ну, привет, разбойнички!

* * *

Граф Десмос вышел на задний двор в преддверии сумерек, где прямо на земле, скрестив под собой ноги, восседал маленький желтокожий человечек, смежив веки и сложив перед грудью замысловатую фигуру из ладоней.

Господин Ло медитировал.

Господин Ло всегда в это время медитировал, после того как заканчивал вечернюю программу по изувечиванию вверенного подопечного.

Десмос вскинул бровь, расплываясь в своей фирменной улыбке, заметив в углу двора растянувшегося в позе морской звезды юного герцога, пытающегося на одних только лопатках и чувстве безысходности уползти куда-нибудь подальше, прочь от этого места. Молодец парень, усмехнулся про себя граф, одобрительно кивая своим мыслям. Он явно сегодня перешел на новую ступень обучения, под условным названием уже не: «Вставай, Ули-Ри», а «Вставай, Гем-Ли». По мнению графа, весьма продуктивная и действенная программа, и если память не подводит, то уже к завтрашнему вечеру у Германа должен начаться нервный тик и повадки затравленного зверя, с ужасом взирающего на все закоулки особняка, из которых может внезапно появиться учитель Ло.

— Герман! — крикнул весело Десмос.

— Да, господин граф? — откликнулся мальчик, пытаясь червячком, лежа на спине, взобраться по ступенькам.

— С завтрашнего дня советую мимо каминов и печей только так и передвигаться! — Десмос уже откровенно потешался над ползуном.

— Спасибо, господин граф! — Герман, активно работая лопатками, все же преодолел препятствие, скрываясь в дверях дома. — Ульрих перед отъездом уже предупредил меня!

— Чудесный вечер, господин Ло! — Граф склонился в глубоком поклоне перед лысым маленьким человеком, все так же сидящем на земле. — Не будете ли вы сегодня благосклонны ко мне, оказав любезность в хорошем уроке?

— Рук, ног зажил? — произнес маленький монашек, открывая один глаз.

— Да, господин Ло. — Улыбка мигом сошла с лица графа при воспоминании вывернутых ему конечностей.

— Хорошо, бябьяка. — Кивнул монах, вновь закрывая приоткрывшийся глаз. — Как станешь, демон монучи-го и победишь страх в сердце — нападай.

Десмос нахмурился, так как по непонятной причине ему крайне не нравилось, что этот малыш уже давно и упорно почему-то называет его «бябьякой». Вроде как и не очень обидно, но в то же время весьма неприятно. Хотя, граф пожал плечами, кто может знать, что это означает на самом деле на наречии Мао?

Доли секунд ушли у Десмоса на полную трансформацию в боевую ипостась своего организма. Объем мышц привычно и качественно получил увеличение, с треском разрывая часть одежды на том, кто некогда был человеком. Защелкали суставы, добавляя к этой грудке жгутов скорость и гибкость при атаке, мощь и остроту когтей, ярость и страх оголенных в рыке клыков хищника, все это уже никак нельзя было назвать человеком, нет, в паре метров от «беззащитного» монаха замерла агрессия и смерть в чистом эквиваленте природной механики.

Зверь оскалился, с шумом втягивая вечернюю прохладу уже недалекой ночи, медленно, с грацией, достойной лучших представителей кошачьего мира, обходя по кругу все так же неподвижного человека.

Бойся!

Беги!

Рыдай, маленькая жертва, ибо нет спасения от совершенного представителя класса хищник, наделенного жадой убийства и неотвратимостью яростного броска!

Но зверь не спешил, зверь непрост, он наделен памятью, разумом и опытом долгих лет бесконечной охоты и целой вереницей непрекращающихся убийств. Он скрадывал тихие шаги, кружась вокруг маленького человека, изредка замирая и припадая в готовности нанести молниеносный удар.

— Что, бябьяка, нелегко победить свое сердце? — Легкая тень улыбки посетила невозмутимое лицо монаха.

Рык ярости и злобы огласил двор, зверь в гневе рванул лапой землю, взметая куски земной плоти, разлетевшейся под его когтями, пунцово-алые глаза с вертикальным зрачком наполнились непередаваемой яростью, а с кинжально-бритвенных клыков на землю падала пена тягучей и зловонной слюны. Зверь был в ярости, зверь был готов убивать и рвать любого на своем пути...

Но он не мог почему-то подойти к маленькому и беззащитному человеку. Рывок влево, припал к земле и вновь отошел, рывок вправо, напружинился к рывку и вновь ушел прочь. Игра позиций, смена поз, бесконечное кружение и выбор, который ой как нелегко было сделать тому, кто уже обжегся, и не раз, об эту желтокожую безмятежность скалы.

Чпок!

Зверь «всхрюкнул», припадая на задние лапы и с недоумением оглядываясь по сторонам.

— Хм! — Монах открыл глаза, так же удивленно осматриваясь по сторонам. —

Господин бябьяка, вы чем это делать «чпок»?

— Вхр-р-р! — возмутился зверь, открещиваясь от всего и сразу.

Чпок!

От массивного черепа хищника с характерным звуком отлетела сосновая шишка, прокатившись по двору и остановившись у ног монаха.

— Шишика, — констатировал монах, поднимая вражеский снаряд. — Однако!

Следующая шишка, летевшая точно в центр лысого черепа господина Ло, была отбита ленивым взмахом руки монаха.

— Ар-р-ргх? — неуверенно рыкнул зверь, прячась за спину вставшего с земли Ло.

— Ага! — Монах похлопал по загривку зверя, показывая пальцем на крышу конюшни, на которой в сгущающихся сумерках с трудом можно было различить две серые небольшие фигурки каких-то зверьков. — Это же воровайки Ули-Ри!

— Гр-р-ры? — Зверь высунулся из-за монаха.

Чпок!

Очередная шишка, отскочив от черепа монстра, покатила по земле.

— Да что за Гадство! — С земли вместо зверя поднимался граф Десмос, по-прежнему стараясь скрыться за спиной господина Ло, с завидной грацией, которой бы позавидовали лучшие установки ПВО, отбивая метательные снаряды двух маленьких агрессоров. — Чего этим мохнатым засранцам от нас нужно?

— Эй, воровайка, иди сюда, давай быстро-быстро! — Помахал рукой приветственно енотам монах.

— Вот паскудники. — Хмыкнул граф, наблюдая, как грациозно и легко две тени скачками пробежались по крыше и ловко спустились по кованому забору к земле, где настороженно остановились, вертя по сторонам живыми и подвижными мокрыми бусинками носов на хитрых вытянутых мордочках.

— Давай-давай, — поманил их Ло, опускаясь на колени, чтобы не пугать зверей.

— Давай прибьем и закопаем, пока Ульриха нет? — вышел с предложением граф, которого до жути раздражали маленькие проныры, постоянно кладущие во время его дневного сна всякую пададь ему на грудь, безнаказанно до сего времени. Причем, что удивляло, так это каким образом подлецы умудрялись приносить к нему ежеиков? У них по поводу ежей прямо бзик какой-то.

— Воровайки неспроста. — Нравоучительно воздел вверх указательный палец господин Ло. — Воровайки хотят что-то сказать!

— Еноты не разговаривают. — Десмос с сомнением оглядел монаха, как бы всем видом показывая, что ой как сомневается в здравом уме обладателя такого чудесного лысого черепа.

— Твоя еще скажи, что рыбы молчат! — Рассмеялся Ло. — Все говорят, только не все понимать.

— Да ну? — Десмос растерянно смотрел на веселящегося монаха, явно не видя в сложившейся ситуации ничего смешного.

Ну да в скором времени одним Фомой на свете стало меньше. Вальяжно (на задних лапах!) вперед выступил мохнатый толстячок с серьезной мордой, начавший расстилать прямо перед людьми выданный где-то кусок бумаги, попутно выставив рядышком небольшую чернильницу, а в это время из-за его спины выступил седомордый енот с целой охапкой писчих перьев, задумчиво усевшись совершенно по-людски перед приготовленной рабочей площадкой.

— Икки-ки? — осведомился о чем-то у своего напарника толстячок.

— Ики. — Согласно кивнул головой писарь, аккуратно открывая чернильницу и обмакивая туда кончик пера. — Ики-ики-ки.

Маленькая лапка твердо и уверенно стала выводить на бумаге прекрасно поставленным почерком вязь из букв, соблюдая пробел и новомодный наклон писарей короны, виток за витком вывода слова:

«Господа! Вопрос жизни и смерти, мне очень нужна ваша помощь в одном крайне деликатном деле!»

* * *

Домик был ладным и крепким, как и все дома с восточной стороны столицы в пригороде, принадлежавшие знатым семьям Финора, его окружал неприступный забор, а хорошим черносливом, или, если желаете, изюминкой данного дома было то, что родовое гнездышко Ол'Роков охраняли десятки верных и проверенных не одной битвой отставных солдат.

Правда, этим утром в доме было беспокойно. Хмурился сэр Гарич, а его жена, урожденная баронесса фон Пиксвар, не спала второй день, безутешно заливаясь слезами. Обстановка в доме была хуже некуда, люди чувствовали горе, охватившее сердца этой красивой пары, дом чувствовал беду и отчаяние своих хозяев, встревоженно поскрипывая стропилами и печально вздыхая старыми дубовыми досками крученых межэтажных лестниц.

— Это моя вина. — Высокий крепкий мужчина тискал эфес меча так, что белели костяшки на его кулаке.

— Не кори себя. — Качала головой баронесса. — Ульрих сказал, что посмотрит, что можно сделать.

Желваки заиграли на скулах мужчины при напоминании имени его бывшего сюзерена. Он печально покачал головой, сам от себя не ожидая такой дикой смеси эмоций из ненависти и в то же время какой-то потаенной надежды на успех.

— Он ничего не обещал, — сквозь зубы процедил бывший капитан. — Впрочем, даже пообещай он, веры подлецу у меня ни на грош!

— Прекрати, милый! — умоляюще протянула баронесса, вновь заливаясь слезами.

Они сидели друг напротив друга в общем зале, когда четко раздался стук распахнувшихся ставен в их совместной спальне.

— Что это? — испуганно подобралась баронесса.

В комнату вбежали охранники дома, на миг лишь опоздав, когда выскочил из ножен меч рыцаря.

— За мной! — Хозяин дома без церемоний высадил дверь ногой, первым врываясь в спальню и успевая краем взора уловить мохнатый хвост, исчезающий в окне.

— Ой! — раздался удивленный голос баронессы, с испугом выглядывающей из-за могучих спин вояк. — Посмотрите, на столе ежик!

Народ, недоуменно оглядываясь по сторонам и друг на дружку, взирал на испуганный комок иголок, смотрящий маленькими бусинками глаз на толпу вооруженных людей. Игольчатый шар пару раз «фыркнул», после чего окончательно скрылся за защитной стеной своей шкурки, а подошедшая вплотную к бедному созданию баронесса отлепила от его спинки маленькую прикрепленную записочку, развернув ее и впервые за эти дни улыбнувшись.

— Что там? — Подошедший сзади Ол'Рок нежно обнял жену за плечи.

— Это Ульрих, — она ответила на объятья мужа. — Он говорит, что все устроил, он говорит, чтобы мы не переживали, помощь девочкам уже в пути!

* * *

Меня мутило, и при этом жутко раскалывалась голова. Последствия управления енотами на таком удалении сильнейшим ментальным откатом ударили по мне, так что поднялся с постели я не то что с трудом, а со скрипом и такой-то матерью. Ухудшало ситуацию еще и отсутствие санузла, как отводящего продукты жизнедеятельности, так и подводящего живительную воду, дабы омыть свою измятую физиономию и привести ее хоть немного в божеский вид.

Я как завалился вчера под вечер в одежде, так и отрубился в ней, не в силах к концу ментального соединения даже пальцем пошевелить. С трудом через голову стянул камзол вместе с рубашкой и с горем пополам стащил штаны с сапогами, прямо с постели сдергивая полотно простыни, которое просто и незамысловато накинул на плечо.

Мне нужна ванна! Мне нужна холодная, бодрящая и освежающая ванна!

Пошатываясь и то и дело хватаясь за стены, я добрался до входной двери, вяло толкнув ее ногой, от чего она, скрипнув, слегка приоткрылась, во что-то врезавшись на той стороне по пути.

— Ай! — выдала мне дверь.

— Эм? — Не придумав ничего умней, я еще раз пихнул дверь ногой.

— Может, хватит, а? — тут же выдала мне дверь, опять во что-то гулко бухнув.

Таинственно и противно скрипнув, говорящая деревяшка сама отошла в сторону, открыв мне прелестное создание, облагороженное золотым цветом волос с толстенной косой, перекинутой на плечо.

— Ну ты и горазд спать! — Красивая незнакомка смерила меня с ног до головы изучающим взглядом. — Я уже три часа сижу у тебя под дверью в ожидании, когда ты соизволишь наконец-то подняться.

— Зачем? — с трудом разлепил я свои губы.

— Ты вчера довольно опрометчиво вступился за меня перед выскочкой Фердинандом, и я хотела поговорить с тобой перед дуэлью. — Она, мило смутившись, опустила головку.

— М-м-м. — Захлопал я ресницами, пытаюсь собрать разбегающиеся тараканами по углам мысли в голове.

— Спасибо, это было смело. — Поджала она свои губки, решаясь на продолжение: — Только глупо, я понимаю, что это будет выглядеть нелицеприятно, но хочу тебя попросить извиниться перед Фердинандом публично до начала дуэли, иначе он убьет тебя.

— От оно чо... — Почесал я затылок.

— Я прошу тебя, я вижу, что ты хороший мальчик, но ты всего лишь первые дни у нас в академии и еще не знаешь ничего, а Фердинанд уже троих убил, и не пересчитать тех, кого покалечил! — Она проникновенно пыталась уцепиться за мой рассеянный взгляд.

— Хорошо. — Я положил ей руки на плечи, отодвигая с пути. — Раз ты так решила, я извинюсь.

— И всё? — Она удивленно раскрыла глаза, следя за тем, как я удаляюсь по коридору к лестнице, ведущей на первый этаж, где находились купальни. — То есть ты согласен?

— Угу. — Махнул я рукой ей на прощание, уже спускаясь по лестнице.

— Но как же так, а как же честь? Ты ведь дворянин? — К моему сожалению, белокурая красавица с выпученными от удивления глазами побежала следом за мной.

— Ладно, уговорила, буду дуэлиться, — попытался я выправить положение и избавиться от приставучки.

— Ой! — Она зажала рот руками испуганно. — Но ты не должен, он же тебя убьет!

— Замечательно, тогда не буду драться. — До спасительных дверей купальни оставались считанные метры.

— А честь?! — Девица была не промах, забежала вперед меня, преграждая телом мне путь к отступлению.

— Так-с! — Я уперся головой в стену, чтобы хоть чуть-чуть унять внутреннюю болтанку. — Давай уже определяйся быстрее, что тебе от меня надо, а то время уже поджидает, а я, между прочим, еще даже не позавтракал.

— Что значит определяйся? — Подобного удивления на лице не смог бы даже изобразить Станиславский. — Это ты определяйся, на кону твоя жизнь и твоя честь!

— Что воля... что неволя... все едино... — попытался я повторить крылатую фразу из фильма-сказки. — Послушайте, девушка...

— Анабель. — Тут же присела она в реверансе.

— Послушайте, девушка Анабель. — С трудом я отлепился от стенки. — Мне ваш

Пердинанд и иже с ним, а также все ваши политесы по вопросу, как я буду выглядеть в свете данных событий, мягко говоря, до одного места.

— Какого? — Захлопала она ресничками.

— На которое мне сейчас крайне, подчеркиваю, крайне важно усесться! — Я деликатно потыкал пальчиком ей за спину.

— О-о-о-о! — Она залилась краской, вновь изобразила приседание, взметнув полы юбки, потербила косу, но осталась на месте. — Вы не против, если я вас подожду?

— А есть надежда, что если я скажу «нет», вы не подождете? — Печальным взором окинул я внезапное золотоволосое чудо, особо не удивившись ее отрицательному мотанию головой. — Ну тогда лишь одна просьба, сделайте это, пожалуйста, у меня в комнате, а не под дверью туалета, идет?

— Ага! — Расплылась она в улыбке, маленьким торнадо проносясь в обратном направлении на второй этаж.

Ну а я уже вторым торнадо влетел в комнату медитаций, да так, что простынь, которую я тащил за собой, взметнулась не хуже плаща Супермена за спиной во время его эпического полета над Нью-Йорком.

— Ульрих, это ты? — послышался испуганный голос из соседней загородки.

— Ульрих — это я, — обрадовал я незримого оппонента.

— Это Майк, — просветил меня голос, после чего повисла небольшая неловкая пауза.

— Привет, Майк, — печально вздохнул я, одна надежда, что эта встреча будет последней на сегодня.

— Слушай, я все тебя вчера хотел спросить, как мы добрались до столовой? — Он прокашлялся. — Представляешь, совершенно ничего не помню, все как в тумане!

— Может, съел что-то не то? — Изобразил я саму невинность.

— Не знаю, — как-то печально произнес он. — Вообще ничего не помню. Да, кстати, слышал, сегодня будет наказание зеленых тряпочек?

— Нет, не слышал. — Задумчиво почесал я нос.

— Ну ты даешь! — развеселился незримый Попкин. — Какой-то выскочка лекаришка вчера под вечер оскорбил старосту третьего курса с огненного факультета! Ты представляешь? Жаль, тебя не было, мы вчера с ребятами старшекурсниками ходили по этажу, всячески гнобили этих зеленотряпочных.

— Зачем? — Признаюсь, был удивлен.

— Ну, как? — опешил он. — Это же правило, мы, стихийники, всегда на голову выше всех этих слабаков, вот они и должны нам еду там подносить, ну или в прачечную вещи относить. Иначе как? Девчонки еще ладно, что с них возьмешь, а вот парни задохлики, тех надо в строгости держать. Это мне «старшеки» так сказали.

— Надо же, как интересно... — произнес я, покидая уборную и минуя перегородку, пройдя в купальню. Мне вдруг подумалось, как поведет себя Попкин, когда наконец до него дойдет, что я не стихийник, а лекаришка, да притом тот самый выскочка? Парень до сих пор не видел моей мантии, а по своему скудоумию даже помыслить не может, что мальчик может не желать быть великим воителем и пострелятелем молний. Нет, возможно, будь я в реальности его погодкой, все скорей всего именно так бы и случилось, но я другой, и возможно, в этом вся загвоздка. Нет, не подумайте о семи пядях во лбу и пофыркивании вроде: плавали — знаем, просто такой склад характера, такой склад знаний за плечами. Я далек от пацифизма и признаю свои грешки и темную сторону, без которой, увы, не обходится ни одно живое существо, но меж тем стараюсь уловить гармонию в себе, не заставляя себя делать отвратное своей натуре, то бишь не насиловать себя. Правда, это не всегда получается, так уж устроена жизнь, мы порой не властны над обстоятельствами, однако и напрямую, пардон за мой франсе, дрочить судьбу и свои нервы не хочу. Кто может сказать, положив руку на сердце, что находится там и в том времени, где бы хотел быть? Кто может сказать, что занимается любимым делом?

— Слушай, может, вместе пойдем на дуэльную площадку? — За моей спиной

нарисовался Майк, проходя к деревянным тазикам и начиная обильно плескать водой себе в лицо.

Купальня напоминала каменный грот, где из стены била струя воды, по каналу исчезая где-то ниже в дренаже, а общим дополнением служили деревянные бадьи и тазы, в которые надлежало порционно зачерпывать водичку.

Негусто. Нет, конечно, для окружающей действительности это, наверно, передовые технологии, однако же мой Лисий куда как милее в этом плане.

— Мы еще не решили. — Улыбнулся я, вспомнив про белокурой подарок, поджидающий меня в комнате, и тоже начиная плескаться в одном из тазов.

— Мы? — Парень с подозрением огляделся по сторонам.

— Ну да. — Я с блаженством погрузил голову прямо в отводной канал, чувствуя холод и свежесть бегущей воды, а также как течение шевелит мои волосы.

— А с кем ты пойдешь? — спросил он, дождавшись, когда я вынырну.

— Ее зовут Анабель. — Не сбавляя оборотов, я зачерпнул воды, обливая ею тело.

— Девушка? — Он нахмурился. — Лекарша? Ты что, Ульрих, решил дружить с изгоями? Не советую, их судьба — быть не у дел от денег и славы, мне еще мой учитель говорил, что единицы из них в состоянии занять хоть какое-то место в обществе. Что их ждет в будущем? Да ровным счетом ничего, либо припишут к какому-нибудь дому терпимости, либо же до конца дней торговать лягушками сушеными на рынке, да с всякими немощными возиться.

М-да уж, перспективка вырисовывалась плачевная. Что же тут поделаешь, если на дворе дикое время? Тут нет общественной медицины, тут если заболел, крутись как хочешь, государству до этого дела нет, собственно никому до этого дела нет, а следовательно, и те кто ушел в медицину, считай, ушли в никуда, в пустоту, в прямом смысле предоставленные сами себе, и гарантом их успешности не могут даже послужить их дипломы и способности. Да, жить хочется всем, да, жить хочется всем без боли, но вот лекарю на одной благотворительности не прожить. Лекарь, он ведь тоже живой человек, ему хочется вкусно есть, сладко спать, иметь крышу над головой. Все мы по жизни не раз и не два кричали, мол, посмотрите, какие они твари бессердечные, вы только поглядите на них, мы тут корчимся, умираем, а они денег хотят! Было дело? Ну а как же, конечно, было, будет и еще не раз, потому как, пока еще не придумали волшебной кастрюли, которую раз и напялил на голову, когда она заболит, и все как рукой сняло.

В этом вопросе нужно немного проявить понимания, заметьте, не оправдания, а понимания. Оправдываться тут некому и не перед кем, а вот понять нужно. В бытность мою помоложе, когда еще уши не пухли от кухонных разговоров о великом и нетленном, мне один старый дед, тоже терапевт, затравил старинную то ли байку, то ли притчу о великом чудотворце, которую я в том или ином виде часто встречал в разных сказках многих народов, суть которой сводилась к простейшему пониманию.

Как и водится в легендах, было это давным-давно, что понятно, иначе бы вы уже прочитали новость в Интернете. Жил в те времена великий мудрец, чудотворец, ученый и великий лекарь, о чьем даре постепенно стали узнавать все и повсеместно. Изначально к нему стекались ближние деревни, потом потянулся народ и из дальних деревень, а потом поток наладился, и великий лекарь схватился за голову, а по некоторым данным — чуть ниже, понимая, что он стал заложником ситуации. Ведь что утром, что днем, что вечером или же ночью больных не становилось меньше, они только прибывали и прибывали. Представляете? Прямо у вас под дверью стонут, кричат и попердывают люди, причем не просто так, больны они, а многие и при смерти. Как тут сядешь покушать, когда за пиалкой супа у тебя под дверью минимум трое коньки отбросят? Как ты ляжешь спать, когда знаешь, что к утру под два десятка трупов образуется у тебя в подъезде? Да черт возьми, в туалет нельзя сходить без того, чтобы кто-то не обвинил тебя в смерти близкого, ведь что тебе стоило, господин лекарь, чуть попозже присесть на фарфоровую вазу?

В общем, терзаемый муками совести, но будучи мудрецом, господин чудотворец

сделал ноги по-английски, не попрощавшись. Думаете, помогло? Не-а. Ведь от кого он спрятался? Правильно, от простых смертных, в то время как не стоит упускать из виду власть имущих, от этих так просто не сбежать. Нашли, как водится, пожарили по-отечески и сначала заперли в одном подвале, а потом в другом, а потом в третьем. Почему, спросите, подвалы менялись? Элементарно, друзья, потому что те самые сильные мира сего никогда не бывают в одном лице. Один царек захватил лекаря и давай об него лечиться, а тут второй царек про то прознал и говорит: ну-ка, армия моя победоносная, сходите-ка, посмотрите, чем там мой благородный сосед натирается, и принесите мне два. Так, в общем, наш мудрец и блуждал остаток жизни по подвалам, до поры до времени. Пока не появился парень из простых, из наших, пролетариев, который внезапно задался сакраментальным вопросом: а как же мы? Почему они, а не мы? Что за херня? В общем, много он размышлял и пришел в конце концов к выводу, что негоже, когда тысячи прозябают, а какой-то царь цветет и пахнет, взял он и удавил нашего лекаря из чувства справедливости, ибо как у нас, человек, водится: «Так не доставайся же ты никому!»

Классная история, правда? Эти стонут, а их не пускают к лекарю, те прячут его по подвалам и не отпускают, третьи точат мечи, дабы заявить свои полномочия на право обладания, в результате вазу разбивают и все счастливы. Кроме вазы. Вазе в этой истории больше всего не повезло, а ей всего-то и хотелось, что помогать людям. Все просто до безобразия и понятно. Нам ведь понятно было желание лекаря помогать людям в начале истории, не скрываясь и принимая всех и каждого? Конечно, понятно, это не только доброе дело, но и слава, деньги, авторитет. Но и не понять простых страждущих нельзя, ведь как тут простишь, если твой ребенок, или мама, или кто там еще вам дорог, умрет на пороге дома лекаря, пока он изволит кушать? В этом вопросе даже богатеи понять не трудно, а уж нашего брата пролетария и подавно.

— Ладно, делай как знаешь, только помни мои слова. — Майк хлопнул меня по плечу, покидая купальню и выводя меня из пространных мыслей.

Собственно, и мне не было нужды более здесь задерживаться, так что я, завернувшись в простынку, неспешным ходом выдвинулся к себе, по пути осмысливая дальнейшую линию поведения со странной девушкой, что наверняка уже ждалась меня в комнате.

— Ой, ты уже вернулся? — Я застал барышню за расстановкой моих личных вещей по полочкам комнаты. — А я вот тут тебе пока порядок навожу, смотрю, ты еще не обжился, дай, думаю, помогу вещи разложить.

Угу. У вашего племени все с этого и начинается, хмыкнул я про себя. Вообще, конечно, миленько, сам я не шибко люблю прибираться в своей берлоге, но меня всегда после подобного действия мучает один вопрос.

— Где трусы? — Я задумчиво попинал вскрытый и пустой рюкзак со своими вещами.

— Кто? — Она невинно захлопала ресничками.

Ох! Святая невинность дикого мира! Это в моем Рингмаре народ оценил по заслугам нательное белье и прочие прелести быта, введенные мной с недавнего времени. А тут, в центре столицы пока народец еще не пуган благами цивилизации, они тут наверняка все по старинке тазобедренный сустав тряпочкой мотают.

— Вот такая штука. — Я распахнул простынку, указывая пальчиком на разыскиваемый предмет.

— Вау! — Она даже пару шагов назад сделала от удивления. — Надо же, а я думала это такие странные чехольчики на подушечки.

— Понятненько. — Я не стал вникать в подробности, а просто вошел в спальню, где стянул с подушки один из чехольчиков, намереваясь переодеться. — Не входи.

А вот тут я сделал ошибку, сначала оголив зад, а лишь потом догадавшись оглянуться через плечо.

— Кх-м. Анабель. — Я попытался принять какую-нибудь благородную позу, а-ля Аполлон Таврический.

— Э-э-э-э? — Девчушка пошла пунцовыми пятнами.

— Давай договоримся на будущее. — Дергаться уже смысла не было, так как что нужно и что не нужно было, похоже, рассмотрено досконально.

— Э-э-м? — Склонила набок она головку, видимо выбирая наиболее удачный ракурс.

— Впредь, когда я прошу «не входи», ты не входишь, ладно? — Пришлось пощелкать пальцами, чтоб вернуть оппонента к диалогу.

— Оу-у! Да! — Она отвернулась поспешно к стенке. — Извини, не подумала.

— Да выйди же ты, едрить тебя за ногу! — взорвался я, заметив, как она пытается слегка скосить головку, так сказать, досмотреть в полглаза.

— Ух, точно! — Она вышла из спальни.

Вот еще подругу себе приобрел на свою голову! Вот же проныра! Вздохнув и покачав головой, я оглядел заботливо расстеленную на кровати зеленую мантию с соответствующими атрибутами. А что? По-моему, должно смотреться красиво. Мне понравилась мягкая бархатистость ткани, цвет, не ядовито-зеленый, а такой с переходом в темноту, приглушенный. Полно отворотов, внутренних карманов, а широкие обшлага рукавов могут скрыть многое, ежели вдруг будет в том необходимость.

— Ну, как я выгляжу? — Уже преображенным я появился из спальни, вновь отвлекая девушку от ковыряний в моих вещах.

— Не так как без мантии, но определенно лучше, чем просто в простынь замотанный. — Улыбнулась она, подходя ко мне поближе и всматриваясь в мое лицо своими большими глазами. — Ну что, теперь можно и поговорить?

— По пути. — Я вежливо склонился в элегантном поклоне, протягивая руку, тем самым указывая на дверь. — Не сочтите за хамство, позвольте вас пригласить в местную столовую, дабы разделить со мной скромный завтрак.

— Ах-ах! — Разыграла она с улыбкой смущение. — Вы так галантны, сударь, что нет никаких сил отказать вам.

— Тогда «почапали». — Я взял ее под ручку, выходя в коридор и далее по лестнице во двор.

— Слушай, если не секрет. — Она честно пару минут пыталась сдерживать распирающее ее любопытство. — Ты что там, на Троне Основателя делал?

— Думал. — Многозначительно кивнул я в ответ. — Вышел от главы академии, хотел собраться с мыслями, присесть, обдумать все хорошенько, а кругом ни стульчика, ни табуреточки, одна только эта каменюка и была.

— Каменюка? — От удивления она даже приоткрыла ротик. — Это вообще-то памятник великому Аникею Дро, великому магу древности и основателю академии Финора!

— И что? — Пожал я плечами. — Его, между прочим, на месте не было, а если бы вернулся, я бы извинился и уступил место.

— Знаешь, если бы он вдруг вернулся, то даже господин Нильс Ваггет встал бы и уступил место. — Рассмеялась она. — Его, наверно, уже лет так под семьсот — восемьсот как ждут, все никак не дождутся. Неужели ты не знаешь этой легенды?

Отрицательно покачав головой, я остаток пути до столовой слушал щебетание этой озорной птички, отметив про себя, что настроение явно растет, отодвигая заботы немного в сторону. Да уж, в этом прекрасном полу не откажешь, умеют заговорить любого, дар у них свыше своим присутствием согреть наши сердца.

А легенда так себе, ну как, есть изюминка, но можно было и круче завернуть. Этот господин Дро и впрямь был крут дальше некуда, по легенде он входил в число первых семи магов рода человеческого, которым в незапамятные времена эльфы передали свое искусство. Кроме этой семерки у людей магов не было. Семь избранных получили знания и свою инициализацию непосредственно из рук первой расы Альверста, именно благодаря им были основаны магические академии, хотя из семи лишь трое были альтруистами, остальных потом пришлось убивать из-за их жадности и внезапно проснувшейся жажды поработить мир. Ну что тут скажешь, «Аве» нам, человекам, что тогда, что сейчас, что после нас всегда найдется соблазн для наших мятущихся душ. Чем не повод для поднятия сомнений

обретение подобной мощи?

Ну да бог с ними, история-то про нашего Аникея, который стал воплощением порядочности, чести, славы и достоинства, а также праведным и верным защитником тогда еще молодого королевства. Ох и наворотил мужик в свое время дел, менестрели потом не одно столетие рвали струны и глотки, на все лады восхваляя его деяния. Но, как водится, доигрался. Хе-хе, как думаете, с чем? Правильно, с тем, что «низзя» и «ата-та», Дро получил инициализацию от льесальфов, а вот искусство, которое передали в мир дьесальфы, манило своей таинственностью и запретом. Ну прямо мой случай, правда, у меня, «тьфу-тьфу-тьфу», пока без эксцессов. Великий маг сломал свой узел, не рассчитав нагрузки некротики при экспериментах с темной энергией. Он навсегда, понимаете? Навсегда переключил себя этим надрывом в ТУ сторону, лишившись в один миг всего того, чего уже достиг, всего того, что освоил и осознал, он лишился того дара знаний, который ему преподнесли дети Солнца.

Ну, по легендам, там были жуткие эпические душевные терзания, господину Дро сочувствовали, жалели, а он лишь стискивал зубы, кроша эмаль от злости, и молчал. Молчал долго, отказывался от титулов, званий и должностей, всячески поносил себя бранными словами и даже вырвал клочок волос из бороды, так он был зол. Ученики, конечно, жалели его, похлопывая по спине, мол, брось, чувак, с кем не бывает? От чего его, естественно, еще больше несло во все тяжкие, ну и как следствие, бывший маг стихийник, а ныне жалкий недоучка от темного искусства, собрал свои манатки и ушел в жалком рубище по дорогам мира, оплакивая свою судьбу и нигде подолгу не задерживаясь, чем, естественно, породил еще пару томов всевозможных сказаний и легенд о его похождениях, правда, о достоверности оных уже говорить не приходится, так как чем это все закончилось, уже никто не знает. Что, собственно, наверно, и к лучшему, так как, основываясь на личном опыте, могу сказать, такие люди обычно умирают не от сердечного приступа у себя дома в постели в кругу своей семьи.

Ну да ладно, собственно, почему монумент в его честь пустой, теперь становится понятно и ясно. Мало ли что там у мага на уме, в те времена он был знаменит, потому памятник и возвели с намеком, мол, приходи, ты по-прежнему наш сенсей и гуру.

Войдя в столовую, был удивлен довольно большой массой людей, собравшихся здесь и сейчас, мы с трудом пробились к стойке с едой, а чуть позже нашли местечко куда приткнуться.

— Так что же ты решил по поединку? — На отсутствие аппетита девушка не жаловалась, причем весьма недвусмысленно косясь на мою порцию тушеных грибов, от чего я старался работать ложкой быстрее, дабы не остаться не у дел.

— Да ничего не решил. — Пришлось про себя констатировать тот факт, что, похоже, практически все присутствующие в зале студенты с любопытством разглядывают меня, периодически то кивая в мою сторону, то тыкая пальцем, дабы указать своему собеседнику на мою скромную персону. — Сходим на эту дуэльную площадку, а там, наверно, уже и придем к выводу.

— Ты странный молодой человек. — Она все же успела выхватить полную ложку грибов из моей тарелки. — И мне совершенно непонятно твое спокойствие.

— А я не спокоен. — Я гневно проводил взглядом пирожок, перекочевавший совершенно невинным образом в ее руки с моего подноса. — Я весь киплю и пенюсь от переполняющих меня эмоций. Может, тебе сходить к стойке за добавкой?

— Нет, спасибо, я наелась, — произнесла она, беря очередной пирожок с моего подноса. — Скажи, пожалуйста, а как твое полное имя?

Я задумчиво смерил ее взглядом, нет, то, что она нашла меня и знает как Ульриха, это понятно, в этом нет ничего секретного, а вот мои приставки к имени вполне могут всколыхнуть очередную порцию ненужных мне слухов. Я и так своего рода пугало для столицы, так еще теперь и внутри этих стен прослыть в очередной раз чем-то нелицеприятным?

— Впрочем, можешь не говорить. — Она откинулась на спинку стула, став

серьезной. — Господин барон Ульрих фон Рингмар-Когдейр, если не ошибаюсь, собственной персоной?

Сказать было нечего, пришлось просто кивнуть и в ожидании ее реакции буравить ее в ответ внимательным взглядом.

— Это немного проливает свет на твоё поведение. — Она улыбнулась. — По крайней мере в вопросах чести ты куда как более меня осведомлен о последствиях.

Ха! Смешно, тудить тебя растудить. Прямо животик надорвешь, как весело мне приходилось под презрительными взглядами окружающих, хотя чего греха таить, по большому счету плевать я хотел на чужое мнение.

— Ну что ж... — Она поднялась. — Пора, господин барон, вы ведь не хотите опоздать?

А я что? Я ничего, поднялся, собрался, вздохнул и пошел. Кстати, немного напрягал тот факт, что вместе со мной поднялась добрая половина зала, в некотором отдалении следуя за мной. Видимо, огласки не избежать, что не радовало, так как при любом исходе грозило мне очередной порцией слухов к веренице уже существующих.

Похлопав себя по карману, убедился, что не забыл прихватить с собой на дуэль выданный мне «Кодекс о мерах наказания и урегулирования внутренних конфликтов», коий я, естественно, так и не успел пролистать, в связи с катастрофической быстротой развивающихся событий. Эх, мне бы сейчас сесть, вдумчиво все прочитать, да, может, за какую зацепочку потянуть, убрав с глаз долой сей ужасный ворох из цепочки не самых приятных событий. Но — увы.

Пройдя красочными улочками, минуя причудливые учебные корпуса и площадки, мы через какое-то время вышли к ровной гладкой каменной плите, огромным кругом темно-серой массы застилающей землю. Масштабно. Захотелось свалить дурака, крикнув что-то вроде: Ave, Caesar, morituri te salutant! Плита словно утопала, а вокруг нее на манер Колизея шли каменные ступени лавки, на которых уже скопилось порядочно народу. Собственно, вот и должностное лицо при исполнении служебных обязанностей, в окружении пяти таких же, как он, преподавателей.

— Ко мне подошли, оба, — довольно громко произнес Креб Раус, поглаживая свою длинную седую бороду и показывая на меня и Фердинанда, чей облик вызывал жалость, ибо после моего удара его хоть и подлатали, но вот огромный «фингал» на пол-лица убрать не успели за это время. — Итак, кто в претензии, кто вызывает?

— Я, герцог Фердинанд де Тид, прошу вас засвидетельствовать мой вызов на бой! — Он изобразил стойку, согласно этикету.

— Замечательно. — Скривился как от лимона Раус.

«Де» что? У меня екнуло сердце в груди, это какой такой де Тид? Это не сынуля ли тех самых Тидов, которым раньше подчинялся Десмос? Это что, получается, он брат Деметры? Сухой ком подкатил к горлу. Ну судьба, ну паскудница, видит бог, имела бы ты физическое проявление на земле, я бы тебя отыскал и собственными руками гадину изничтожил!

— Ваш ответ, сударь? — Раус зацепил меня своим тяжелым взглядом.

— Я хотел бы принести свои извинения господину де Тиду. — Да уж, еще как бы хотел, благо это кто-то из младшеньких, видимо, папенька им не досказал историю о том, что же стало с их мамой, а также куда пропала сестрица. Надо же, как иной раз тесен, оказывается, целый мир, вот кого-кого, а де Тидов, у которых весьма дурная репутация, а также немалые деньги и связи, я совсем не ожидал увидеть рядом с собой когда-нибудь.

— Извинения не принимаются! — Фердинанд скривился в гримасе злости. — Только дуэль!

Я беспомощно оглядел окружающих, решительно не зная, что же делать. Нет, в самом деле, не доставать же сейчас кодекс, в спешном порядке пролистывая, что и как я могу сделать.

«Что, проблемы, сынок?» — Через мыслеречь услышал я обращенные ко мне слова Креба Рауса.

«Мне не рекомендуется повторно злить старшего де Тида, — напрямую стал

транслировать старику я свои слова. — По мнению его папеньки, у меня скорей всего и так должок перед ним, а если я сейчас размажу этого выскочку по земле, у меня нет уверенности, что говнюк не побегит жаловаться».

«Это будь уверен, де Тиды все засранцы, от мала до велика. — Старик вскинул бровь, явно с интересом рассматривая меня. — Просто ради интереса, как ты, малолетний прыщик с неизвестного севера, смог насолить герцогу?»

«Леа де Тид, — я на секунду запнулся, изучая старика. — Это я ей помог отойти на тот свет».

«Мамочка? — Старик перевел взгляд с меня на нервно переминающегося с ноги на ногу Фердинанда. — Н-да уж, однако же ты все еще жив».

«И хотелось бы таковым и остаться». — Я тоже перевел взгляд на Фердинанда.

«Соглашайся, — старик вновь послал мне свои слова. — Только добавь, что бой будет до тех пор, пока кто-либо из вас не признает свое поражение».

«То есть немного побегать и сдаться?» — Улыбнулся я и, уже обращаясь в голос, обратился к де Тиду:

— Принимаю вызов, пусть будет бой до тех пор, пока кто-нибудь из нас не запросит пощады!

«Ты дурак?» — после секундной паузы прилетела фраза старика.

«В чем дело?» — дернулся я на его оскорбление.

«Разница между признанием поражения и пощадой, мой юный друг, это как перышком одно место пощекотать и лезвием ножа. — Раус покачал головой. — Этот хрен скорей себе глаза своими же пальцами выдавит, чем запросит пощады, а тебе придется на коленях перед ним ползать и сапоги целовать!»

— Принимаю! — Фердинанд злобно оскалился. — На твоём месте, щенок, я бы посоветовал тебе сдохнуть как можно быстрее.

— Твою мать... — выругался я, когда де Тид ушел в центр площадки. — Ну почему все так выходит?

* * *

Да пошло оно все к черту. Нет, правда, сколько можно вилить задницей и идти на поводу у обстоятельств? Если этот заносчивый субчик хочет подраться, видит бог, я разорву его на куски без зазрения совести. Последствия? Да, боже мой, их и так у меня, этих последствий и забот, полон рот, аж голова трескается, так что хватит оглядываться.

— Стой. — Меня придержал за рукав Раус, прежде чем я вышел на дуэльную площадку. — Сразу скажу, если хоть капля некротики в этом бою выйдет из твоего колечка, тебя не спасет даже Ваггет, это оружие должно остаться в ножнах, ты понял меня?

Киваю. А что мне ему сказать? И так все предельно ясно, работать мне придется исключительно на упорядоченном движении мира, здесь энтропия табу.

Мы замерли в центре каменного круга друг напротив друга. Фердинанд с гадливой улыбкой на лице, я же с кислой миной и беспросветной тоской в сердце.

— Сим днем мы свидетельствуем бой чести между двумя магами нашей академии! — один из преподавателей, тучный мужчина с крупными залысинами, но громким и басовитым голосом, стал возвещать начало нашей битвы. — Сражайтесь достойно, и пусть небеса по праву сильнейшего укажут нам правоту вопрошающих!

Конечно, Фердинанда не стоило недооценивать, парень явно был на высоте и, помимо высокого апломба, имел за душой еще и неплохую магическую подготовку. Несмотря на темно-синий цвет мантии факультета воды, начал он с огненной стихии, тут же расплескав по моему щиту буквально чередой четыре огненных шара, с завидной скоростью спроецированных им по формуле мастера Пряя.

Хорош мерзавец, действительно хорош, его шары били молниеносно, прицельно и буквально не давали мне возможности отвлечься от контуров защиты Дексты, парень в

параллель вывел узор кольца Прая под моими ногами, но я не стал испытывать судьбу и напрасно тратить свой потенциал энергии, банально сместившись из огненного эпицентра. Н-да уж, такого просто так не вскроешь, я чисто умозрительно представил, каков расход энергии у де Тида, если он, не прекращая бомбежки, смог вывести параллельный контур, да еще не забывая поддерживать свой вариант защитного кокона. Ох, силен, с таким лбом бодаться — лоб расшибить, парень просто заточен на то, чтобы втоптать тебя в землю, запрессовать мощью, хамством и нахрапом.

Я бы спасовал, наверное, еще каких-то пару лет назад, когда только-только по самоуверенности и незнанию нарвался бы на него. Но ему не повезло, я уже давно не тот восторженно ослепленный внезапным даром силы юноша, каким был. Я учился, учился прилежно, а главное, у Дако, человека, который раз и навсегда доказал мне, что вот такой всплеск — это не что иное, как отсутствие образования и полное невежество, пусть и красиво раздутое мышцами. Спасибо тебе, старик, за урок, я вечно буду благодарен тебе за это. Мне даже смешно стало при воспоминании, когда я еле живой выскочил после битвы с двумя орками, пришедшими в рейд на мой город в Рингмаре.

Надеюсь, Фердинанду понравится.

Ну, сам, конечно, я бы подобного сделать не смог, но вот мой верный Мак уже был предварительно готов к подобной «ломке». Эту программу я вынашивал давно, с трепетом выводя формулы на листочках и огрызочках пергамента, пока не представилось случая вернуть моего друга. Неполная вещь, лишь то, что знал сам, но надеюсь, этого будет достаточно. Ломка контуров, простой распад структур от вмешательства со стороны на этапе построения заклинаний, вот наш метод, вот моя заявка на победу.

Фердинанд стал отходить от «классики» жанра, сменив мастера Прая на ту же школу огня, только уже по новой схеме визуализации. Банальные шары сменились двумя бичами огненных струй, коптящих черной смолю, продолжением его рук хлестко выводящих удары по моей защите. Ого! А у парня есть что подсмотреть! Это я люблю, могу и буду делать. Мак тут же пошел на запись конструктивных узоров плетения, вдобавок запуская минимальный анализ получаемых данных. Красиво, новое плетение пугало своей мощью, пока не знаю как, но на предотвращение урона от подобных «плюх» моему щиту было нужно на целый уровень увеличить подкачку энергии, благо я не играю честно, свой личный магический потенциал я пока оставил не тронутым, тестируя нового Мака на его возможности. Оппонент же, видя мою пассивность, приступил, так сказать, к отточке мастерства, вызванной скорей всего личным непомерным самомнением, ну и все же, что ни говори, а почерпнутым за время обучения умением. Парень не зря слыл заядлым дуэлянтом, он заточен на бой, бой скоротечный, массивный, бескомпромиссный и безжалостный.

— Ну что ж, сопляк! — Огненные змеи спали с его рук, исчезая маревом раскаленного воздуха. — Я поставлю тебе галочку на твоём надгробии, ты первый за три года, кто дотянул до этого времени.

Фердинанд говорил и пытался раззадориться, я же видел в его словах удивление. Похоже, наш дуэлянт впервые задумался о чем-то, кроме своей фееричной и триумфальной победы.

— Надеюсь, у тебя еще что-то есть? — Я подмигнул ему. — А то до сих пор твои искорки были достойны лишь циркового балагана, но никак не академии Финора.

— Значит, искорки? — Желваки от злости заплясали на его скулах. — Ну тогда давай я побрызгаю на тебя, чтобы немного сбить жар.

Он маг воды. Вернее, ученик этой школы, а посему в бой пошла до этого не виданная мною стихия. Я люблю воздух и мастера Эббуза, здесь же я полный профан, к своему стыду, так и не удосужился с должным вниманием прошерстить библиотеку, доставшуюся мне от Жеткича.

Он конденсировал воду из воздуха, а я внутренне аплодировал его мастерству, это же восхитительная способность! Даже в самой жаркой пустыне мира я теперь точно не умру от жажды. Правда, есть вариант здесь и сейчас умереть от сосульки, или, если кому милее,

сосули, де Тид, прямо не сходя с места, стал метать в меня острые грани кристально-чистых пик из полученной им и замороженной воды. Длинные, острые иглы льда с хрустальным звоном и радужным крошевом осыпались у моих ног, разбиваясь о защитное плетение.

А мы что? Мы записываем и запоминаем, Мак работал исправно, раскладывая узоры заклинаний этого резкого парня, я, конечно, уже сейчас мог скинуть с него портки и познакомиться, но зачем? Из всего нужно стараться извлечь выгоду, а в данном конкретном случае из немалого наступательного арсенала этого задиры защита у него, как и у меня, хромала, и представляла собой классические свернутые в ожидании контуры-коконы леди Дексты.

А меж тем разбитый хрусталь у моих ног растаял, принимая форму вставшего на дыбы гигантского питона, чьи кольца прозрачного тела обвилились вокруг меня, просто с феноменальной силой стягиваясь на защите. Мак вывел статистику, подобный питон чистой воды на глазах сжигал приложенной силой энергоресурс, так как в отличие от заклинаний, применяемых на мне до этого, имел не кратковременную отраженную угрозу, а постоянное массированное давление, причем не в конкретно установленной точке, а по периметру на разных высотах. Неприятная штука, по энергии это похоже, если бы я стоял в кольце Прая, только вот если из кольца я могу выйти, то от этой змеюки мне не сбежать.

Восхитительное построение заклинательного контура! Подобное я наблюдал в защите Жеткича. Тело водной змеи было не статично, оно жило внутренним движением, что собственно и давало водной структуре необходимую мощь, с пугающей силой сейчас сомкнувшуюся вокруг меня.

Опасно, реально опасно, сейчас между нами происходит именно тот вариант, которого бы я хотел избежать, мы бодались не умением и талантом, а грубой физикой, так сказать армрестлинг, у кого круче мышца прокачана.

Оп-па! Водяные кольца змеи чуть приоткрылись, и сквозь них мне прилетел очередной презент в виде застывшей ледяной пики, а следом за ней еще одна, и еще, в скором времени де Тид смог не только дополнительно подточить мой ресурс такими ударами, но и набрать материала на второй водный голем в форме змеи! Игра явно переходила грань, за которой я мог оставаться спокойным и, что куда более важно, невредимым, парень истощал меня на глазах, внутренний ресурс Мака вышел на половину своей мощности продолжая истаивать с каждой секундой. Более медлить было нельзя, господин Фердинанд опасен, моя пассивность лишь на руку подобному энергетическому силачу, пора включаться в бой.

Мак структурно вывел моему взору общее плетение задействованных де Тидом магических заклинаний. Полетели цифры расчетных величин с прогнозируемыми последствиями вмешательства, заклинания неизвестны, хоть и по проштудированным мною учебникам общей теории я и вылавливал ряд знакомых элементов. Сложно, если бы он как обычный, не хватающий верхов недоучка бомбил меня огненной школой, я бы сломал его в касание, а так мне нужно время, впрочем, надеюсь, его у меня в достатке. По крайней мере до третьей змеи, я вновь заметил очередные всполохи моей защиты в местах, где проскакивали удары ледяных копий. Мерзавец, похоже, снова собирает материал.

Но не отвлекаемся, компьютер лишь показывает и работает в указанном направлении, а вот в каком — это уже моя забота, я должен, чем быстрее, тем лучше, вычленить компонентные структуры заклинаний противника, распознать управляющий модуль, модуль запитки, вычленить ту часть, что ответственна за форму. Сглотнув ком, подступивший к горлу, я ладонью смахнул выступившую испарину на лбу.

Спокойно, нужно собраться и взять себя в руки, что тут скажешь, что мой противник, что я собственной персоной, мы оба явно неверно изначально составили представление друг о друге. Причем если он был пока лишь озадачен моей продолжительностью жизни, то я в свою очередь в данный момент озадачен проблемой удивить его, в очередной раз продолжив жить и далее. Хорошо бы провернуть трюк с ментальным ударом, как я провернул его с имперским магом, но прилюдно отвлекать внимание Фердинанда, призвав Адель, это все равно что всунуть добровольно голову в петлю, подобные эманации некротики не то что на

раз прочитаются опытными магами, их способны будут увидеть даже вновь поступившие новички. Так что не отвлекаемся и работаем.

Итак, основа основ всех заклинаний — это энергия, а следовательно, источник, которым в данный момент является непосредственно оппонент, что так щедро вливается в свои контуры, будет отправной точкой, от него по теоретическим книгам мы и будем искать каналы, идущие на ресурсный модуль подпитки.

Есть, есть такое дело, вижу его контур, знакомый мне как свои пять пальцев — достопочтимой госпожи Дексты, следовательно, следующие нити идут на другие заклинания, здесь бы, как могло показаться, и стоило бы нанести удар, но увы, это не так, контур прервется, это факт, но он еще будет работать энное время в автономном режиме, причем достаточном для того, чтобы де Тид вновь смог продолжить свою подпитку. Следующий узел, куда ведут все пути-дорожки, это, видимо, и есть модуль-резервуар автономной работы, где скапливается условная масса энергии, а вот дальше и начинается проблема. Куда дальше двигать, я словно на перепутье, куда повернуть, налево или направо? В огненной стихии, по классике придерживаясь общей рекомендации целесообразности и взаимодействия всего плетения, следующим модулем идет контур управления, в то время как в воздушной школе, наоборот, следующим должен идти модуль визуализации, то бишь формы, принимаемой всем заклинанием. Тут скрыты большие подводные камни, а именно разность коэффициентов сил для каждой отдельно взятой стихии. Структуры огня несопоставимы с воздухом, а следовательно, есть и свой нюанс в работе с водой, которого я не знал и, к сожалению, не улавливал.

Хотя...

Дако показывал мне накладки-перемычки, что при должном применении сворачивали всю структуру, а что будет, если я варварски всуну в стихию воды модуль огня? Что верно для одного, совершенно неверно для другого, отсюда, собственно, и растут ноги различных школ. Нет, взрывов и молний не последует, по моей прикидке, скорее всего заклинание либо самоликвидируется, либо же приобретет в своей структуре этакое паразита, от которого ему вроде как не холодно и не жарко, разве что на плечи Фердинанда, а верней на его энергию ляжет дополнительный груз подпитки. Это, конечно, некрасиво, не столь грациозно, как то, что показывал мне Дако, но меж тем попробовать стоит. Топорно, грубо, но почему нет? В конце концов, я не волшебник, я только учусь.

Как я и предполагал, никаких спецэффектов. У моих ног с громким «плюхом» осела вода, некогда бывшая телами двух смертельных магических гадов, конденсация в низких температурах ледяных игл прервалась, от чего плеск растекающейся воды наполнился глухим ударом незаконченной ледяной стрелы.

Никаких спецэффектов, хотя настоящей наградой моей работы все же стали нереально округлившиеся глаза Фердинанда, плюс застывший в гигантском «О» широко раскрытый от удивления его рот.

Браво. Мысленно я даже поаплодировал себе.

— Что за... — Де Тид ошеломленно оглядывался по сторонам, не находя ответа. — Что происходит?

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — Улыбнулся, пробурчав себе под нос, я.

Фердинанд на запредельной скорости собрал воедино вновь наступательное заклинание водного голема, но увы, тому не суждено было приобрести законченной формы, лишь легкая рябь пробежалась по растекшейся воде. Раз показав дорогу Маку, можно было быть спокойным — компьютер уже не ошибется, внося свои изменения в структуру заклинаний противника.

Неспешным прогулочным шагом, под недоуменным взглядом противника, я прошествовал через всю площадку до остолбеневшего и не прекращающего попытки в активации плетений де Тида. Он не сдавался, с каждым разом пытаясь вывести хоть что-то из до сих пор такого родного и, казалось бы, доступного арсенала плетений. Полное фиаско, причем бессилие, его только больше бесило и заставляло злиться.

— Ублюдок, ты не дождешься от меня слов пощады! — Я видел, как его лицо перекосило ненавистью, а руки поразила крупная злость безысходности. — Ты... ты...

Он пошел розовыми пятнами, схватившись за грудь и раскрывая рот, словно рыба, выброшенная на берег, а я с недоумением смотрел на легкий росчерк затухающего и едва уловимого заклинания, золотой, едва уловимой вспышкой проскочившего между нами. Это была яркая, едва уловимая звездочка энергетического плетения, сформированная прямо в груди моего оппонента.

— Что за... — Я не находил смысла и слов.

Фердинанд упал наземь безвольным кулем, словно сломанная кукла, раскинув широко руки.

— Это не я! — Обернувшись к молчаливой толпе, я ошеломленно оглядывался по сторонам.

— Свидетельствуем победу Ульриха фон Рингмар-Когдейра! — Маг с залысынами подошел к нам, проверив пальцами пульс у де Тида. — Сомнений нет, бой был честным, победа не оспаривается!

— Но это не я! — Я схватил за рукав глашатаю.

— Бой окончен, сынок. — Маг скосил взгляд на Тида. — Он мертв, ты убил его.

* * *

— Я не буду ничего нюхать! — Граф Десмос пылал гневом и выражал всем своим видом крайнюю степень оскорбленного достоинства.

— Бябьяка должен нюхать. — Совершенно игнорировал его осанку господин Ло.

— Да я в конце концов не по этой части! — Десмос от негодования аж притопнул ногой. — Я чую кровь! Понимаешь? Я иду по следу страха и крови, я не могу нюхать землю и... вот это!

«Вот это», судя по всему, было дерьмом. Волчьим. В лесу, вдали от дорог и обжитых полей и пятачков деревень, куда они вместе с маленьким желтокожим монахом забрались, идя следом за двумя маленькими пушистыми мошенниками, нагадили волки, что собственно неудивительно, ибо где еще волкам гадить, как не в лесу? В самом деле, не в тапки же кому-нибудь дома?

— Где эти меховые засранцы? — Граф крутнулся вокруг своей оси, сверкая злобным взглядом. — Они нас сюда привели, пусть и нюхают!

— Воробайки Ули-Ри ушли. — Монах развел небольшой костерок, усевшись рядышком с ним и извлекая из своего заплечного мешка небольшой котелок. — Воробайки идти в лес кушать. Ло садиться у пляшущих языков гоуминь-бао, он будет тоже кушать, а бябьяка должен ходить кругом и нюхать.

— Не буду! — Десмос в очередной раз топнул ногой, внезапно широко округлив глаза и разинув рот. — Это что такое?!

— Моя не понимать. — Тут же отвернулся в сторону монаха, отбросив в сторону палочку, которой только что лихо подкинул графу под ноги волчьих фекалий. — И вообще, меньше ногами топай, такой будет мой тебе совет.

— Да ты! Да я! Да что же это такое-то творится?! — Десмос отчаянно принялся вытирать ногу о траву. — Меня, графа, вампира, главу гнезда, заставляют нюхать какашки, как какого-то пса дворового!

— Не познав лишений, не оценишь благ. — Нравоучительно воздел вверх пальчик монах. — На гору поднимаются с самого низа, понимать? Ты не можешь сверху взойти на гору, только снизу.

— Да иди ты знаешь куда?! — Графа передернуло от омерзительного вида того, что стало с его сапогом.

— Зато теперь нюхать. — Пожал плечами монах, ставя свой котелок на костер.

— Теперь всем придется нюхать! — Скривился граф, пренебрежительно пятаясь от

примятой травы и продолжая волочить по земле ногу в попытке оттереть ее. — Зачем мы вообще остановились? До заката еще минимум часа два.

— Воровайки устали, бябьяка устал, вот я и решил пожалеть вас... — Монах ссыпал в котелок ворох каких-то трав, помешивая их в закипающей воде.

— Что?! — Граф опять залился краской. — Я не устал! Я, между прочим, повыносливей некоторых тут буду!

— Гордыня не красит достойного мужа. — Господин Ло покачал осуждающе головой. — Лишь в смирении и признании своего несовершенства можно обрести совершенство граней, подобных лучшей заточке мечей чингао-ши.

— О боги! — Граф запрокинул к небу руки и голову. — Убейте меня, только не заставляйте слушать весь этот бред!

Туц!

Из лестной чаши вылетела стрела, с гулким ударом покачнув Десмоса и воткнувшись ему прямо в центр груди.

— Млять! — Граф обхватил стрелу двумя руками, наблюдая, как на белоснежной ажурной рубашке расплывается пунцовое пятно крови. — Я же пошутил...

Вслед за первой стрелой в груди у графа одна за другой засело следом еще три, вибрируя оперением от мощи ударов. Вампир, пуская кровавые пузыри изо рта, завалился наземь, сползая спиной по стволу дерева и наблюдая, как из лесных зарослей на поляну выскакивают серые тени в количестве трех штук, скаля зубастые пасти и вздыбливая шерсть на загривках.

— Оборотни... — прошептал он окровавленными губами. — То-то я смотрю, дерьмо свежее...

Темная пелена накрыла его, смежив усталые веки и отправляя в вечную темноту и покой.

* * *

Он был высок, худощав, а его волосы и глаза были выбелены серым пепельным цветом безразличия. Сложно, в действительности сложно было сказать, сколько этому человеку лет. С одной стороны, взглянув на него, можно было сказать, что это великовозрастный старец, но с другого ракурса складывалось впечатление, что перед вами просто сильно уставший юноша.

Крик боли и ужаса метался в замкнутых стенах подземелья, не находя выхода наружу, разбиваясь на осколки о тьму и сырой камень. Приглушенный свет голубого холодного огня пульсировал силой, замкнутый в рамки пентаграмм и узоров магической символики, и если бы не чадающие смрадным зловонием треноги жертвенных чаш, на которых в пунцовом огне пылали бьющиеся в бешеном ритме сердца, вряд ли удалось бы рассмотреть седоволосого. Он задумчиво вертел в руках кривую бритву жертвенного ножа, с отчуждением посматривая в сторону распластанной на каменной плите женщины, чей живот тяготел бременем ребенка, а лицо искажала гримаса муки, именно ей принадлежали боль и отчаянье, что давящим звоном наполняли мрачный застенек.

— Интересно. — Седоволосый мужчина, словно паук, пробежался пальцами по нитям пульсирующего плетения, дополняя картину узора какими-то элементами дополнительных команд. — Весьма.

Голос, как и мимика, соответствовал общему впечатлению совершенного безразличия, лишь нож в его руках да крики роженицы были реальностью, все остальное казалось иллюзией, странной сюрреалистичной картинкой на холсте безумного художника.

Мощный всплеск пламени превратил пульсирующие сердца в прах, пламя жаровен погасло, и лишь холодная синева пентаграммы по-прежнему выхватывала из мрака лицо говорившего.

— Интересно. — Легкая тень полуулыбки коснулась уст мужчины. — Весьма.

«Я убью тебя, Пепельный!»

Казалось, сама тьма исторгла мощный рык, клубами бархата вспенившись вокруг седоволосого.

— Интересно. — Нож в руках мужчины резким росчерком тусклой молнии пролетел над женщиной, вскрывая ее живот и тяжелыми шлепками муки роняя на пол сгустки черной в темноте крови.

«Как посмел ты, смертный, призвать меня?!»

Тьма вновь огласила рыком зал, резко сгущаясь непроглядностью вокруг людей.

— Интересно, — произнес мужчина, пожав плечами и откладывая в сторону нож, дабы своими руками ухватиться за края разреза.

Женщина больше не кричала, ее голова бессильно упала набок, а остекленевшие незакрытые глаза навечно застыли в гримасе ужаса и боли.

— Интересно. — Мужчина медленно, словно преодолевая сопротивление, раздвинул плоть, вглядываясь с прищуром в дитя тьмы, что словно змей шипело, ворочаясь в открытом и окровавленном чреве мертвой роженицы.

«Ты пожалеешь, Пепельный!»

Маленький сморщенный уродец извивался во внутренностях умершей, суча недоразвитыми скрюченными ручками и ножками. Его маленький перекошенный рот представлял собой ужасный оскал маленьких белесых зубок, а покрытые желтой пленкой глаза вылезали из орбит, наполняясь кровью от лопавшихся от напряжения сосудов.

«Не смей, Пепельный, не смей трогать меня!»

— Хм. — Мужчина поджал губы, с каким-то презрением разглядывая извивающегося монстра. — Весьма...

Не вслушиваясь в угрозы и проклятия тьмы, седоволосый мужчина тяжелыми, покрытыми рунами щипцами вырвал плод из его жилища, особо не церемонясь и действуя выверенно точно, словно и не живой, а механическая кукла. У него был план, и он действовал согласно намеченной цели, после ряда манипуляций с вязью силовых линий таинственных заклинаний маленькое порождение кошмара было помещено в дутый стеклянный цилиндр с алхимическим раствором, где оба края были закрыты серебряными пробками, увитыми вязью сложно построенных магических схем и фигур.

— Ты будешь подчиняться мне, Шаграх! — Мужчина усмехнулся сквозь стекло колбы уродцу, что с гневом разглядывал его и сучил ручками в поисках выхода в своем новом жилище.

«Ты не смеешь, смертный, указывать мне!»

Ярилась тьма, корчась в такт едва открываемому роту маленького плода тьмы.

Седоволосый лишь усмехнулся угрозам, отворачиваясь от своего пленника и проходя в другую часть комнаты, где были приготовлены вода и полотенца для него. Дело сделано, он не сомневался, что все выполнено безупречно, ибо это не только его работа, это еще и его жизнь, а также смерть и даже что-то другое, за гранью этих двух крайностей.

Что-то другое...

Мужчина ополоснул руки и, комкая полотенце, неспешным шагом вновь подошел к запечатанной колбе со своим пленником.

— Урок первый, Шаграх. — Он слегка коснулся пальцем одного из символов вытисненного на тяжелом серебре колбы, наблюдая, как маленького уродца внутри согнуло в агонии боли.

«Уничтожу!»

Тьма клокотала гневом, яростью и... болью.

— Урок второй, Шаграх. — Еще одно нажатие на другой символ, и рев бешенства и отчаяния превратился в стон. — Здесь, мой дорогой, находится тридцать два урока для тебя, хочешь, еще парочку задействую?

«Хватит!»

Мерзкий плод, корчась, бился о стены своего узилища.

— Точно? — Седоволосый откинул прочь полотенце, скрестив на груди руки и слегка склонив голову.

«Хватит!»

— Интересно. — Мужчина последовательно задействовал дополнительно еще ряд рун, с улыбкой вслушиваясь в крики истязаемого уродца. — Надо говорить: «Хватит, мой хозяин», Шаграх.

«Хватит!.. Хозяин!»

— Хм. — Мучитель вновь улыбнулся, деактивируя узоры на колбе-тюрьме. — Так гораздо лучше, мой уродливый друг.

«Да... Хозяин... Ты явно стал сильнее, я вижу...»

Тьма безвольно опала вдоль стен, а недоразвитый зародыш припал своим сморщенным и искривленным лицом к стеклу, сквозь муть всматриваясь в седоволосого.

«Сильный... дерзкий... думаешь, сможешь безнаказанно заигрывать с тьмой?»

— Снова угрозы, Шаграх? — Рука мужчины потянулась к колбе.

«Нет!»

Плод забился внутри, маленькими коготками бессильно вода по гладким стенам.

«Нет! Не надо, хозяин, это не угроза...»

Рука остановилась, а вдоль стен пошел мерзкий захлебывающийся смех.

«Не угроза, Пепельный, это тебе урок номер один!»

— Не понял... — Мужчина зло сощурил глаза, вновь взявшись за руны.

«Сегодня умерло твое семя! Ты не знаешь? Сегодня умер твой сын!»

Седоволосый распахнул ворот куртки, извлекая на свет два небольших амулета, один из которых слегка светился, а второй висел тусклым безжизненным металлом.

— Но как же так? — Он изумленно разглядывал безжизненный металл. — Интересно... Джафар!

— Да, хозяин! — Словно из воздуха за спиной мужчины материализовалась тень, укутанная от головы до пят в черную хламиду с капюшоном.

— Мы едем в столицу, Джафар, у нас там дела. — Мужчина убрал обратно амулеты, поворачиваясь к уродцу в колбе. — Урок, говоришь?

«Тебе понравилось?»

Тьма лоснилась презрительным довольством.

— Весьма. — Дернулась бровь седоволосого, прежде чем он активировал подряд все тридцать две руны боли в знак своей признательности уродливому дитю тьмы.

* * *

— Ох млять! — Граф Десмос не без труда повернулся на бок и сплюнул остатки своей крови изо рта. — Ненавижу умирать!

— Тогда не умирай, — посоветовал ему господин Ло, безмятежно сидящий рядом с графом в позе медитации, смежив веки.

Граф расстегнул рубашку, разглядывая свежие, но уже затянувшиеся раны от стрел на своей груди и печально качая головой при виде безнадежно испорченной стрелами вещи. За свою шкуру он не волновался, уже через парочку часов от ран не останется и следа, противно в этих стрелах другое, а именно то, что если их не вытащить, организм вампира очень долго будет вытеснять инородное тело, что вполне может занять пару лет. Похоже, монах выполнил эту работу куда быстрее, чем, естественно, ускорил возвращение вампира к миру живых.

— Это принесли тебе. — Монах кивнул куда-то вбок от Десмоса.

— Ежик? — Граф даже не удостоил взгляда фыркающий комок колючек.

Ло лишь кивнул, продолжая сидеть в своей замысловатой позе и сливаясь лысиной и мыслями в единое целое в своем медитативном трансе с мирозданием и великой сущностью Чоу-жень.

— Долго я так провалился? — Все еще чувствуя легкую слабость, граф поднялся на ноги, оглядываясь вокруг.

— Что есть время? — Господин Ло развел в стороны руки. — Для одних миг, для других целая вечность. Ты, к примеру, знал, что мотыльки магао-датчи живут лишь от рассвета до заката, успевая за свою жизнь...

— О боги! — Закатил глаза Десмос, но, памятуя о минувшем, не стал просить больше смерти и с подозрением оглядел ближайšie заросли.

— Пару часов. — Фыркнул монах, всем своим видом демонстрируя отношение к нежеланию вампира быть просвещенным мужем.

— Это собаки? — Граф кивнул на три окровавленных трупа обнаженных мужчин, лежавших неподалеку от костра.

— Это волки. — Сморщил нос монах. — Сейчас люди, но совсем ни разу не собаки.

— Собаки, волки, какая разница? — произнес граф и, уже видя желание монаха пояснить разницу, быстро добавил: — Я так понимаю, ты не удосужился расспросить в деталях наших оппонентов о местопребывании похищенных?

— Зачем? — Монах задумчиво склонил голову набок, рассматривая тела словно с нового ракурса.

— Повторяю... — Тяжело вздохнул граф. — Чтобы узнать о местоположении разыскиваемых нами девочек.

— Но ты ведь бябка. — Удивленно вскинул брови монах. — Твоя ведь и так все унюхать.

— М-да. — Десмос печально покачал головой, вновь усаживаясь на землю рядом с непробиваемым желтокожим демоном из империи Мао.

— Тебе грустно? — Господин Ло похлопал вампира сочувственно по плечу. — Не переживай, монучи-го, если тебе так хочется говорить, прежде чем нюхать, поговори с четвертым.

Граф с осуждением уставился на небесный свод, всем своим видом показывая, что даже он за долгую и не безгрешную жизнь не мог совершить столько плохих поступков, чтобы смотрящие свыше боги так могли издеваться над ним в лице этого лысого малыша.

— Где?! — Страшно, по мнению графа, выпучив глаза, спросил он невозмутимую лысину.

— Здесь. — Вновь сочувственно похлопал его по плечу Ло, на свой лад, видимо, интерпретировав мимику своего попутчика. — Никуда не ходи, здесь говори.

— Где?! — Граф почувствовал, как у него на нервной почве непроизвольно закрылся и открылся левый глаз.

— Здесь. — Монах удивленно посмотрел на графа, а потом на всякий случай, не желая быть невежей в этикете, пару раз подмигнул ему в ответ, мало ли что у этих странных бледнокожих это могло означать?

— Где тело?! — скрипнув зубами, произнес граф. — Я не вижу четвертого!

— А-а! — Монах с облегчением улыбнулся. — Гуляет, сказать мне идти в кусты, скоро быть.

— Ты отпустил его? — Десмос аж захлебывался от негодования.

— Моя не любит ходить с кем-нибудь в кусты. — Ло презрительно фыркнул. — Это недостойно великого воина и мужа.

— Господин Ло! — раздался чей-то прелестный голос. — Я вернулась!

— Это что? — Граф повернулся на голосок, растерянно моргая. — Это же одна из них!

— Я тоже так думаю, — кивнул ему Ло.

— Одна? — Граф опустил голову. — Ну, по крайней мере уже хоть что-то...

* * *

— Господин Ваггет, я вам точно говорю, это не моих рук дело. — Я находился в

кабинете верховного мага, пытаюсь достучаться до него, так как события минувшей дуэли выходили за грань моего понимания, в своей бессмысленности и последствиях. Мне, знаете ли, совершенно было не все равно, кто убил младшего де Тида, прикрывшись моим именем.

— Ульрих. — Маг мягко улыбался, сидя в кресле. — Вот на столе лежит графическая схема магических плетений, ее составили артефакты слежения с дуэльной площадки. Я совершенно четко вижу, что ты не убивал его, герцог умер сам от разрыва сердца.

— В семнадцать лет? — возмутился я, не без интереса косясь в схему. — Если бы он, пукнув, помер в девяносто, я бы еще поверил в закономерность его смерти, но не так же!

— Что ты хочешь от меня? — Маг вздохнул. — Ты еще и месяца не находишься в стенах академии, а уже трижды отвлек меня от дел насущных, иные, знаешь ли, и за десятилетие не удостоиваются чести даже побывать у меня в приемной, ты же еще и умудряешься мне вопросы задавать да требовать не пойми чего.

— Но это же подстава! — Я возмущенно замахал руками. — Я не убивал, а меня теперь все считают убийцей!

— И что? — Маг задумчиво почесал нос.

— Как это и что? — опешил я.

— Вот так это: «И что?» — Он развел руками. — И что теперь? Мне что, выпустить указ по академии, выставить на улицах глашатаев, и чтобы они в течение двух лет ежедневно оглашали окрестности криками: Ульрих ни в чем не виноват?

— Ну... — потупился я. — Два года, допустим, не нужно, хотя бы месяцок-другой.

— Не говори ерунды. — Нахмурился маг. — Вот еще я буду из-за каждого смертельного случая среди напыщенных индюков-дворянчиков указы выпускать! Успокойся, юноша, и не занимайся ерундой, всем наплевать, кто убил этого... как его там...

Он склонился над бумагами, с чем-то сверяясь.

— Герцог Фердинанд де Тид, — прочитал он, разом помрачнев. — Хм. Знаешь, я вдруг понял причину твоего беспокойства, я ведь правильно понимаю, ты переживаешь за старшего де Тида?

— Угу. — Нахмурился я. — Я так понимаю, он не обычный маг, он из темных.

— Откуда знаешь? — Ваггет с прищуром уставился в мою сторону. — Впрочем, все равно, подозреваю, это старушки-подружки, ох уж эти Хенгельман. Ладно, по поводу старшего я, если что-то случится, постараюсь тебя прикрыть, а вот по поводу дуэли, говорю тебе в последний раз, всем наплевать, у меня в год от пяти до десяти таких покойников образуется, сюда поступают не фиалки бегать по лугу нюхать. Так что, надеюсь, хотя бы на этот год твой визит ко мне в кабинет будет последним?

— Не могу обещать. — Улыбнулся я, получив тяжелый вздох и ответную улыбку в ответ.

Но покинув наконец главного мага короны и выйдя во двор из административного здания, я замер в думах, не от душевного равновесия и покоя, что снизошли на меня после моего визита к Ваггету, а скорее наоборот, так как уверенность в своей правоте, а также врожденное чувство нежелания быть для кого-то ширмой, древоточцем закрались в мое сердце. Это не столько даже неприятно то, что тебя использовали без твоего желания, сколько напрягала неизвестность последующих, в чем я не сомневался, за всем этим событий. Не бывает так, что, бросив камень в воду, не вызовешь кругов на ее глади, у всего есть следствие, как у действия, так и бездействия, а смерть этого выскочки Фердинанда могла всколыхнуть не просто рябь, а поднять целую волну и шквал неприятных последствий. Пусть себе Ваггет потешается надо мной, но оставить все нетронутым, оставить эту картину, не рассмотрев досконально всех деталей, я не мог и не хотел, сами знаете, это даже не аксиома, это фундаментальная основа основ, в нашем мире выживают только параноики. Да и вообще, если вы не параноик, это еще не значит, что за вами никто не следит.

Так что вариант лишь один, я найду поганца, прикончившего де Тида, и он, глядя мне в глаза, объяснит всю мотивацию своих действий, и либо я услышу от него ответ, либо собственноручно «уконтропуплю» мерзавца, чего бы это мне ни стоило. Впрочем, легко

сказать, куда сложнее сделать. Мак и тот не смог выдать мне что-то вразумительное по поводу использованного заклинания, лишь часть микроскопической структуры и энергетический всплеск. Кто бы ни был моим серым кардиналом, он ювелир в своем деле и, что самое главное, похоже, не последний маг на планете. Выданный обрывок свидетельствовал о незаурядном уме и способностях, а то, что были обмануты записывающие и следящие амулеты академии, да собственно и я сам, так вообще ставило меня в тупик. Опять же мотив, неужто банальная подстава меня любимого под пинок в зад от герцога? Тогда получается, что таинственный убийца мне прекрасно знаком? Кто? Император? Хм, даже как-то не верится. Да, я помню, что бесовская тварь не ограничена лишь своим даром поработать тела, ему достаточно занять тело с магическим узлом инициации, дабы задействовать наверняка немаленький багаж знаний, в которых, я не сомневаюсь, есть графа об окончании магической академии, причем не удивлюсь, что даже, возможно, не только своей родной, но и финорской, уж слишком он хорошо знает здешние достопримечательности. Только на кой хрен оно ему надо? Вывести меня из игры? Так, собственно, зачем было опять вводить, чтобы потом подобный финт ушами затевать? Нет, не думаю, что это он. Так же могу с ходу и бабулю убрать из разряда подозреваемых. Да, она что-то крупно не договаривает о своих отношениях с Большой Бякой, уж поверьте на слово, не бывает дыма без огня и вопросов впустую: «А он точно ничего тебе больше обо мне не рассказывал?» Но и выводить меня из игры совершенно пока не в ее интересах.

Тогда кто?

Не знаю. Совершенно не вижу мотива данного «скрытая», а это напрягает и, уж что там греха таить, пугает в определенной степени. Вот сейчас меня попользовали разок, так, по мелочи, но кто даст гарантии, что меня потом не возьмут в оборот по-крупному? Ох, нехорошо это все пахнет, прямо за версту отдает крупными неприятностями, и либо я сейчас вскрою этот нарыв, взяв ситуацию под контроль, либо скорей всего меня в скором времени вынесут вперед ногами и в белых тапочках. А значит, нужно соображать головой и рыть носом, причем так, чтобы вызвать у своего воображаемого друга зуд в некоем месте, от чего он должен произвести ряд телодвижений, благодаря которым я бы смог узнать его одного из тысячи.

Ну что ж, как говорится, вперед и с песней.

— Привет. — Пока я в задумчивости строил планы возмездия, меня взял в обиход золотоволосый тайфун приставучей нежности. — А ты что тут делаешь? Уже полдня не могу тебя найти, ты где был?

— Привет, Анабель. — Я улыбнулся ей. — Да вот дела разные улаживаю, ты не подскажешь мне, где бы я смог найти господина Креба Рауса.

— Хм. — Она задумчиво смерила меня взглядом. — Господин Раус наверняка в корпусе артефактов, у него там своя мастерская, ну и ко всему прочему, он преподает структуру и построение амулетов для второго курса, кажется. Говорят, лучший артефактор академии, а тебе зачем к нему?

— В гости, он как-то приглашал меня к себе, мой наставник с ним был близко знаком, — сострыпал я предлог, не моргнув и глазом. Что-то с недавних пор я ну совершенно не доверяю своему окружению. — Подскажешь, как найти корпус?

— Даже провожу, — тут же согласилась она.

Ну и проводила, ну и наговорила, естественно, я даже слова вставить не мог, впрочем, особо и не хотелось. Белька была прекрасной губкой для новостей и слухов, а что еще ценней, без зазрения совести и не моргнув глазом, распространяла их дальше, выкладывая мне общую картину тех самых событий, что всколыхнули местное студенческое сообщество и в данный конкретный момент непосредственно касались меня. Да уж, без меня меня женив, я стал звездой местных сплетников. Фердинанд был знатным засранцем. Парень за годы, проведенные в этих стенах, сколотил вокруг себя нечто вроде круга общения, ну а если попростому: шакалы прибились к Шерхану, выхватывая крупницы славы с его обеденного стола. Сам де Тид был и вправду местечковым царьком, ведя себя крайне негативно и

всячески подчеркивая свое превосходство над окружающими, причем, как вы уже поняли, делал это он за счет более слабых, совершенно не идя на конфликт с господами старшекурсниками. Молодец, думаю, не он первый, не он последний придерживался данного принципа становления чувства собственного достоинства. Правда, в отличие от обычного «носозадирательства», данный субъект реально смог произвести некий раскол в массах, потому что всячески подчеркивал свое аристократическое происхождение, подбивая под это целую программу, мол, понаехали тут разные голодранцы, магия — искусство не для всех, землю крестьянам, заводы рабочим, ну а аристократия присмотрит за всем и сразу, чтобы, стало быть, ничего никто не перепутал. Надзирающий орган по праву рождения. Ну и как дополнение к политике партии шло массовое унижение тех самых «зеленых тряпочек», о которых мне поведал Майк не так давно.

Фердинанд убил троих на дуэли, двух с факультета целительства и одного «воздушника», но интересовали меня в данном конкретном случае не ныне почившие в бозе, а те, кто потерпел поражение, получил по шам, приобрел пару увечий, а также мог затаить и отсрочить по времени «мстю» своему обидчику. С этих господ стоит не сводить глаз, да и пообщаться лично, думаю, будет не лишним, правда сейчас мне нужен Раус, ведь, насколько я могу судить, именно он делал раскладку с амулетов для господина Ваггета. Как так могло случиться, что амулеты мастера мага не смогли засечь стороннего вмешательства? Ведь это, во-первых, запрещено кодексом дуэлей, а во-вторых, просто оплеуха мастерству магов. Даже не знаю, халатность это или самая натуральная диверсия под прикрытием этого господина, хоть режьте меня на куски, ни в жизнь не поверю, что он совсем ничего не увидел.

Анабель, как и обещала, проводила меня прямо до порога корпуса артефакторов, здания раздуто-округлой формы, чем-то отдаленно напоминающего ангар либо же какую-то обсерваторию из-за большого купола, венчающего крышу. Внутри же меня ожидал большой холл с небольшой конторкой, за которой дежурил кто-то из студентов, уткнувшись в книгу, и целая вереница колонн, полукругом охватывающих помещение.

— Добрый день, — поздоровался я с дежурным.

— Добрый. — Кивнул парень, не отрывая глаз от книги.

— Подскажи, где бы я мог найти господина Рауса? — Слегка подавшись вперед, я заглянул в книгу, узнавая знакомые схемы толкователя малых форм для построения простейших амулетов-сигналок, такая же книга была и в библиотеке сэра Дако, так что мне она была более чем знакома.

— Седьмая аудитория, это по коридору налево, читает материал для второго курса, тем, кто за прошлый учебный год не сдал ему зачет и теперь вынужден все каникулы постигать все по новой. — Парень тяжело вздохнул, а я внутренне ему посочувствовал, видать, персонально он не сдал так лихо, что его даже в аудиторию не пустили, заставляя зубрить азы науки, стоя в дверях прихожей.

Искомая аудитория нашлась сразу, и я лишь с секундной заминкой после стука в дверь открыл ее, проскальзывая внутрь.

— Опоздавшие ждут за дверью! — крикнул Креб Раус, что-то вырисовывая у доски и не поворачиваясь ко мне. — Я не собираюсь всем и каждому по сорок раз одно и то же повторять!

— Прошу извинить, я не по задолженности. — Я вежливо склонился в поклоне, дождавшись, пока этот однорукий бандит соизволит повернуться ко мне.

— А-а-а. — Он смерил меня взглядом, и уже обращаясь к присутствующим: — Вот! Смотрите, как должен настоящий студент стремиться к знаниям, он даже еще и дня на занятиях не присутствовал, но как только вошел в стены академии, так сразу же отыскал свободные лекции! Проходите, юноша, присаживайтесь.

Ну, я и присел, в этом плане у меня еще с незапамятных времен выработалась привычка всегда уходить на так называемую «Камчатку», излюбленные задние ряды всех двоечников и лоботрясов, но мне лично почему-то, чем дальше от доски, тем масштабней видна общая тема занятий. Даже не скажу, почему так, хотя скорей всего из-за нелюбви

находиться у всех на виду и быть как на ладони.

Пока Раус вновь у доски продолжил свой монотонный бубнеж по заданной теме, я успел взглядом окинуть присутствующих, отмечая наличие помимо меня за партами еще пятерых особей мужского пола, а также приклеиваясь взглядом к особи противоположного пола, что, впрочем, насколько я понял, до меня успели уже сделать все остальные. Парни совершенно не обращали внимания на преподавателя, в то время как виновница сего казуса, похоже, специально бередила воображение неокрепшего юношеского разума, всячески шевелясь на попе, так как это умеют делать исключительно девушки, то так, то эдак демонстрируя свой анфас и профиль, не забывая о прямой спинке и лебединой шейке. Вот негодница, сама, видимо, дуб дубом, так еще и этих «бармалеев» с пути истинного сбивает. Не, не будет никакого толку, пока ее не выгонят за дверь или не укутают с ног до головы в паранджу, чтобы как ниндзя через щелочку на мир смотрела, и то я не уверен, что она уже не освоила смертельное искусство стрельбы глазками, тогда, боюсь, пятерых оболтусов уже ничего не спасет.

Девочка была молода и ухожена, похоже, любила роскошь, так как даже на мантию мага воздуха, к которым относилась, умудрилась повесить целую кучу брошек и прочих «финтифлюшек», о смысловой нагрузке которых я ничего не могу сказать. Я в этих делах не в зуб ногой, женщины вообще для меня терра инкогнита, сколько живу, а даже половины не понимаю их действий. Что можно еще сказать? Красива, действительно красива, бесовка, такой типаж довольно редок, по крайней мере, мне в жизни редко доводилось встречать черную смоль волос с кристальной чистотой голубых глаз. Подобный контраст всегда обращает на себя внимание, ну а в данном конкретном случае мамзелька явно умела играть своей внешностью, прекрасно осознавая свои самые сильные стороны и чего она хочет добиться от жизни. А конкретно в данный момент, похоже, она, словно паучиха, зацепила в свои сети пятерых трепещущих жаром мотыльков, выцеживая из них помощь, шпаргалки, подсказки и все что только можно, дабы избавиться от старого и надоедливового гнуса, что вознамерился всю весну и лето промурыжить этого ангелочка в этом маринаде из глупых цифр, формул и дурацких слов, о значении которых лично ей знать ну совершенно ни к чему.

Умничка, так держать, каждому свое по талантам. Я подобное не осуждаю, хотя, впрочем, и явного «одобрямс» не испытываю в душе.

— Итак. — Прислушался я к словам Рауса. — Мы видим, что основной энергопоток имеет прямую зависимость от величин сопротивления, описанных мастером Валье. Конкретно в данной структуре величины хоть и не явны, но схематично расположены согласно закону Гетке таким образом, что затрагивают узел модуля управления, а это, как я говорил на предыдущей лекции, прямая зависимость всего заклинания. Подтверждение расчета управления мы находим по формуле Гетке, а вот остальные составляющие мы должны найти...

— Найти... — Он, прищурившись, оглядел зал. — А подскажет нам, как мы будем искать, госпожа Мериэн.

Хе! Старый пройдоха знает толк в извращениях! Похоже, он специально мутит воду то так, то эдак, растягивая часы занятий, специально долбя слабые звенья не под прикрытием тех, кто способен ей оказать негласную помощь.

— Господин Раус! — Подпрыгнула на месте девушка, сверкнув своими кристалликами льда.

— Быстренько, Мериэн, и без разговорчиков! — Он постучал по своему столу пальцем, затянутым в перчатку. — Ты у меня уже вторую неделю глазки за спиной этим оболтусам строишь, давай хоть что-то уже и мне, чтобы я смог тебя со спокойной совестью отправить на все четыре стороны.

Но со спокойной совестью он ее не отпустит. Девушка вышла к доске, где, запинаясь, принялась рассказывать о методе вычисления Кеннета, а это было ошибкой. Пока у нее еще выходили обоснования и схемы, которые она мелком выводила, подбивая все под заданную структуру, но когда она начнет обсчитывать злополучный модуль управления, ошибка в

разности величин будет столь велика, что разобьет всю структуру. Мне это было знакомо, данный амулет использовал драгkamни как накопитель и передатчик сразу, я подобное проделывал в Рингмаре, когда проектировал свою, увы, так пока еще и не запущенную систему Большого Брата. Вся заковыка в оправе, вернее в тех сопротивлениях, о которых говорил Раус. Он не зря сказал, что первоначально все идет по формуле Гетке. В этом, видимо, и есть его «шутка юмора», так как у почтенного Гетке при зависимых разностях идет обсчет величин по второй формуле. Формулы две, а наша барышня с ходу пошла по простейшему пути, видимо, в реальности ни разу не касавшаяся руками подобных заклинаний.

— И... э-э-э... — Девушка словила «запин», видимо, в какой-то момент наконец уловив, что идет проторенным путем, но явно не в ту степь. — И тогда мы...

— М-да. — Креб Раус уселся за свой стол, окинув зал тяжелым взглядом. — Может быть, есть желающие подсказать госпоже Мериэн?

Желающие были, парни вскакивали один за другим со своих мест, попеременно выдавая на-гора свои теории, каждая в отдельности из которых лишь еще больше уводила нашу прелестницу от единственно правильного ответа. Нужно было стереть все это безобразие и производить расчет совершенно другим способом.

— Восхитительно, — наконец произнес Раус, ехидно улыбаясь. — Это просто восхитительно, что мы с вами тут до самой осени проведем время вместе. Хотя, знаете, мне уже начинает казаться, что, возможно, и гораздо больше.

Деликатно прокашлявшись, я поднялся со своего места.

— Вы позволите? — Я встретился взглядом со стариком.

— О! — Он хлопнул в ладоши, видимо предвкушая очередную порцию жалких потуг на его могучий гений. — Неужели вы, юноша, решили тоже блеснуть своими знаниями, дабы поразить откровением мое старое сердце?

— Только с вашего позволения. — Я отвесил поклон, начиная спускаться к доске.

— Один нюанс, сударь. — Он поджал губы, наблюдая за мной. — Все, кто выходит у меня на предмете к доске, получают оценку, и если вы, любезный, сейчас напортачите, то гарантированно начнете свой учебный год с неудом, так как я считаю, что каждый должен отвечать за свои слова и действия.

— Хм. — Признаюсь, он немного остудил мою прыть, суровый дядечка. — Я попробую.

— Ну попробуй, попробуй. — Расплылся он в улыбке.

— Госпожа? — Я протянул руку к голубоглазке, оценивающе сверлящей меня своими искорками, жестом прося отдать мел. — Благодарю, вы можете садиться.

Она испуганно воззрилась на меня, а потом на Рауса, видя, что он так же кивком разрешает ей сесть.

— Ну что же, юноша, дерзайте! — Он встал и, заложив руки за спину, уставился на меня, вскинув бровь. — Где же, по вашему мнению, была допущена ошибка?

— Здесь. — Улыбнулся я, тряпochкой стирая всю плеяду вычислений красотки махом. — Изначально выбран неверный метод расчета. Как говаривал мне мой учитель в свое время, если взялся за Гетке, далеко не откладывай, так как через пять минут вновь вернешься к нему в гости. Мы видим с вами, что первая часть величин рассчитана по первой формуле, где получены знаки величин и общие контуры привязки с учетом резонансов и структуры построения. Зная общую тематику сопротивлений, нам на первый взгляд может показаться, что проще всего идти по формуле Кеннета, так как она заведомо несет в себе элемент модуля управляющей структуры, но это не тот модуль!

Я повернулся к аудитории, где в полной тишине на меня взирали с открытыми ртами бедные студенты, мученики от науки.

— Помните, — улыбнулся я, — формула Кеннета пригодна для заклинаний не выше третьего уровня, то есть свистелки, сопелки, перделки вы по ней рассчитаете, а вот уже любой другой контур, где модулей стыковки более трех компонентов в общей части, уже

нет. Ошибка идет в той самой заложенной величине, высокоуровневые заклинания индивидуальны в своей энергетической основе.

— И что же нам тогда делать? — несколько обескураженно спросила девушка.

— Слушать, что говорит преподаватель, — улыбнулся я. — Берем эту и эту величину, величина изначального импульса остается неизменной, теперь смотрим на проводящий канал, вот здесь и здесь по диаграмме видны сопряжения, которые нам показал наставник. Следовательно, этот модуль полностью идет в запитке отсюда, а раз так, мы опять обращаемся к Гетке, где, доподлинно знаем, расчет резонансных участков нужно суммировать и делить на коэффициент проводимости использованного в усилении материала.

— Я болела, меня не было, когда это проходили! — тут же выдала госпожа Мериэн.

— Мы только вчера все это проходили! — Креб Раус хлопнул ладонью по столу. — И вы, юная леди, половину занятий правили свои коготки на правой руке, а вторую половину занятий как раз потратили на левую руку! Хотя меня больше всего в этой ситуации беспокоит момент, чем же все это время занимались наши господа будущие маги? Они, получается, в отличие от вас вообще ничем не занимались.

Повисла неловкая пауза, студенты имитировали раскаяние, преподаватель имитировал праведный гнев, я же неиллюзорно томился в тоске, ибо эти игры и тем паче тот материал, что они здесь всем миром пытаются победить, я съел самостоятельно, не поморщившись, хотя нет, вру, именно вторую формулу мне Дако показывал.

— Ну а вы, юноша, что молчите? — Раус расплылся в плотоядной улыбке, повернувшись ко мне. — Или вы думаете, что можете, дав устный ответ, не вывести мне расчет? Мы, между прочим, до сих пор не знаем, из чего же состоит обод амулета, пожалуйста, просветите нас.

М-да уж, хитер бобер, знает, как больно укусить. Тяжко вздохнув, я минут на пятнадцать ушел в расчетную часть, правда, без ложной скромности пользуясь вычислительными мощностями Мака. Благо диаграмму он до этого сам нарисовал, дав мне частичное решение, а вот с материалом он явно загнул, здесь требовался справочник, который вообще-то был у меня в Маке, но так явно блистать своим гением, выдавая цифры по памяти, которые люди выискивали по справочной литературе, мне не хотелось. Мало ли на что это наведет нашего господина мага, мне еще для полного счастья любопытных носов не хватало, вынюхивающих подноготную моей самоуверенности.

— Ну что вы замерли, юноша? — Раус задумчиво разглядывал мои выкладки. — Из чего же сделан обод?

— Не знаю. — Я виновато развел руками. — По проводимости коэффициент не ниже бронзы и не выше золота, может латунь, но явно не чистая медь, иначе бы мы вот здесь и здесь имели вихревые отклонения и сместились бы по структуре ниже по затратности. Точней сказать не могу, нужно поднимать справочники алхимистов, желательно мастера Нимпа, у него, по моим ощущениям, наиболее точно указаны значения.

— Значит, неуд? — Он вскинул бровь.

— За что?! — Я непроизвольно повысил голос. — Я же все верно рассчитал!

— Рассчитал верно, а вот что именно ты верно рассчитал, не можешь мне сказать, — откровенно принялся глумиться старичок.

— Дайте справочник! — Я демонстративно протянул к нему руку.

— Может, мне еще прикажешь за тебя и вычисления все делать? — Он сложил руки перед собой на груди. — Не даешь ответа, ставлю неуд!

— Ик... пык... дык... — Мне с трудом удалось воздержаться от нелицеприятных слов. — Ладно...

— Ладно. — Тут же кивнул он, подзадоривая меня.

— Для расчета точности проводимости материала мы возьмем обратную регрессию по формуле мистрессы Катрин. — Я с ходу открыл в Маке перед собой данный параграф, так как старый пройдоха задел меня за живое. — Убираем величины прироста в прогрессии по

диаграмме в точках соприкосновения, вот здесь явный плюс от сопряжений, тоже идет в минус, это изначальный был импульс, его оставляем, следовательно... следовательно...

— Следовательно? — откровенно уже потешался надо мной Раус.

— Латунь или золото... — печально констатировал я, видя, что без точной цифры из справочника даже так не смогу дать ему ответ. — Бронза и медь отпадают, никакого серебра, у него проводимость выше даже, чем у золота.

— Значит, не знаешь? — Он отвернулся от меня, вновь направляясь к своему столу.

— Латунь! — Уже в спину ему сказал я, хотя на самом деле по справочнику выходило золото, но по идее подобный обод пошел бы как на том, так и на этом материале.

— Молодец! — Он хлопнул по столу ладонью. — Неправильно, но все равно молодец. Я, конечно, все равно ставлю тебе неуд, но зато за первый семестр ставлю тебе зачет. Будешь ходить ко мне на занятия уже не за зачетом, а чтобы исправить неуд.

— Это нечестно, такие вещи без справочников не решаются! — попытался я возмутиться.

— Учи справочники. — Пожал он плечами. — Кто тебе не дает?

«И впредь не задирай нос, когда тебя не просят», — уже мыслеречью добавил он.

* * *

Мы покинули аудиторию, студенты побежали по своим делам, я же, дождавшись Рауса, пристроился за ним следом.

— Ты что-то еще хотел, Ульрих? — Улыбался он.

— Да, мне бы хотелось переговорить с вами по поводу недавней дуэли и отчета с амулетов слежения, который вы передали господину Ваггету, — с ходу решил выложить я перед ним карты.

— Вот оно что. — Задумался он, продолжая вышагивать. — Ну что ж, пройдем тогда со мной в мою лабораторию, там и поговорим.

Недолгий путь увенчался скрипом массивной дубовой двери и моим удивленно раскрытым ртом. Мастерская-лаборатория Рауса внушала уважение. Просторное помещение сплошь было уставлено всевозможными приборами и вспомогательными установками. По стенам стояли стеллажи, чьи полки ломились от обилия всевозможных материалов и литературы, стояли стеклянные колбы и кубы, наличествовали горелки и ванночки с кислотами, в общем, даже я в своем светлом гении в лице прогрессора человечества и половины не смог бы создать в своих лабораториях в Рингмаре.

— Знаешь, что это? — Он указал рукой на какой-то прибор, стоящий у него на столе, за который он уселся, не удосужившись предложить мне присесть на свободный стул.

— Нет. — Покачал я отрицательно головой.

— Это малый угломер для построения сложноточных, многолучевых силовых контуров стационарного типа. — Она задумчиво взял его в руки. — Но сейчас я не буду выверять им азимуты и радиусы углов, а знаешь почему?

— Нет. — Вновь помотал я головой.

— Потому что сейчас этой хроновой железкой я буду лупасить тебя по твоей дурной голове! — заорал он так, что я аж вздрогнул от неожиданности. — Ты это что удумал?! Ваггет мне рассказал о твоих больных фантазиях, и теперь ты приходишь ко мне и смеешь говорить, что я бездарь ни на что негодный, не в состоянии прочитать вязи заклинаний каких-то соплевонов, столкнувшихся на дуэли, словно бараны лбами?!

— Нет, ну... — опешил я от такого напора.

— Это мои амулеты, это я их устанавливал и это я там был рядом! — все ярился он. — Так что поверь мне, пока я тебе и вправду по голове не врезал, не было там никаких других заклинаний!

— Простите, но... — Я растерянно зашарил по карманам, наконец извлекая на свет небольшой листочек, где по записи Мака кое-как накидал остаточный узор, малую частичку

от исчезающего контура. — Вот посмотрите, я могу вам лично подсунуть свою голову под ваш угломер, но клянусь, прежде чем тот парень рухнул трупом, именно это я успел разглядеть во вспышке прямо у него в груди.

— Даже смотреть не ста... ну... — уже несколько неуверенно произнес он, скосившись на мой листочек. — А ну дай сюда.

Он вырвал из моих рук схемку, задумчиво покрутив ее в руках.

— Надо же! — Он почесал нос. — Интересненько, значит, ты уверяешь, что именно это ты видел?

— Да, господин Раус, заклинание малой энергоемкости, практически лишь световой фон в астральной проекции. Я не успел рассмотреть ни начала, ни конца, я даже не увидел всего плетения, лишь вот этот затухающий обрывок! — Пользуясь его отвлеченным вниманием, я тихонечко присел рядышком, так и не дождавшись предложения сесть. — Я уже немного обмозговал его и могу сказать, что вот здесь и в этой части есть остаточный посыл связи к вашим амулетам...

— Нет! — Он вновь взорвался, хлопнув рукой по столу. — Вижу, что угломером с тебя дурь не выбить, придется, похоже, брать астролябию!

— Но, господин Раус! — Вот же противный дедок, если так дальше пойдет, я даже не знаю, куда бежать. — Мне бы хоть узнать, что это, и я отстану от вас, обещаю!

— Это запрещенное волшебство, сынок. — Он убрал мой листочек в стол, переходя на мягкий, вкрадчивый тон.

— Нет, это не некромантия, здесь идет простая энергия, некротику я узнаю всегда...

— Помимо некромантии, мой дорогой, на белом свете есть еще одна магия — под запретом, — перебил он.

Я обескураженно уставился на него. О чем он говорит? Что это вообще получается, он знает правоту моих слов, но упорно не желает, чтобы я совал сюда свой нос? Тогда он замешан в этой возне за моей спиной и несет определенную ответственность за произошедшее.

— Я не знаю, где ты это раньше видел и откуда скопировал. — Устало вздохнул он. — Но подобную конфигурацию я узнаю из тысячи, это эльфийское плетение, мой юный друг, и прежде чем ты опять начнешь мне всякую ерунду говорить и несказанно нервировать, хочу сказать тебе, что я перепроверю амулеты.

— Спасибо! — Я вскочил со своего места, радостно улыбаясь.

— Но если я ничего не найду, ты успокоишься, понятно?

— А как же! — Покивал я.

— Все, иди. — Раус задумчиво проводил взглядом скрывшегося за дверью паренька.

«Нильс», — лениво послал он импульс мыслеречи.

«Да?» — пришел практически сразу ему ответ.

«Малец только что ушел от меня. — Раус извлек из стола смятый листок с фрагментом силовых линий заклинания. — Где ты нашел этого паренька?»

«В тюрьме, таким, думаю, там самое место». — Раус эмпатически уловил отголосок веселья.

«Талантлив, говнюк. — Покачал старик головой. — Представляешь, он успел разглядеть фрагмент Ленпирова надреза, причем пришел ко мне и пытался узнать, что это и откуда».

«Значит, я был прав, это и вправду то, что мы думаем?» — Эмпатически Раус уловил повисшее напряжение.

«Надеюсь, мы все же ошибаемся. — Раус вновь спрятал листок, тяжело вздохнув. — Иначе даже страшно представить, что вскорости нас всех ждет».

* * *

Раус обещал посмотреть, не знаю, сколько это займет у него по времени и будет ли

результат, но я почему-то нутром немного не доверял ему. Особой явной причины не было, но меж тем сидеть на попе ровно, как того велят мне старшие, я не буду. Следующим этапом моего расследования был пункт опроса обиженных Фердинандом. Обладая наукой, что я почерпнул от вампира, я хотел бы выявить крупницы лжи в их словах, и, чем черт не шутит, возможно, ухватить за хвост мотив всего этого безобразия, а для этого мне нужен информатор, я должен взять «языка». Ну и по здравому размышлению вывод был очевиден, лучшие информаторы всегда живут в женском общежитии, мне нужна была Анабель с ее слухами и сплетнями, дабы адресно встретиться с этими недоброжелателями.

Проблема же возникла внезапно и откуда не ждали, меня зарубил вахтер на входе. Старая мегера, сверстница нашего дедка в общежитии, только в отличие от нашего цербера не спящая на посту, а бдящая и орущая не хуже, чем сирена МЧС. Она натурально покрыла меня так, что у меня даже уши покраснели.

Проблема. Вышел во двор и стал разглядывать окошки здания. Естественно, каждое с занавесочкой, не то что у нас, где о подобном, наверно, даже задумываться не пытались. Я стал прикидывать дальнейшие пути возможного развития, коих у меня вырисовывалось ровно два. Первый — это развернуться и бодрым галопом направиться к себе, а второй — изобразить спайдермена и по водосточной трубе попробовать проскользнуть на второй этаж в обход божьего одуванчика. Естественно, по здравому размышлению и после того как водосточная труба пошатнулась от моего веса, я пришел к выводу, что не судьба мне сегодня отличиться удалю молодецкой, а посему, недолго думая, отправился в столовую. Так-то оно всяко лучше, чем с трубой в обнимку рухнуть в палисадник и сорвать бурные аплодисменты местных жительниц.

Немногочисленные прохожие, а тем паче полупустой зал и множество свободных столиков наводили на спокойный и умиротворенный лад, способствуя непринужденному полету мысли и некоему внутреннему успокоению.

Ну и компот. Компот это да, не чай, конечно, но весьма и даже. Хотя ловлю себя в очередной раз на мысли лизнуть чего-нибудь погорячей. Видимо, возраст требует добавить яду в организм, а не пичкать одним лишь мороженым и топленым молоком, так, не ровен час, того и гляди цветы начну с клумб дергать и стихи разным прелестницам на ушко темными ночами шептать. Тьфу, тьфу, тьфу, чур меня, чур, мне еще для счастья душевных романтических терзаний не хватало.

— Здравствуй, — чей-то вкрадчивый с легкой хрипотцой голос отвлек меня от столь важных мыслей.

— Здравствуй, — на автомате поздоровался я, поднимая голову и оглядывая с ног до головы виновника беспокойства.

Это был... Эм-м... Предположительно парень, закутанный с ног до головы в черную хламиду с глубоким капюшоном, из-под которого с трудом проглядывал острый рельефный подбородок. Роста он был явно выше моего и отличался болезненной худобой, легко читаемой даже под его бесформенными одеждами, практически скрывающими тело.

— Я верно понимаю, вы — барон Ульрих фон Рингмар-Когдейр? — Слегка повел в сторону он своим капюшоном.

— Совершенно верно. — Я поднялся из-за стола, отвешивая ему легкий наклон головы, требуемый этикетом. — Позвольте полюбопытствовать о вашем имени и цели, сударь.

— Простите мою неучтивость, барон. — Он так же приветствовал меня легким поклоном. — Альмадир Фархат Халим из Бейбута.

Лишь по произношению имени я различил за хрипотцой легкий переливчатый акцент говорившего.

— Вы позволите присесть за ваш стол, дабы я мог продолжить с вами беседу? — Он повел рукой, и я рассмотрел, что у него даже кисти рук были затянуты перчатками.

— Конечно, прошу. — Я указал на место напротив себя, вновь садясь на стул. Признаюсь честно, эта странная фигура меня весьма заинтриговала, несколько обескураживая и ставя в тупик. Кто он? Что ему нужно? Впрочем, стоит набраться терпения.

— Вижу, вы сгораете от любопытства и нетерпения. — В голосе проскользнула нотка веселья. — Не буду вас томить ожиданием и сразу скажу: я здесь по причине того, что отныне я ваш должник, так как мне стало известно о том, что вы совсем недавно упокоили моего врага герцога Фердинанда де Тида.

Офигеть. Да-да, именно так я и подумал; это же офигеть какой подарок судьбы, странная бабайка, приходит ко мне и говорит: я и есть страшный недоброжелатель де Тида, спасибо за смерть моего врага. И как мне прикажете реагировать? Вот и я ничего лучше не нашел, кроме как намазать булочку маслом и сверху все это тщательно заполировать слоем варенья.

— Будете? — Не зная, что говорить и тем паче с чего начинать разговор, я протянул свою булочку господину в капюшоне.

— Я? — опешил он.

— А вас там что, несколько? — как всегда искрометно пошутил я, быстро добавив вслед: — Простите, если обидел.

— Ничего. — Он рассмеялся. — Какой вопрос, такой и ответ.

— Э-м-м... простите... — Я честно попытался вспомнить, как его зовут.

— Аль, — пришел он мне на помощь.

— Да-да, — поспешил я согласиться. — Скажите, а в чем конкретно была ваша нелюбовь к господину Тиду?

— Конкретно в том, что он был редкостным мудаком. — Он тяжело вздохнул. — Но надо ему отдать должное, магом он был сильным.

Дальнейшее комментариев не требовало, парень откинул с головы капюшон, демонстрируя мне кожу, изрытую рубцами, плюс ко всему видно, что частично были ампутированы лицевые мышцы, полностью отсутствовал хрящ носа.

— Кольцо Прая, — продолжил он, вновь скрывая за одеждой свое уродство. — Это чудо, что я выжил, и это мое теперь проклятие. Иной раз я жалею, что меня смогли спасти.

— Дуэль? — Я обескураженно откинулся на спинку стула.

— Дуэль, — кивнул он.

— Но это все восстановимо?

Признаться, когда Анабель говорила о покалеченных Фердинандом, я как-то миролюбиво представлял себе поцарапанный нос или там сломанный ноготь.

— Нет. — Он опустил голову. — Жить буду, а вот красавцем мне уже никогда не стать, слишком много отгорело мышечной массы. Впрочем, сейчас не об этом, я пришел к вам, сударь, потому что считаю себя вашим должником.

— Напрасно. — Я покачал головой. — Я сражался с де Тидом, но убил его не я.

— Не понял, — после паузы произнес он. — Я был там, на площадке, я видел своими глазами, как вы сражались и как он умер.

— Но факт есть факт, последним заклинанием, убившим вашего обидчика, было плетение, сотворенное не мной. — Я немного поморщился. — Хотя, наверно, доказать это будет практически невозможно, но я меж тем заверяю вас, что не убивал Фердинанда.

— Вы меня смутили. — Он озадаченно развел руками. — Вы говорите, что формально убили вы, но меж тем на самом деле убили за вас? Это прямое нарушение дуэльного кодекса, подобное должно быть расследовано комиссией Магической академии.

— Расследования не будет. — Я все же вспомнил про булочку, вновь беря ее в руки. — Всем, похоже, наплевать, кто и как здесь умирает, к тому же есть официальная сводка использованных заклинаний, где все расписано поэтапно. Самое удивительное, что в сводке не указано, от чего же он умер, лишь итог, подчеркнутый жирной линией.

— И вы не знаете, кто бы это мог быть? — Парень следил за моей трапезой.

— Даже малейшего представления не имею. — Расправившись с первой булочкой, приступил ко второй. — Самое противное во всей этой ситуации, это именно то чувство, что двигает вами.

— Мной? — удивился он.

— Да, и имя этому чувству месть. Понимаете ли, Фердинанд из очень влиятельной семьи, его папа не просто владетель чуть ли не двух третьих от всех земель королевства, так он еще в придачу ко всему могущественный маг. — Я приложился губами к кружке с компотом, делая паузу в нашем разговоре. — Как мне кажется, кто-то использовал меня, дабы убрать моими руками де Тида и не иметь в будущем проблем, ежели кто-то вспыхнет праведной жаждой мести.

— И что-то мне подсказывает, вы неспроста все это говорите мне? — Парень на лету ухватил мысль, похоже, уже примерно представляя мой ответ.

— Конечно. — Киваю ему. — Я сам ищу того, кто все это провернул за моей спиной. Видите ли, по одной из версий это мог быть кто-то из тех, кто смог выжить в дуэли, но как и вы, по ряду личных причин, не в состоянии в дальнейшем идти в открытой конфронтации со своим обидчиком.

— Вы думаете, что если будете в открытую все это выкладывать перед такими, как я, кто-то вдруг всплеснет руками и со слезами закричит: да, это был я, это я во всем виноват? — В голосе парня слышался едва сдерживаемый смех.

— Напрасно смеетесь. — Я нравоучительно воздел пальчик и заговорщицки подмигнул. — Вы не видите полноты картины.

Он молча меня разглядывал, обдумывая мою последнюю фразу, ну а я в это время опустошил поднос с вкусоностями, тихо-мирно сидя и попивая свой компот.

— Вы эмпат-менталист? — Голос стал напряженно-натянутым.

— Совершенно в дырочку, — похвалил я его умственный труд, отвешивая легкий кивок.

— Говоря все это мне, вы сканировали мой эмоциональный фон, сопоставляя свои слова с моими внутренними чувствами. — Он поерзал не столько от физического неудобства, сколько от морального дискомфорта, что же тут поделать, неприятно, если вас читают как открытую книгу. — И что вы скажете обо мне? Не подхожу на роль затаившегося убийцы?

— Подходите, но, увы, это были не вы. — Я развел руками.

— Даже не знаю, как мне себя вести с вами. — Было видно, что он стал нервничать.

— Главное в поведении при эмпате помнить, что если вы нервничаете, то и он начинает нервничать, если вы злитесь, значит, и он начинает злиться. — Я отсалютовал ему своим компотом. — Переходите на позитивную волну, мой друг, есть на свете много вещей, которые куда приятней того, чтобы сидеть хмурым и ненавидеть весь мир вокруг.

— Вам бы в мою шкуру, сударь. Наверно, вы бы не стали подобными словами кидаться. — Внутренне он был готов куда как на более резкие слова, но человек он, видимо, воспитанный, а посему послал куда как мягче.

— Бывал я, поверьте мне, в вашей шкуре, когда от бессилия в прямом смысле этого слова даже руки не поднимаются. — Я отставил опустевший стакан и сложил аккуратненько на столе руки. — Смысл здесь в другом: я не понимаю полностью ваших помыслов, вижу лишь отголоски эмоций, но побьюсь об заклад, вы почему-то рады той череде событий, что привели вас в нынешнее состояние.

— Да. — Он неуютно поежился под моим взглядом. — Но прошу вас уйти от темы, касающейся непосредственно моей персоны. Вы, надеюсь, не будете против, если я суну нос в ваши дела и по мере моих сил окажу вам посильную помощь в вашем расследовании событий?

— Не буду. — Мысль была проста: на Анабель свет клином не сошелся, а раз предлагают помощь, отказываться не стоит, сами знаете: бьют — беги, дают — бери. — И первое, чем бы вы могли мне помочь, это организовать встречу с оставшимися двумя выжившими после дуэли с Фердинандом, возможно, это что-то нам даст.

— Увы, но нет. — Он развел руками. — Из упомянутых вами только я имел мужество переступить через свою растоптанную гордость и продолжить обучение, остальные практически сразу покинули стены академии.

— Это несколько упрощает наш путь, отсекая ненужные нити в следствии, но меж тем обрубают и наши возможности подобраться к сути поближе. — Честно скажу, я немного надеялся на то, что эта ниточка приведет меня к убийце.

— Надеюсь, ваши мысли на этом не заканчиваются? — спросил он.

— Нет. — Я подмигнул ему. — Теперь нам прямая дорога к вашему обидчику, попробуем разговорить Фердинанда.

— Некромантия? — Он испуганно заозирался по сторонам.

— Зачем же так сразу? — Примириительно поднял я руки. — Исключительно медицина и банальный осмотр, думаю, что более детальный взгляд на убиенного сможет немного приоткрыть завесу тайны, в конце концов пойдем, чем его убили.

— Я не совсем понимаю, зачем это нужно, но если ты настаиваешь, то почему бы и нет? — Он пожал плечами.

— Отлично. — Я деловито хлопнул в ладони. — Где у вас тут покойничков складывают? Я человек новый, еще незнаком с местным уголком покоя.

— Знаешь, — хмыкнул он, — я человек не новый, но даже я не знаю, где тут уголок покоя, могу лишь предположить, что где-то в лабораториях вашего брата лекаря. По идее, они должны сохранить тело для родственников, если будет у тех желание забрать своего отпрыска семейства.

— Тогда вперед? — поднимаясь, заключил я, получая от него кивок.

Мы покинули столовую, выходя небольшой аллейкой на мощеную дорожку вдоль учебных корпусов и петляя меж ними, устремляясь к намеченной цели. Аль был мужчиной немногословным. Разглядывая его эмоциональную картинку, я охарактеризовал его состояние как смесь удивления с возрастающим интересом.

— Ульри-и-и-их! — В спину мне прилетел зов сирены в лице Анабель. — Стой!

Девушка догоняла нас, слегка раскрасневшись и запыхавшись от бега.

— Фу-у-ух! — наконец выдала она, поравнявшись с нами. — Привет, Аль.

— Привет. — Мой новый компаньон явно растерялся при виде девушки. — Вы знакомы, получается?

— А то! — Подмигнула мне белокурая бестия. — И очень даже тесно.

— Но-но! — остановил я готовые сорваться с ее языка слова. — Обойдемся без подробностей.

— А вы куда, я с вами, да? — тут же на одном дыхании выдала она.

— Шикарно. — Поджал я губы. — Хотя... вы, барышня, сведущи в местных достопримечательностях, думаю, ваше присутствие будет кстати.

— Так куда идем? — Она пристроилась рядышком со мной, подстраиваясь под наш шаг.

— Ищем морг, — обрадовал я ее. — Не подскажешь, где у вас тут покойничков складывают до кучи?

— А вам зачем? — Удивленно округлила она глазки.

— Аль хочет на прощание Фердинанду кукиш под нос сунуть, — спихнул я «любознашку» на молчуна.

— Неправда! — Он запнулся при шаге, от чего капюшон съехал слишком низко, и ему пришлось его поправлять. — Это я, не он!

Парень, похоже, впервые сталкивается с подобными мне шутниками.

— Он, он! — Покивал я утвердительно головой. — Сначала даже хотел ему палец отрезать, мол, на память оставлю, но я вроде его уговорил просто плюнуть ему в лицо.

Парень с девушкой замерли истуканами, широко раскрыв рты и ошарашенно переводя взгляд с меня друг на друга.

— Ой, я вас умоляю! — Я аж умилился подобной простоте душевной. — Барон шутить изволит, закройте рты и не задавайте глупых вопросов, ибо за свое чувство юмора я в противном случае не отвечаю.

Остаток пути я проделал в каком-то подозрительном шушуканье за моей спиной. Не

желая, видимо, больше провоцировать господина барона на искрометный юмор, они шепотом устранили между собой белые пятна и пробелы в информации.

Остановились мы уже непосредственно перед одним из корпусов академии, принадлежавших факультету лекарей, о чем свидетельствовал зеленый вымпел с какой-то кракозяброй на нем, в которую я не удосужился даже вглядываться, уже то, что не змея, и на том спасибо.

— Здесь? — спросил я Анабель, дожидаясь ее кивка. — Отлично.

Внутри нас ждал просторный холл, деревянная конторка с дежурным студентом, что тяжело подпер ладонью голову, а также две замысловатые белокаменные лестницы, уходящие куда-то вверх и вниз на подземные уровни корпуса.

— Куда? Зачем? — Скучающий дежурный с тяжелым вздохом раскрыл перед собой журнал, видимо собираясь отметить нас.

— В морг. — Я подошел к нему поближе. — Не подскажешь, это в какую сторону?

— Конечно, подскажу. — Хмыкнул он, закрывая свой журнал и вновь возвращаясь к столь важному занятию, от которого его оторвали. — Прямо за дверь и к демонам вприпрыжку, взявшись за руки, студентам запрещено, так что валите отсюда.

— Понимаете ли, любезный... — изобразил я проникновенный тон, извлекая из своих карманов парочку серебряных монеток, выкладывая стопочкой их перед носом дежурного. — Нас тут вроде как и не было, и мы вроде как никуда не ходили.

— Хм. — Азарт блеснул в глазах паренька. — Пока четко вижу, что вас тут не было, а вот то, что вы никуда не ходили...

— Совершенно точно никуда не ходили. — Кивнул я, добавляя к уже имеющимся монеткам еще парочку вдогонку. — В морг особенно.

— Да-да. — Кивнул он, считая с конторки серебро. — По правой лестнице никто вниз не спускался, не шел по коридору до конца, а потом не заходил в предпоследнюю слева дверь.

— Это что такое было? — страшно зашипела мне в ухо Анабель. — Ты представляешь, что будет, если об этом узнают?

— Спокойно. — Я придержал ее за руку. — Никто ничего не узнает, я применил старинную и секретную магию с моей далекой северной родины.

— Хех, — подал голос из-за спины Аль, явно оценивший по достоинству мой ход.

— Какую такую секретную магию? — Белька наморщила лоб. — Я ничего не увидела в астральной проекции.

— Я же говорю, магия секретная, ее так просто не увидишь.

Что тут скажешь? Магия денег способна на настоящие чудеса, люди слепнут, глохнут, внезапно исчезают, все не просто под этим небом.

Морг не впечатлил, обычная комната без окон, под потолком магическая структура, ответственная за понижение температуры, и целая вереница деревянных столов, на которых под простынками хранились вереницей пациенты последнего приюта.

— Ой мамочки! — пискнула глухо Анабель, прячась за Аля. — Давайте быстро-быстро отсюда уйдем!

— Обязательно. — Я скинул первое покрывало, вглядываясь в лицо какого-то древнего деда под ним. — Не попали.

В общем, не попали мы раз пять, прежде чем наконец-то замерли у нужного стола, в полной тишине рассматривая бледно-меловое лицо покойного де Тида.

— Боги поднебесья! — одними губами произнесла Анабель. — Что с ним?

Ну, помимо очевидного факта, что он коньки отбросил, состояние Фердинанда и вправду более чем удручало. Кто-то вскрыл грудную клетку покойнику, вывернув наизнанку практически все его нутро. Я в замешательстве разглядывал легкие и местами оголенную кость, не сразу даже догадавшись запустить сканирование Маком, для сбора информации, для чего собственно мы сюда и пришли.

— Это странно. — Аль склонился над покойным. — Я не вижу смысла во вскрытии.

— А я, кажется, вижу. — Зуммер Мака пикнул, выдавая мне поверхностный отчет по телу. — Из парня вырвали и унесли сердце.

Бумс.

Мы переглянулись с Алем, лишь после этого догадавшись посмотреть на пол, где в бессознательном состоянии, раскинув руки, лежала Белька.

* * *

— Нас ждут, хозяин. — Из тьмы, словно из ниоткуда, перед седоволосым мужчиной, в задумчивости созерцающим стены города, материализовалась фигура человека, закутанного в плащ с ног до головы.

— Финор, — произнес седоволосый, все еще разглядывая ночной город. — Давно мы уже тут не появлялись, Джафар.

— Да, хозяин. — Фигура склонилась в поклоне.

— Эти контрабандисты проведут нас за стены? — Седоволосый перевел взгляд куда-то за спину своего спутника.

— Они так говорят. — Спутник проследил за взглядом седоволосого.

— Ты заметил, как мало они попросили за свои услуги? — Часть монет перекочевала из рук называемого хозяином.

— Я готов. — Кивнула фигура, называемая Джафаром. — Для нас не станет сюрпризом их предательство.

— Хорошо. — Кивнул седоволосый, поднимая с земли небольшой заплечный мешок и шагая следом за своим спутником в ночную темноту.

Молча шли, молча передавали деньги, в той же тишине вновь тронулись в путь, петляя незримыми тропками, известными лишь их провожатым, троим воровато оглядывающимся мужчинам самой что ни на есть криминальной внешности. Ночной мрак с трудом пытались осветить россыпи высоких звезд, возможно, им бы было гораздо легче, будь сейчас на небе луна. Возможно, но сейчас еще рано для ночного светила.

Минуя очередной участок, группа вошла в густой подлесок, заваленный каменными валунами, где в земле, приваленный свежим срубом древесных лап, зиял черный зев подземного тоннеля. Не обмолвившись даже здесь ни словом, вся группа ушла под землю, гулко бухая сапогами в каменном чертоге слегка загибающегося тоннеля. Светом для людей служил покрытый зеленью окарины старый медный масляный фонарь, от которого тени по каменным стенам начинали бешено мерцать, пускаясь в безумный и лишь им одним понятный танец-чехарду.

И вот конец пути, это было понятно даже не по тому, что откуда-то спереди потянуло свежестью не спертого стенами воздуха, а больше по нарастающему напряжению спин провожатых, что с каждым шагом все чаще оглядывались на двух людей, которых они взялись провести сегодня в город, минуя ворота и городскую стражу.

— Пора, — раздался внезапно голос седоволосого.

Люди вздрогнули...

И большего они уже ничего не успели сделать.

Закутанный в плащ сорвался с места, словно черная молния, сливаясь со тьмой, и лишь шелест рассекающей воздух и плоть стали могли указать простым смертным, где в данную секунду находился этот то ли призрак, то ли человек.

Тела проводников рухнули безвольными мешками, расплываясь по полу иссиня-черными лужами крови, которая, как известно, ночью не обладает цветом пурпурной ярости жизни.

— Стой, — остановил смерть в полушаге от выхода седоволосый.

— Хозяин? — переспросила удивленно замершая тьма.

— Хочу посмотреть в глаза тем, кто там нас ждет. — Усмехнулся седоволосый, первым покидая туннель. — Смелость надо уважать.

Они вышли практически возле стены, неподалеку от какой-то из малых площадей, в узком переулочке, выход из которого был один, по узкой прямой, среди нечистот и битого хлама.

— Интересно. — Седоволосый внимательно огляделся по сторонам. — Весьма.

— Пятеро на крышах, — выдал закутанный с ног до головы сопровождающий, появляясь следом за спиной. — Хозяин... это не люди...

— Весьма...

— Господин де Тид! — Звонкий мелодичный голос еле уловимой тени, скрывающейся в тени стенки каменного дома, звонко закружился легким эхом по переулочку. — Вижу, вы, как и мы, ждали этой встречи.

— Назови свой дом, льесальф. — Склонил набок голову заинтересованный седоволосый.

— Ты же знаешь, Пепельный, мы с покойниками не общаемся, это удел твоих хозяев. — Мелодичный голос дополнился свистом выпускаемых стрел, которые, впрочем, не достигли цели, так как седоволосый сместился заблаговременно в сторону, выпуская вперед себя свою ручную смерть.

В проулке было с десятков бойцов. Десяток опытных, умелых, грациозных и смертельно опасных бойцов, с поистине нечеловеческой грацией стелящихся, едва касаясь земли, не считая лучников по крышам домов. Хотя сказать, что этого было достаточно для двух людей, нельзя. С первым же звоном скрещенных мечей из тусклой и беспринципной стали, которой все равно, чья кровь окутает зигзагом тело клинка, наземь рухнули двое. Тот темный, словно мумия укутанный с ног до головы, действовал невероятно быстро, с математическим холодом выбирая уязвимости в постановке формул поединка. Вихри из звона и снопов высекаемых искр, скорость, неуловимая простому взору, вот что встретили бойцы на своем пути, в мгновение ока оценив непревзойденный талант того бешеного напора, что подобно лавине накрыл их, связывая по рукам и ногам.

— Аун'дарг барз хейза, — зашептал седоволосый, извлекая из своих одежд какую-то связку из костей, перьев и черепов. — Ту-у-урмз!

Косточки полетели по проулку, глухо перестукиваясь по камням, а вслед за ними по земле поползли черные пятна, нет, даже скорей сгустки, сотканые из непроглядности ночи. Кости, словно живые, зашевелились, корчась в какой-то незримой агонии псевдожизни, с неприятными щелчками состыковываясь в единые сочленения каких-то непонятных тварей.

— Кларк! — Щелкнула костяным клювом первая бестия, мощно ударяя перепончатыми крыльями о прохладу ночного неба. Взмах, другой — и в небо, догоняя первую, взвились еще четыре тени, уродливыми чертами наводя мысли о смертельной опасности каждому, кто посмеет встать на их пути.

— Эль валор! — Как по команде весь закуток озарился ярким и чистым снопом кристально-чистого света, открывая взору всю картину, а также невидимую до сего момента фигуру эльфийского мага, что стоял чуть вдалеке, озаряя сейчас все вокруг завершием своего резного деревянного посоха.

С крыш домов раздались крики боли умирающих стрелков и победные возгласы костяных тварей.

— Эльминорен! — провозгласил светлый маг, выпуская перед собой вихрь искрящихся светлячков, взметнувшихся ввысь, откуда тотчас раздался стон тварей, в злобе и боли клянуших на свой лад светлое волшебство.

— Ту-у-дрмз! — вновь провозгласил седоволосый, в этот раз склонившись низко к земле и касаясь кончиками своих худых и длинных пальцев каменной мостовой. — Посмотрим, как ты с прахом справишься.

Начало начал некромантии, основа и побочный продукт чистой энтропии, вот чем является прах. Этот пепел времени, веков и столетий незримой субстанцией смешан с окружающей действительностью, ибо нет ничего вечного и все подвластно разрушению, ну а прах? Прах везде.

Мостовая затряслась в мелкой дрожи, передаваясь всем и каждому, заставляя рушиться ветхую штукатурку со стен домов и взметая сонмы пыли, мелкой серой взвеси в воздух, где она в непонятном танце незримых потоков энергии свивалась в размытые фигурки худосочных людей-насекомых. Уродливых, скрюченных бременем непередаваемого голода, по утраченной и забытой уже жизни, утраченной, но такой сладкой энергии созидания. Эти создания просвечивали насквозь, а их стоны и крики едва-едва, на грани восприятия могло уловить человеческое ухо, что, впрочем, не делало их менее опасными противниками для всего живого вокруг.

— Фель баро, милерим! — Сияние посоха мага набрало столь мощный оборот, что казалось, меж домов всходило новое солнце, выжигая погань мрака и лишая ее законного ареала обитания, а также пищи в виде теней и страха.

Седоволосый припал на одно колено, закрывая свое лицо ладонями, его же спутнику в данной ситуации пришлось куда хуже, его одежды начали тлеть, наполняя воздух смрадом обожженной плоти, а клинки воинов света стали находить бреши в его феноменальном мастерстве владения сталью.

Дрожащими руками, преодолевая боль и несмотря на пузырящуюся ожогами кожу, седоволосый скинул заслонку со своего дорожного мешка, извлекая наружу его содержимое.

«Давай, дитя Тьмы, самое время тебе показаться на свет».

«Закрой! Закрой, Пепельный!» — Мерзкий зародыш внутри колбы корчился, пытаясь укрыться от лучей опаляющего света.

«Давай, паразит, убей мага, если не хочешь умереть сам», — усмехнулся тот в ответ.

В единый миг эта часть города словно окунулась в чернильницу. Тьма и холод сковали все вокруг, скрывая от посторонних глаз всю картину разом, словно гигантским пузырем отсекая часть действительности, погружая ее в первозданную мощь изначальной беспросветной черноты. Кто-то еще пытался бороться, сквозь пузырь пробивались робкие лучики света, схожие со светом фонарика сквозь толщу шерстяного одеяла, но вскоре и они иссякли силой, померкнув, а через время и полностью потонув в этом непроглядном океане незримой тишины.

«Молодец, гаденыш, — обратился седоволосый к скалящемуся в гримасе злобы зародышу. — Видимо, не зря я тебя оставил в живых».

Ему с трудом удалось подняться на ноги, вновь закрывая свой мешок и скрипя от боли, неспешно добравшись до груды дымящихся тряпок в окружении целой груды бездыханных тел эльфийских воителей.

— Джафар. — Он пнул ногой тело. — Жив?

— Да, хозяин, — через пару мгновений услышал он ответ.

— Тогда вставай, нам нужно как можно быстрее убираться отсюда, если еще горим, хе-хе, желанием увидеть следующий рассвет. — Седоволосый, не оглядываясь, тяжело припадая на одну ногу, побрел прочь из переулка, остановившись лишь у тела мертвого мага, чтобы сорвать небольшой медальон с его груди. — Тумель валимар?

Седоволосый на миг застыл, о чем-то тяжело задумавшись.

— Интересно. — Он отбросил прочь поднятый медальон. — Весьма. Чем же я так не удружил тебе, клан Темной Ели?

Следом за ним в ночную темноту двинулась дымящаяся куча тряпья, с мест порезов которой, вместо крови, на землю сыпался мелкий черный, острый в гранях песок.

* * *

Внутренней радости графа не было предела, так как Певна, одна из найденных сестер, прекрасно справлялась с «вынюхиванием», чем несказанно облегчила участь вампира и освободила «бляку» от столь постыдного действия. Правда был и минус, всплыли подробности, и весьма щекотливые, касательно исчезновения девочек. Их никто не похищал, по крайней мере Молку, так как паршивка сама сбежала из дому из-под маминой юбки,

испытывая влюбленные чувства по отношению к какому-то столь же юному обормоту из волчьего клана. А вторая, спросите вы? Вторая проснулась ночью, глянула по сторонам и припустила за сестричкой, так сказать, отговорить от глупостей, в итоге, конечно же, как и водится в подростковом периоде, совершенно не подумав о родителях.

Маман там в истерике по земле катается, волосы на голове рвет, а одна с каким-то хмырем милуется, в то время как вторая бежит за ней следом. Вот такая история, совершенно бесхитростная и жестокая, впрочем, так оно обычно и бывает в этой жизни, граф даже уловил во всем этом некую иронию, ведь когда-то давно именно с этого и начинала свой путь их мамуля, вследствие чего эти бесовки и появились на свет. Ну да его, графа, все эти вопросы и душевные терзания в данный момент меньше всего волновали, это уже, пожалуйста, без него, а вот линию поведения под лучами новой правды стоило выработать и как можно скорей.

Как бы поступил Ульрих? А главное — как им поступить, ведь как говорится, концепция развернулась кардинально, одно дело — спешить на помощь, и другое дело — лезть туда, куда тебя не просят. Они, конечно, с Ло по инерции шли за Певной, ведущей их по следу сестрицы, да вот только чем дальше в лес... тем большее беспокойство назревало в душе графа. Он так и эдак представлял себе ситуацию и, хоть убей, не видел выхода, ведь по сути, когда они догонят смутьянку, что им делать? Вот возьмет та, сядет на попу и давай ножками сучить, никуда не пойду без своего милого, не хочу к маме, что тогда делать?

— Господин Ло. — Граф слегка придержал безмятежно шагающего монаха, отпустив чуть вперед юркую серую спину волчицы, виднеющуюся впереди. — Вам не кажется, что мы с вами в несколько щепетильной ситуации находимся?

— В щепи штопиш на? — Изумленно округлил тот глаза, явно незнакомый со столь изысканными поворотами речи.

— Ну, я имею в виду, что нам делать с этими? — Граф кивнул в сторону бегущего волка. — Вот мы догоним беглянку и что?

— Хм. — Ло задумчиво потер переносицу. — В великой Поднебесной империи принято камнями бить нерадивых детей, что опозорили свой род и семью неподобающими поступками, однако мы не в Поднебесной.

— Да. — Тут же закивал согласно граф, ужаснувшись подобной перспективой.

— Как принято у вас, здесь в дикарских землях наказывать? — Ло даже не смотрел в сторону поджавшего губы графа.

— Мы не можем и не будем никого бить камнями. — Граф уже начинал жалеть, что завел этот разговор с монахом.

— Почему? — удивился тот.

— Потому что это не наши дети и не наша семья, и даже если бы это были наши дети, то кем надо быть, чтобы в своих детей камнями кидаться? — опешил вампир.

— Значит, у вас можно детям родителей позорить, а родителям нельзя в детей камнями кидаться? — Монах как-то недоверчиво помотал головой. — Это же дикость!

— Дикость камнями кидаться! — Замахал руками граф.

— Тебя послушать, так ты скажешь их еще и палками бить нельзя за непослушание? — Хмыкнул монах. — Как ты вообще до своих лет дожил, имея такое мягкое сердце в груди?

Десмос промолчал. Ему было, что сказать, ему было, за что краснеть в своей жизни, но одного у него было не отнять: он никогда не прикасался к детям и подросткам. Да, он убийца, даже не так, он — машина смерти, но при этом даже в дикие моменты кровавого неистовства, даже через кровавую пелену безумия жажды он как за соломинку цеплялся за остатки своей человечности, не давая себе упасть в черную бездну тупой жестокости.

— Мы дарим им жизнь, мы держим их за руки, ведя через порочность и боль этого мира, — больше для себя, чем для Ло, произнес он. — И то, что порой мы вместо любви получаем боль, это не плохо, это расплата за ту нерадивость, что мы когда-то проявили по отношению к своим родителям.

— Хорошие слова, — после небольшой паузы произнес монах. — И хоть я считаю, что

куда умней будет палкой надавать ей по спине, мы сделаем, как ты хочешь, мы найдем ее, и пусть она причинит боль своей матери, а та примет это как должное.

«Вот же хрен лысый!» — про себя подумал граф, не решаясь больше на душещипательный разговор с Ло. Иногда ему кажется, что монах специально все ставит с ног на уши, так как в каждой, казалось бы, выигрышной ситуации, после разговора с ним, ты сам находишь огрехи в своих мыслях и поступках, так и не достигнув истины.

* * *

— Вы что тут делаете?! — Я чуть до потолка не подпрыгнул, когда строгий и властный голос оторвал меня от созерцания останков молодого де Тида.

— Господин Ваггет? — Вот кого-кого, а его я меньше всего ожидал здесь увидеть. — Простите, а вы что здесь делаете?

Ситуация была, конечно, та еще, я и Аль склонились над растерзанным телом, а у наших ног еще и какая-то мадам лежит в бессознательном состоянии.

— Я?! — Он пошел розовыми пятнами от негодования. — Ты вообще соображаешь, мальчишка, с кем разговариваешь?! Две недели карцера! Нет! Три недели!

— Да хоть пять. — Пожал я плечами. — Зачем вы сюда пришли, господин маг?

Повисла немая пауза, мы буравили друг дружку взглядами. За это время я широко раскинул сканом сеть Мака, пытаюсь напоследок урвать хоть какую-то информацию, гребя все скопом, а господин Ваггет успел вызвать магов-охранников, что целой группой в пять человек через энное время ворвались в морг.

— Этих ко мне в кабинет. — Маг кивнул на моих спутников. — А этого в карцер на... пять недель!

Вот и здравствуй, попа, новый год, успел я еще подумать, прежде чем меня схватили за руки, оплетая целым рядом каких-то удерживающих нитей-заклинаний. Брыкаться я не стал, хотя, подозреваю, нервы бы помотал им изрядно, мысли мои в данный момент были совсем о другом, а именно: так ли случайна наша встреча в этом месте? Как это произошло: за мной следят? или же я сам сунул нос туда, куда не нужно? Тут ведь какая закавыка, Мак нашел сердце на соседнем пустующем столе, похоже, мы пришли незадолго после того, как его извлекли и еще не успели забрать, а стало быть, не является ли господин верховный маг инициатором этого вскрытия?

Пусть я невеликий маг, лишь бесчестный эксплуататор вычислителя, пусть я через плечо бабушек Хенгельман постигал их науку, но даже с минимальным набором знаний я могу ответственно заявлять: сердце — один из важнейших органов привязки для ритуальной черной магии, это даже не компас, это навигатор с GPS и доставкой на дом, это...

Черт возьми, я не знаю, что это и какого лешего вокруг меня происходит! Одно ясно — Ваггет и Раус прекрасно осведомлены о том, что я совершенно непричастен к убийству Фердинанда, но по какой-то причине совершенно не желают раскрывать мне правды, либо же кто-то из этой парочки и есть убийца.

Но мысли мыслями, а меж тем до меня наконец-то стала доходить плачевность моей ситуации. Пять недель, насколько я понял, в изолированной камере тюрьмы это пять лет кромешной тьмы, холода и, возможно, голода, нет, в самом деле, это вряд ли бы было наказанием, если бы меня сослали на курорт.

Мы где-то минут двадцать кружили по территории академии под недоуменные взгляды студентов, пока меня не подвели к чему-то напоминающему глухой замок в миниатюре, где меня быстро оформили. Прошлись на предмет запрещенных вещей сканером, а после чего спустили куда-то глубоко-глубоко под землю, где я с тоской в сердце и с легким ужасом в душе проводил взглядом магический огонек-светильник стражника, когда он захлопнул за мной дверь камеры и ушел прочь.

М-да.

Дела.

* * *

Нильс Ваггет стоял в морге, задумчиво разглядывая помутневший кусок плоти, что некогда был сердцем герцога Фердинанда де Тида. Охрана уже увела студентов, а он все не мог взять в узду целый ворох эмоций, бурливших в его груди. Этот мальчишка обещал стать еще той занозой...

— Ты здесь? — В открывшуюся дверь заглянул всклокоченный и чем-то озабоченный Креб Раус. — Я видел, как выводили Когдейра, мальчишка был здесь?

— Да. — Ваггет скривился как от лимона. — Похоже, наши игроки дали маху, используя его в своей затее. Чует мое сердце, он еще покажет зубки, этот щенок.

— По поводу сердца. Надеюсь, он не трогал его? — Раус озабоченно подошел к столу. — Мальчишка не так прост, как хочет казаться.

— Это я и без тебя вижу. — Хмыкнул верховный маг.

— В магии упорядоченного он сегодня выдал мне знания минимум мастера-артефактора, я даже боюсь представить весь спектр его знаний и то, что он уже успел почерпнуть от Хенгельман. — Раус покачал головой.

— Проверь, мне нужно знать точно, сможем ли мы иметь козырь в рукаве, когда Пепельный возьмется за них всерьез. — Ваггет устало потер виски. — Эльфы начали плохую игру за нашими спинами.

— Льесальфы просто хотят устранить резидента своих южных братьев. — Пожал плечами Раус, проводя ряд исследовательских заклинаний над сердцем.

— Раус, в этом мире ничего не бывает просто так. — Поджал губы Ваггет. — Пепельный хоть и находится в тесном сотрудничестве с дьесальфами, но он всегда вел игру на себя и по своим правилам. Его можно ненавидеть, но с ним нужно считаться, это не просто фигура на игровой доске. — Маг, заложив руки за спину, покачивался на носках, ожидая, пока его коллега проведет исследовательскую работу. — Старший де Тид прежде всего человек, здесь его дом, здесь его потомки, его дети. Он бьет больно, но всегда за нас, в то время как наши покровители льесальфы никогда не считались с нашим мнением. Что-то изменилось, старина, что-то в этом мире повернулось, и я пока не вижу всей картины.

— Война, Нильс. — Пожал Раус плечами. — Это всегда война, скоро Империя тяжелым каблуком пройдет по нашим землям вдоль и поперек, Финор потеряет свой лоск и растратит силы. Боюсь, халифаты не хуже нас это понимают, а посему светлые и решились на этот ход, чтобы хоть частично сохранить свое влияние в этой оконечности мира.

— Империя. — Верховный маг со злобой произнес это слово. — Бестелесный всегда путал всем карты, сколько лет, а ему все нипочем.

— Жаль парня. — Раус выпрямился, сворачивая свою вязь магических плетений. — Может, стоит его предупредить?

— Не знаю. — Ваггет устало покачал головой. — Я не вижу всей картины, мы так и не узнали, кто именно подставил Ульриха под удар, но, по крайней мере, мы можем попробовать оградить его от Пепельного. Ведь можем?

— Можем. — Расплылся в улыбке Креб Раус. — Сердце в порядке, мозги мои пока еще на месте, так что, мой друг, я сделаю тебе то, что ты просишь.

— Все-таки хорошо, что я тогда не сжег тебя на костре с остальными темными. — Рассмеялся верховный маг.

— Определенно хорошо. — Поддержал его смехом старик.

Ваггет внезапно прервал свой смех, склонив голову набок и к чему-то прислушиваясь.

— Что случилось? — Раус тоже вмиг стал серьезен.

— Следящие засекли у городской стены всплески некротики, похоже, там идет бой, мои люди при группе реагирования короны выдвигаются на место. — Верховный маг выглядел несколько испуганно. — Помимо чистой некротики, засекли прорыв инферно, кто-то использовал мощь демонологии!

— Ну, вот и дождались. — Раус словно от холода повел плечами. — Встречайте, господ эльфы, вы его сюда вызвали своими грязными играми, теперь не плачьте.

«Всем постам! — Верховный маг ментально вышел на мыслеречь его внутренней команды охраны. — Стянуть силы к казематам, с парня глаз не спускать ни днем ни ночью, мы ждем гостей!»

* * *

Финор — старый город. Финор — очень старый город. Если уж совсем быть честным, то по большому счету он даже не принадлежал изначально человеческой расе, в стародавние времена на этом месте жили еще под одним флагом и в единстве представители первой расы Альверста. Но как оно обычно и бывает, время неумолимо, а на смену первым всегда придут вторые.

Подобно кругам над землей история планеты хоронила в толще земли другие круги города, или, если быть точнее, уровни. Старые площади покрывались новым булыжником, а старые фундаменты уходили вглубь, когда на их место заливали новый. Впрочем, во всей этой череде эпох кое-что осталось неизменным. Старинные коммуникации для дренирования и отвода стоков, немыслимой паутиной из тысячи незримых и запутанных нитей, сплошной сетью уходили куда-то вглубь и бездну земли. Кто-то знал о них, кто-то догадывался об их существовании, а кто-то уже не одно столетие жил в крошечной тьме, не видя солнца и уже, возможно, даже не помня о его существовании.

Где-то в глубине, где-то в немыслимой толще камня и земли, в каком-то из чертогов в неверном свете люминесцирующей плесени, на каменном троне восседал мертвец. Не сейчас, а когда-то давно, можно было представить, что это был высокий и статный мужчина. Не сейчас, а когда-то давно, можно было подумать, что он был магом.

Спутанные лохмы седых волос лишь наполовину закрывали пожелтевшую от времени кожу черепа, а полуистлевшая мантия не закрывала суставы на пальцах его сухих кистей, что заканчивались длинными острыми гранями черных ногтей.

Покой, вечный покой и умиротворение, казалось, застыли на величественном и, даже в посмертии, горделивом лице покойного. Смерть меняет, и, естественно, она оставила свои рытвины и уродство на безжизненном теле.

Покой.

Вокруг каменного трона грудой лежали старинные полуистлевшие фолианты на языках давно умершей эпохи, в такой же свалке, местами разбитые, находились и таинственные приборы, что некогда, наверно, служили этому магу опорой в его трудах. Все тлен и прах, все застыло, казалось, безжизненным и недвижимым, пока что-то не случилось...

Что-то...

Там, наверху, там, где-то высоко за сводом из земли и камня, что-то настолько немыслимое и чуждое жизни, из-за чего даже сама смерть отвела свой взор от лика усопшего, в растерянности обратив свой взор ввысь, к миру тех, кто пока не в ее власти.

Опрометчиво.

Весьма опрометчиво было со стороны смерти так поступать, ведь знала старая, что есть люди, а есть Люди с большой буквы. Есть те, кто серыми тенями размытых контуров навсегда растворяются в сумраке ее объятий, приняв все как должное, а есть проклятые гордецы, для которых и извечный миропорядок не указ. Не зря, ох не зря она долгие лета буравила своей бездной безмолвией сквозь глазницы лицо этого мертвеца, ибо знала наперед, что не проходила тень этого мага мимо ее врат в вечность, не было в ее чертогах этого посетителя. А теперь? А теперь поздно.

Скрипнули черные ногти по каменному подлокотнику, пыль мелкой взвесью взвилась в воздух, а к свету едва-едва разряжающей мрак плесени добавился насыщенно-голубой оттенок магического пламени, что подобно двум факелам вспыхнул из открытых глаз мертвого мага.

Голова покойника не без труда повернулась к потолку, а с треснувших губ могильным камнем наземь слетели слова на старофинорском диалекте забытых лет.

— Я чувствую тебя, Дитя Тьмы! Ты вновь рожден, и ты вновь будешь убит!

* * *

Не так страшен черт, как его малюют, хотя от скуки я какую-то «кракозябру» нарисовал на стене, и теперь она меня пугает. Но собственно не об этом речь, Мак услужливо мне подсказал, что я в заточении уже вторые сутки. Небольшая комнатенка с шершавой оштукатуренной вчерновую стенкой, примерно четыре на шесть метров, полное отсутствие мебели, ворох соломы в углу, а в другом углу дырка с небольшим стоком, через который постоянно бежала вода, так сказать, дабы заключенный уж совсем не перепачкался в своих же теплоотведениях. Ну да как говорится, живы будем — не помрем, первым делом я организовал себе освещение, подвесив две эльфийские руны на потолок, а также чисто энергетически приспособил Малую Эббузову линзу и еще одного светляка, чтобы эта система мне грела воздух. Так что тепло и свет я себе обеспечил, мог бы, конечно, еще устроить барбекю, но до жарки толстозадых тюремных крыс я еще не дошел, меня хоть и скудно, но дважды в день кормили какой-то кашей с микроскопическими вкраплениями мяса. В принципе, жить можно, правда, мой страж-надзиратель хотел мне предложить сначала хлебать воду из сливного отверстия, куда я справлял нужду. Но после того как я дважды «шмальнул» в него через окошко в двери огненным шаром, скандала с главным тюремщиком, мне на сутки стали приносить пузатый кувшин с водой, чем я и довольствовался, валяясь на куче соломы и разглядывая сводчатый потолок. О побеге, естественно, мысли не было, во-первых, потому что я хоть и не ограничен в магическом действии, но преодолеть дверь, мощнейший артефакт-рассеиватель, не смог бы при всем желании. Ну а во-вторых, куда, собственно, и зачем? Уж лучше, как говорится, отмотать положенное и на свободу с чистой совестью.

Одно во всем этом угнетало — время в стенах камеры застыло патокой, и то, что мне казалось мгновением в обычной жизни, здесь растягивалось на века. От безделья я горланил песни, матюкался, периодически «дрючил» своего стражника, портя ему жизнь мелкими пакостями, а в конце концов даже стал зарядку делать по заветам, нет, не Ильича, а господина Ло. На какие только глупости не пойдешь, когда уж совсем делать нечего.

О чем я думал? Обо всем и сразу, блуждал рассеянно, не в состоянии выделить что-то конкретно, да и не желая этого делать по большому счету. Все казалось каким-то мерзопакостно-мелочным и недостойным моего внимания, не знаю, может, это апатия или простая хандра, но лучше уж так, чем накручивать себя, расписываясь, по сути, в своем бессилии.

Но по истечении вторых суток стало мучительно невыносимо тупо пялиться в потолок и почесывать зад. Исполнив пару «кийя»-приемов, стал мерить шагами камеру, заложив руки за спину и пытаясь хоть чем-то озадачить себя на ближайшую пятилетку. Что я мог кроме как генерировать в воздух кучу идей? Ничего. А что я могу извлечь из этого? Тоже, похоже, шиш с маслом. Хотя кое-что я все же удумал, тут ведь как-то на досуге попросили меня сильные мира сего исполнить финт ушами и спасти их от войны войняной, или нельзя так говорить? Ладно, войны кровавой, в общем, чем не задачка для осужденного, в любом случае делать нечего, а каким-то кубиком Рубика себя занять нужно. Уперевшись лбом в стенку и пару раз толкнув камни черепушкой, стал по порядку выстраивать цепочку всей задачи, раскладывая ее на частички и то так, то эдак пробуя по новой собрать звенья. Подняв с пола из миски деревянную ложку, я обуглил ее конец, и черненьким концом стал по стене выводить то, что есть, и то, чего хочется.

Что у нас есть? Большая и толстая империя, вот и «кракозябра» страшная, намалеванная мной, понадобилась, обвел ее кружочком, она стала у меня символом императора, под которым я стал писать, как и положено в задаче, графу «Дано».

Толстенькое такое, перезревшее государство с кучей народа и не меньшей кучей товара, который девать некуда. Нет, они, конечно, торгуют, причем хорошо торгуют, и это дает соки для поддержания штанов у пограничных жителей. Но вот сердцевинка вызревает гнильцой, там-то народ в своем собственном соку варится, они, может бы, и рады пустить свое в оборот, да только представьте себе, снарядить по местным реалиям торговый караван — в какую это копейку выльется. Купи обозы, в аренду тут не дают, слишком темные века, купи коня, к нему корма, к ним обозчиков, к ним грузчиков на товар, ко всему этому приставь охрану от разбойников, потом найми старшего, который по пути будет всю знать обхаживать, через чьи земли караван пойдет, ну и не забудь, что на все про все у тебя три, от силы четыре месяца лета, а потом все дороги превратятся в одну большую и беспросветную задницу, в которую сколько ни вглядывайся, а до самой весны не увидишь ничего.

Какие тут могут быть перспективы? Правильно, весьма плачевные, прав император в этом вопросе: он, даже проиграв войну, выиграет во времени и в средствах, которые освободятся в его казне в связи с ненадобностью более платить жалованье покойным. Печальная математика, ну да такая она наука, не терпит снисхождений и вольнодумства.

Теперь же Финор, не менее толстозадый товарищ, правда, с куда как большими земельными владениями, часть из которых он до сих пор даже наполовину не смог как следует обжить. Взять тех же пиктов: формально они все наши, а по сути, там об этом даже не догадываются, в этом плане Финор стянут весь к югу, вот там у него жизнь кипит, там через море халифаты, там другая цивилизация, изысканные товары и там не прекращается война, что же тут удивляться, когда северный сосед всегда «неожиданно» нападает, на севере нет просто никого, кто бы вообще следил за этим соседом, хотя чин по чину, каждый раз приходится давать отпор. А куда деваться? Тут ведь какая закавыка, север, считай, кормит всю страну, на севере железо, на севере лес, на севере золото, там аграрии, а на юге что? Как оно обычно и бывает, виноградники под бухло, породистые скакуны и целая туча особняков влиятельных семей, ну может, еще пара живописных пейзажей. Юг он обычно у всех такой, работают тут мало, сами понимаете — традиции, горячая кровь и прочие мурмули, тут не до этого.

Ну, вроде с геополитикой более или менее ясно. Я оглядел участок стены, исписанный мною блок-схемами и кое-какими «цифрями», кои я чисто умозрительно навскидку выдавал по части отраслей, прикидывая денежные массивы, циркулирующие по стране. Хорошенькая схемочка вырисовывалась, есть потребитель, есть поставщик и прямо в центре «пупочкой» между-между торчит столица, которая аккумулирует вокруг себя всю эту ресурсную массу.

Ну, а теперь самое сложное — теперь мне надо связать этих двоих так, чтобы они души в друг дружке не чаяли, улыбались, не в состоянии даже гавкнуть за спиной, боясь хоть в малой степени нарушить свой альянс, и похоже, это не безнадежная задача. У Финора есть целая куча иждивенцев на юге, плюс налаженный рынок сбыта в части дружественных халифатов, а что у Империи? У Империи есть много-много вкусняков, которые они готовы поменять на банальную «таньгу», ну может, кое-что из высокотехнологических продуктов закупить на освоение. Главный же ресурс Империи это непомерно раздутая армия. Что делать с ней? Хм, всунуть в самую, как говорится... ну вы поняли. А где у нас это самое место? Правильно — у границы, где идет война с югом. Здесь я быстренько обстрелял стену модулями взаимодействия двух государств, чисто на дулях даже обрисовав циркуляцию возможных расходов и дивидендов. При всей выгоде ведения такой войны чужой армией, Финору в немаленькую копейку выйдет содержание чужих солдат у границы, однако в плюсе останется высвобожденный человеко-ресурс, ну и в казне графа «Выплаты своим солдатам» поменяет свое название. Есть ли риск для Финора пускать такого зубатика в свои просторы? Думаю, минимальный, без кормов короны, даже возбуди они какую хунту, все это помрет, задавленное солдатами южных халифатов и отсутствием продовольствия с нашей стороны. Здесь корона, думаю, крепко будет держать за «яйлы» солдат, вопрос на миллион в том, как закрутить товарооборот имперцев таким образом, чтобы они реально вкусили

плюшки прямой выгоды и больше и помыслить не могли щипать нас за попу? Помните, как накладно снарядить караван из центра Империи за границу? Вот то-то же! Это вам не фунт изюму, тут без штанов можно остаться и с голоду ноги протянуть, какой из торговых домов Империи может позволить торговать себе в убыток? Да никакой и не только Империи, в этих кругах альтруистов и верящих в то, что все люди братаны и сеструхи, нет. Тут каждый сам за себя, а особо маститые и, пардон, «борзые» в таких делах стараются даже родное государство сторонкой обходить, чтобы, стало быть, не прикармливать лишние рты со своего стола. Оно им надо? Нет уж, в большом бизнесе каждый сам за себя, тут четко расписывают всех мух по всем котлетам. В этих кругах ни слово страшного императора, ни слово короля ничего не будут значить. Здесь мало написать указ и повелительно указать перстом. Ребята ушлые, могут прикрыть налоговые отчисления в казну, могут вывести свои капиталы за пределы «дуркующих» государств, и ничего ты им не сделаешь, потому как они владельцы мануфактур, они крупные аграрии, они реально держат в своих руках весь подножный корм страны, и подход к ним нужен соответствующий. Мы можем сколько угодно фыркать и грозить им кулаком, мол: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй». Но, увы, они не зря стоят у руля, это, что ни говори, умнейшие люди, талантливые управленцы и, если душа просит, махинаторы в своей сфере. Нет, при должном старании можно «отобрать и поделить», однако же где время взять на то, чтобы поставить грамотные кадры им на замену? Это хуже самой революции, это ее последствия, это посттравматический шок после припадка. Денег нет, средств нет, кругом голод, холод и разруха. Нет, с этими ребятами нужно по-другому, подобных толстопузиков ловят на живца, на самое сокровенное и желанное, им нужно показать живую и трепещущую прибыль, чтобы сорвать их с места и заставить заглотить крючок.

Прибыль я вижу, чего я не вижу, так это реализации ее поступления. Пробую так — накладно, пробую эдак — накладно, не выручит нас северный морской путь, хоть и сулит в перспективе развития хороший ломоть, не выручит, как ни старайся, нужен сухопутный, отлаженный и постоянный путь, живительная, не прекращающая своего движения жизненная артерия между двумя этими государствами. Пуповина, что будет их делать единым целым, кормить и заставлять держаться крепко-крепко за руки, не разжимая пальцев.

Что-то вертится, но ускользает от меня туманным абрисом на грань восприятия. Возможно, тупо не хватает информации, все схемы незаконченные и без прямых данных. Тяжело вздохнув, я запустил руку в карман, вынимая на свет две маленькие стеклянные колбочки-сигналки, оставленные мне двумя мастодонтами государств и не отобранные при просмотре тюремщиками, так как в неактивной фазе абсолютно не было магического фона.

Левая или правая? Они были так похожи, что я даже по наитию не возьмусь гадать, какая кого призовет ко мне в гости. В итоге, пожав плечами, я тупо разбил одну из них, справедливо решив, что обоих сразу лбами в одном помещении сталкивать не стоит, а в итоге вынужден был разбудить стражника громким и трехэтажным...

Вторая колба, так же как и первая, выскользнула при замахе из руки, со звоном разлетевшись об стенку.

* * *

Десмос был расстроен из-за рубашки. Они наконец-то покинули леса, выйдя на обжитые земли, и его несказанно расстраивал его непрезентабельный вид. Совсем сбросить окровавленную и пробитую стрелами он не мог, а ходить и дальше так было не достойно дворянина.

Господин Ло, в своих оранжево-белых одеяниях выглядел хоть и чужаковато, но вполне достойно, о Певне и говорить не стоило, она даже в потасканном платье выезжала за счет своей природной красоты и молодости, а вот он был вынужден поджимать губы, дабы хотя бы волевым подбородком и строгим взглядом соответствовать благородному сословию.

Вообще, граф бы никогда не признался, но он был немного испуган. Вокруг идиллия

сельской местности, аккуратные деревеньки, тучные стада и распаханые поля, крестьяне исправно клонили головы, да вот только запах от этих людей шел особенный. Ну и взгляд исподлобья непростой у них был, без страха, скорее даже где-то насмешливый.

Ох, непростые это деревеньки, не зря на отшибе через леса к ним пробираться нужно, не зря. Певна это тоже чуяла, периодически раздувая ноздри и втягивая воздух, с какой-то полуулыбкой кивая, словно хорошим знакомым местным жителям.

Это был клан. Следы беглянки вели прямо в сердце клана, и графу становилось все больше и больше не по себе. Радовало лишь то, что и он не лыком шит, на грани восприятия он чувствовал свою семью, двух вампиров своего гнезда, что с остановкой тащились лесными дорогами на большой нагруженной телеге. Его ребята отставали от их пешего хода напрямки, но меж тем могли и успеть до момента, когда их помощь, а может быть, и их груз им ой как пригодятся.

— Здесь. — Певна остановилась на небольшом кособоре, с которого было хорошо видно небольшое поселение домов на десять в два рядка, обнесенных легкой оградкой. — Чувствую, они здесь.

— Хорошо, однако. — Кивнул черепом монах, вглядываясь в дома.

Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего, подумалось графу. Мирная картинка опасна вдвойне, так как за ширмой покоя обычно всегда скрывается целый ворох больших проблем. Эта деревня была самой большой из трех встреченных по пути, а следовательно, это и есть то место, откуда у здешних ноги растут. Поодиночке оборотни не страшны вампиру, лично граф в куда как более молодые годы своей грешной жизни не раз сходилась в битве даже с парой волков, но вот здесь, когда вокруг скорей всего рожденные, причем неизвестно в каком поколении, он чувствовал себя более чем уязвимым, даже несмотря на такую серьезную боевую мощь, как маленький монах.

Граф улыбнулся, когда они вышли на улочку деревни, все же оборотни легко читались в своей природе. Что с вами происходит, когда вы заходите в нормальную деревеньку? Правильно, вас первым делом облают дворовые барбоски, а здесь? Здесь их встретила тишина, что же тут скажешь, суть барбосиков хоть и в единстве природы с волчьей стаей, да вот внутри они другие. Не уживаются собаки с ними, сколько ни корми — чуют зверя. Вот и сейчас тишина и взгляды, люди, работавшие во дворах, провожали их тяжелыми взглядами, в которых не было страха перед чужаками, они чувствовали свою силу, они знали, что это их здесь и сейчас нужно и должно бояться.

Пройдя вперед вдоль по улочке, их группа вышла на нечто вроде мини-площади, где центром служил каменный колодец и монументальный дед, сидящий рядом с ним, с прищуром разглядывающий непрошенных гостей.

— Денечек вам добрый, путники, какими судьбами в наши края пожаловали? — прокаркал он, разглядывая с интересом Певну.

— Девку отдавай, давай-давай быстро-быстро, моя спешать, — выдал Ло с ходу, но не забыв при этом вежливо поклониться.

— Спешить, — автоматически поправил монаха граф, обойдясь без поклонов, и хотя его натура требовала куда как более витиеватого начала беседы, в принципе он был полностью согласен с Ло.

— Значится, спешите? — Дед покачал головой. — А не шибко ли вы, други мои, самонадеянны?

Он побряхтывая поднялся, неспешно подходя к Певне и без церемоний беря ее за подбородок, поворачивая то так, то эдак ее милую головку.

— Значит, и вторая Пиксвар пожаловала в гости? — Он отпустил девочку. — Говорил я твоей маме, что рано или поздно вы сами сюда придете, не верила, все гнала меня, да вот незадача — против натуры-то не попрешь.

— Уважаемый. — Ло аккуратненько, пальчиком постучал дедушку по плечу. — Девка давай?

Дед закрыл глаза, с шумом втягивая воздух широкими ноздрями.

— Тонган, — произнес он, поведя головой в сторону монаха, и, уже поворачиваясь к графу, открыл глаза. — И вампир. Странная парочка, еще более странная встреча. Удивительный мир, сколько живу, а не перестаю удивляться.

— Певна! — С крыльца соседнего дома на сестричку, округлив глаза, взирала ее точная копия.

— Молка! — тут же вторила ей вторая, срываясь с места и заключая сестричку в объятия.

— Ну вот, взяли и перемешались, — рассмеялся дед. — Как теперь узнать, где ваша, а где моя?

— Они обе наши. — Граф не без оснований боязливо осматривался по сторонам, отмечая все больше и больше жителей деревушки, стягивающихся к колодцу.

— Думаете? — Дед расплылся в улыбке. — Вот это вряд ли, видите ли, девочку я не только вам не отдам, но еще и вторую никуда не отпущу.

— Мы ведь можем и по-плохому. — Граф слегка сместился, наблюдая, как безмятежный монах спокойно снимает с плеч свой рюкзак и развязывает на нем тесемочки.

— Ну, так и мы в долгу не останемся! — Дед звонко хлопнул в ладоши и рассмеялся.

Люди на площади словно по команде принялись стягивать с себя одежду. Сестренки испуганно жались друг к дружке, а Молка, видимо более решительная, немного подалась вперед, обращаясь к старику:

— Господин Немель, это люди барона Ульриха. — Она нервно сглотнула. — Нам, наверно, лучше и вправду пойти с ними, с мамой мы сами поговорим, нельзя их трогать.

— Ваша мама, получив вас обратно, посадит вас на короткий поводок. — Упомянутый господин Немель поджал губы. — Она уже однажды увела у меня сына, сгубив его, а теперь и вас от меня забрать хочет! Пусть эта сучка на коленях теперь ко мне ползет, ничего она от меня не получит!

— Дедушка! — Дернулась как от пощечины Молка. — Не смей так говорить о матери!

— А как мне говорить об этой твари! — В его голосе проскочил натуральный рык взбешенного зверя. — Она увела Патрика, и его убили, а она что? Она залезла тут же в постель к сыну убийцы! Она спит с сыном убийцы вашего отца!

— Не надо, дедушка... — Слезы рекой катились по щекам двух девчонок.

— Хватит выть, дуры! Вы останетесь здесь, даже если мне самому придется перегрызть для этого вам горло! — Раздался хруст смещаемых суставов и треск разрываемой ткани одежд старика.

Ох, ну и дед! Граф испуганно попятился, такого зверя ему еще не приходилось встречать на своем пути, и хвала богам, иначе бы граф не дожил до своих лет. Вот что значит чистокровный оборотень не в первом поколении. Масса тела минимум вдвое пошла в прирост при трансформации, оборотни, даже простые, при переходе в звериную ипостась наращивают мышцу, внушая уважение, но здесь и сейчас перед ними встал настоящий гигант с пепельно-серой шерстью и глубокими рытвинами старых шрамов на оскаленной пасти.

Щелк.

Это господин Ло наконец-то соединил вместе части своего посоха, как-то нелепо выглядя среди неистовства форм. Народ на площади изгибался в изменениях, голые люди превращались в зверей, надевая новую разномастную одежду и совершенно недружелюбно выставляя напоказ свои бритвенно-острые клыки.

— Ваши предложения, дорогой друг? — Граф сместился, прикрывая собой спину монаха.

— Волков нужно оскорблять по вашим традициям, прежде чем бить? — полюбопытствовал тот у Десмоса.

— Не думаю, — произнес граф, запуская свою трансформацию, от чего резко мир поменял градацию красок и картин.

— Уже легче. — Вздохнул Ло и, уже не сдерживаемый рамками приличий, с размаху и

с хорошим посылом впечатывал один из стальных шаров-наверший своего шеста прямо в морду самой здоровенной зверюги, совсем недавно еще бывшей милым дедушкой с улыбочивым лицом.

Больше дискутировать им не пришлось. Монах орудовал жестко, еще на излете останавливая мощные серые молнии клыков, направленных в его сторону, в то время как Десмос орудовал в куда как более жесткой форме, он без зазрения совести рвал своими когтями и клыками волчью плоть, в секунды дурея от сладостной крови, попадавшей в его пасть.

Зверь сошелся против зверя. Граф работал на пределе, отмечая, что буквально за считанные минуты схватки уже успел получить пару рваных ран. Эти оборотни были быстры и стремительны, их звериная грация не уступала его смертельной мощи, и если бы не безжалостные удары Ло, он бы уже потонул под серым ковром звериных шкур. Правда, сдаваться они не собирались, с неистовством, достойным похвалы, разбрасывая серые тени, в стремительном хороводе смерти кружащиеся вокруг их компании.

— В дом! — произнес Ло, работая короткими, но мощными тычками. — Здесь нам не выстоять!

Графу повторять не требовалось, чужая кровь вспенивала в нем мощные заряды адреналина, заставляя трепетать все его нутро хищника, требуя рвать такую сладкую и податливую плоть, но граф не был бы тем, кем был, если бы терял разум в сладкой лихорадке. Он прекрасно понимал, что если бы не этот маленький желтокожий демон, крутящийся словно юла, скорей всего его жизненный путь уже на этом был бы закончен. Двигаясь вперед по улочке и работая на пределе своих возможностей, они лишь с сожалением смогли отметить, как трое мощных серых тел отсеки от них двух зареванных девчушек, с ужасом взирающих на развернувшуюся картину избиения.

Десмос мощью своей мышечной массы с крыльца впечатался в приоткрытую дверь небольшой деревянной хибары, тут же над головой пропуская серую оскаленную молнию и успевая вдогон полоснуть по ребрам взыввшего от злобы и боли маститого зверя.

— Стол! — Монах скалой встал в дверном проеме, работая словно мельница, правда уже исключительно руками и ногами, так как в стесненном пространстве не было простора для его любимой палочки-выручалочки.

— Ры-ы-гх! — Вампир, взревев, уперся в массивный дубовый предмет интерьера, смещая его с жутким скрипом по полу в сторону двери. Еще пара секунд — и монах хлопнул дверью, закрывая ее, а граф столом заблокировал вход.

Минутная пауза сопровождалась тяжким сипом вампира, его ноги почти повсеместно кровили, изорванные волчьими клыками, правда графа еще рано было списывать со счетов, очень скоро раны затянутся на нем, а вот оборотни, которых он успел изранить во время этого бешеного забега, вряд ли успеют столь же быстро встать в строй. Под двумя бугрящимися мышцами жуткими и дышащими мощью руками Десмоса с ужасом трепетало два прижатых к полу волка, скулящих, словно избитые псы, но не забывающих при этом недружелюбно скалить свои острые и опасные пасти.

— Хорошо, однако. — Ло подошел к единственному небольшому окошку, смещая крепление на посохе, от чего тот распался на две части, что, несомненно, станет куда как сподручней в замкнутом помещении. — Хорошие у Ули-Ри враги, много.

В течение часа оборотни трижды еще, впрочем, безрезультатно, пытались взять штурмом их маленькую цитадель. Граф, уже остановивший кровотечение, находился в их компании в роли надзирателя, в углу, поджав хвосты, сидели два оборотня, ну а Ло периодически лупасил всех желающих по мордам, что пытались сунуться в оконный проем.

— Эй, чужаки! — по прошествии времени окликнули их с улицы. — Убирайтесь прочь из нашей деревни, мы обещаем не преследовать вас.

— Девка отдать! — тут же вступил в переговоры монах.

— Вы ничего не получите, и если вам еще дороги ваши жизни, убирайтесь отсюда! — Судя по голосу и неприкрытой злобе, с ними говорил старик.

— Девка отдать! — Граф даже хмыкнул сочувственно оборотням, прислушиваясь к безапелляционному монаху.

— Я вырву твое сердце, тонган! — взревел старик.

— Где мои девка? — Ло покрутил своим лысым черепом перед окном, осматриваясь снаружи.

— Через пару ударов сердца мы подожжем дом, и тогда вы сами выйдете наружу! — Гадливо рассмеялся старик.

— Моя убивать твои барбоски, если твоя палить дом! — выдал Ло, кивнув вампиру, на что тот тут же среагировал, приподняв за хвост визжащего и клацающего оборотня над полом. — Это твоя барбоска плакать!

За стенами дома чуткий слух вампира уловил целую плеяду разговоров и суетливую возню местных жителей, сводившуюся, по сути, к ряду мероприятий под названием: Кто? Что? Откуда у них заложники? Впрочем, суть они уловили и какое-то время не подходили к дому, дав лишние минуты отдыха напряженной парочке.

— Послушайте. — Старик вновь подошел к дому, явно с трудом сдерживая свою взрывную натуру. — Вы не представляете, с кем имеете дело, даже если в данную секунду боги удачи на вашей стороне, вы обрекаете себя и своего сюзерена на печальную участь. Мы умеем мстить, мы можем стать для вас кошмаром, мы будем вырезать ваш скот на ваших землях, мы убьем всех крестьян, подвластных вашему барону, вы умоетесь в крови, а страх навечно поселится в ваших сердцах и под крышей вашего дома! Слышите? И вы ничего не сможете нам сделать, потому что мы умней вас!

— Девка отдать! — Помахал ему приветливо из окошка ручкой господин Ло. — И нас не пугай, сам бойсь, твоя не знать, но с наступлением ночи будет туман!

— Тварь! — Старик вновь сорвался, рассыпаясь в ругательствах. — Я лично разорву тебя на куски!

Десмос задумчиво смерил взглядом Ло. Нет, он, конечно, не скрывал от своего напарника, что на подходе его люди, но иной раз ему казалось, что этот малыш знает куда больше, чем говорит на самом деле. Даже он не видел работу тех, кто живет в тумане, ему рассказывали его клановцы, пока он отлеживался в подвалах замка Лисий, так откуда? Откуда монах знает, что их ждет с наступлением темноты?

* * *

Это был первый круг города, самый многочисленный, самый обширный и самый опасный. Здесь не рождались, здесь выпадали в грязь, здесь не жили, а выживали. Целая вереница бараков, целая вереница искалеченных судеб. Люди не люди, а озлобленные мрачные серые тени из сплетения голода, отчаяния и злобы.

— Хозяин? — Человек, закутанный в одежды с ног до головы, вышел из приземистого покосившегося домика, склонившись в поклоне перед сидящим на пороге седоволосым мужчиной.

— Ты закончил, Джафар? — Тот через плечо покосился на своего провожатого, поднимая с земли свой дорожный мешок и поднимаясь сам. — Надеюсь, материал не испорчен, все аккуратно?

— Все сделано, хозяин. — Вновь отвесил тот поклон.

— Интересно, — произнес седоволосый, уже от порога начиная переступать бездыханные тела. — Так-так... Понятно, замечательно... Ну что ж, вполне сгодится, здесь мы пока и остановимся. Нужно собрать информацию, подлатать тебя и немного набраться сил.

— Да, хозяин. — Кивнула тень, следовавшая за ним следом.

— Пока проследи за периметром, я буду работать, меня не должны беспокоить. — Седоволосый жестом отослал своего напарника, устанавливая свой мешок на кривоногий стол и развязывая на нем тесемки.

«Пепельный, ты убил эльфа!» — Из извлеченной на свет запаянной стеклянной колбы на него взирали маленькие злобные глазки прильнувшего к стенкам сморщенного человеческого зародыша.

— Во-первых, не эльфа, а эльфов. — Пепельноволосый стал последовательно извлекать на свет из мешка ряд загадочных приборов и инструментов. — А во-вторых, это не я их убил, а ты, Дитя Тьмы.

«Я не мог не подчиниться!» — зашипело маленькое злобное создание.

— Какая разница? — Пожал его собеседник плечами. — Я всего лишь некромант, мое дело некротика, ты же оперируешь inferнальными потоками, это и засекут наши маги и так горячо любимые тобой эльфы.

«Нельзя убивать эльфов! — Маленькие черные коготки на недоразвитых ручках гневно скребли стенки колбы. — Не сейчас, Пепельный, я еще слишком слаб, нам не устоять!»

— Тебе — точно. — Рассмеялся мужчина, заканчивая подготовку и с любовью осматривая свои приспособления.

«Вот почему ты выследил моих адептов и похитил меня? — Маленькая тварь замерла, обдумывая полученную информацию. — Ты хочешь свой сумрак послесмертия скрыть в моей вековой тьме! Ты знал, что за тобой будет охота?»

— Слишком долго льсальфы терпели меня на своей территории. — Мужчина нежно развернул завернутый в тряпицы набор разномастных, ювелирно исполненных ножей, в задумчивости выбирая первый. — Это должно было случиться рано или поздно. Вопрос в другом.

«В чем же, Пепельный?» — Тварь, не моргая, следила за его движениями.

— Ты не поверишь, Дитя Тьмы, в благородстве. — Мужчина хмыкнул, поднатужившись и взвалив на стол тело какого-то мужчины с неестественно вывернутой набок головой. — Им не стоило впутывать в нашу войну моих детей.

Легкий росчерк тусклой стали, треск рассекаемой материи и плоти, после чего мерзкий звук раскрываемой голыми руками грудной клетки у покойника. Седоволосый мужчина вытер окровавленные руки о приготовленную тряпицу, беря в руки механический угломер с рядом непонятных настроек и градаций.

— Война есть суть процесс конфронтации меж сильнейшими и равными на большой арене. — Сверив показатели и еще раз проверив факторы погрешностей по прибору, некромант на миниатюрных весах стал отвешивать порции порошкообразных субстанций, что хранились в маленьких, туго стянутых мешочках его заплочного мешка. — Когда в ход идет подлость и трусость, я, как человек воспитанный, образованный и из хорошей семьи, просто не могу оставаться в стороне.

Закончив с субстратами, седоволосый мужчина вновь взялся за ножи, запуская свои руки в тело и начиная последовательно извлекать из него наружу аккуратно вырезанные органы.

— Вот что им стоило прийти ко мне в замок и вызвать меня на дуэль? — Некромант улыбнулся. — Это честно, это прямо и это был бы поступок, достойный уважения.

«Не говори ерунды, Пепельный. — Уродец скривился в гримасе пренебрежения. — Даже я в своей предыдущей ипостаси не стал бы соваться в твой замок, хотя, как ты знаешь, я практически захватил ваш мир!»

— Да-да, помню, дядя Аникей. — Седоволосый извлек последним сердце, тщательно взвесил его и прошелся разными приборами, что-то для себя пометив на бумаге, чтобы в дальнейшем свериться и не забыть. — Как же он убил тебя? Впрочем, неважно, вы, демоны, всегда были чересчур самонадеянны. Так, что у нас еще? Ага.

Седоволосый потратил какое-то время на то, чтобы стянуть в центр главной комнаты еще пять тел из дома, он закатал рукава, превратившись на какое-то время в самого натурального мясника, нож в его руках срезал целые пласты плоти, а кисти без устали извлекали органы и части сломанных костей.

— Теперь планеты. — Он устало присел рядом со столом, вертя в руках градации

странной конструкции. — Так, это ясно, это подходит, вот здесь нужно не забыть...

Грязная работа на время была закончена, и некромант принялся за вязь вычислений, периодически сверяясь с полученными показателями той или иной вспомогательной конструкции. Работа ума и, возможно, таланта. Шло время, постепенно пол покрывался рисунком и узором магической конструкции, что-то приходилось править с нуля, что-то дополнять, но к тому моменту, когда земное светило завершило свой дневной ход и землю укрыло покрывалом непроглядной ночи, все было готово к действию.

— Последние штрихи, Дитя Тьмы. — Седоволосый сшивал первое тело тусклой металлической нитью, из украсив все лицо трупа загадочной и пугающей вязью магических формул.

«Что ты задумал, Пепельный? — Уродец все это время пристально следил за своим похитителем. — Слуга? Ты неправильно составил его конструкцию силового каркаса».

— Поучи меня еще! — Мужчина откровенно рассмеялся, заканчивая свой труд.

«Что происходит? — Маленькое сморщенное тело сжалось в колбе. — Почему на нем дерг-хан, руны седьмой плоскости?»

— Потому что это язык демонов, верно? — Некромант поднял на руки стеклянную колбу, буравя своим бесцветным взглядом заточенное в ней существо. — Это твой язык, Дитя Тьмы, ты ведь понимаешь уже, что будет?

«Ты заплатишь за это! — В колбе поднялась муть со дна, маленькое тело билось о стенки, не находя выхода. — Не смей, Пепельный, не смей этого делать!»

— Ну, прекрати. — Мужчина пренебрежительно сморщил нос. — В конце концов, ты демон аунг-шад, надо иметь хоть какие-то крупинки достоинства, что ты визжишь, как свинья на скотобойне? Я даю тебе шанс напоследок воспользоваться моментом и проявить свою суть, ты должен быть благодарен мне.

«Не-е-е-е-т!!! — От силы ментального крика усталый некромант покачнулся, сморщившись как от зубной боли. — Ты убьешь меня!»

— Все мы когда-нибудь умрем. — Пожал тот плечами, вновь ставя на стол колбу. — Ты, по крайней мере, сделаешь это красиво.

Мертвенно-бледный с голубым холодным отливом свет, пульсируя, озарил стены комнаты. Мощь планет указанной дорожкой наполняла сосуды пентаграмм и линии силы, вычерченные на полу. Все было верно, формула показала, что работают все связующие компоненты и она готова к работе. Учтены поправки, сведены воедино все узлы и звенья сложной многоуровневой структуры. Всё готово.

Пора.

Выйдя в центр, некромант раскрылся силе, подключаясь к контуру и пуская в расход все имеющиеся в его распоряжении накопители собранной некротики. Сложно структурированные заклинания одно за другим полетели на общий фон, профессионально свитые талантливым магом от тьмы. Седоволосый работал на пределе возможностей своего дара, но работал, и это его стихия, его создание, бурлящее непомерной мощью серой пелены загробного мира. Он творил, уподобившись демиургу.

«Не-е-е-е-т!!!»

Груда расчлененных и сложенных в определенной последовательности тел зашевелилась, пронизанная тугими нитями некротической силы, вырастая в пирамиду со срезанным конусом, ставя таким образом алтарь подчинения.

«Не-е-е-е-т!!!»

Первое тело, левитируя, заняло вершину алтаря, раскинув безвольно в стороны руки. Седоволосый словно паук раскинул сотни микроскопических нитей силового контура, обвязывая все вокруг своей волей и силой.

«Прошу! Остановись, я стану верным слугой тебе!»

Сам воздух вибрировал, наполняясь незримой мощью используемого заклинания. Темный маг завершил узор, замыкая силовые контуры на безвольном теле поверх жуткой пирамиды. Слегка пошатнувшись от усталости, он вернулся к столу, беря в руки тонкие и

длинные щипцы с зазубринами на прижимах, его быстрые и тонкие пальцы произвели ряд последовательных нажатий по заглушкам колбы, от чего мутная жидкость ручьем стекла на пол, а злобный уродец, словно личинка насекомого, упал на дно, суча своими маленькими ручками и ножками. Щипцы безжалостно впились в его загривок, извлекая наружу, еще миг и маленький зародыш скрылся в грудной клетке распростертого тела. Следующие минуты некромант потратил на то, чтобы окончательно замуровать в теле маленького демона. Крепкие стальные нити, охранные контуры сдерживания, замки из вязи таинственных рун, ничего не было лишним, ведь не так легко подчинить, а тем более удержать демона.

Время шло, работали руки и магические структуры, маг даже на минуту не прекращал свой нелегкий труд, запуская один за другим модули своего детища, тестируя все, проверяя на ошибки. Приборы меняли друг дружку по кругу, немаленький запас ингредиентов опустел, но работа была завершена в срок и верно. Все было окончено, все, что требовалось замыслу, завершено. Перед седоволосым встал жуткий, искореженный магией труп, с головы до ног укрытый мертвыми и таинственными связями неизвестных языков. Его тело было невероятно раздуто пунцово бугрящимися дополнительными мышцами, что еще местами сочились сукровицей, а дополнительные суставы увеличенной нижней челюсти венчал целый ряд белесых клыков.

— Интересно. — Седоволосый изучающе оглядел свое детище. — Весьма.

— Я уничтожу тебя! — утробным рыком вырвались слова из нутра монстра.

— Попробуй. — Некромант расплылся в улыбке, наблюдая за тем, как что-то шевелится в грудной клетке твари. — Не выходит? Замечательно.

— Пепельный, мне нельзя долго существовать так, я умираю! — вновь рыкнул монстр.

— Я знаю, Дитя Тьмы, я знаю. — Некромант устало сел на стульчик рядом со столом, обхватив голову руками. — Но ты не волнуйся, это ненадолго, скоро тебя найдут — и все закончится.

— Что я могу? — Монстр поднял руки к глазам. — Или у тебя расчет на другое?

— О! — Тот с улыбкой поднял на него глаза. — Вот это уже дело ты говоришь, признаюсь, меня уже порядком утомило твое нытье.

— Не забывайся, человечешка, с кем ты разговариваешь! — взревело чудовище, злобно оскалившись в считанных сантиметрах от лица темного мага.

— Ну что ж... — Тот улыбнулся. — Слушай меня, Дитя Тьмы, слушай внимательно и не ошибись, времени у тебя крайне мало...

* * *

Переулок, наполненный покойниками, а также прилегающий квартал у городской стены был оцеплен помимо гвардии короля и внутренних служб безопасности еще и сверкающими прямыми воинами эльфийского посольства.

Практически все посольство льесальфов в полном боевом облачении собралось в этом грязном закутке, выдвинув на передовую своих магов, с дотошностью и педантичностью шаг за шагом разрабатывающих место преступления.

— Какого демона тут происходит? — Ваггет отжал в угол одного из подчиненных магов группы наблюдения и слежения, которые должны были первыми прибыть на место, но, увы, лишь ткнулись носами в бронированные панцири эльфийского заградительного отряда.

— Не пускают, господин Ваггет. — Маг сокрушенно развел руками. — Там порядка десятка их парней мертвыми лежат, мы только по кристаллам отклика и смогли, что приблизительно составить картину событий.

— Леофоль! — Нильс Ваггет выцепил взглядом из эльфийской толпы знакомую фигуру. — Вы что себе позволяете? Вы стоите на пути королевской службы дознавателей!

— Прекрати, Нильс. — Эльф отмахнулся от него, словно от назойливой мухи. — У меня на руках соглашение, подписанное вашим королем, если в деле фигурируют льесальфы,

все переходит под нашу юрисдикцию.

— А я тебе могу показать другое соглашение, в котором стоят подписи глав ваших кланов, где вы утверждаете, что ни при каких обстоятельствах без нашего согласия не будете проводить захват граждан короны в своих интересах. — Ваггет впился в лицо невозмутимого эльфа.

— А кто говорит о захвате? — На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Не играй со мной, Леофоль, я прекрасно представляю, кто вошел через тот прикрытый вами ход контрабандистов в мой город. — Ваггет кивнул в сторону груды камней. — Мальчишка, которого вы подставили, рыл землю, исправно ища ответы, которые, правда, за него получил я. Зачем вам де Тид понадобился?

— Нильс, это серьезный вопрос и не менее серьезное обвинение, поберегись. — Большеглазый эльф воздел предупреждающе утонченный палец, как бы приказывая остановиться. — Не все должно быть произнесено вслух, мой старинный друг.

— Боюсь... друг... — Верховный маг поджал губы, — вы раскрыли рот не на тот пирожок, и теперь у вас чуть ли рот по щекам не трескается.

— У нас все под контролем. — От его слов чуть ли не физически повеяло холодом. — Не стоит забывать, с кем ты разговариваешь.

— Он не простит, Леофоль. — Ваггет презрительно сплюнул льесальфу под ноги. — Из-за вашей грязной игры погибнут сотни, это не тот человек, кто умеет прощать, одно могу тебе сказать с уверенностью...

Эльф отвернулся от мага, как бы показывая, что разговор окончен.

— Бегите — или умрете. — Ваггет невесело рассмеялся. — Бегите — или умрете... слышишь? Вы умрете все!

Верховный маг не ждал ответа, он мыслеречью свернул свои группы, с места разнося по городу целый ворох команд. Наступало тревожное время, время, когда никто не мог бы чувствовать себя в безопасности.

— Господин Ваггет? — К нему подбежал возникший его экипажа.

— Во дворец! Срочно во дворец! — Маг влетел по ступенькам, взмахнув рукой, чтобы поторопились.

* * *

Его поступь была тяжела, и можно было подумать, что он с трудом держится на ногах. Это был крупный мужчина, изукрашенный какими-то рисунками с ног до головы, и с непомерно раздутой мускулатурой, совершенно лишенной местами кожного покрова, от чего были видны белесые сухожилия, уже подернутые поволокой тлена и смерти.

— Ты мне заплатишь, — утробно рычал он, а его грудная клетка, сшитая стальной нитью, ходила ходуном. — Ты мне еще за все заплатишь...

Огромная составная челюсть с трудом закрывалась из-за обилия острых клыков, тяжелая, вязкая и мутная слюна ошметками летела на землю.

— А-а-а! — Мощный рык ненависти и боли пролетел над кварталом трущоб, всполошив стаи ворон на мусорных кучах и заставляя жалкие тени перепуганных «недолюдей» прятаться глубже в свои крысиные норы. Мощный кулак снес каменный угол какого-то дома, а рык вновь огласил грязные улочки.

— Мое время на исходе! — Мутный взор рассеянно блуждал, ни на чем не задерживаясь. — Ну что ж, пока твоя взяла, Пепельный, пока... Так узрите же силу Ашун-дарга, жалкие твари! Я унесу ваши души с собой в преисподнюю!

Из тела, словно гигантские щупальца, тугими лапами непроглядной тьмы выросли десятки жгутов, бешено бьющих в ярости по камням стен и мостовой. Тело более не выглядело изможденным, монстр твердо встал на ноги, сжимая свои пудовые кулаки и очерив зловонную пасть.

В чем сила демона? В яростном и неистовом безумии! В мощи, одуряющей разум,

ярости и презрении к окружающей действительности.

— Выходите, жалкие крысы! — взревел монстр. — Я подарю вам сладкую смерть, которой вы, черви, недостойны!

Улицы наполнились топотом ног, повсеместно, отовсюду из своих схронов вылезали жалкие бедняки, нищие, воры и прочий сброд, выброшенный короной на периферию города за ненадобностью. Жалкие, побитые жизнью, худые и грязные, в обычное время они бы вызвали презрительную гримасу пренебрежения на лице благополучных и состоятельных граждан, но не сейчас, потому что их сотни и тысячи, а также не было больше среди них тех, кто опустит взгляд, когда рядом стоит господин. Теперь они другие. Капилляры глаз были разорваны, от чего белки глаз наполнялись кровью, дыхание с хрипом вырывалось из тысяч глоток, а в сердца и разум с криком жуткого чужака закрадывались безумие и ярость, падая на плодотворную почву мелкой и затаенной злобы, носимой ими в себе в течение всей своей жизни.

— Вперед, помойные псы! — Хохотало чудовище, волнами от себя рассылая по земле посылы своей силы. — Вперед, к смерти!

Десятки, сотни, тысячи, словно один слаженный организм, вмиг поднялись на ноги, делая шаг навстречу своему господину. Старые и молодые, мужчины и женщины, даже дети, чье сердце еще не покрылось коростой низменных чувств. Все стронулись с места, ибо вмиг обрели свободу безумия, когда нет более преград и препон, когда нет больше страхов, не чувствуешь жажды и голода, и лишь голос великого господина звучит в голове сладким дурманом, обещая скорое избавление от жалких мук проклятой и никчемной жизни.

* * *

— Тэль'ва Леофоль! — К мрачному эльфу, стоящему в переулке и с болью смотрящему, как его братья заворачивают в похоронные саваны группу покойников, подбежал молодой маг клана, с ужасом на лице потрясая кристаллом слежения тонких энергий.

— Эль? — Он с трудом перевел взгляд на беспокойного мага.

— Дегон! — Дрожащими руками маг протянул ему свой кристалл.

— Всем в дом Солнца! — Бешеным криком разразился Леофоль, с ужасом глядя на муть магического артефакта, совершенно забыв о своем родном наречии. — Бросайте покойных братьев, бросайте все, именем главы клана все в дом Солнца!

* * *

Нильс Ваггет выскочил из своей кареты, буквально на лету вбегая в пост охраны первого кольца, где в охранении вместе с гвардейцами стояла группа его магов.

— Немедленно созываю совет, мне нужен король, отыщите Гербельта, поднимайте гарнизон, полная боевая выкладка, красная тревога!

Маг отдавал распоряжения, не сразу отметив растерянные взгляды охраны.

— В чем дело? — В груди у него зароились нехорошие предчувствия.

— Господин Ваггет, король покинул первое кольцо, так же как и Ганс Гербельт с госпожой Кервье, — растерянно доложил старший группы.

— Как?! — Верховный маг недоуменно уставился на своих подчиненных. — Когда это произошло и куда они все направились?

— Не могу знать. — Старший маг группы виновато пожал плечами и уже мыслеречью обратился к Ваггету: «Мы засекли два посылы маяка от неизвестных амулетов, один пришел в покои де Кервье, а другой в кабинет короля, после чего те, разбившись на группы, отдельно друг от друга выехали в неизвестном направлении».

— Что здесь происходит? — Ваггет поднял взгляд к потолку, вопрошая незримые небеса. — Чего я еще не знаю?

— Что это? — Старший маг охранения растерянно смотрел куда-то в окно за спиной верховного мага. — Господин Ваггет, что там происходит?

Ваггет нервно сглотнул, повернувшись к окну и рассматривая кроваво-алое зарево от бушевавшего где-то на окраинах города пожара, что было хорошо видно в сгущающихся сумерках скорой ночи.

— Поднимай всех. — Он покачал головой. — Формируй боевую группу, это будет тяжелая и очень долгая ночь.

* * *

Город охватило кровавое безумие. Первое кольцо взорвалось гнойным нарывом, растекаясь смердящей жижей грязной людской толпы по второму и третьему кольцу. Пожары охватывали дома, улицы и целые кварталы, со всех сторон неслись крики отчаянья и боли вперемешку с безумным рыком нищелюбодов, воров и попрошаек, что яростно кидались на стены голыми руками, впиваясь в стражников и мирных жителей, совершенно не боясь стали и смерти. Полоумная толпа хлынула в пристойные кварталы, неся смерть и разрушение, повсеместно шел дикий и совершенно бездумный бой. Хаос и разрушение охватили старинный город, что в считанные часы умылся кровью бесцельно погибающих людей.

— Что скажешь, Джафар? — Седоволосый мужчина стоял на гребне стены первого кольца, с высоты осматривая зарево пожара и слегка морщась от прогорклой вони клубов дыма.

— Почти как в Маликбэе, — произнес мужчина за его плечом, скрывающийся в тени и ворохе одежд.

— Думаешь? — Седоволосый не без любопытства еще раз оглядел открывающуюся картину разрушения. — М-да, пожалуй, ты прав, вот же было время, не правда ли, Джафар?

Седоволосый брезгливо перешагивал растерзанные тела стражников вперемешку с изрубленными телами каких-то грязных людей.

— Куда теперь, хозяин? — Скрытый за одеждами следовал за своим компаньоном мягким стелющимся шагом.

— В академию, Джафар, в академию, — произнес другой, проходя сорванные с петель массивные ворота. — До рассвета, думаю, я получу ответ на все интересующие меня вопросы.

* * *

«Нильс, мне нужна помощь!» — Мощный мысленный посыл речи чуть не сбил верховного мага с магического плетения.

Группа магов под его руководством помогала удерживать стену четвертого кольца от обезумевшей и не ведающей страха толпы, что словно черное море билась о подножие скалы.

«Нам всем сейчас не помешала бы чья-то помощь! — Ваггет презрительно сжал губы. — Что, теперь вам понадобилась помощь людей, Леофоль?»

«Посольство в кольце безумцев, мы пока держимся, но у нас потери! — Похоже, ледяное спокойствие эльфа было на пределе. — Надеюсь мне не нужно напоминать тебе о соглашении взаимопомощи, что подписано вашим королем между нами?»

«Лео, иди в жопу! — С рук верховного мага сорвался огненный шквал неистового пламени, превращая в секунды десятки и десятки людей в обугленные мумии у стены. — Король пропал, у меня город тонет в хаосе, я не собираюсь еще и на вас тратить свои силы, вы заварили эту кашу, так ешьте, чтобы вам пусто было!»

«Как пропал? — Магу передалось искреннее недоумение собеседника. — Что происходит? Мы фиксируем мощный поток инфернальной субстанции, это безумие демона!»

«Это ваш прокол, Лео. — Маг сотворил мощный вихрь торнадо, с трудом удерживая его на траектории вдоль стены и не подпуская к воротам безумцев. — Тот, кого вы ждали, пришел, и он таким образом хочет получить все ответы!»

«Но он некромант, откуда взялся демон?!» — Паника окончательно охватила эльфа.

— Ответы, ответы, ответы... — Багет замер, шепча это слово себе под нос и не обращая ни на кого внимания. — Ему нужны ответы!

«Нильс, мне нужна помощь!» — Через пелену задумчивости вновь пробился к нему зов льесальфа.

«Держитесь, я, кажется, понял, где искать виновника наших бед!» — Вагет сорвался с места, увлекая за собой свою боевую группу.

* * *

У меня кончилась ложка. Что это значит? Хм, ну, в общем, я все обугливал ее конец, потом писал на стенах, потом опять обугливал и в итоге вот. Ложка кончилась. Разочарованно вздохнув, я уселся прямо на пол, скрестив под собой ноги. Хорошо хоть Мак не дает скучать, с его помощью я стал дополнять выкладки и схемы разрабатываемой мною концепции союза Финора с Империей. Да, поздравьте меня, я решил вопрос положительно, я сложил два плюс два, получив в итоге пару миллиардов в дивиденде. В чем же ответ? Хе-хе, в моем гении, естественно, я, кажется, понял, кому я смогу продать паровоз! Именно! Вот он ответ, вот он путь, который откроет всем реальную возможность из точки А в точку Б добраться в кратчайший срок с максимальным багажом и ручной кладью в дополнение. Да это же время, скажете вы, а я что? Я против? Не-е-е-т, я именно за! Потому как решение вопроса требует увести как можно большую массу людей из-под казны императора, а куда же их деть? Всех на строительство, всех к пиктам в дремучие дебри лес валить да этих паразитов гонять от железного пути.

Расчет был прост, Империя задействует людей, которых у нее целая куча, Финор в итоге открывает рынки, получая товары, соответственно в Империю возвращается чистый нал. Простая двухполосная магистраль из расчета, чисто умозрительного, пять километров полотна в день, займет умы армии императора минимум на два с половиной года. Плюс пикты, эти папуасы севера, наверняка зададутся целью убить непонятных врагов на их территории, соответственно получают «людей», но худо-бедно задержат строительство. У императора появится мирная цель с расчетом на будущее, у Финора — наконец-то благоразумный сосед, который бросил пить и прекратил буяннить, а я...

Да-да, себя любимого я не забыл. Хотя, если уж быть честным, то случайно вспомнил. Вспомнил про себя и старую хохму, что когда-то мне затравливал один мой близкий знакомый. Так уж у него случилось, что он в семейном кругу с подружкой жены и ее мужем изволили отдыхать в Бельгии. А было это в августе. А муж подружки жены оказался десантником, когда-то, будучи юношей безусым, он проходил срочную службу в 76-й гвардейско-десантной штурмовой дивизии где-то под Псковом. Там-то его и приобщили по «старогасконской» традиции пьяным прыгать в фонтаны и всячески портить окружающим последний месяц лета. В общем, назюзились они второго августа в такие сопли, что ненароком поперлись драться в какой-то бар, оказавшийся в соседнем государстве Люксембург. Ну да не буду вдаваться в подробности о том, как умеют русские отдыхать за границей, скажу лишь напоследок, что мой знакомый потом с гордостью заявлял, что если бы не его вторая половинка, то они поработили бы Люксембург. Их отловили жены, десантнику сразу хвост прищемили, а второй имел очень неприятный разговор с супругой, из которого он уяснил, что: «Его, лодыря, хрен заставишь квартиру пропылесосить в субботний день, а тут целое государство. И лично она (Софья Михайловна) не собирается еще и здесь порядок наводить!»

Это, конечно, юмор такой, но в нем и кроется моя «мысль», за красивым и сочным словом Люксембург.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Что в имени тебе моем? — спрашивал когда-то Александр Сергеевич, ну и я, крутя Люксембург на языке, постепенно осмысливал красоту и простоту решения. Это не просто какой-то кусочек Европы, это не просто герцогство, это капитальная офшорная зона, в которой, если я ничего не путаю, свыше тысячи инвестиционных фондов со всего мира! Более чем две сотни иностранных банков! Огромнейшие деньжищи на голом месте, просто нескончаемый поток в налоговую казну.

Все это яркой молнией блеснуло у меня перед глазами, а чем мой Рингмар хуже? Я могу выступить посредником между Финором и Империей, связав на северном пути железной дороги перевалочным пунктом тугой узел из складов и льгот для купцов! Опять же у меня уже и банк есть, причем единственный во всем этом диком мире. Перспективка вырисовывалась сказочная, причем на взаимовыгодных условиях для всех заинтересованных сторон. Осталось дело за малым: объяснить сильным мира сего, что я альтруист и желаю им только добра, а не мелкий упырь, пытающийся нажиться на их горе.

Пумс.

Легкий звук с ударом о деревянную дверь моей камеры заставил меня отвлечься от сладких грез. Мак высветил мне показания, по которым выходило, что тем самым «Пумс» стало тело моего надзирателя, свалившееся на пороге бездыханным трупом, а за дверью возились с ключами двое, причем если один из них был человеком, то второй, судя по отсутствию температуры тела, как таковой им не являлся ну никак.

— Добрый вечер. — Я не стал вставать, лишь головой отвесил легкий поклон, когда в камеру вошел высокий седоволосый мужчина в сопровождении странной фигуры, закутанной в тряпочки и плащ. — Или, вернее будет сказать, уже ночь? Вы уж простите меня, тяжело, будучи под землей, следить за ходом небесного светила в вышине.

— Ничего, не извиняйтесь. — Седоволосый мило улыбнулся. — Думаю, это мелочи, на которые не стоит обращать внимания.

— Он мертв? — Я скосился на тело развалившегося на пороге охранника.

— Это проблема? — Седоволосый хозяином прошелся по моей тюремной камере, с интересом разглядывая мою писанину.

— Не знаю. — Я задумчиво почесал нос, внутренне ощущая повисшее напряжение. — В принципе он мне категорически не нравился, хотя вы должны признать, что для начала диалога покойник на пороге не самый лучший знак.

— Вы находите? — Он повернулся к двери, склонив голову и задумчиво рассматривая труп. — Что ж... Джафар. Любезный, сделай милость, оттащи это за угол, чтобы видно не было.

— Благодарю. — Я еще раз отвесил поклон, не поднимаясь с пола. — Простите за бестактность, мы с вами знакомы?

— О! — Он опять расплылся в улыбке, разведя широко руки. — Это вы простите меня, юноша, мне стоило сразу представиться. Герцог Алексис де Тид!

— Понятно. — Ком страха подкатил к горлу. — Я так понимаю, мне представляться не нужно, вы пришли по адресу.

Вздохнув и на миг зажмурившись, я медленно под тяжелым взглядом поднялся с пола.

— Видимо, сейчас меня будут немножко убивать? — Я встретился с холодным бесцветием пристальных и колющих глаз. — Вы позволите посопротивляться?

— Ну-ну, юноша. — Он махнул рукой. — Неужели вы думаете, что все закончится банальным убийством? Это было бы с моей стороны несказанной милостью, вы уж извините, но меня враги потом не поймут, начнутся пересуды и разговоры за спиной, мол, старый Тид

совсем размяк, уже и отомстить как следует не может.

— О-у, — не найдя ничего лучше, глубокомысленно молвил я. — Понимаю, тут дело чести.

— Кстати, нужно напомнить, вы ведь уже трижды мне дорогу за свою короткую жизнь успели перейти, а я меж тем все медлил и откладывал нашу встречу. — Он вскинул бровь, предлагая продолжить дискуссию.

— Трижды? — Я решил не молчать и не делать резких движений, раз я еще жив, значит, есть пусть небольшая, но вероятность, что это так и останется впредь. — Позвольте... Ваша покойная супруга это раз, ваш покойный сын это два, что-то, видимо, с памятью моей, напомните, сделайте милость, когда был третий случай?

— Мои вампиры, — услужливо подсказал он. — Ты забрал моих слуг.

— Ох, тысяча извинений, совершенно запамятовал! — Я театрально покачал головой. — Стыд мне и срам.

— Главное, я помню. — Улыбнулся он, поворачиваясь к стене и разглядывая мои блок-схемы. — Извините за праздное любопытство, а чем вы занимались, пока я вас не оторвал?

— Ах, это? — Я подошел к нему, становясь рядышком, и, размахивая рукой, стал указывать на картинки. — Вот здесь и здесь у меня денежные потоки Финора, это экономическая модель королевства, с учетом южных провинций и ряд расчетов, так сказать, маленький набросок прибыли и расходов.

— А эта страшная рожица кто? — Ткнул он пальцем в изображенную мной давеча «кракозябру».

— А это у меня император. — Я смущенно пожал плечами.

— Тот самый император? — Он вроде как сделал большие глаза.

— Ну да. — Кивнул я. — Императорский император той самой империи.

— Похож. — Он поджал губы.

— Вы были знакомы? — Я смерил его любопытным взглядом.

— Скажем так. — Он опустил хмуро брови. — Хороший враг.

— Понимаю. — Теперь я сыграл бровями на понижение.

— Вы были знакомы? — удивился он.

— Скажем так. — Рассмеялся я. — Хороший враг.

— М-да, — подвел он резюме, после чего мы молча еще какое-то время разглядывали стены. — Не хотелось бы торопить вас, юноша, но не пора ли перейти к той части, где вы начинаете оправдываться и молить меня не убивать вас, а то я человек занятой, у меня еще на сегодня куча дел.

— Ох, простите. — Улыбнулся я. — Виноват, у меня просто это впервые, не знал последовательность действий.

— Ничего страшного. — Рассмеялся он. — Для того мы старшие и копим свой опыт, дабы передавать его следующим поколениям.

— Короче, я не виноват по всем пунктам, — тут же выдал я. — Жену вашу не убивал, она сама себя убила своими действиями, вампиров не неволил, они тупо побоялись показываться после провала вам на глаза, а по поводу сына...

Повисла пауза, так как я не знал, как правильно облечь сложившуюся ситуацию в словесную форму.

— Что же по поводу сына? — поторопил он, сухо поджав губы.

— Вот. — Я извлек лист бумаги, на котором был изображен кусок затухающего заклинания, убившего Фердинанда. — Я так и не понял, кто и зачем это сделал. Хотя старался, за что собственно меня сюда и поместили. Понимаете, чувствую, что меня подставили, а всю глубину картины не пойму, ускользает мотив, ведь не может же быть, что все банально ради того, чтобы вы убили меня?

— Не может. — Покачал он головой, забирая из моих рук лист бумаги. — И если вам от этого станет легче, молодой человек, вы тут вообще ни при чем.

— Тогда кто же «при чем»? — спросил я в спину удаляющемуся прочь мужчине.

— Скоро узнаем, — донеслось до меня из коридора. — По крайней мере, я теперь точно знаю, с кого спросить.

* * *

Из камеры я все же выглянул, пробив Маком пустой коридор и стащив из дежурки охранника скамейку с его остывшим ужином в виде половинки запеченной курицы и небольшого глиняного горшочка с бульоном. В дополнение были еще вареные яйца с луковицей и куском хлеба, но их за серьезную еду я не считал, посему мой маленький банкет в тюрьме, из которой я не стал выходить, здраво рассудив, что могут еще сроку накинуть, можно было считать постным. Правда, блаженно сытным и невероятно вкусным после двух недель убогой баланды.

— Ульрих? — В камеру ворвались маги-охранники, а за ними следом гвардейцы под предводительством Ганса Гербельта, уже из-за плеча которого и выглядывала сухонькая и прямая старушка госпожа де Кервье. — Что здесь происходит? Весь двор усеян трупами охранников! Я получила от тебя весточку, у тебя появилась какая-то информация?

— Мама? — И в без того тесной келье заключенного стало не протолкнуться от охраны, так как к нам присоединился его величество король Митсвел, собственной персоной, с недоумением оглядывающийся по сторонам. — Что происходит? Почему весь двор усеян трупами, а где-то на окраине, такое впечатление, что полыхает мощнейший пожар?

— Ты что тут делаешь?! — Бабуля схватила за сердце при виде здорового бородатого сынули. — Здесь может быть опасно!

— Мама, прекрати! — Бородач гневно топнул ногой. — Лучше объясни, что ты тут забыла со своим верным псом?

Митсвел нелицеприятно мотнул головой в сторону Гербельта, начальника стражи королевства, и с прищуром уставился на мать.

— Сохраняем спокойствие! — Совершенно внезапно из-за плеча короля выступил с призывом какой-то из магов его охранения.

Повисла неловкая пауза, во время которой все лица этого миниатюрного балагана пытались осмыслить один немаловажный вопрос, который и слетел, в конце концов, с уст Вальери:

— А ты еще что за хер?

«Хер» как-то стушевался, опустив плечи и голову.

— Это я, Вальери... — произнес он как-то по-особенному.

Ну да, это он. Мак меня с ходу оповестил зуммом о появлении императора.

— ТЫ?! — Де Кервье хватала ошеломленно ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег, не в силах вытолкнуть из себя всю ту гамму чувств, что в одну секунду вскипели в ее душе.

— Убить! — наконец разразилась она криком. — Хватайте его, чего вы ждете?!

— Стоять. — Здоровенный кулак бородача Митсвела взлетел вверх, останавливая людей бывшей королевы. — Никто никого здесь не будет убивать без моей на то воли!

— Где он?! — В этот момент в камере показался всклокоченный Нильс Ваггет в окружении своей группы боевых магов.

В помещении наступила тяжелая и гробовая тишина, народ глупо моргал глазами, переводя друг на дружку взгляды, и силился хоть в малейшей степени упорядочить ту цепочку событий в голове, которую открывали им их глаза.

— Как-то это все странно выглядит... — первым решил подать голос император в теле мага.

— О-о-о! — Ваггет взгляделся в мага. — Только тебя мне еще для полного счастья не хватало! Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не смел без моего ведома шастать по моей академии!

— А я что? — Император ткнул пальцем в короля. — Я с ним, а ему, как ты

понимаешь, можно!

— Мне можно. — Утвердительно кивнул Митсвел, уперев руки в бока.

— Что значит с ним? — Де Кервье протолкалась в первые ряды, ошеломленно вглядываясь в лицо сына. — Мит! Это же император, он убил твоего отца!

— Ну, во-первых, не он, а... — раскрыл рот король.

— Молчать! — Внезапно подпрыгнул на своем месте молчавший до этого Гербельт. — Ваше высочество, попридержите язык, здесь слишком много свободных ушей!

— А ну-ка, не указывай моему величеству, что мне делать, пузан! — тут же в ответ рыкнул король.

— Так, заткнулись все! — Бабуля властно хлопнула в ладоши. — Ваггет, Гербельт, Митсвел и ты...

Она впиалась взглядом с не прикрытой злобой в лицо Императора.

— ... остаются, остальные все вон отсюда!

Группы охранников с удивлением на лицах, пожимая плечами, двинулись к выходу, бочком протискиваясь среди прочих.

— А ты куда собрался?! — Сухонькая, но сильная старушка ухватила меня за воротник. — Тебя мы, мой хороший, оставим. Что-то мне подсказывает, ты как минимум причастен ко всему этому бардаку, а максимум сам заварил всю эту кашу!

Вот так, надежда на то, чтобы выскользнуть незамеченным, растаяла на глазах. Жаль, я так мечтал умереть когда-нибудь своей смертью, но, видимо, не суждено.

— Прошу первое слово! — тут же выступил Ваггет, как только за последним стражником закрылась дверь. — У нас серьезные неприятности, город в огне, все потонуло в безумии, на улицах идут не прекращающиеся бои!

— На нас напали?! — всполошился король. — Кто?!

— Это не я! — тут же впереиз экс-королеве выкрикнул император.

— Это не он! — повторно одернул так и не произнесшую обвинительную речь де Кервье Нильс Ваггет. — Все гораздо хуже, на улицах города inferнальный прорыв, мы имеем дело с демоном!

— Демоны так просто по улицам не разгуливают, — первым после паузы и осмысления информации произнес император.

— Ну конечно, ты себя-то, упырь, сколько столетий назад последний раз в зеркале видел? — Кервье все же кольнула острой шпилькой своего языка, пока ее опять кто-нибудь не одернул.

— Да прекратите вы, оба! — Король шваркнул кулаком в стену. — Ваггет, так ты, старый лис, знал все это время, что император рядом со мной?

— Обижаете, ваше величество. — Ваггет стушевался под испепеляющим взглядом старушки, тут же переводя стрелки на толстого Гербельта. — Он, между прочим, знал, что я знаю!

— Ганс?! — Старушка повернулась к своему верному начальнику стражи королевства.

— Что Ганс? — растерялся толстяк. — Понятно было, что без патронажа верховного мага никто не смог бы проскочить в его академию! У меня были только косвенные улики, я не знал, что и король его покрывает!

— Сын? — Бабуля повернулась к королю, который вмиг виновато опустил голову под ее взглядом.

— Мама, это все же мой отец. — Митсвел совершенно по-детски шмыгнул носом. — Я все знаю, мы уже давно вместе.

— Почему ты мне ничего не сказал?! — Вальери схватила за сердце.

— Ну, пока я был маленький, папа говорил, что съест тебя, если ты узнаешь правду. — Он посмотрел на папу, который старательно делал вид, что чем-то заинтересован в дальнем углу камеры. — А потом, когда я подрос, я понял, что это скорей всего ты съешь его и заодно меня на пару, если обо всем узнаешь.

— И давно ты... — она через силу обратилась к императору. — Общаешься с сыном?

— С десяти лет, — ответил тот, так и не взглянув в глаза старушке. — Послушай, Вальери, я пытался с тобой по-нормальному поговорить, ты же, как всегда...

— Довольно! — Она устало отмахнулась рукой. — Хватит. Не хочу больше ничего знать, хватит.

— Ты никогда не хотела ничего знать! — вспыхнул император. — Глупая женщина, возмнившая себя невесть чем. Я лишь об одном жалею, что столько времени ждал возможности сказать тебе все это в лицо!

— Отец! — Король положил руку императору на плечо. — Не нужно!

— Он прав. — Бывшая королева отвернулась от всех, пряча слезы, бегущие по щекам. — Нам стоило давно всем собраться для этого разговора.

— Я дико извиняюсь, но там... — Верховный маг ткнул пальцем в потолок. — Наверху гибнут тысячи, пылает наша столица, вы не могли бы все это попозже обговорить? Вы и так всю эту мусть в себе десятилетиями носили, пять минут уж всяко подождет!

— Откуда демон? — Первым взял себя в руки император, переходя на деловой тон.

— Проклятые эльфы затеяли тягаться в грязных играх с де Тидом. — Маг нервно сглотнул. — Боюсь, старик не воспринял их юмора.

* * *

— Старик, последний шанс тебе вернуть девочек и разойтись миром! — На переговоры с главой клана оборотней выступил граф Десмос. — По-хорошему тебя прошу, одумайся!

Граф устало помассировал пальцами виски, выслушав очередной поток брани, которой его окатил вредный дед, а меж тем вечер сменился ночью и его люди были на месте, полностью готовы к тому, чтобы спустить с поводка ручную смерть.

— Ты не оставляешь мне выбора! — вновь попробовал граф. — Верни девочек!

— Иди и возьми! — Через злой издевательский смех услышал он ответ. — Нас здесь под сотню, и если ты думаешь, что мы не знаем о тех двух вампирах, что подкатали с востока к нам на телеге, то ты ошибаешься!

Значит, и вправду пора, подумал граф, выходя на клановую ментальную связь со своими людьми.

«Это бесполезно. Спускайте Гончих, мы ничем уже этим дуракам не поможем».

И где-то восточней деревни, получив команду, один из вампиров с трудом выбил клинья на бортах грузной телеги, на которой двумя массивами возвышались громадные бочки, а второй извлек из тряпицы небольшой костяной посох, увитый письменами магических рун, дабы воткнуть его в землю и выставить на нем градации составных колец согласно выученной последовательностей активации.

— Быстрее, Ванберг! — нервно вскрикнул первый, суетливо прячась под телегой, благодаря бортам которой низ превратился в глухую и защищенную коробчонку. — Тебе жить надоело?!

Второму, видимо, жизнь была дорога, так как, закончив с активацией, он пулей влетел под защитные стенки телеги, где оба совершенно бессознательно вжались в землю, боясь не то что пошевелиться, а даже дышать.

«Папа», — подумал последний заскочивший вампир, сделав свое заключение по целому граду брызг и тяжело покачнувшейся телеге, когда с нее спрыгнул первый монстр, грузно бухнув в землю мощью когтистых лап.

«Папа», как называли вампиры первую Гончую Смерти из двух в подчинении у барона Ульриха, был огромен. Эти двое уже не раз выпускали гончих, а потому четко знали: самый здоровый всегда выходит первым, правда бояться его стоило меньше всего. Да. Бояться стоило вторую зверюгу, которой они дали кличку «Мамуля». Эта гадина была в разы меньше, но почему-то качественно злее и паскудней по натуре, если папа всегда выпрыгивал, топчась спокойно на месте, пока запущенный посох выдает ему импульсы команд, то вторая всегда тихой сапой спускалась совершенно бесшумно, каждый раз норовя съесть кого-

нибудь из возниц. Мелкая, по сравнению с первой гончей, она была стремительней, быстрее, бесшумней и коварней во сто крат своего собрата. Тут, наверно, стоит сказать, что изначально возниц при гончих было четверо, и да, недостающие двое были добычей «Мамули».

Крак!

Мощные когти полоснули по тяжелым дубовым бортам, а следом последовал тихий, но пробирающий до самого нутра рык. Да, вот и девочка спустилась наконец, поздороваться со старыми приятелями, злобно мигнув зеленой светящейся гнилью из глазниц своего уродливого черепа, меж щелей опущенных боковин, за которыми дрожали от страха два вампира.

Теперь будет кружить вокруг телеги, вынюхивая все вокруг, пока здоровяк будет послушно внимать незримым установкам посоха. Он, в этой паре ведущий, всегда несется впереди, всегда первым нападает на цели, в то время как эта злобная сучка, как правило, избивает подранков и вычленяет одиночек, пытающихся сбежать из общей толпы жертв. Гадкая бестия была всегда за спиной, за ее движениями невозможно было уследить, столь стремительным было ее тело в источаемом тумане.

А вот и он. Туман. Тяжелое марево, играющее в прятки с пространством, легкая, но непроницаемая взвесь серой пелены. Знаете, это как на морозе из рукавички вынуть руку и наблюдать, как от нее исходит пар, так и из-под лап гончих клубами стал валить магический дым, в минуты растекаясь вокруг, и если бы не светящиеся злобным зеленым огнем глаза монстров, вампиры вообще не смогли бы разглядеть этих паскудных псов смерти.

— Ушли? — через какое-то время осмелился спросить первый, слегка приподняв голову.

— Похоже, — ответил второй, принюхиваясь к слегка ослабевшему запаху разложения.

— Выйдем? — как-то нерешительно предложил первый.

— Ага, сейчас все брошу и пойду. — Хмыкнул второй. — «Мамуля» именно так и подловила в последний раз Кроша, нет уж, давай до рассвета здесь посидим. Не верю я этой сучке ни на грош!

— Вот же гадина злобная! — Сплюнул первый.

* * *

Смерть — это еще не конец и, как вы понимаете, априори не начало. Смерть — это всего лишь одна из фаз в бесконечной задумке великого бытия материй. Есть сила созидания, есть сила аннигиляции, а есть что-то «за», что-то за всем этим, что-то невообразимое простому восприятию и смыслу, на что многие надеются, еще больше в этом сомневаются и лишь единицы веруют искренне, полагаясь в своей простоте на бесконечность замысла Творца всего сущего.

Темными каменными коридорами подземелий города, назад в бытие поднимался древний умерший маг, с трудом переставляя окостеневшие ноги. Он шел неживым мерным шагом куклы, и его светящийся взгляд не был направлен на дорогу, он шел, всматриваясь куда-то ввысь, где его ждал старинный враг, уже единожды сраженный им в достопамятные времена, а ныне сеющий поганое семя смертельного безумия среди живущих.

— Я здесь, Шаграх! Я иду!

* * *

Впереди двигался Ваггет с императором, который занял тело какого-то мага, за ними вышагивал король с чуть отставшим Гербельтом, и уже замыкали нашу процессию я и де Кервье. Пока мы поднимались из казематов, я с внутренним содроганием смог оценить всю картину посещения меня любимого тем вежливым седоволосым мужчиной. Вся тюрьма была усеяна трупами смотрящих и надзирателей. Мак выдавал мне остаточную мощь некротики,

старший де Тид пугал уже тем, как он словно нож сквозь масло прошел выставленные перед ним стены.

Он даже не шел в размен ударами, он просто шел, ломая чужую защиту, а впереди него, похоже, шел второй, он-то и убивал. Я волей-неволей возвращался к нашему с ним разговору, то так то эдак прокручивая его по смыслам явным и заложенным в оттенках.

Я прощен и понят? Не думаю. Человек, способный совершить подобное, явно не способен на прощение. Здесь, в этих стенах, лежало не меньше пяти десятков убитых им студентов и преподавателей, которых Ваггет отряжал на работу в этой тюрьме, и они все мертвы, в то время как я пока нет. А что это значит? Думаю, это значит, что разговор со мной не закончен и я еще вспомню про него не раз.

При выходе мы соединились с группами охранения, от чего хоть немного, но стало легче, все по идее опытные бойцы. Правда, тревога не то что не пропала, а стала больше. Ночь за стеной академии была окрашена в кроваво-красные тона пожара, там за стеной горел город, и до нас даже на расстоянии доносился гул криков и ярость схватки.

— Думаю, во дворец уже пробиваться смысла нет. — Ваггет повернулся к нам. — Академия сейчас самый безопасный клочок суши, который пока еще не захлестнул этот шторм безумия.

— Неужели все так плохо? — Король с прищуром разглядывал всполохи далекого огня.

— Не думаю. — Ваггет покачал головой. — Мы сразу же связались с первым и вторым пехотными полками. Думаю, на мобилизацию и вход в город им понадобится не больше трех, может, четырех часов, так что основную массу нищих разобьют и задавят еще до рассвета, меня сейчас больше всего беспокоит скрытый в этой толпе демон.

— По классификации Лефордена, это должна быть сущность не ниже аунг-шад, — вклинился император. — Тебе нужно строить заклинательный круг пятой ступени и созывать всех магистров, находящихся в твоём подчинении.

— Магистры уже собрались в управлении. — Кивнул Ваггет, внимательно рассматривая императора. — Мы ждем, когда спадет общий хаос, чтобы вычленив эпицентр заразы, думаю, именно там мы и найдем виновника этого торжества.

— Сейчас идем к тебе? — Похоже, королю было скучно слушать разговор магов, поэтому он поспешил вклиниться между ними.

— Да, ваше величество. — Кивнул верховный маг.

Наша объединенная группа довольно быстрым шагом двинулась в сторону вотчины Ваггета, обходя корпуса и прочие здания, в скором времени достигнув фонтана и того самого злополучного трона-памятника, где я так ловко умудрился заварить всю эту кашу.

Внезапно мощный и гулкий удар сотряс створки ворот управления академии, выходящей в город своим северным крылом. Мы все замерли в ужасе ожидания, который стал для нас вполне оправдан, так как мощные дубовые доски не выдержали второго удара, разлетаясь по площади и глади фонтана мелкой щепой и трухой.

Пыль еще не успела осесть, как из города прямо на нас хлынул своей массой бесконечный поток серой человеческой массы.

— О боги! — Де Кервье схватила за мою руку.

У меня от ужаса происходящего мурашки побежали по спине. Маги охранения били людскую массу, просто десятками укладывая их замертво своей магией, но гора дымящихся, обугленных и разорванных на куски трупов совершенно не останавливала толпу, они и вправду словно обезумели, кривя в гримасах злобы свои безобразные рты и протягивая к нам свои грязные руки.

— Ваггет! — Император ухватил за рукав верховного мага, не брезгующего грязной работой и наравне со своими бойцами истребляющего этих беззащитных, но от этого ужасающих в своей бессмысленности происходящего людей. — Смотри!

А посмотреть было на что. Где-то из-за спин этой грязной и окровавленной массы человеческих тел, через пролом в воротах на них взидало нечто столь ужасное и

наполненное внутренней злобой, что невольно сердце замирало от ужаса, наполняясь страхом перед пунцово-алым взглядом вырвавшейся на свободу твари иной реальности.

Мощь бугрящихся и покатых мышц плеч, обезображенная черной вязью рун голова с оскалом увеличенной и оскаленной в гневном рыке пасти, а также вереница иссиня-черных змееподобных жгутов нитей, словно могильные черви из покойника торчащих из него и дико хлещущих камни мостовой. Жуткий кукловод, мерзкая пародия на театр, касался своими щупальцами окружающей его человеческой массы, вселяя в их разум и сердца испепеляющую ненависть ко всему живому вокруг, заставляя их с пеной у рта бросаться в этот безнадежный и смертельный бой.

— Твою же мать! — Нильс Ваггет с недоумением смотрел на чудовище. — Мы еще не готовы!

— Боюсь, мы уже и не успеем... — Император затравленно огляделся по сторонам.

Мак показал мне объемную модель запитанного нереальной мощью огненного копья, сотворенного Ваггетом и запущенного им в демона. Нечто умопомрачительно тяжелое, нечто, что способно, казалось, по объему влитых сил прожечь дыру в реальности, сорвалось с рук мага, слепящим светом исчезая в сплетении черных щупалец.

Земля при ударе содрогнулась под ногами. Чтобы не рухнуть, мне даже пришлось взмахнуть руками, чтобы восстановить равновесие. Ох, ну и рев огласил окрестности! Тварь, сбита с ног и проташенная мощью удара по земле, словно изломанная кукла медленно поднималась с земли, опираясь на изрядно поредевшие щупальца и оглушенно мотая из стороны в сторону своей уродливой головой.

— Уходите! — Император подхватил под руки ослабевшего разом Ваггета. — Я смогу какое-то время сдерживать его! Вы должны бежать!

— Отец! — Король ухватил его за плечо. — Мы останемся и поможем.

— Митсвел — нет! — Вальери де Кервье повисла на руке сына. — Нельзя оставаться, он разнесет здесь все, это самоубийство!

— Уходите! — Император повернулся к ним спиной. — Ему не убить меня, его безумие не помеха моим перемещениям, ему не поймать меня.

— Двигаем! — Ваггет махнул рукой группе охранения, прикрывающей короля, сам размазывая по лицу кровь, бегущую из носа, похоже, он этим своим тараном неплохой себе откат организовал.

Но легко сказать, куда сложнее сделать. Наш отход быстро увяз в дикой и кровавой толпе, нам каждый шаг давался с трудом. Я не церемонился и даже тени сомнений не испытал, объятый ужасом, когда спустил на безумцев незримую и смертельную тень Адель. Ее стремительность и неотвратимость дали нам реальный шанс двигаться куда быстрее, подарив небольшую фору в отступлении, пока монстр еще не пришел окончательно в себя.

— Боги поднебесья! — выдохнули разом чуть ли не все в нашей группе, сместившись за фонтан, откуда нам открылся очередной ужас этой ночи. Мы встали как вкопанные, благо, чья-то незримая воля остановила и обезумевшую толпу. Воздух мерцал, наполненный зеленым холодом потусторонней силы, а гранитная плита на вершине постамента с тронem разлетелась на осколки, звонким гулом ссыпаясь крупной крошкой по ступеням вниз.

Этот гранит науки все сыпался вниз по ступеням, а мы не могли отвести взгляда от фигуры, чей образ едва угадывался на фоне черного провала подземного хода, скрывавшегося все это время за плитой.

«Ульрих, мне страшно!» — Это Адель, безжалостный убийца-призрак, свернулась побитым псом у моих ног, жалобно скуля.

Но страшно в этот миг было всем, в неверном свете догорающего города и тусклых магических сполохах на свет выходило нечто, чего бы, наверно, могла бояться даже смерть.

Высокий и статный мертвец с ореолом непомерной силы и горящим взором медленно оглядел площадь, казалось, цапнув своей пронизательностью душу каждого из присутствующих на этой арене. Меня пробили дрожь и трепет, ноги непроизвольно подогнулись, и я, как и прочие, упал перед ним на колени, наблюдая, как он с грацией

каменного истукана садится в приготовленное многие века назад для него кресло.

Трон нашел своего хозяина.

— Шаграх! — вибрирующим гулом разнеслось окрест. — Я пришел за тобой, мой старый враг!

— Аникей! — Обезображенный труп, изукрашенный письменами, словно гигантский спрут вползал через ворота во двор. — Я так надеялся все эти годы на нашу встречу! Если бы ты только знал, как я искал тебя в плоских мирах по ту грань мироздания!

— Я знал, что ты еще вернешься. — Покойник слегка склонил набок голову, оглядывая странную бестию, с рыком ползущую в его сторону. — Я не мог позволить тебе вновь вернуться в этот мир! А я ведь предупреждал тебя — не смей сюда соваться!

— Жалкий человечиска! — Тварь взмыла в воздух, зависнув метрах в пяти над землей, становясь похожим на чудовищного морского ежа, чьи иглы качает прибой мирового океана. — Я был до тебя и буду после, я сожру твою реальность, как сожрал до этого другие миры!

— Однако я смотрю, тебе кто-то из людей накинуд ошейник на шею, Шаграх! — Мертвый маг расхохотался. — Ты жалок, демон, от твоего величия не осталось практически ничего! Ты привязан на поводок!

— На тебя хватит! — взревел монстр, бросаясь вперед резким росчерком черных молний.

Горячка безумной пелены отпустила толпу, от чего вокруг стоял крик ужаса и боли, это люди приходили в себя, осознавая всю ту нереальность картины, что открывалась их взору. Кто-то просто пугался, не осознавая, как здесь оказался, а кто-то принес с собой раны, и боль догнала их вместе с сознанием. Но меня словно приковало взглядом к картине битвы демона с покойным магом из легенд, их противостояние во внешнем плане сопровождалось клубами тьмы и росчерками зеленых молний, в то время как в астральной проекции я наблюдал две разности стихий, в одной из которых я четко и явственно различал мощь некромантии.

Это было поразительно, это было эпично и фантазмагорично по масштабу сил. В сравнении, наверно, мощь ударов можно было сопоставить со сталкивающимися планетами или с жаром солнца. Все маги группы, и я в том числе, стояли на коленях, не в силах осознать величие этой картины и не в силах отвести взгляда. Постепенно непроглядный мрак уступал, это было видно. Серая пелена, наполненная вземным огнем, просто душила монстроподобный труп, постепенно гася в себе и растворяя в своей сущности весь заряд дикой ненависти, сокрытой в этом живом мраке другой реальности.

— Ты умираешь, Шаграх. — Мертвый маг подтянул по воздуху к себе обессиленное тело своего противника.

— Он обещал свободу.

Даже отсюда мне было видно, как нечто бьется внутри жуткого тела.

— Но ты прав, мое время вышло, я не успел уйти в нижний план.

— Прощай, мой враг, мы окончили нашу битву. — Маг медленно поднялся с трона, поднимая свой взор куда-то высоко в ночное небо. — Теперь и я могу уйти.

Мерзкое отродье, распростертое у ног мага, охватило зеленое пламя, пожирая того без следа, а плоть мертвеца стала осыпаться хлопьями наземь, кружась, словно увядшая листва, обнажая за ней энергетически чистый каркас былого и чистого величия.

Когда-то он был высок и широкоплеч. Гордая осанка и прямой чистый взгляд серьезных и внимательных глаз, вот каким он был, и вот каким он уходил из этого мира. Сильным, бескомпромиссным и величайшим из когда-либо живших чародеев Альверста.

— Галчонок Гальверхейм! — Он устремил свой взгляд куда-то за наши плечи. — Я вижу, ты все еще в этой реальности. Это хорошо, ты передашь мое послание Алексу, слышишь? Скажи ему, что его время на исходе. Что ж... Пора.

Мощный столб мерцающей зелени света подхватил его, закручивая в потоке и вознося в небесную непроглядность. Ночь на исходе, день на сносях, а мы все стояли, не в силах пошевелиться и оторвать взгляд от опустевшего трона, став навечно частью старинной и

неправдоподобной легенды о жизни и смерти великого мага Аникея Дро.

* * *

Красивый, утонченный белокаменный особняк, бывшая резиденция Детей Солнца в городе Финоре, представлял собой печальное и жалкое зрелище. От былого величия оставались лишь каменные пеньки выбитых зубов колонн и реки крови, обильно напитавшей ухоженные, а теперь вывернутые дерном газоны.

Сотни человеческих тел лежали бездыханно, и не меньше рядом с ними, по-прежнему продолжали сжимать в руках оружие, было тел светловолосых, истинных детей этого мира.

Умерли все.

Или почти все.

Из здания вышел высокий седоволосый мужчина, вытирающий измазанные по локоть в крови руки о красивую ажурную тряпочку, бывшую еще совсем недавно рубашкой одного из эльфийских послов.

— Джафар? — крикнул он себе за спину.

— Все, мой хозяин, я закончил. — Из темного проема выскользнула вторая фигура, прячущая в своих лохмотьях острую грань изогнутого клинка. — Не осталось больше никого.

— Ошибаешься. — Седоволосый посмотрел на начинающее светлеть небо. — Это не весь клан, владыки не было здесь, он разумно отсиделся у себя в Льесфале, а следовательно, здесь должен был быть его дафинитик, исполнитель воли и защитник их земель.

— Будем искать? — Странная фигура, закутанная в одежды, подалась чуть вперед.

— Нет. — Седоволосый задумчиво покачал головой. — Скоро рассвет, нам пора уходить. Наш козырь мертв, мы уходим из города, без союзника и хаоса мы становимся уязвимы, к тому же это был его сын.

— Который? — Названный Джафаром кивнул на тряпицу в руках своего спутника. — Этот?

— Этот. — Седоволосый улыбнулся.

— Значит, все кончено? — Укутанный в плащ медленно стал спускаться вниз по ступеням особняка.

— Не совсем. — Седоволосый отбросил прочь измазанную тряпку. — Нам нужно навестить еще кое-кого по пути домой.

* * *

Это было жуткое зрелище, даже по меркам вампира. Убогая деревенька была полуразрушена и завалена разорванными на куски голыми телами людей, еще совсем недавно с гордостью именовавших себя стаяй и кичащихся своей силой и непобедимостью.

— Какая безобразя! — Монах ходил по единственной улочке, выискивая уцелевших и переступая с брезгливостью останки усопших, а у вампира не было ни желания ни сил поправлять эту желтокожую «безобразя» в его чудовищных коверканьях языка.

Граф сидел у деревенского колодца, устало вытянув ноги и блуждая в совершенно тягостных мыслях о минувшей ночи.

Кое-что случилось, и это грузом ответственности душило его, заставляя вновь и вновь возвращаться к тому мимолетному чувству, что он испытал сегодня, впервые взглядевшись в смертельный туман выпущенных на волю Гончих Смерти.

— А вот и они! — Из-под обвалившейся кровли какой-то хибарки монах извлек двух зареванных, с ног до головы перемазанных грязью и кровью девчонок Пиксвар.

Граф крутанул ворот колодца, отправляя ведро в глубь прохладного зева, медленно уже, чтобы не расплескать водицу, наматывая назад на барабан тяжелую кованую цепь.

— Гадство. — Он сморщил презрительно нос, выудив из ведра с водой тонкую

женскую кисть с ошметками висящей кожи, отбрасывая ее себе за спину. — Ну и хрен с ним.

Он опрокинул на себя ведро воды, решив больше не посылать ведро за новой добычей, не хотелось еще что-либо выудить из этой прохладной темноты.

Десмос вновь уселся, обхватив голову руками. Всю ночь до рассвета они с монахом слушали крики умирающих, жуткий и победный вой неземных тварей и сами с замиранием сердца вглядывались в густой, словно вата, колдовской туман бестий, силясь разглядеть хоть что-то в этой молочной пелене.

Стоит, наверно, отдать должное оборотням, они сражались дико и отчаянно, правда смысла в этом граф не видел, а видел он другое. Те волки, что смогли подранить тварей, умирали куда страшней, чем те, кого рвали клыки и пасти. Гончие ядовиты, они фактически все время, проводимое в режиме спячки, проводят его в жутком и ядовитом рассоле восстановления. Эти твари не только его впитывают, восстанавливая себя, они и являются этим ядом. Они пропитаны им от и до, это их суть, жуткая суть, и скрюченные в агонии, раздутые тела были тому наглядным подтверждением.

Упрямого и тупоголового старика-бойца они именно в таком состоянии и нашли. Матерый волчара не сдался без боя, вокруг него земля была залита зеленой слизью, похоже, он хорошо вспорол какую-то гончую.

Идиот.

Граф печально покачал головой. Он ведь предупреждал, он считай весь день потратил с Ло на то, чтобы достучаться до старика, но нет, гордость взяла верх, старый оборотень даже на секунду не усомнился в своей непогрешимости, за что, собственно, все они от мала до велика и поплатились.

Но не это беспокоило вампира, нет, не это. Случилось невероятное, случилось то, чего он не ожидал и во что его разум отказывался поверить. В неверной мгле рассвета, когда марь тумана уже сходила на нет, а деревня погрузилась в гробовое молчание, вампир вышел из дома. Он думал, что гончие уже ушли. Они должны были уйти. Но даже всей его реакции не хватило, когда серая молния, притаившаяся у крыльца, сбила его с ног, по инерции проталив по земле и тяжело придавив жуткими лапами к сырой и дышащей влагой земле.

— Ты?! — дрожащими губами произнес он, с ужасом вглядываясь в мутную зелень тяжелого, насыщенного злобой взгляда. — Я чувствую, это же ты?!

Тварь рванула лапой землю у головы графа, злобно взыв на протяжной, леденящей душу ноте. Старый вампир приподнялся на дрожащих руках.

— Но как такое может быть? — Его связь, его связь крови не могла обмануть его.

Зверь крутнулся на месте, напоследок обдав его зловонной тяжестью смрадного дыхания, и теперь граф не знал, как ему быть. Он не мог поверить себе и не принять того чувства узнавания, что ясно и четко указало ему на его кровь.

Но как такое возможно? Как такое вообще можно было допустить? Десмос все никак не мог привести свои мысли в порядок, его чувства зашкаливали, и сумбур со смятением плотно засели в груди, раз за разом заставляя все это прокручивать в голове. Ситуация была та еще, он не знал, как ему поступить, что будет, когда Ульрих узнает про это? Должен ли вообще граф говорить ему, ведь барон при всей своей серьезности может наломать дров, когда правда выйдет на свет. Граф не знал, что ему делать. С одной стороны, все казалось просто, ему достаточно лишь рассказать все как на духу, а с другой стороны — это просто разорвет душу парню, насколько вампир помнил, между ними была связь... Пусть и односторонняя, но связь, и вообще, есть ли там разум, за той мутью злобы и жажды убивать. Осталось ли в этой твари хоть что-то от прежнего человека?

Граф не знал.

Не знал он и того, как ему поступить. Сказать? Нет, наверно, не стоит, это перевернет всю душу парню, это уже слишком.

Десмос медленно поднялся, поморщившись от лучей восходящего солнца. Нет, мертвые должны оставаться мертвыми, а те, с кем простились уже однажды, не должны беречь души живущих. Ну а пока... пока пусть все останется в тайне, хватит

приключений, крови и слез, пора возвращаться домой.

* * *

Прошло чуть более двух месяцев, а город все бурлил и наполнился слухами и страхом. В Финор были введены войска, которые безжалостно и кроваво прошлись по первому кольцу, чуть ли не каждого третьего обвиняя в мятеже против короля. Это было глупо, это было бессмысленно, но то, что произошло, до жути напугало власть имущих, заставляя идти на такие меры.

Меня это не касалось. Я не хочу лезть в такую грязь, мне и без того забот хватало. Меня под конвоем переместили из академии во дворец, где моя персона не могла даже на горшок без стражи сходить. Все было более чем серьезно, я был услышан и понят, не скажу, что всеми сторонами в одинаковой мере, но меня выслушали, а главное приняли мой план по развитию экономических отношений между короной и империей. Это был более чем серьезный вопрос, в течение всего этого времени мне в рабочий кабинет доставлялись грамоты и свитки от обоих государств, дабы я подбивал их под общую структуру, налаживая взаимовыгодные связи, возводя незримые мосты между двумя этими берегами.

Адская работенка, от цифр, графиков, подготовленных законопроектов, грамот и постановлений в глазах плыло, а головная боль и недосып стали моей второй натурой. Тут ведь, помимо короны и императора, мне пришлось вести деловую переписку с гномами клана Железнодорожных, именно к этой семье принадлежал мой славный инженер Бахушка, без его рук и мозгов я бы не осмелился браться за проект. Вся техчасть была в его голове, бороде, или чем там гномы думают? Ушлые карлы почуяли прибыль, и мне пришлось отдать им шестьдесят процентов прибыли от моей железной дороги. Взамен же они обязуются держать исправным технопарк и вывести к намеченному сроку четыре локомотива, а также укомплектовать все хозяйство подвижным составом вагонов, как под сыпучие грузы, так и под наливные.

Два месяца жизни я провел взаперти, зарывшись в бумаги, мои пальцы уже не отмывались от чернил, на меня работал целый штат гонцов, посыльных и курьеров, помимо меня часть бумаг выводили отряженные мне в помощь писцы, которых все равно приходилось потом мне же и перепроверять. Жуткая муть букв, жуткий груз ответственности, так как кроме меня никто даже не удосужился вникнуть в то, что сейчас творилось, в то будущее и те перспективы, что получал от меня этот мир. Заметьте, практически даром.

Практически.

Мне удалось доказать состоятельность идеи по созданию офшорной зоны, свободной от налогов, хоть это и было непросто. Тут мне помогли выторговать это счастье для себя те самые большие кошельки от представителей торговли, с которыми волей-неволей, но королю и императору приходилось считаться, дабы не потерять денежку на свои дорогие игрушки вроде армий и дворцов. С представителями двух купеческих гильдий я встречался под надзором короля и императора, дабы я еще чего не выцыганил для себя ненароком. Ну да бог с ними, все равно наши пути еще сойдутся, когда составы грузов застучат колесами из империи в Рингмар, а уже оттуда в Финор. Сквайр Энтеми уже засыпал меня отчетами на неожиданно свалившееся счастье нескольких сотен открытых банковских счетов в моем банке. Купцы быстро схватили суть, делая ставку на долгосрочную выгоду и последующие дивиденды. Слух полетел по стране, и те, кто умеет слушать и понимать услышанное, делают свои ставки.

— Это и это переписать в десяти экземплярах каждый. — Я отодвинул от себя очередную кипу бумаг, вручая их писцам. — Что там по договорам, которые я дал вам утром?

— Все готово, курьеры уже доставили в казначейство и посольство Империи все копии, — ответил мне старший из моих помощников, также работавший на переписке

документов.

— Хорошо. — Кивнул я, откладывая в сторону перо и закрывая чернильницу.

Вот и все. Основное сделано, фундамент заложен. Пока этот бумажный ком лишь набирал силу, расползаясь по инстанциям, пока каждая из сторон лишь выстраивала в тайне друг от дружки свою стратегию. Но через три месяца в столицу прибудет официальная делегация во главе с самим императором, так сказать де-факто, а не инкогнито, и тогда уже будут подписаны основные бумаги.

Вот так будет создан новый мир и новый союз. Это новая графа отношений и это новая возможность для меня обрести независимость. Да, именно так, пока ни король, ни император этого не понимают, но они, не осознавая этого, в скором времени своими подписями нарисуют на карте новое государство, маленькое, но гордое королевство, которое нужно всем.

Я задумчиво побарабанил пальцами по столу, пододвигая к себе чистый лист бумаги. Есть еще одно дело.

«Дорогая моя жена...»

Я быстро скомкал листок и разорвал его на мелкие частички.

«Жена моя Нона...»

Этот листок последовал в урну за первым.

«Жена, слушай сюда...»

Нет, ну что за бред получается?! Я помотал головой, пару раз вздохнув для успокоения.

«Здравствуй, Нона.

Обстоятельства требуют от меня нашей с тобой встречи. В скором времени наши баронства с тобой получат особый статус от короля, посему я бы желал, что бы ты вместе с Энтеми и леди Нимно прибыли для встречи со мной. Прошу, не медлите, это вопрос нашего будущего. Без вас я не могу себе позволить решать подобные вопросы.

Твой... барон Ульрих фон Рингмар».

Я долго сидел, пялясь в эти строки. Нона непростой человек, и у нас с ней непростые отношения. Все это время, что я был в столице, она не выходила на контакт со мной, держа связь исключительно через наших управляющих. Судя по отчетам, дела у нее лучше, чем я бы мог себе изначально представить. Девушка правила двумя баронствами исправно, и даже при всем желании я бы не смог найти нареканий. Похоже, это ее стихия, она нашла себя в этом, впрочем, в ее жизни ничего другого и не было. Совсем ничего. Она всю жизнь играла роль властного держателя земель, не давая спуска ни себе, ни тем паче соседям. Нелегко мне с ней общаться, не знаю, почему, но как-то тяжело мне смотреть ей в глаза. Я всего лишь человек, из-за чьего плеча она вынуждена выглядывать, подавляя свою суть и свое я. Даже не берусь представить, что она чувствует. Как засыпает по ночам. Смею лишь надеяться на то, что не предаст, ведь все, что у меня есть, все, что у меня будет — все это она держит в своих руках. М-да уж. Мой когда-то кровный враг, а ныне хозяйка моего дома и земли. Жена. Я очень на тебя надеюсь.

* * *

Летняя ночь, помимо чистоты небесного свода, расшитого тысячью мерцающих звезд светлячков, наполняла атмосферу еще и нежной трелью цикад. День отмаялся, уходя на

покой, и этот покой усталой земле дарит блаженное покрывало темноты.

По нешироким улочкам пригорода меж особняков тихим и неспешным шагом шли двое, один из которых был высоким седоволосым мужчиной, а у второго даже глаз невозможно было разглядеть из-за кучи одежд и низко надвинутого капюшона плаща.

— Смотри-ка, Джафар, — произнес седоволосый, останавливаясь перед ажурной кованой решеткой забора у одного из особняков. — Когда-то мы уже были с тобой в этом доме, дабы оказать услугу его хозяину. Даже не верится в подобное совпадение.

— Здесь, хозяин, — произнес с кивком закутанный в одежды. — Это теперь его дом.

— Интересно. — Седоволосый покачал головой своим мыслям. — Как же он ужился с призраком? Знаешь, этот юноша мне даже в последнее время стал нравиться.

— Сильный встанет с колен, удел слабого так и остаться ползать, — прилетел ответ из-под капюшона.

— Наверно, ты прав. — Кивнул седоволосый. — Выживет — прощу, так и быть, а нет, так и не стоит завязываться.

— Гальверхейм сказал, что у вас мало времени, хозяин. — Кулаки закутанного в одежды сжались.

— Это ничего. — Седоволосый улыбнулся. — Галчонок всего лишь передал послание. Он хороший был враг.

— Гальверхейм — подлый трус. — Затянутые в перчатки руки легли крестом на груди.

— Ха-ха, Джафар, — рассмеялся седоволосый. — Галчонок слабая и беззащитная женщина, что выгрызла себе кровью и болью кусок от этого мира, не всем же, как тебе, быть рыцарями от тьмы, ищущими жажды честной стали.

— Честь нужно уметь ценить, — произнес его спутник.

— Ну что ж, желаю тебе, Джафар, когда-нибудь встретить достойного противника. — Седоволосый отвесил своему спутнику легкий поклон.

— Спасибо, хозяин. — Тот вернул поклон. — Об этом я уже мечтаю не первую сотню лет на земле.

Из тьмы на двух переговаривающихся путников выскочили размытыми тенями фигуры необычайно быстрых и стремительных людей. Их было чуть больше десятка, а от ворот к ним вышел высокий брюнет, сохраняющий слегка натянутой легкую улыбку на лице.

— Вампиры. — Презрительно сплюнул на землю закутанный в одежды.

— О, граф, рад видеть вас в добром здравии! — Седоволосый радостно развел руки, как бы предлагая обняться.

— Хозяин!

— Хозяин!

— Хозяин!

Вампиры один за одним падали на колени, упираясь лбами в землю, в конечном итоге стоять остался лишь тот, кого седоволосый назвал графом.

— Что, Десмос, для тебя я больше не хозяин? — Седоволосый расплылся в улыбке, слегка склонив набок голову и с интересом рассматривая замершего перед ним брюнета.

— Видимо, такое время настало. — Брюнет пожал плечами, с какой-то внутренней болью глядя на спины своих детей.

— Время. — Седоволосый покатал на губах это слово, пробуя его на вкус. — Знаешь, граф, а ведь ты прав. Время, увы, неумолимо.

— Зачем вы здесь, герцог? — Брюнет с прищуром смотрел на закутанного в плащ.

— Долги нужно отдавать, мой старый друг. — Седоволосый пожал плечами. — А в том, что я не плачу по счетам, меня еще никто не упрекнул.

— Он еще совсем молод. — Граф покачал головой. — Он не был причастен к грязной игре твоих врагов.

— И тем не менее. — Седоволосый остановил слова брюнета, подняв палец.

— Я не позволю. — Граф нервно сглотнул, встречаясь взглядом с седоволосым.

— Похвально. — Тот кивнул, как-то грустно улыбнувшись. — Но глупо, впрочем,

видимо, ты прав, сейчас время другое. Эй вы, псы!

Он пнул ближайшего вампира в бок ногой.

— Убейте своего отца, такова моя воля!

Жуткие метаморфозы протекли буквально за секунды с телами коленопреклоненных, их руки увенчал острый обсидиан когтей, а челюсти раскрылись в ореоле блистающих клыков, наполняя сумрак кровавым свечением злобных глаз.

Свора одновременно, в одном молниеносном порыве рванулась с места, бросаясь туда, где еще секунду назад стоял улыбчивый бледнокожий брюнет. Впрочем, для некоторых это стало последним, что они сделали в своей жизни. Место брюнета занимала матерая тварь, вспоровшая шеи атакующим своими когтями еще на излете. Жуткий монстр явно превосходил и силой и умением нападавших, и лишь в численности он безнадежно проигрывал, уступая постепенно шаг за шагом свои позиции.

— Пойдем, Джафар. — Седоволосый вместе со спутником обошли клубок катающихся и кроващих в яростной схватке тел, входя во внутренний двор особняка и поднимаясь по его ступеням к входной двери.

— Однако постоять вам, — из-за спины их окликнул чей-то вкрадчивый голос. — Не достойно уважаемым входить в дом без приглашения хозяина.

— Глазам своим не верю, это же тонган! — Седоволосый с удивлением уставился на маленького желтокожего монаха. — Нет, определенно этот парень все больше и больше внушает мне уважение!

— Твоя моя понимай? — Маленький монах помахал им ручкой. — Идти давайте отсюда, нельзя заходить в дом!

— Джафар. — Седоволосый повернулся к закутанному. — Похоже, Мать Тьма услышала твои молитвы, сегодня ты умрешь с честью.

— Спасибо, хозяин. — Рука, затянутая в перчатку, расстегнула тесемки плаща, давая тому упасть на землю.

— Не благодари, — произнес седоволосый на прощание, похлопав своего спутника по плечу. — Я был рад нашему знакомству, Джафар.

— Я был рад служить вам, мой господин.

Седоволосый вошел внутрь, на секунду смежив веки и сверяясь со своим внутренним чутьем, которое вскорости и указало ему путь вниз по ступеням в темный подземный этаж старинного здания.

«Мастер!» — Прямо на пути мужчины материализовался полупрозрачный контур старика.

«В чем дело, Фельм?» — Седоволосый слегка сбавил шаг.

«Прошу тебя, отпусти мою душу, я устал!» — заныл старик, срываясь на какой-то жуткий затухающий вой.

«Ты просил навсегда, я сделал навсегда. — Мужчина усмехнулся, передернув плечами. — Какие-то сто лет — и ты уже умоляешь меня отпустить тебя? Не верю своим ушам, Арк, ты мне казался куда безумней этого срока».

«Здесь невыносимо!» — Призрак старика умоляюще заламывал руки.

«Ну так займись делом, старый дурак!» — Седоволосый рассмеялся, после чего щелчком пальцев развеял надоедливый призрак, чем, как он доподлинно знал, доставил уйму неподдельных мук этому бестелесному созданию.

— Не понял?! — Мужчина с удивлением остановился на входе в подвал, когда по его тусклой серой пелене защиты ударили мощные черно-коричневые щупальца какой-то твари. — Кракен? Ну дает мальчишка!

Легкое плетение коснулось щупалец, заставив пробежаться судорогой боли по скрученным болью мышцам злобного создания.

— Еще один? — Седоволосый рассмеялся, поразив очередного монстра. — Два кракена, целое гнездо вампиров, тонган и ко всему прочему две Гончих Смерти! Хорош бесенок, и вправду хорош, надо же какая удача.

Пройдя еще в глубь подвала, мужчина с трудом сбросил крышки с двух огромных дубовых бочек.

— Так-так... — шептал он, вглядываясь в слизь и муть, что были внутри. — Ну-ка выходи, маленькая паскудница, где же ты?

Словно внемля его словам, жидкость в одной из бочек вспенилась, выпуская наверх жуткую, увенчанную когтями серую лапу, следом за которой на поверхность всплыла жуткая оскаленная морда, тускло светящаяся мутной болотной зеленью злобных глаз.

— Молодец, девочка, — шептал мужчина, медленно пятясь и давая твари вылезти из бочки. — Давай, моя хорошая, шевели лапками, вот так, вот так, умничка.

Жуткая тварь, напоминавшая одновременно крысу, волка и хорька пепельно-серого цвета, тихо, но от этого еще более жутко зарычала, показывая клыки.

— Ну-ка давай, давай сюда свою мордашку. — Седоволосый совершенно безбоязненно обхватил голову гончей двумя руками, затуманенным взглядом всматриваясь в ее суть. — Так-с, это ясно, что тут у нас? Гнев? Замечательно! Злость? Восхитительно! О-о-о-о! Моя ты прелесть, в тебе столько любви! Ах, какое чувство, да моя хорошая, ты просто клад для меня, ну-ну, не сердись, я почти закончил, еще чуть-чуть потерпи.

Вязь колдовских плетений нить за нитью ложились на сознание зверя, опытными стежками свиваясь в фантасмагоричную картину сложнейшего заклинания. Мужчина работал и улыбался, поглаживая нежно-жуткое создание.

— Не волнуйся, не волнуйся, уже скоро, скоро ты покажешь всем, что такое любовь!

Когда он закончил, зверь обессиленно рухнул к его ногам. Он еще раз проверил свой труд, лишь после этого довольно улыбнулся, покидая этот дом. Странное чувство овладело им, он задумчиво шел, совершенно не обращая ни на что внимания, видимо потому-то и пропустил тот момент, когда уже на выходе из пригородной застройки ему дорогу преградил сухонький старичок, нежно сжимающий в руках резную шкатулку из мореного дуба, изукрашенную таинственными письменами.

— Раус?

— Здравствуй, учитель. — Старик низко поклонился седоволосому.

— Что ты тут делаешь, Креб? — Мужчина сурово свел брови на лице и поджал губы.

— Ваггет имеет к тебе разговор, учитель. — Старик тяжело вздохнул.

— Нильс? — Мужчина презрительно скривился. — Что вам нужно от меня?

— Ты больше никогда не вернешься в этот город и не подойдешь к нему на полет стрелы. — Старик низко опустил голову. — Таковы условия, учитель.

— Условия? — Седоволосый недоверчиво оглядел старика. — Вы смеете ставить мне условия?

— Прости, учитель, но так нужно. — Старый маг откинул крышку своей шкатулки, озарив мерцающее красным светом свое печальное лицо. — В этот раз ты зашел слишком далеко.

Внутри шкатулки пульсировало заточенное в металлическую вязь из проволоки и драгоценных камней сердце, светясь кровавым светом чужой боли.

Повисла тишина, оба молчали, наблюдая за мерным биением чужого сердца. Для понимания сути происходящего им более не требовалось слов.

— Вот значит как. — Мужчина покачал головой. — Время на исходе.

— Прости, учитель, но демон это уже за гранью! — Старик подался вперед, словно ища прощения или понимания.

— Не неси ерунды! — Мужчина топнул ногой в гнев. — Это был мой сын!

— А если бы сущность Аникея не проснулась? — в ответ выкрикнул Креб Раус.

— Ты такого плохого мнения обо мне? — Мужчина отмахнулся рукой от его слов. — Дитя Тьмы умерло бы еще до восхода солнца, независимо от того, откликнулся бы Аникей на прорыв инферно или уже истлел в прах! Я выловил его адептов задолго до рождения плода, он был полностью под моим контролем!

— Но люди, Алексис! Люди! Ты умыл город в крови ради своей мести! — дрожащим

голосом выкрикнул старик, закрывая шкатулку.

— Я — некромант, Раус! — Мужчина сделал шаг вперед, направив свой горящий взгляд в испуганное лицо своего бывшего ученика. — Нельзя заигрывать со смертью, глупый мальчишка, никто не смеет играть со мной!

— Прости, учитель. — Старый маг не выдержал взгляда, поникнув головой и не смея больше смотреть на своего собеседника. — Но таковы условия, ты будешь жить, пока ты выполняешь их.

— Что ж. — Седоволосый закрыл глаза, чтобы совладать с бурей эмоций, охвативших его. — Мне нужно время, и я принимаю ваши условия. К тому же...

Он оглянулся через плечо.

— Я уже сделал все, что хотел.

— Я передам, учитель. — Креб Раус вновь склонился в поклоне и, более не испытывая судьбу, скрылся за перекрестком дорог, удаляясь прочь быстрым и нервным шагом.

— Странные времена настают, Алекс, не находишь? — Из придорожных кустов, прихрамывая, выбралась древняя как смерть старуха-нищенка, с подернутым белесым бельмом одним глазом, вертя на пальце довольно дорого выглядящий серебряный перстенок. — Вижу, неспроста Аникей тебе приветы шлет с того света.

— Тебя мне еще не хватало. — Седоволосый сплюнул на землю при виде старухи. — Вечно ты суешь свой нос, куда тебе не следует, Галчонок, смотри, как бы я тебя с собой на пару не утащил.

— Ну-ну. — Старуха прокаркала сухим, лающим смехом, закашлявшись в конце.

Повисла пауза, седоволосый со старухой старательно делали вид, что смотрят куда-то вдаль на дорогу.

— Гальверхейм, — через какое-то время произнес мужчина несколько смущенно.

— Алекс? — Старуха смерила его внимательным взглядом.

— Присмотри за мальчиком. — Он слегка запнулся, обдумывая свои слова. — Ему будет нелегко, но он должен справиться. Проследи, чтобы он остался цел, пока я завершу свои дела и буду готов прийти за ним.

— Хорошо, Алекс. — Старуха кивнула ему. — Он переживет все, что будет уготовано ему судьбой, как бы тяжело это ни было.